

Что нам делать с негром. Линкольн, белый расизм и гражданская война в Америке

Пол Д. Эскотт

*"What Shall We Do
with the Negro?"*

**LINCOLN, WHITE RACISM,
AND CIVIL WAR AMERICA**

Paul D. Escott

- ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ С НЕГРОМ? - спросил Я.

Линкольн, белый расизм и гражданская война в Америке

ПОЛ Д. ЭСКОТТ

УНИВЕРСИТЕТ ВИРДЖИНИИ Пресса

ШАРЛОТТСВИЛЛ И ЛОНДОН

Содержание

Благодарность

Введение

ПРОЛОГ

Первые заявления

Часть Первая

Развитие Северных территорий

ОДИН

Вопрос стоит перед Севером

Испытательный полигон
ДВУХ
войн

ТРЕТЬЯ

Амнистия, Ученичество и будущее Вольноотпущенников

ЧЕТВЕРТОЕ

Политика, Эмансипация и права чернокожих

Часть Вторая

События на Юге

ПЯТЬ

Рабство, война и разум рабовладельца

ШЕСТЬ

Ересь, догма и дебаты Конфедерации

Часть Третья

Слияние

СЕДЬМАЯ

Конференция на Хэмптон-Роудс

ВОСЕМЬ

1865 года и далее

ПРИЛОЖЕНИЕ

Краткое дополнительное примечание по обширной историографии

Примечания

Библиография

Указатель

Галерея иллюстраций следует за страницей 142.

БЛАГОДАРНОСТЬ

ЗАВЕРШИВ большой проект, человек чувствует удовлетворение и благодарность к тем, кто помог ему достичь этой точки. На протяжении всей моей карьеры мне посчастливилось получать огромную помощь и ободрение от Роберта Дердена, Рэймонда Гэвинса, Джеффри Кроу и Эмори Томаса. При доработке этой книги мне очень помогли комментарии и советы Рэя Гэвинса, Джеффа Кроу, Билла Фрилинга, Мишель Гиллеспи и моего редактора Дика Холуэя. Я благодарю этих людей за их бесценную помощь и дружбу. Кроме того, Джон Дэвид Смит и анонимный читатель издательства University of Virginia Press предоставили чрезвычайно полезные комментарии и предложения. Я благодарю Симону Карон, заведующую моим отделом, за ее постоянную поддержку и двух студенток, Кэтрин Пауэлл и Эми Мюллер, за помощь в исследованиях. Ответственность за любые недостатки этого текста несу исключительно я.

Введение

ПОСЛЕ ТРАГИЧЕСКИХ последствий вторжения в Ирак американцы начали пересматривать основные предположения о внешней политике своей страны. Несколько десятилетий назад дипломат Джордж Ф. Кеннан предпринял ту же задачу и пришел к важным выводам. Кеннан выявил сохраняющееся нереалистичное направление мышления в американской дипломатии. На протяжении всей истории Соединенных Штатов как мировой державы, писал он, американцев привлекали "профессии с высокими моральными и правовыми принципами" как основа дипломатической практики США. Кеннан отметил несколько негативных последствий такого отношения, среди которых тенденция ощущать "моральное превосходство" над другими нациями и тот факт, что эти черты "определенным образом искажают общественное понимание международных реалий".¹ Характеристики, о которых Кеннан сожалел в foreign affairs, также искажают популярное понимание внутренней истории нашей страны. Они злоупотребляют осознанным пониманием нашего прошлого.

Идеалистический и праздничный характер отношения американцев к истории Соединенных Штатов имеет глубокие корни. Пуританские поселенцы посвятили себя задаче создания образцового сообщества — "города на холме". Многие последующие группы разделяли их

идеализм в отношении этой страны и ощущение, как выразился Вудро Вильсон, что открытие Колумба дало человечеству “возможность основать новую цивилизацию”. Соединенные Штаты, заявил Вильсон в 1912 году, когда он баллотировался на пост президента, должны были стать “новым человеческим экспериментом ... новым началом цивилизации ... Конечно, жизнью в старых центрах жизни, но очищенной от скверны”. По мнению Уилсона, Отцы-основатели стремились “принести свободу человечеству”, создать на “освященной земле” новое правительство, которое стало бы “маяком ободрения для всех наций мира”.² Уилсон считал себя *реформатором*, несмотря на то, что он распространил сегрегацию на федеральную бюрократию. Тем не менее, хотя он был склонен исправлять экономические ошибки, он использовал историю, чтобы доказать, что Соединенные Штаты отличаются от других обществ и *лучше их*. Поколения политических кандидатов и должностных лиц повторяли патриотическую риторику об американской исключительности, которая приобрела дополнительную силу благодаря растущей экономической и военной мощи страны и приезду миллионов подающих надежды иммигрантов. Давным-давно возвышенные патриотические образы, а не реалистичная и основанная на фактах оценка, отражающая осознание недостатков и трудностей общества, стали стандартом в популярной культуре для обсуждения истории США. В публичных рассуждениях о своей истории американцы склонны подчеркивать только успехи нации, скрывая неизбежные человеческие неудачи или разочарования за образами величия.

Эта закономерность глубоко повлияла на общественное понимание эпохи Гражданской войны. Междоусобный конфликт, унесший жизни 625 000 человек, должен стать неоспоримым доказательством того, что не все прошло хорошо, что история США не является непрерывным рекордом успеха. Возможно, сама кровавая бойня той эпохи побудила многих искать утешительные аргументы, а не реалистичные оценки. В любом случае, вдохновляющие мифы и идеалистические темы прогресса доминируют в популярных размышлениях о том, что, несомненно, было эпохой повсеместных разрушений, трагедий и нерешенных проблем. Стороннего наблюдателя можно было бы извинить за вывод о том, что годы, когда американская политическая система рухнула и граждане массово убивали друг друга, на самом деле были временем беспримесного прогресса. Ибо во многих утешительных и радужных интерпретациях американцы обнаружили лидера вневременного величия, устранили бич человеческого рабства, двинулись к равенству для всех, обуздали государственный партикуляризм, чтобы создать более сильную нацию, и усовершенствовали Конституцию для будущих поколений. В условиях кризиса граждане справились с вызовом и быстро заложили фундамент для более светлой судьбы.

Профессиональные историки, конечно, подготовили гораздо более подробный, точный, основанный на фактах, а иногда и отрезвляющий отчет о Гражданской войне, чем тот, который преобладает в массовой культуре. Но ученые тоже часто подчеркивают положительное и преуменьшают отрицательное. Это, по-видимому, особенно верно в современных трактовках Авраама Линкольна и расовых проблем. Линкольн - мифическая фигура в американской культуре. Его красноречивая проза на протяжении последующих десятилетий трогала сердца и умы глубже, чем при его жизни. Историки неизменно оценивают его как одного из величайших, если несамого выдающегося руководителя. Если некоторые из его позиций разочаровывают современных читателей, исследования обычно компенсируют это, подчеркивая изменения и рост его взглядов. Такое отношение позволяет читателям думать, что, будь Линкольн жив, он стал бы придерживаться взглядов, которыми все они могли бы гордиться. Не случайно, что

позитивное изображение Линкольна способствует позитивным выводам о вопросах расы, самой серьезной и долговременной из всех социальных проблем страны. Научные исследования, как правило, уделяют больше внимания военному времени, прецедентам более позднего прогресса, чем ограничениям и неудачам противостояния той эпохи расовым предрассудкам.³

В этой книге представлен откровенный подход к борьбе правительств Севера и Юга, охваченных гражданской войной, с расовым вопросом. Моя цель - не отрицать, что Гражданская война принесла что-то хорошее, или атаковать репутацию Авраама Линкольна, а скорее представить неискаженный, точный анализ политики Гражданской войны и мыслей, связанных с будущим расовых отношений и будущим статусом афроамериканцев. Чтобы затронуть эту тему, я рассматриваю события как в Союзе, так и в Конфедерации. Хотя эта книга охватывает события военного периода, моя цель - осветить взгляды и политику, влияющие на будущий статус освобожденных людей, а не сосредотачиваться на решении об освобождении. Как мы увидим, по этим вопросам поводов для радости меньше, чем по более узкой, но все еще неоднозначной и сложной теме эмансипации.

Стремясь рассказать более реалистичную и менее праздничную историю, я описываю разделенное и расистское общество, обе части которого прошли противоречивый и сложный путь, прежде чем смогли противостоять эмансипации и, наконец, неохотно задуматься о будущем статусе афроамериканцев. На этом пути белые северяне и южане отдавали приоритет многим другим вопросам, а не решению будущего чернокожих. Отход от почитания государственной власти и прав штата был ограниченным и нерешительным. Чаще всего проводниками перемен во время войны были события, а не мудрые и дальновидные лидеры. Многие результаты, которые сегодня считаются положительными, были в значительной степени нежелательными и непрошеными, и прогресс, который действительно произошел, почти не затронул общественный расизм, который будет преследовать последующие поколения. В расовых вопросах Гражданская война предвещала будущее сегрегации и расовой эксплуатации, а не равенства, будущее, которое вскоре стало реальностью. Только признав эту сложность, мы можем достичь реалистичного понимания одного из самых значительных периодов в истории Соединенных Штатов и его расовых проблем.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ТОГО, ЧТО СОБЫТИЯ вынудили к переменам и определили политику, можно найти, приведя лишь один пример, во Второй инаугурационной речи Авраама Линкольна. Его слова отражают бурю того периода для тех, кто его пережил. После почти четырех лет войны Линкольн размышлял о причине самого смертоносного конфликта в истории США. Рабы, по его словам, “представляли особый и мощный интерес”. Этот интерес “каким-то образом стал причиной войны”. Примечательно, что Линкольн использовал определение “каким-то образом”. Несмотря на то, что он сыграл важную роль в событиях, приведших к войне, Линкольн не утверждал, что точно знает, как интерес к рабству был связан с обширными и примечательными событиями, которые быстро последовали после его первой инаугурации.

В то время, четырьмя годами ранее, его тщательно подобранные слова при вступлении в должность были посвящены “спасению Союза без войны”. Он и его партия последовательно “заявляли, что не имеют права делать ничего, кроме ограничения территориальной экспансии” рабства. Но те, кого он назвал “повстанцами”, стремились “укрепить, увековечить и распространить” интересы рабства, и они решили “разорвать Союз” для достижения своей

цели. “Обе партии, - считал Линкольн, - осуждали войну; но одна из них скорее *начала* войну, чем позволила нации выжить; а другая скорее *приняла* войну, чем позволила ей погибнуть”. Как следствие, произошли поразительные вещи. Ни одна из сторон не ожидала “масштабов или продолжительности” своей разрушительной войны, и ни одна из них не предполагала, что рабство “может прекратиться с прекращением самого конфликта или даже раньше”. Признавая свое удивление, Линкольн затем предположил, что Бог, возможно, уравнивает моральные счета нации, и подтвердил, что “у Всемогущего есть свои собственные цели”. В конце своего краткого выступления Линкольн говорил о “беззлобии ни к кому” и “милосердии ко всем”. Он призвал своих слушателей помочь “перевязать раны нации” и позаботиться о солдатах, их вдовах и сиротах, а также выразил свое искреннее желание “справедливого и прочного мира между нами”. Его отношение к “повстанцам”, с которыми он хотел заключить мир, также было обозначено его предостережением: “Не будем судить, чтобы нас не судили”.⁴

Если мы отбросим лоск массовой культуры к Гражданской войне и поверим словам Линкольна, мы начнем сталкиваться с реалиями той эпохи, а не с мифами, созданными о ней нашим обществом. Линкольн ясно заявил, что он не намеревался уничтожить рабство и не заявлял о своем праве делать это; он хотел только ограничить его “расширение”. Его целью было спасти Союз без войны. Эмансипация была одним из непредвиденных и поразительных результатов войны. Он по-прежнему страстно желал восстановить не только авторитет национального правительства, но и мир и добрую волю, отмеченные милосердием и отсутствием злобы, с “повстанцами”. И хотя Линкольн обсуждал конец рабства в контексте непознаваемой воли Бога, он ничего не сказал ни в целом, ни в деталях о будущем статусе бывших рабов. Милосердие, надо полагать, должно быть распространено на них так же, как и на других, новосоставление мира и союза с теми, кто развязал войну, явно было для него важнее, чем повышение статуса вольноотпущенников.

Как мы увидим, Линкольн твердо и последовательно придерживался этих взглядов на протяжении всей войны. Они указывают на набор приоритетов, отличных от тех, которые популярная культура обычно связывает с Великим Освободителем, и они предполагают важность восстановления контуров ментального мира, в котором он действовал. Линкольн не только не стремился нападать на рабство там, где оно существовало, но и был готов навсегда гарантировать его неприкосновенность от вмешательства федерального правительства. Сомневаясь в силе сепаратистов, он ожидал возрождения профсоюзных настроений на Юге.⁵ Даже после нескольких лет войны он почему-то продолжал верить, что возрождение лояльных настроений и лоялистских правительств на Юге не будет слишком сложным. Восстановление Союза и восстановление мира и вежливости между белыми гражданами Севера и Юга всегда было для него приоритетом, в то время как эмансипация была непреднамеренным следствием войны. Хотя к 1865 году Линкольн был полон решимости в конечном итоге принести свободу рабам, мы увидим, что его ожидания относительно улучшения их положения были скромными и что будущий статус чернокожих американцев только начинал появляться в повестке дня его самого и страны в целом. Неконтролируемые силы великой войны нанесли удар президенту Линкольну и направили его политику в направлении, которого он не ожидал.

На Юге перемены, вызванные войной, были даже больше, чем на Севере. Если бы Джефферсон Дэвис был склонен к публичным размышлениям, он мог бы описать политический путь военного времени, который был еще более поразительным, чем путь Линкольна. Ибо к началу 1865 года Дэвис, сам крупный рабовладелец и лидер аристократической республики рабовладельцев,

отстаивал в пользу Конфедерации непопулярную политику вооружения и освобождения рабов. И это было лишь последнее и самое шокирующее из драматических и неожиданных нововведений его администрации. Война принесла лавину перемен на Юг, и Джефферсон Дэвис приспособился к ней и ускорил ее во многих областях.

Четырьмя годами ранее, во время своей инаугурации, президент Дэвис надеялся и предвидел создание Конфедеративной нации, опирающейся на традиции, а не на перемены. Наряду с другими белыми южанами, он ожидал, что она будет характеризоваться ограниченным правительством, правами штата, уважением прав и интересов рабовладельцев и фундаментальным консенсусом по социальным вопросам. Вместо этого Конфедерация стала свидетелем быстрого роста большого и могущественного центрального правительства, ожесточенных споров по поводу прав штата и национальной власти, законов, которые беспрецедентными способами принуждали и регулировали отдельных людей, и глубокого социального конфликта как между классами, так и внутри элиты.⁶ Для ведения войны правительство Конфедерации также предприняло действия, которые препятствовали распространению рабства и наносили ущерб интересам рабовладельцев. Неуклонно правительство Ричмонда требовало усиления контроля над рабами, чтобы служить нуждам нации, пока не пришло к своему последнему и революционному предложению: вооружению и освобождению рабов.

Огромная ирония кроется в этом предложении, которое шло вразрез с традициями и чаяниями белого Юга. Предлагая эмансипацию, Джефферсон Дэвис пошел на политический риск, который был больше, чем любой Авраам Линкольн, и выдержал бурю неодобрения, которая была более яростной, чем любая, с которой Линкольн сталкивался на Севере. Дэвис также выступил более прямо и более конкретно изложил расистский ответ на вопрос о том, каким будет будущий статус освобожденных людей. Предложения Конфедерации и реакция на них Юга проливают дополнительный свет на силу расизма в стране и моральные проблемы, с которыми неохотно сталкивались обе части населения.⁷

В этой книге мы рассмотрим, не полагаясь на лестные мифы, эволюцию политики военного времени и расового мышления как на Севере, так и на Юге. Действия — и бездействие — лидеров Профсоюзов и Конфедерации определили будущее американского общества. Их политика и реакция их граждан часто будут казаться гораздо более двусмысленными и гораздо менее прогрессивными, чем принято думать, что создает более реалистичную и менее праздничную историю — ту, которая трагически согласуется с более поздним повествованием Джима Кроу о сегрегации. Но эта история важна. Она проливает свет на ответ, который американцы эпохи Гражданской войны давали на часто задаваемый вопрос: “Что нам делать с неграми?”⁸ Этот вопрос стал неизбежным во время войны. Но это был глубоко ошибочный вопрос, отражающий в его формулировке предположения о том, что афроамериканцы были объектами, а не равными; что они принципиально отличались друг от друга и находились вне сообщества; и что белые люди имели право решать свое будущее. Это предвосхитило более поздние жалобы белых на “негритянскую проблему”. И некорректный вопрос, и некорректные ответы, которые были даны на него, помогают нашему пониманию проблемных социальных отношений, которые привели к эпохе сегрегации и Джиму Кроу.

- ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ С НЕГРОМ? - спросил Я.

ПРОЛОГ

ПЕРВЫЕ ЗАЯВЛЕНИЯ

Из-за чего началась Гражданская война?

Этот простой вопрос вызвал нескончаемые дебаты в американской культуре. Поскольку на войне погибло так много солдат, поскольку война оставила глубокие шрамы на политическом теле и поскольку человеческое поведение по своей сути сложно, неудивительно, что люди страстно спорят об ответах даже сегодня. Однако помимо этих причин, кроется чрезвычайно усложняющий факт: институт рабства — величайшее гражданское преступление Америки — лежал в основе конфликта. Авраам Линкольн отразил в своей Второй инаугурационной речи, что интерес к рабству “каким-то образом стал причиной войны”.¹ Миллионы американцев согласились с его уверенным, но неточным суждением.

Центральное место “особого института” сделало Гражданскую войну вечно противоречивой. Ибо если кровопролитие было связано с рабством, то приговор истории и морали был вынесен против тех, кто защищал человеческое рабство и чтит тех, кто освободил рабов. Таким образом, война продолжала порождать победителей и проигравших еще долгое время. Как только вооруженный конфликт закончился, началась словесная битва, поскольку каждая секция пыталась убедить общественность в том, что ее версия этой общей и кровавой истории верна. Южане отвергали отождествление своего дела с рабством, настаивая на том, что они боролись за права штата и конституционную свободу. Северяне приписывали себе заслугу эмансипации, представляя себя сторонниками свободы и равенства людей. Оба чрезмерно упрощены, и оба внесли свой вклад в праздничное повествование, глубоко укоренившееся в популярной культуре, которое исказило правду, преуменьшило недостатки обеих сторон и преувеличило прогресс, достигнутый в результате войны.

Ибо вскоре Гражданская война коснулась не только давно устоявшегося института рабства. С окончанием рабства встанет вопрос о будущем статусе вольноотпущенников. Учет этого вопроса переопределяет спор о заслугах и вине и указывает на другие выводы. Сосредоточение внимания на том, как американцы относились к будущему рабов, дает более мрачную, разочаровывающую и запутанную картину, чем триумфальное национальное повествование о разрыве цепей рабов. Эта другая картина, хотя и менее лестная и менее вдохновляющая, более точна и более полезна для понимания истории нашей страны. Это раскрывает масштабы глубоко укоренившихся проблем и расширяет основу для понимания долгой истории расовых проблем американского общества после эмансипации. Неприкрашенный отчет более значим и информативен, чем миф.

В эпоху Гражданской войны как белые северяне, так и южане были порождениями своего времени и общества, подверженными ошибкам людьми, которые боролись с глубокими вопросами, поднятыми войной о рабстве и расе. Каким будет будущее рабства? Если рабству придет конец, каким будет будущий статус рабов? Что с ними станет? Как выражались многие современники, “Что нам делать с неграми?” Ответы северян и южан на этот расово предвзятый вопрос были даны неохотно и несовершенно под давлением войны. Когда начались боевые действия, обе стороны согласились на сохранение рабства. Что касается возможных изменений в будущем, то в одном разделе был дан определенный ответ, в то время как другой уклонился от ответа или отклонил его.

ВО ВРЕМЯ СЕПАРАТИСТСКОГО КРИЗИСА, когда годы ожесточенных споров привели к решительным действиям, лидеры Юга дали четкий ответ на вопрос: “Что нам делать с неграми?” Эти белые люди, преимущественно рабовладельцы, считали, что это их право решать будущее чернокожих южан. Рабство было центральным фактором в принятии решения об отделении, и они не побоялись признать этот факт. Без колебаний они заявили о своей решимости сохранить рабство, и по мере того, как они пересматривали историю, они приводили множество жалоб, которые имели отношение к проблеме рабства. Хотя южане позже отрицали это, их лидеры во время кризиса отделения недвусмысленно заявили, что они хотели сделать с афроамериканцами: они хотели держать их в рабстве.

Южная Каролина отделилась первой, 20 декабря 1860 года. Следуя примеру революционных патриотов, его съезд сослался на уважение к мировому мнению в качестве причины для публикации декларации о причинах, оправдывающих отделение. В этом документе подчеркивалась конституционная история Соединенных Штатов и утверждалось, что Северные штаты нарушили “соглашение”, отказавшись выполнять свои обязательства по “выдаче ... беглых преступников”, возвращению беглых рабов. Причина этого отказа подчиняться Конституции была ясна: “растущая враждебность со стороны не рабовладельческих государств к институту рабства”. Поразительно, но в некоторых северных штатах “получили гражданство лица, которые по высшему закону страны не способны стать гражданами”, а политическая партия, “враждебная рабству”, теперь контролировала федеральное правительство. Поскольку лидеры этой Республиканской партии якобы объявили, “что война должна вестись против рабства до тех пор, пока оно не прекратится на всей территории Соединенных Штатов”, Южная Каролина пришла к выводу, что у нее и других “рабовладельческих штатов больше не будет возможности самоуправления или самозащиты”. Таким образом, отделение было необходимо для сохранения рабства и рабовладельческого общества.²

Другие южные штаты были еще более прямолинейны в объяснении своих действий. Лидеры Миссисипи, заметив, что “всего лишь справедливо” приводить доводы в пользу такого “важного шага”, как отделение, немедленно заявили: “Наша позиция полностью отождествляется с институтом рабства — величайшим материальным интересом мира”. Утверждая, что “никто, кроме черной расы, не может вынести воздействия тропического солнца”, они писали, что “удар по рабству - это удар по торговле и цивилизации”. Вместо того чтобы подчиниться “мандатам на отмену”, жители Миссисипи предпочли покинуть Союз.³

Аналогичным образом сторонники отделения Джорджии оправдывали отделение: “За последние десять лет у нас были многочисленные и серьезные причины для жалоб на наши конфедеративные штаты, не являющиеся рабовладельческими, в связи с темой африканского рабства”. Свободные штаты, обвинили они, ослабляли “нашу безопасность” и пытались “нарушить наш внутренний мир”. Теперь их голоса избрали президентом кандидата от Республиканской партии, которая была “антирабовладельческой по своей миссии и своим целям”. Проанализировав политические события и прогресс сил, выступающих против рабства, лидеры Джорджии пришли к выводу, что они должны отделиться, “чтобы избежать опустошения наших домов, наших алтарей и наших очагов”.⁴

Политики Техаса отметили, что их штат вступил в Союз “как содружество, поддерживающее и защищающее институт, известный как негритянское рабство — подневольное положение африканца по отношению к белой расе в ее пределах — отношение, которое существовало с

момента первого заселения ее дикой местности белой расой, и которое, по замыслу ее народа, должно существовать во все будущие времена". К сожалению, утверждали они, Конгресс, контролирующий большинство, исключил южан с территории на Тихом океане с "общепризнанной целью" получения власти, которая будет использоваться как средство "разрушения институтов Техаса и родственных ему рабовладельческих штатов".

Рассмотрев другие жалобы, включая нарушения положения о беглых рабах и неспособность защитить поселенцев в Техасе от индейских племен, техасцы оправдали отделение звонкой декларацией о порабощении: "Мы считаем неоспоримыми истинами то, что правительства различных штатов и самой конфедерации были созданы исключительно белой расой для себя и своего потомства; что африканская раса не имела никакого влияния на их создание; что они по праву считались низшей и зависимой расой, и только в таких условиях их существование в этой стране могло быть выгодным или отрицательным". терпимо... что рабство африканской расы, существующее в этих государствах, взаимовыгодно как для рабов, так и для свободных, и в полной мере разрешено и оправдано опытом человечества и открытой волей Всемогущего Создателя".⁵

Действия других штатов Глубокого Юга, возглавлявших движение за отделение, были в том же духе. Выступая на съезде по отделению Алабамы, Э. С. Дарган объяснил свой страх "отменой африканского рабства". По его словам, "невозможно" вывезти четыре миллиона рабов с Юга. Но если бы рабству был положен конец, "и наши рабы свободно разгуливали среди нас без ограничений, они были бы либо уничтожены нашими собственными руками ..., либо мы сами стали бы деморализованными и деградировавшими". Из этих двух возможностей, по мнению Даргана, имела место первая, которая, таким образом, подталкивала рабовладельцев "к преступлению, к совершению греха". Он сказал, что, чтобы избежать такого исхода, он проголосовал бы за отделение.⁶ Быстро сформировалось большинство в конвенте, и в постановлении об отделении Алабамы было объявлено, что "избрание Авраама Линкольна ... секционной партией, откровенно враждебной внутренним институтам и миру и безопасности народа Алабамы" было "настолько оскорбительным и угрожающим" по своему характеру, что оправдывало отделение.⁷

Если только отделение не накинет защитную мантию на рабство, лидеры штатов Глубокого Юга предвидели расовый катаклизм в не слишком отдаленном будущем. Чтобы убедиться, что остальные рабовладельческие штаты полностью осознали опасность, они направили представителей в другие конвенции и законодательные органы, чтобы призвать к незамедлительным действиям. Алабама отправила Стивена Фаулера Хейла, фермера-рабовладельца, юриста и законодателя, в Кентукки с инструкциями поделиться с Мятликовым штатом Алабама взглядами на необходимость отделения. Избрание Линкольна, утверждал Хейл, было "не чем иным, как открытым объявлением войны" рабству и Югу. Это положило бы начало "всем ужасам восстания рабов в Сан-Доминго, обрекая ее граждан на убийства, а жен и дочерей - на осквернение и надругательство ради удовлетворения похоти полуцивилизованных африканцев". Обращаясь, в частности, к белым, не являющимся рабовладельцами, Хейл заявил, что ни один южанин не смирится с "торжеством равенства негров" или с потерей "того права на превосходство над черной расой, которым наградил его сам Бог". Следовательно, "слияние или истребление" одной расы другой "было бы неизбежно". Хейл призвал жителей Кентукки выбрать "самосохранение", чтобы "наша цивилизация" не "потонула в крови".⁸

Дж. Л. М. Карри, конгрессмен и уполномоченный от Алабамы в Мэриленде, разделял эти жестокие предчувствия. В ноябре 1860 года он предупредил о “кровавых сатурналиях”, если Юг смирится с республиканским правлением. Опасаясь “отвратительной деградации социального и политического равенства”, он предсказал, что южанам придется выбирать между “бегством из страны” и “войной на истребление между расами”.⁹ К Карри присоединились коллеги из Алабамы, которые предупредили о надвигающейся расовой войне. В Северной Каролине комиссары из Алабамы Ишем У. Гарротт и Роберт Харди Смит заявили, что Югу придется отказаться от рабства или “быть обреченным на рабскую войну”. Другой комиссар из Алабамы, Уильям Купер, отправился в Миссури и предсказал, что “придет время, когда сцены Сан-Доминго и Хейти со всеми сопутствующими им ужасами будут разыграны в рабовладельческих штатах”.¹⁰

Еще более апокалиптическим был Генри Л. Беннинг, избранный съездом об отделении Джорджии для передачи послания этого штата жизненно важному Содружеству Вирджинии. Крупный плантатор и самый молодой человек в истории, работавший в Верховном суде Джорджии, Беннинг предупредил, что “несомненно”, что рабство будет отменено, “если оставить все как есть”. Тогда война “вспыхнула бы повсюду, как скрытый огонь на земле”. Армия с Севера обрушилась бы на Юг, чтобы помочь рабам восстать против своих хозяев. Предсказание Беннинга о результатах было ужасным. “Мы будем побеждены”, - сказал он, когда белые женщины будут страдать от “ужасов ... которые мы не можем представить в воображении”, а белые мужчины “будут вынуждены скитаться, как бродяги, по всей земле”. После того, как белые южане будут “полностью истреблены”, богатые южные земли, оставшиеся во владении черных, “вернутся в дикую природу”.¹¹ Аналогичным образом Александр Х. Хэнди, комиссар от Миссисипи до Мэриленда, поднял угрозу проникновения республиканских агентов на Юг, чтобы “подстрекнуть раба перерезать горло своему хозяину”.¹²

Какими бы паническими ни казались эти прогнозы, многие белые южане ощущали эти страхи “до мозга костей”, как объяснил Чарльз Дью. Они представляли себе расовую войну и “кровавые сатурналии”, потому что в 1860 году они не могли представить себе никакой альтернативы рабству и абсолютному превосходству белых. “Наши отцы создали это правительство для белого человека”, - заявил Уильям Харрис генеральной ассамблее Джорджии. Белые должны были доминировать, потому что афроамериканцы были “невежественной, низшей, варварской расой, неспособной к самоуправлению”. Поскольку ни один чернокожий человек никогда не мог иметь “права быть связанным с белым человеком на условиях гражданского, политического или социального равенства”, рабство и расовое подчинение были необходимы для южного общества. Любое отклонение от расового статус-кво неприемлемо и, следовательно, привело бы к насилию и разрухе.¹³

Конечно, у некоторых белых южан события национальной политики не вызывали такого сильного страха, и избиратели-южане не были единодушны в поддержке отделения. Даже среди убежденных рабовладельцев были те, кто считал, что лучший способ защитить рабство - это остаться в Союзе.¹⁴ Нежелание отделяться было самым сильным на Верхнем Юге, где штаты Вирджиния, Северная Каролина, Теннесси и Арканзас отказывались разрывать свои связи с федеральным правительством, пока начало войны не вынудило их выбрать сторону. До начала боевых действий жители Северной Каролины проголосовали против проведения съезда даже для рассмотрения вопроса об отделении, но после Форта Самтер рабство и региональная идентичность объединились, чтобы вывести эти штаты из состава Союза. Как выразился один

дегтярник, “Война существует. В этой чрезвычайной ситуации Северная Каролина должна и разорвет свои связи с федеральным правительством”.¹⁵

Даже в сопротивляющихся этому Верхних южных штатах многие лидеры открыто заявляли о важности сохранения и увековечения рабства. Например, губернатор Северной Каролины Джон У. Эллис решительно выступал за отделение и считал защиту рабства первостепенной. Когда Эллис принял кандидатуру Демократической партии на пост главы своего штата в марте 1860 года, он утверждал, что спор по поводу территорий не был реальной национальной проблемой. Вопрос, заявил он, заключался в том, “будет ли отменено африканское рабство здесь, в Штатах, где оно сейчас существует”. Эллис призвал свою партию не поддаваться “обману”: “Отмена рабства здесь, у нас дома, является замыслом наших противников. Это связь, которая цементирует все элементы, выступающие против рабства, в одну прочную колонну против нас”.¹⁶

Помимо этих опасений за безопасность рабства, были и другие обиды, убеждения и принципиальные эмоции. Разногласия между Севером и Югом по поводу полномочий центрального правительства уходили своими корнями в Раннюю Республику. В кабинете президента Джорджа Вашингтона Томас Джефферсон и Александр Гамильтон поспорили по поводу сферы действия “необходимого и надлежащий” пункта Конституции. Предпочтение Джефферсона небольшому правительству с ограниченными полномочиями не возобладало в этом аргументе, но позже оно набрало силу и вдохновило других политических мыслителей, сначала в резолюциях по Кентукки и Вирджинии, а позже в трудах редакторов различных южных газет и должностных лиц. К 1820-м годам Джон К. Кэлхун начал свое восхождение как теоретик прав штатов и компактной теории правления, которая ставила интересы Юга и правительства штатов превыше всего и воздвигала барьеры против центральной власти.

Хотя эти конституционные принципы и теории первоначально были сосредоточены на дебатах о национальном банке, а позже были применены к федеральному тарифу, они также служили защите рабства. Сам Кэлхун в частном порядке признал в 1830 году, что рассматривал “Тариф, но скорее как повод, чем реальную причину нынешнего плачевного положения вещей”. “Правду больше нельзя скрывать, - писал он, - что интересы “большинства Союза” представляли угрозу “своеобразным внутренним институтам Южных Штатов”. Соответственно, лидерам Юга приходилось искать “защитную силу в зарезервированных правах штатов”.¹⁷ К 1840-м годам Кэлхун с удвоенной креативностью применял свои теории к территориальному конфликту. Когда Дэвид Уилмот предложил запретить рабство на любой земле, отвоєванной у Мексики, Кэлхун изобрел новую теорию, согласно которой рабство не может быть запрещено на *какой-либо* территории до того, как этот регион станет штатом. Его аргумент игнорировал ключевые прецеденты, такие как Северо-Западный указ и Миссурийский компромисс, в которых южане согласились запретить рабство на значительной части территории. Но в накаленной атмосфере конца 1840-1850-х годов он заручился поддержкой южных политиков.

Во время споров по поводу принятия Калифорнии и законопроекта о Канзасе и Небраске политики Юга энергично боролись за то, что они считали своими правами на территориях. Затем, в 1857 году, Верховный суд санкционировал как теорию Кэлхуна, так и доктрины превосходства белых. В решении по делу Дреда Скотта главный судья Роджер Б. Тейни написал, что чернокожие люди не могли быть гражданами и рассматривались Основателями как “существа низшего порядка”, “не имеющие прав, которые белый человек обязан уважать”.

Конгресс, заявил Тейни, не мог запретить рабство на какой-либо территории, а компромисс в Миссури был неконституционным. Хотя это решение оставалось спорным на Севере, политики Юга считали, что вопрос был решен в их пользу. Сенатор Альберт Г. Браун от штата Миссисипи говорил от имени многих других, когда утверждал, что право рабства на распространение на территории теперь подтверждено и защищено. “Конституция в том виде, в каком она была изложена Верховным судом, присуждает это”, - заявил он. И добавил: “Мы требуем этого; мы намерены это получить”.¹⁸

Связанные с этим вопросы вызвали гнев и негодование среди прорабовладельческих южан, которые считали, что другие права, на которые они имели право по Конституции, не соблюдались. После того как Компромисс 1850 года привел к ужесточению закона о беглых рабах, законодательные органы Севера начали принимать “законы о личной свободе”. Они были разработаны для защиты таких прав, как суд присяжных для лиц, признанных беглыми рабами, но южные рабовладельцы, достаточно обоснованно, рассматривали их как направленные на нарушение национального законодательства. Растущая популярность Республиканской партии, главной целью которой было исключить рабство на территориях, в противовес решению судьи Тейни, казалось, была просто еще одним доказательством неверия населения Севера Конституции и правам белых южан. Дополнительные подстрекательства, такие как восхваление Джона Брауна некоторыми видными интеллектуалами Севера, усилили гнев, сопротивление и чувство обиды южан.

Вера южанина в то, что северяне не уважают свои права, усугубляла разочарование от борьбы против неуклонно растущего численного большинства населения Севера. “Культура чести”, процветавшая в южном обществе, и особенно в политической культуре Юга, делала лидеров и должностных лиц чрезвычайно чувствительными к своему статусу.¹⁹ Противостояние северян на этой арене чести было равносильно вызову мужественности и социальному положению южан. Такой вызов нельзя было игнорировать без потери самоуважения. Более того, широко распространенное среди американцев той эпохи ощущение, что они являются наследниками революционеров 1776 года, повысило ожидания от политического мужества и лидерства. Общественные деятели, будь то северяне или южане, стремились быть достойными потомками революционного поколения, поколения, которое отказалось подчиняться парламентским законам, которые оно считало разрушительными для свободы. Поэтому в 1860 году многие политики Юга считали, что они должны действовать, когда их права были под угрозой, чтобы быть “достойными” колонистов, которые действовали, когда Британия угрожала их свободе в 1770-х годах. Они и другие спрашивали, возможно ли смириться с победой Республиканской партии, не теряя чести, политического равенства и самоуважения.

Эти мощные эмоциональные воздействия сказывались почти на каждом обсуждении вопроса об отделении. В своем заявлении о причинах, оправдывающих отделение, южные штаты часто ссылались на унижение или неуважение, которые, по их мнению, им пришлось пережить. В документе Миссисипи утверждалось, что враждебность северян к рабству “растоптала ногами первоначальное равенство Юга”. Грузины протестовали против того, что северное большинство, нарушившее их права, требовало, “чтобы мы приняли их как наших правителей”. Техасцы перечислили длинный список ошибок, а затем настаивали на том, что “все белые люди имеют равные гражданские и политические права и по праву должны иметь их”. Они будут настаивать на равенстве, на которое имеют право. Уполномоченные, присланные отделившимися штатами, говорили о “равенстве прав” Юга, гарантированном Конституцией, и

протестовали против того, что в этом равенстве “нам на Юге было отказано”; что вероломство северян поставило под сомнение “интересы, честь и безопасность своих граждан”; что “подчинение” “деспотизму” было невозможно; что “промедление не по чести”; и что южане терпели “унижения и оскорбления до тех пор, пока они больше не стали терпимыми”. Даже ассоциация рабочих в Северной Каролине разразилась аплодисментами, когда оратор заявил, что южане больше не могут терпеть. Им, что “Союз угнетения или неравенства я ненавижу, как наши отцы ненавидели тиранию Англии в 1776 году”.²⁰ Такие эмоции помогли вывести южан из Союза, который они, по правде говоря, почитали.

Как только произошло отделение, лидеры Юга предприняли дополнительные шаги, которые связывали свою цель с сохранением рабства. Собравшись в Монтгомери, штат Алабама, они написали конституцию, которая недвусмысленно защищала собственность рабов, предусматривала гарантированное возвращение беглых рабов и решала территориальные вопросы, гарантируя, что на любой территории Конфедерации “институт рабства негров ... должен быть признан и защищен Конгрессом и правительством Территории”, при этом все жители имеют право приводить туда своих рабов.²¹ Однако именно вице-президент Конфедерации Александр Х. Стивенс наиболее явно и общеизвестно отождествлял новую южную нацию с рабством и превосходством белых. В Саванне, штат Джорджия, 21 марта 1861 года Стивенс выступил с речью, в которой хвастался: “Новая конституция *навсегда* сняла все волнующие вопросы, касающиеся нашего особого института — африканского рабства в том виде, в каком оно существует среди нас, — надлежащего *статуса* негров в нашей цивилизации. Это было непосредственной причиной недавнего разрыва и нынешней революции”. Джефферсон и другие Отцы-основатели, отметил он, ошибочно полагали, что рабство - это неправильно. “Наше новое правительство основано на прямо противоположной идее; его основы заложены, его краеугольный камень покоится на великой истине, что негр не равен белому человеку; что рабство - подчинение высшей расе — является его естественным и нормальным состоянием”.²²

Убеждения южан о судьбе афроамериканцев получили огромную поддержку, потому что они были частью аристократической социальной идеологии и религиозного видения общества. Лидеры Юга с гордостью считали себя аристократами, и их аристократические культурные ценности сосуществовали с политической системой, которая предоставляла белым всеобщее избирательное право мужского пола в большинстве Конфедеративных штатов. Но расширенное избирательное право не означало, что простой человек мог править или управлять. В некоторых южных штатах существовали имущественные цензы для занятия должности или схемы представительства, которые давали преимущество рабовладельческим округам. На всем Юге социальные нормы и политические обычаи благоприятствовали богатым и успешным мужчинам, которые были связаны с рабовладельческими интересами, в то время как идеология и религиозные верования поддерживали статус-кво. Элитные южане придерживались аристократического образа жизни и ценностей и считали свою социальную систему принципиально отличной от Северной. Они считали, что их социальная система выше.

Лидеры Юга утверждали, что безудержная демократия северных штатов была неестественным и нездоровым развитием событий, и они обвиняли ее в большей части конфликтов, которые в конечном итоге привели к войне. Северное общество было неустроенным и дезорганизованным; оно поощряло причудливые верования и нежелательные реформаторские движения. Аболиционизм, социализм, права женщин, французские теории социальных

реформ, известные как фурьеризм, и другие виды “измов” часто подвергались осуждению представителями Юга. “Фанатизм”, которого южане боялись и порицали, был, по их словам, неизбежным продуктом радикальной демократии — общества, в котором отсутствовали структура, порядок и уважение, и поэтому оно не могло быть стабильным или здравомыслящим. Даже в таком экономически скромном штате, как Северная Каролина, где было относительно немного крупных плантаций, элита боялась демократии или правления простых людей и верила в правление тех, кто обладает “умом, собственностью и добродетелью”. Создание Конфедерации предоставило возможность укрепить аристократическое и патриархальное влияние в обществе, тем самым обеспечив, чтобы правительство Юга основывалось на правильных принципах.²³

Поэтому конфедераты гордились тем, что их новое правительство было не “народным правительством”, а управляемым “умными и добродетельными”. Конфедерация, заявляла *Southern Literary Messenger*, находилась “в смертельной схватке с радикальной демократией” и нуждалась в “оплоте против посягательств тех тенденций к демократии, которые были ящиком Пандоры распада и гибели всех республик”.²⁴ Чтобы быть в безопасности, на Юге должно быть “патрицианское” общество, в отличие от “системы, пользующейся широкой популярностью”. Существовала опасность, даже внутри политической системы Юга, что демократия может приобрести чрезмерное влияние, и поэтому конфедератам приходилось стремиться сохранить “превосходство собственности и образования”. Южане должны предпочесть демократию “Аристократической республике”. Угроза “необузданной демократии” была чем-то таким, что могло сокрушить органичное, традиционное и консервативное государственное устройство, к которому стремилась элита Юга.²⁵

Эта элита рассматривала рабство как институт, который спасет Юг и послужит его оплотом против опасностей демократии. Писатели из *Southern Literary Messenger* видели, что рабство оказывает свое якобы благотворное влияние несколькими способами. Рабство предотвращало “слишком сильный приток с чужих берегов того класса населения, который занимался черной работой”; оно было основой социальной системы, обладавшей “достоинством и характером аристократии”; и оно придавало “однородность” и “общность интересов”. Рабство дало Югу естественно подчиненный и послушный класс прислуги и стало “краеугольным камнем нашей системы”. Соответственно, все были “заинтересованы в безопасности того института, который создает аристократию”. Один автор пришел к выводу, что “только консервативный институт рабства спас нас от столь же покорного отказа от наших свобод, как народы Севера”.²⁶

Будучи в высшей степени уверенными в том, что их основанная на рабстве аристократическая система была лучшей, некоторые влиятельные южане отождествляли свое общество и свою новую нацию с волей Бога. Редактор *Southern Literary Messenger* заявил, что правительства начинают основываться на Священных Писаниях, и выразил свое удовлетворение тем, что правительство Конфедерации будет “защищать религию” и поощрять нравственность. Он выразил уверенность, что исход войны “вне всякого сомнения, станет еще одним поразительным доказательством существования Провидения в истории”. Что касается сути Божьего влияния на исход, у него не было сомнений. “Какими бы грешными мы, несомненно, ни были, мы не можем быть настолько коррумпированными и отвратительными, как наши враги ... [или] заслуживаем порабощения от рук такой недостойной и безбожной расы, как янки”.²⁷ Веру этого редактора в то, что правительство Конфедерации было частью религиозного или

божественного плана, разделяли — и выражали с большим рвением и авторитетом — видные священнослужители Юга.

“Доктрина домашнего рабства и система труда, построенная на ней временем, в истинном смысле божественны”, - провозгласил преподобный Уильям Холл в лекции под названием “Историческое значение революции Юга”. Рабство, продолжил он, “является элементом неоценимой ценности в нашей политической системе. Это, естественно, передает всю государственную власть в руки тех, кто лучше всего умеет ею пользоваться”. Подобно южным политикам и редакторам, Холл отверг “догму” о равных правах как “фатальную ошибку”. Отдельные лица имели право только на те права, которые соответствовали их “характеру и положению”. Африканский раб, по его мнению, был “непригоден во всех отношениях” для какой-либо политической роли и поэтому имел “право” на то, чтобы им управляли “квалифицированные начальники”. На Юге существовала “библейская система домашнего рабства”, которая была не “угнетением” раба, а, напротив, “его надлежащей свободой”, потому что это была форма правления, “адаптированная к его природе и состоянию”. Таким образом, “революция Юга явно направлена на подтверждение слова Божьего, которое одобряет” институт рабства и “мудро сохранило его”.²⁸

Другой южный священник, преподобный Джозеф Р. Уилсон из Огаstry, штат Джорджия, опубликовал проповедь о рабстве по просьбе некоторых своих прихожан в 1861 году. “Несомненно, настало время, ” сказал Уилсон в ответ на их просьбу, “изучить библейский взгляд на рабство” и южанам “встретиться с безбожным фанатизмом наших безумных врагов на возвышенной почве божественного ордера на этот институт”. По мнению Уилсона, Бог predetermined “рабство как организующий элемент в том семейном порядке, который лежит в самой основе Церкви и государства”. Порядок и надлежащее подчинение были частью Божьего плана для человечества. “Ни одна семья не является совершенной по Евангелию, - писал он, - если в ней нет “всех степеней власти и послушания, от мужа и жены, через семью отца и сына до семьи господина и слуги”. Точно так же общество должно иметь различные уровни и различия. Фурьеризм и другие социальные эксперименты “нарушили” порядок, установленный Богом, и, таким образом, потерпели неудачу, потому что они нарушили “фундаментальный закон”. Рабство, санкционированное Библией, было защитником цивилизации. Это спасло “низшую расу” от язычества, в то же время послужив “очищению, возвышению и обогащению высшей расы”.²⁹

Одним из самых важных религиозных лидеров Юга был первый епископ Джорджии Стивен Эллиот, который стал председательствующим епископом своей церкви в Конфедерации. В начале войны Эллиот размышлял о том, почему Соединенные Штаты “выродились и стали коррумпированными всего за 70 лет”. Ответ, утверждал он, кроется в его “войне против любой власти” и “нечестивой” приверженности идее человеческого равенства. “Было объявлено, что все люди созданы равными, и человек был объявлен способным к самоуправлению”, но “нельзя было бы объявить о двух больших ложных фактах”, - прогремел Эллиот. Эти представления “отрицали грехопадение и растление человека” и игнорировали тот факт, что “подчинение безраздельно царит на Небесах, и оно должно безраздельно царствовать на земле”. Он утверждал, что человек “это падшее создание” и что идея человеческого равенства “является жалким *фатальным замыслом*, недостойным того, чтобы ему следовали, даже с целью разоблачения”. Должны быть судьи, губернаторы и другие “необходимые отличия в должным образом упорядоченном консервативном обществе”. К счастью для Юга, “доктрина

государственного суверенитета” и “институт рабства” сохранили ”определенную долю консерватизма”. Но он предостерег свою паству не успокаиваться на достигнутом и вместо этого “отвергать как неверную ... любую идею о том, что общество или правительство могут существовать без надлежащей классификации”.³⁰

Если проповедь Эллиота вызвала небольшое сомнение в том, что южане были полностью настроены на Божий план, то многие другие служители отбросили всякую озабоченность и полностью отождествили Конфедерацию с божественной волей Бога. Ведомые своими священнослужителями, южане с готовностью приняли точку зрения, что они - народ Божий, а Конфедерация - избранный инструмент его божественного плана. Например, в день поста и молитвы, назначенный Джефферсоном Дэвисом на 15 ноября 1861 года, пресвитерианский священник Томас В. Мур призвал своих слушателей обновить свою преданность Богу, принять наказание, которое принесла война, и положить конец любому греховному поведению, такому как “покупка самого необходимого для жизни”, чтобы получить “огромную прибыль”. Но он также решительно заверил, что “Бог поддержит наше дело!” Радуюсь тому, что армия Конфедерации проникнута “ощущением силы Божьей”, Мур заявил, что “народ, который сражается за свои алтари и свои очаги в страхе Божьем, никогда, ни за что не будет побежден”. Для Мура рабство тоже было источником силы, институтом, “этическая природа” которого не могла быть подвергнута сомнению, поскольку “Бог дважды признал его в Десятиисловии и посвятил целое послание инциденту, связанному с ним в Новом Завете, без намека на его незаконность”. Южане, верившие “в силу нашего Бога-завета”, участвовали в революции, не затронутой “неверием и радикализмом” Французской революции.³¹

Другой пресвитерианский священнослужитель, преподобный Томас Смит, подтвердил правоту дела Юга, а также Божью поддержку Конфедерации в пространной статье в *Southern Presbyterian Review*. Взяв за основу свое название “Подтвержденная война на Юге”, Смит утверждал, что война была полностью оправдана как мера самообороны, основанная на американских принципах свободы и противостоящая “фанатичному уничтожению”. Поскольку Север боролся против рабства, это было не только “предательское восстание” против Конституции, но и восстание “против слова, провидения и правления Божьего”. Смит заявил, что рабство было частью Божьего провиденциального плана и что “Бог решает проблему физического, социального, политического, промышленного и общемирового благотворного характера рабства”, и Конфедерация явно сыграла свою роль в этом плане. “Следовательно, в этой войне Юг на стороне Бога. С ним Его слово, и провидение, и всемогущее правительство”. В то время как Север сражался против Бога, конфедераты могли быть уверены, что Бог “защитит и избавит Свой народ, который непорочно следует Его уставам и заповедям”.³²

Подобно Смиуту, другие видные министры рассмотрели как моральные проблемы, так и политические противоречия, которые привели к отделению, и сочли действия Юга оправданными. Накануне войны известный Джеймс Генри Торнуэлл из Южной Каролины пересмотрел территориальный спор с Севером и положения Конституции о рабстве. Он пришел к выводу, что южане должны быть “поставлены в те же условия”, что и Северяне, в отношении рабства и что федеральное правительство “не должно иметь предпочтений в этом отношении относительно характера любых будущих штатов, которые будут присоединены к Союзу”. Он признал, что не все северяне были аболиционистами, но “общее, почти универсальное отношение северян - это враждебное отношение к рабству”. Проникнувшись к своей теме, Торнуэлл заявил, что при таком отношении Север, вероятно, сделает Юг “подчиненной

провинцией” и “очертит область рабства ... окружит ее кругом не рабовладельческих государств”. Такая ситуация привела бы к “искоренению рабства”, точно так же, как опоясывание дуба погубило бы самое сильное дерево. Юг, заключил он, был “приперт к стене”, и у него не было другого выбора, кроме как отделиться.³³

Другие оправдывали курс Юга библейскими, а также политическими аргументами. По мнению преподобного Дэниела Дреера из Конкорда, Северная Каролина, отделение Юга от Севера, подобно отделению Авраама от Лота, было “неизбежным” и необходимым. Мало того, что эти две части были разными и антагонистичными, так еще Север был виновен в начале междоусобицы. Его “кровожадные и распущенные” войска совершали “бессердечное варварство”, а действия Севера были “всего лишь повторением поведения Каина в увеличенном масштабе”. Можно было ожидать, что Бог “наложит на это Свой отпечаток, как Он наложил его на Каина”. А Роберт Ньютон Следд из Питерсберга, штат Вирджиния, рассказал своей пастве, что лидеры церкви Христа на Севере решили “пожертвовать Словом Божьим, а не принципом аболиционизма”. Из-за того, что они не хотели признавать, что рабство - это правильно, они разрушили авторитет Библии. Конфедераты, с другой стороны, как указал Джордж Ф. Пирс на библейском съезде в Джорджии, признали Бога в своей конституции, и это признание, “признанное верховным судьей, поддержанное подчиненными правителями, пронизывающее законодательство страны, определяющее общественное мнение ... станет надежной защитой революции, проводником в мире, Фоном, излучающим свет и надежду в будущее”.³⁴

Епископ Стивен Эллиотт провозгласил, что у Бога была особая миссия для Юга. Слово Божье распространялось по всему земному шару, за исключением Африки. Чтобы обратить этот континент в свою веру, Божий план требовал прозелитического агента, который мог бы “успешно нести бремя этой работы” “благодаря сходному физиологическому строению, единству крови и расы”. Эллиотт заявил: “Я нахожу эту силу в африканских рабах, которые сейчас живут на этом Континенте и получают образование среди нас”. Таким образом, южанам как рабовладельцам предстояло сыграть жизненно важную роль в более масштабных Божьих замыслах. “Он стал причиной того, что африканская раса была посажена здесь под нашей политической защитой и под нашим христианским воспитанием”, - сказал Эллиот. Рабство в Америке подготовило бы их, “посредством надлежащей дисциплины, к выполнению этого долга” по обращению Африки в христианство. Союзники должны были помнить, что “Бог сделал нас хранителями и защитниками народа, который он готовит для своих собственных целей”.³⁵

Эмансипация, к которой стремился Север, была нечестивой ошибкой, считал Эллиот, поскольку “черная раса погибает вместе со своей свободой”. Приход Соединенных Штатов к власти был быстрым, пока они не были “разрушены” отменой рабства, “отвратительным” грехом вмешательства “в волю и пути Божьи” в отношении рабства. Выступая против рабства, Север совершил “дерзкое неповиновение слову Божьему и принципам его нравственного правления”. Эллиот видел “фанатизм и неверие” на Севере, которые “фактически свергли с престола Библейского Бога”. Даже в трудные времена он уверял своих слушателей, что Конфедерация права. “Мы сопротивляемся крестовому походу — крестовому походу вседозволенности против закона - неверности против алтарей живого Бога”. Призывая южан выполнять возложенные на них Богом обязанности, епископ Эллиот никогда не сомневался, “что мы сражались под щитом Господа Саваофа”.³⁶

Таким образом, политические и религиозные лидеры Юга вступили в войну с общепризнанной уверенностью в том, что их часть была права — права, потому что это было рабовладельческое общество. Более того, они верили, что были благословлены и поддержаны Богом, чье слово и планы подтверждали рабовладение и роль Юга в прогрессе человечества. Рабовладельческая цель Конфедерации была ясна, и у элиты Конфедерации был готовый ответ на вопрос: “Что нам делать с неграми?” Их твердым ответом было держать его в рабстве.

НА СЕВЕРЕ дебаты о статусе и будущем рабства были связаны с Республиканской партией. Эта новая политическая организация быстро выросла и стала заклятым врагом южных рабовладельцев. Они рассматривали эту партию — и республиканцы рассматривали самих себя — как борцов с рабством. Но в Соединенных Штатах 1860 года быть борцом с рабством сильно отличалось от того, чтобы быть аболиционистом, и это различие привело к огромным различиям между республиканцами и аболиционистами по мере развития кризиса отделения. Этот факт был утерян в праздничной версии истории, предпочитаемой американской массовой культурой, но это была реальность, которая привела к удивительным результатам.³⁷ Поскольку приближалась Гражданская война, Линкольн и его партия твердо обязались поддерживать рабство, фактически даже гарантировать его от федерального вмешательства, в каждом штате, где оно было законным.

Республиканская партия возникла на Севере в результате широко распространенного народного недовольства принятием Закона о Канзасе и Небраске.³⁸ Зимой 1854-55 годов группы граждан встречались и протестовали против этого закона, который позволил бы поселенцам ввести рабство на новых территориях Канзаса и Небраски. Предоставление поселенцам самим решать вопрос о статусе рабства составляло доктрину “народного суверенитета”. Стивен Дуглас, сенатор-демократ от Иллинойса, добился принятия этого законопроекта в Конгрессе при поддержке администрации Франклина Пирса, а Джефферсон Дэвис из Миссисипи, военный министр, помог организовать поддержку Пирса. Но что сделало законопроект Дугласа таким противоречивым, так это то, что он отменил Миссурийский компромисс. Земли, которые теперь должны были быть организованы как территории Канзаса и Небраски, были закрыты для рабства в 1820 году, но по новому закону там можно было практиковать рабство. Многие северяне не хотели, чтобы рабы и рабовладельцы конкурировали на своих территориях со свободными поселенцами. Такая конкуренция была тревожной перспективой для всех тех, кто рассматривал территории как “места, куда бедные люди могли бы отправиться и улучшить свое положение”, - сказал обеспокоенный виг по имени Авраам Линкольн. “Они не смогут стать такими в какой-либо значительной степени, если в них будет насаждено рабство”. Как и другие северяне, он согласился с тем, что “мы хотим, чтобы они стали домами свободных белых людей”.³⁹

Таким образом, Республиканская партия возникла как партия, выступающая против распространения рабства, даже партия, которая хотела исключить афроамериканцев с территорий. Его основным принципом было противодействие распространению рабства, а не действия против рабства там, где оно уже существовало. Когда партия выдвинула своего первого кандидата в президенты в 1856 году, в ее платформе во вступительном предложении было заявлено, что она выступает “против отмены Миссурийского компромисса; против политики нынешней администрации; [и] против распространения рабства на свободную территорию”. Эти республиканцы-основатели считали, что Конгресс имеет как право, так и “императивную обязанность” запретить рабство на территориях.⁴⁰ Четыре года спустя, когда

более сильная Республиканская партия участвовала в президентских выборах 1860 года, ее платформа снова осудила оскорбительную “догму о том, что Конституция сама по себе вводит рабство на любой или на всех территориях Соединенных Штатов”. Эта идея, заявляла платформа, была опасной “политической ересью”, противоречащей Конституции и “законодательному и судебному прецеденту”. Республиканцы заявили, что “нормальным состоянием всей территории Соединенных Штатов является состояние свободы”.⁴¹

К 1860 году новая партия также расширила свою платформу, как для того, чтобы апеллировать к новым слоям электората, так и для того, чтобы заверить избирателей в том, что она не является радикальной организацией. Аболиционисты, хотя и увеличивались в числе, оставались небольшой и широко презираемой группой в северных штатах, и республиканцы всегда усердно работали над тем, чтобы отделить свою партию от радикальных требований немедленной отмены смертной казни и расового равенства. Более того, к 1860 году многие граждане все больше опасались возможного распада Союза, и республиканцы не хотели выставять себя кем-либо иным, кроме как преданными его сохранению. Соответственно, их платформа подчеркивала преемственность между идеалами и принципами отцов-основателей и Республиканской партии и выражала “отвращение” ко “всем схемам разобщения”, которые партия решительно осуждала. Более того, чтобы прояснить, что партия не представляла угрозы Союзу и что она осуждала рейд Джона Брауна в Вирджинию, республиканцы заверили рабовладельческие штаты, что “сохранение в неприкосновенности прав штатов, и особенно права каждого штата упорядочивать и контролировать свои внутренние институты исключительно по своему усмотрению, важно для того баланса сил, от которого зависит совершенство и долговечность нашей политической структуры; и мы осуждаем незаконное вторжение вооруженной силы на территорию любого штата или Территории, независимо от того, под каким предлогом, как одно из тягчайших преступлений”.⁴²

Добиваясь выдвижения своей партией кандидатуры на пост президента, Линкольн постарался подчеркнуть тот же ключевой момент. Во время своего восхождения к известности в Иллинойсе он часто повторял тему о том, что единственной угрозой для любимого Союза являются усилия Юга и его союзников распространить рабство на новые земли. Линкольн понимал важность рабства как в прошлом Иллинойса, так и для южан, таких как его друзья из Кентукки или семья его жены, многие из которых были рабовладельцами. Но, как и другие республиканцы, он настаивал на том, что Отцы-основатели “ожидали и намеревались положить конец институту рабства. Они ожидали и намеревались, что это должно произойти в процессе окончательного исчезновения”. К сожалению, рабовладельцы, желая изменить это ожидание “мирного прекращения рабства когда-нибудь [*так в оригинале*]”, предприняли агрессивные действия, чтобы отменить компромисс в Миссури и распространить рабство на новые территории. Их действия, и только их действия, омрачили будущее Союза. “Что-нибудь когда-либо угрожало существованию этого Союза, кроме самого института рабства?” Линкольн спросил. Он представил республиканцев традиционалистами, которые полностью признали “фактическое существование рабства среди нас и трудности избавления от него любым удовлетворительным способом”. Линкольн настаивал на том, что республиканцы уважают “все конституционные обязательства, связанные с этим”.⁴³

В 1860 году Линкольн подчеркнул эти темы, стремясь к большей заметности на национальной сцене. Прекрасная возможность заявить о себе на Востоке представилась, когда его пригласили выступить с речью в Cooper Union в Нью-Йорке. Он прибыл в город взволнованный,

но полный решимости произвести хорошее впечатление. Высокий и долговязый житель Среднего Запада даже привез новый костюм, хотя и плохо сидевший на нем. В своей речи он попытался оправдать Республиканскую партию, обратившись к южанам с длинной заключительной частью, хотя и не ожидал, что “они послушают”.⁴⁴ В этом разделе он утверждал, что республиканцы не были чисто секционной партией и что они, по сути, были консерваторами. “Мы не придерживаемся никакой доктрины и не делаем никаких заявлений”, - сказал Линкольн, чего не придерживались и не заявляли Основатели. Более того, республиканские кампании “сопровождаются постоянным протестом против какого бы то ни было вмешательства в дела ваших рабов или в ваши отношения с вашими рабами”. Республиканцы не имели никакого отношения к восстаниям рабов или к попытке Джона Брауна спровоцировать восстание рабов. Оставить рабство в покое, заключил Линкольн, было политикой республиканцев, “потому что это во многом обусловлено необходимостью, вытекающей из его фактического присутствия в стране”.⁴⁵

Но в более антирабовладельческом ключе Линкольн утверждал, что разница между Севером и Югом сводится к разногласиям по поводу морали и желательности рабства. “Они думают, что это правильно, а мы думаем, что это неправильно, - это точный факт, от которого зависит весь спор”, - сказал он. Республиканцы будут и должны учитывать требования южан “и уступить им, если, с нашей осознанной точки зрения нашего долга, мы, возможно, сможем”. Но это соображение не могло распространяться на то, чтобы позволить рабству “распространиться на Национальные территории и захватить нас здесь, в этих Свободных Штатах”. Линкольн поддержал взгляды Томаса Джефферсона на то, что могло бы стать долгосрочным решением проблемы: “Выражаясь языком мистера Джефферсона, высказанным много лет назад, ”В наших силах по-прежнему направлять процесс эмансипации и депортации мирным путем и такими медленными темпами, чтобы зло незаметно исчезло; и их места были, *pari passu*, заполнены белыми рабочими “. ” Эмансипация, о которой идет речь, поспешил добавить Линкольн, не была эмансипацией федерального правительства “. , но решение, принятое “только рабовладельческими штатами”.⁴⁶

Как только Линкольн был избран, начался процесс отделения, и еще до своей инаугурации новый избранный президент-республиканец столкнулся с разделенной нацией. Несомненно, это поставило Линкольна в мучительное положение, поскольку он был эмоционально предан Союзу и обещаниям народа создать правительство, воплощенным в Конституции США. Он часто говорил о своей преданности Союзу. На более раннем этапе своей карьеры он даже заявлял: “Как бы я ни ненавидел рабство, я бы скорее согласился на его продление, чем на расторжение Союза, точно так же, как я бы согласился на любое БОЛЬШОЕ зло, чтобы избежать ЕЩЕ БОЛЬШЕГО”.⁴⁷ Чтобы оправдать свое несогласие с расширением рабства, он осудил попытки распространить рабство как источник угроз для Союза. И все же Линкольн, безусловно, знал, что его блестящее лидерство в возбуждении общественности Севера и в определении идеологии Республиканской партии усугубило межконфессиональный конфликт. Лидеры Юга опасались влияния Линкольна и поносили его партию, называя ее “черными республиканцами”. Избранный президент, который настаивал на том, что любит Профсоюз и считает южан не хуже, чем были бы на их месте северяне, теперь стал главной причиной очевидного разрушения Профсоюза. Как он мог удержать Профсоюз вместе и оставаться верным принципам борьбы с распространением рабства, которые были основополагающими для новой партии, для создания которой он так много сделал?

Многие призывали Линкольна сделать какое-нибудь обнадеживающее заявление для Юга, но он, как правило, отказывался, объясняя это тем, что все его заявления были четко обнародованы и что новые заявления, вероятно, будут искажены или неверно истолкованы в нынешней атмосфере кризиса. Но в конфиденциальном частном письме он мог бы быть более откровенным. Александр Стивенс, вскоре ставший вице-президентом Конфедерации, был человеком, с которым у Линкольна были теплые отношения за годы его работы в Конгрессе. Откровенно говоря, Линкольн признал, что “загвоздка” междусеверянами и южанами заключается в том факте, что “Вы считаете, что рабство *правильно* и его следует расширять; в то время как мы считаем, что это *неправильно* и его следует ограничить”. Но Линкольн также спросил своего бывшего коллегу: “Действительно ли жители Юга опасаются, что республиканская администрация будет, *прямо*, или *indirectly*, вмешиваться в дела их рабов?” Без всяких оговорок Линкольн заверил Стивенса, что “Для таких опасений нет причин”.⁴⁸ Это заверение, хотя и соответствовало республиканской платформе, оставалось частным и конфиденциальным.

Как только южные штаты решили покинуть Союз и не подали никаких признаков отречения, бремя принятия решения легло на Север. По словам Эрика Фонера, “откажется ли Север позволить Югу отделиться?”⁴⁹ Многие голоса требовали компромисса. Даже в Республиканской партии влиятельные силы, включая деловые круги востока, оказывали давление на Линкольна, требуя принять меры по смягчению кризиса.⁵⁰ Столкнувшись с этим мучительным давлением, Линкольн сначала выбрал роль надежного партийного лидера. Он решил не идти на компромисс в вопросе о рабстве на территориях — вопросе, который впервые привел к созданию его партии и был жизненно важен для ее самых преданных членов.⁵¹ Он твердо придерживался этого центрального принципа организации, но в других вопросах был готов пойти навстречу. Фактически, протягивая оливковую ветвь Югу, он доказал, что готов зайти действительно очень далеко, и его желание восстановить понимание и сотрудничество белых южан станет неизменной отличительной чертой его политики.

В своей Первой инаугурационной речи Линкольн сразу же обратился к “опасениям” южан, что его администрация поставит под угрозу их “собственность, их покой и личную безопасность”. Он подтвердил, что никогда не было никаких “разумных оснований” для подобных опасений. Линкольн процитировал одну из своих собственных речей: “У меня нет цели, прямо или косвенно, вмешиваться в институт рабства в штатах, где он существует. Я считаю, что у меня нет законного права делать это, и я не склонен это делать”. Затем он процитировал раздел республиканской платформы 1860 года, на основе которой он был избран. Это был “закон”, разработанный делегатами-республиканцами “для себя и для меня”. В этом разделе, процитированном выше, обещалось сохранить “неприкосновенными” все права штатов, “и особенно право каждого штата распоряжаться своими внутренними институтами и контролировать их исключительно по своему усмотрению”. Хотя Линкольн заявил, что Союз не может быть разрушен, и пообещал “удерживать, оккупировать и владеть” федеральной собственностью и “взимать пошлины”, он заверил южан, что “вторжения не будет — никакого применения силы против людей или среди них где бы то ни было”. Ближе к концу своего выступления он отметил тот факт, что Конгресс предложил поправку к Конституции, “о том, что федеральное правительство никогда не должно вмешиваться во внутренние институты штатов”. Намерение, как он недвусмысленно заметил, состояло в том, чтобы охватить “лиц, удерживаемых на службе”, или рабов. Это предложение, к разработке которого Линкольн тайно

приложил руку, уже было “подразумеваемым конституционным законом”, и поэтому у него “не было возражений против того, чтобы оно стало четким и бесповоротным”.⁵²

Таким образом, Линкольн начал свое президентство с предложения навсегда гарантировать статус рабства в каждом штате, где оно уже существовало. Существующий институт, который, по его мнению, был “неправильным и должен быть ограничен” новой территорией, таким образом, получил бы защиту на все времена от федерального вмешательства. Разочарованный Фредерик Дуглас, бывший раб и аболиционист, написал, что новый президент заявил о “своей полной лояльности рабству в рабовладельческих штатах”.⁵³

Линкольн также не был единственным республиканцем, готовым во многом уступить южанам в интересах предотвращения войны. В последние дни Тридцать шестого Конгресса, в котором доминируют республиканцы, законодатели приняли законопроект об организации территорий Дакота, Невада и Колорадо, без упоминания идеи о том, что рабство там должно быть исключено.⁵⁴ А в июле 1861 года Тридцать седьмой Конгресс принял резолюции Криттендена-Джонсона, в которых говорилось, что “разобщенцы” навязали войну “конституционному правительству”, которое теперь сражалось только за сохранение Союза. Север боролся не за завоевание или порабощение или с какой-либо целью “свержения или вмешательства в права или установленные институты” южных штатов. Более того, Союз, который должен был быть сохранен, уважал бы “достоинство, равенство и права нескольких штатов без ущерба”. Как только Союз будет восстановлен, боевые действия прекратятся.⁵⁵

Линкольну и федеральному правительству расистский вопрос: “Что нам делать с неграми?” даже не возникло, потому что он и Конгресс пообещали, что афроамериканцы могут оставаться в рабстве, их рабство защищено от вмешательства федерального правительства. Несмотря на поддержку Линкольном надежды Основателей на то, что рабство, возможно, находится на пути к “окончательному исчезновению”, первоначальная политика администрации Линкольна заключалась в том, чтобы оставить афроамериканских рабов именно такими, какими их хотели видеть конфедераты: порабощенными.

ПОСКОЛЬКУ ВОЙНА изменила обстоятельства и изменила политику, полезно более внимательно изучить довоенные заявления Линкольна о будущем афроамериканцев. Его взгляды 1850-х годов, выработанные на протяжении всей его жизни к тому времени, были почвой, на которой выросли его мысли военного времени, и хотя общество изменилось, ключевые элементы его мышления не исчезли. Чего Линкольн хотел для афроамериканцев? Как он оценивал их возможности? Предвидел ли он их роль в американском обществе?

Расовая принадлежность была очень напряженной темой для любого политика в условиях политического кризиса, особенно для республиканца, пытающегося заручиться поддержкой своей партии в сложной и крайне противоречивой обстановке. Политические реалии были непростыми. В 1850-х годах политический ландшафт быстро менялся. Разногласия между Севером и Югом злоебно нарастали, и внутри Севера образовался зияющий разрыв между взглядами идеалистических реформаторов и взглядами простых граждан. Республиканцы могли бы набраться сил, выступая против распространения рабства, но если бы они делали это слишком резко, они могли бы вызвать опасения, что ставят под угрозу Союз. Молодой партии необходимо было заручиться поддержкой в рядах аболиционистов, но если бы она сделала это слишком эффективно, то нанесла бы ущерб своим собственным перспективам, показавшись *be* аболиционисткой. Точно так же республиканцы знали, что они могли бы извлечь выгоду из

усиления недовольства избирателей Севера существующим положением вещей, но если бы они критиковали его слишком резко, им, возможно, пришлось бы указать, что могло бы заменить его. Авраам Линкольн стал лидером своей партии, потому что проявил большое мастерство в плавании в этих коварных водах. Как заметил Ричард Хофштадтер, Линкольн творчески подходил к роли политического пропагандиста своей партии.⁵⁶

Линкольн лично был противником рабства. Он считал это аморальным и неправильным. Рабство, писал он в 1855 году своему близкому другу Джошуа Спиду, “обладает способностью делать меня несчастным и постоянно использует ее”. Он вспомнил путешествие, в котором они со Спидом стали свидетелями “десяти или дюжины рабов, закованных в кандалы”. Линкольн сказал, что это зрелище “было для меня постоянной мукой”. Он сочувствовал страданиям рабов и признавался, что “Мне неприятно видеть, как за бедными созданиями охотятся, их ловят и возвращают к их тяжким испытаниям и неоплаченному труду”.⁵⁷ По политическим причинам Линкольн не высказывал этих чувств публично, вместо этого подчеркивая пагубные последствия рабства для белых избирателей Севера и для нации, но они были реальными.

Вероятно, именно из-за этих сильных моральных чувств Линкольн публично настаивал на элементарной человечности чернокожих американцев. Говоря о рабах в юридическом смысле, он предпочитал фразу “лица, обязанные служить” бессердечному слову “собственность”. Никогда его акцент на человечности афроамериканцев не был более четким, чем в его речи в Пеории против Закона о Канзасе и Небраске. С этой речью в октябре 1854 года он впервые вышел на национальную сцену. В нем он решительно бросил вызов тем, кто рассматривал афроамериканцев как вещи. Поведение самих южан, утверждал он, доказывало, что они знали правду о человечности чернокожих. Южане присоединились к объявлению африканской работорговли пиратством, они “презирают” работорговцев между собой, и они добровольно освободили собственность на рабов, стоимость которой исчислялась сотнями миллионов долларов. Что побудило южан освободить рабов “за огромные денежные жертвы”? Несомненно, именно их “чувство справедливости и человеческое сочувствие” кричали о том, что “бедный негр имеет какое-то естественное право на самого себя”. Презирая тех, кто считал, что их “совершенная свобода” подразумевает “свободу делать рабами других людей”, Линкольн атаковал рассуждения Стивена Дугласа о народном суверенитете и “доктрине самоуправления”. В Канзасе актуальность этой доктрины “зависит от того, является ли негр не или является мужчиной. Если он не мужчина, то почему в таком случае тот, кто является мужчиной, может в порядке самоуправления поступать с ним так, как ему заблагорассудится? Но если негр является мужчиной, не является ли до такой степени полным уничтожением самоуправления утверждение, что он тоже не должен управлять собой? Когда белый человек управляет собой, это самоуправление; но когда он управляет собой, а также другим человеком, это больше, чем самоуправление, - это деспотизм”.⁵⁸

Задавая эти вопросы, Линкольн предположил, что чернокожие действительно являются людьми. Логика американских политических ценностей тогда привела бы непосредственно к “самоочевидной” истине Джефферсона о том, что все люди “созданы равными” и обладают данными Богом правами. Но Линкольн воздержался от утверждения, что афроамериканцы равны. Хотя в своей речи в Пеории он быстро перешел к цитированию Декларации независимости, он подчеркнул ее формулировку о “согласии управляемых”, а не о равенстве. В расовом плане идея равенства была политически опасной почвой для Линкольна, и он снова и снова избегал или отвергал ее. Лишь в редких случаях он признавал, что логика его мышления

четко указывала в этом направлении. В Пеории он кратко позволил себе сказать: “Если негр - *мужчина*, почему тогда моя древняя вера учит меня, что ‘все люди созданы равными’; ... Предоставить ВСЕМ управляемым равный голос в правительстве, и это, и только это является самоуправлением”. В Чикаго в 1858 году он на мгновение зашел еще дальше — настолько далеко, насколько он когда-либо заходил в своих публичных выступлениях, - и бросил вызов своей аудитории: “Давайте отбросим все эти придирки по поводу того человека и другого человека, этой расы, и той, и другой расы, которые являются низшими, и поэтому они должны быть поставлены в подчиненное положение. ... Давайте отбросим все это и объединимся как единый народ по всей этой земле, пока мы снова не встанем, заявив, что все люди созданы равными ”.⁵⁹

Эти заявления, однако, были большим исключением из публичных рассуждений Линкольна о статусе и будущем афроамериканцев. Еще много раз он недвусмысленно повторял, что не выступает за какие-либо изменения в социальном или политическом статусе чернокожих. В речи в Пеории, как только он предположил, что “негр” - это “*мужчина*”, он напомнил своим слушателям, что он не “борется за установление политического и социального равенства между белыми и черными”. “Мои собственные чувства не позволят мне признать это”, - заявил он ранее в обращении, и “мы хорошо знаем, что большая часть белых людей этого не допустит”.

Более того, Линкольн не предполагал, что сможет изменить расовые предрассудки. “Всеобщее чувство, - заявил Линкольн, - обоснованное или нет, нельзя безопасно игнорировать. Мы не можем, значит, сделать их равными”. В 1858 году, во время одной из своих дискуссий со Стивеном Дугласом, в районе, где античерный настрой был очень силен, Линкольн бескомпромиссно отстаивал свои собственные предубеждения.

Я не выступаю и никогда не выступал за то, чтобы каким-либо образом добиться социального и политического равенства белой и черной рас, — . . . Я не выступаю и никогда не выступал за то, чтобы делать негров избирателями или присяжными заседателями, или давать им право занимать должности, или вступать в смешанные браки с белыми людьми; и я скажу в дополнение к этому, что существует физическое различие между белой и черной расами, которое, я верю, навсегда запретит двум расам жить вместе на условиях социального и политического равенства. И поскольку они не могут так жить, пока они остаются вместе, должно существовать положение высшего и низшего, и я, как и любой другой человек, выступаю за то, чтобы высшая позиция была отведена белой расе.⁶⁰

Вместо того чтобы сосредотачиваться на статусе афроамериканцев, Линкольн считал более полезным с политической точки зрения подчеркнуть опасность для Севера, связанную с желанием Юга расширить рабство. Политика порабощения, проводимая лидерами Юга, уже захватила администрацию Бьюкенена и Верховный суд. Рабство “запачкало” национальную “республиканскую мантию”, лишило “республиканский пример Америки ее справедливого влияния в мире”, дало белым южанам новое и несправедливое преимущество перед северянами в представительстве в Конгрессе и превратило территории, которые должны были стать огромным резервуаром возможностей для простых граждан, в “места, куда бедняки могли бы отправиться и улучшить свое положение”.

Более того, поскольку конфликт повышал ставки, Линкольн работал над тем, чтобы убедить северян в том, что они столкнулись с еще большей угрозой. В своей знаменитой речи “Разделенный дом” в 1858 году Линкольн заявил, что правительство “не может постоянно

оставаться наполовину *рабским* and half free. . . . It will become *all* one thing, or *all* the other.” Worse than this troubling but vague prediction was the reality, he argued, that the demonstrable “*tendency*” была в направлении всеобщего рабства. Благодаря заговорщическим усилиям Франклина Пирса, Джеймса Бьюкенена, Стивена Дугласа и Роджера Тейни рабство контролировало правительство. В будущем, Линкольн предупредил: “Мы будем *лежать* приятно мечтать, что люди из *Миссури* на грани, что делает их государство *бесплатно*; и мы должны *проснуться* к *реальности*, вместо того, что *Верховный суд штата Иллинойс* в раба государства”.⁶¹ Подобные обвинения в агрессивной “рабовладельческой власти” во многом помогли привлечь избирателей Севера в ряды Республиканской партии.

С другой стороны, если республиканцы одержат верх и если рабство снова будет “помещено туда, где общественное сознание будет пребывать в уверенности, что оно находится на пути окончательного исчезновения”, тогда возникает вопрос: что нам делать с неграми? возвращенный. “Окончательное вымирание” вызвало бы вопрос: каким статусом впоследствии будут пользоваться освобожденные рабы? По этому вопросу Линкольн предложил один намек и более определенный ответ. Его самые позитивные заявления, такие как чикагская речь 1858 года, содержали предположение о том, что афроамериканцы, хотя и не равны белым, имеют некоторые основные права. В Республиканской партии в целом, заключает Эрик Фонер, развивалось господствующее мнение о том, что чернокожие “были людьми и гражданами Соединенных Штатов, имеющими естественные права человечества и такие гражданские права, которые защищали бы естественные права на жизнь, свободу и собственность”.⁶² Линкольн выразил это как “право есть хлеб”, который они заработали своим трудом. Неотъемлемыми правами на жизнь, свободу и стремление к счастью, утверждал он, в 1776 году не все белые люди пользовались в равной степени, но Основатели намеревались “установить стандартную максимум для свободного общества”, и Линкольн надеялся, что ее будут уважать и стремиться к ней, а не отвергать.⁶³

Другим его ответом, высказывавшимся гораздо чаще и заметнее, была колонизация — изгнание афроамериканцев с территории США. Интерес Линкольна к колонизации был постоянным в довоенный период и активным на протяжении всего его президентства. В речи в Пеории, хотя он и признал трудность “избавления” от рабства, он заявил: “Если бы мне была дана вся земная власть ... моим первым побуждением было бы освободить всех рабов и отправить их в Либерию”. Далее он признал, что большие проблемы и практические трудности сделали “внезапное исполнение” этой идеи “невозможным”. Но скорость не была главным приоритетом. Он завершил этот раздел своей речи утверждением: “Мне действительно кажется, что системы постепенной эмансипации могут быть приняты”, и в более поздних выступлениях он продолжал возвращаться к идее колонизации. Например, в июне 1857 года он заявил: “Предприятие трудное; но ‘когда есть воля, есть и выход’; а в чем колонизация нуждается больше всего, так это в искренней воле. Воля проистекает из двух элементов - морального чувства и личного интереса. Давайте убедим нас, что переселение африканцев в их родной климат является морально правильным и в то же время благоприятным для наших интересов или, по крайней мере, не противоречит им, и мы найдем способ сделать это, какой бы сложной ни была задача”.⁶⁴

Воля президента Линкольна была достаточно сильной, чтобы заставить его предпринять практические шаги, чтобы найти выход. В апреле 1861 года, всего за несколько часов до нападения южан на Форт Самтер, Линкольн встретился и поговорил с представителем

компании по улучшению положения Чирики, предприятия, основанного в 1855 году с идеей использования освобожденных рабов для разработки угля и сельскохозяйственных угодий в Панаме. Эта встреча ознаменовала начало усилий его администрации по запуску процесса колонизации. В этих усилиях Линкольн пользовался сильной поддержкой влиятельной семьи Блэр. Его патриарх Фрэнсис Престон Блэр на протяжении десятилетий был ведущим демократом в Вашингтоне, прежде чем помог основать Республиканскую партию. Один из его сыновей, Фрэнк, был влиятельной фигурой в политике штата Миссури, а другой, Монтгомери, был генеральным почтмейстером Линкольна. По словам близкого друга Линкольна Уорда Ламона, Фрэнсиса П. Блэра и президента “с самого начала и до последнего были доверительные отношения, такие же близкие, какие мистер Линкольн поддерживал с любым другим человеком. С мистером Блэром он почти всегда откровенничал на деликатные и серьезные темы более свободно, чем с кем-либо другим”.⁶⁵ Воля Линкольна и интерес Блэров означали, что компания Чирики и другие идеи колонизации получают серьезное рассмотрение и активную поддержку в Белом доме.

Таким образом, когда началась война, публичный отчет Линкольна выявил четкий, но с нюансами набор позиций. Они включали торжественное инаугурационное обещание не вмешиваться в рабство на Юге и неоднократное предпочтение колонизации в Африке или других регионах за рубежом. Наряду с этими позициями стояла его вера в то, что афроамериканцы, хотя и не равны, все же являются людьми и должны иметь некоторые основные права, если рабство каким-то образом “исчезнет”. Историк и биограф Линкольна Марк Нили-младший назвал “неопределенность Линкольна относительно возможного ‘исчезновения’ рабства ... возможно, самой интеллектуально нечестной частью его программы”. Интеллектуальная нечестность проистекала как из его нежелания обсуждать, как может произойти исчезновение, так и из того, что он использовал это исключение, чтобы уклониться от вопросов о статусе свободных афроамериканцев. Линкольн и республиканцы не хотели “заниматься расовым вопросом”.⁶⁶ Однако, если наступит свобода, его предпочтение колонизации чернокожих американцев за пределами Соединенных Штатов было очевидным.

Шум войны быстро привел бы к разного рода переменам как на Севере, так и на Юге. Исчезновение рабства и статус афроамериканцев в условиях свободы перешли от предположений к реальности. В конце концов, и Север, и Юг напрямую столкнулись бы с вопросом: “Что нам делать с неграми?” Дилеммы, связанные с этим вопросом, впервые встали перед Севером.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Северные разработки

ОДИН

СЕВЕР СТАЛКИВАЕТСЯ С ЭТИМ ВОПРОСОМ

Война - выдающийся фактор перемен, мощная сила, которая изменяет институты, верования и социальные обычаи, создавая новую и непредвиденную реальность. Гражданская война потрясла основы американских институтов и верований, вынудив и Север, и Юг придерживаться идей, которые раньше были немыслимы. Под давлением событий лидеры и обычные граждане будут сопротивляться новому и цепляться за старые способы мышления, замедляя, но не останавливая поток перемен.

На Севере всеобщее убеждение в том, что рабство в штатах не должно нарушаться, было поставлено под сомнение с удивительной быстротой. Всего через две недели после того, как Конгресс принял резолюции Криттендена-Джонсона, он принял закон о конфискации собственности рабов, использовавшейся для прямой поддержки восстания. Менее чем через шесть месяцев многие люди по всему Северу задавались вопросом, следует ли положить конец рабству с помощью войны. К началу 1862 года газеты, периодические издания и политики обсуждали будущее местоположение и статус чернокожих американцев, если они станут свободными. Также развернулась более общая дискуссия о различных расах человечества, природе и способностях афроамериканцев, а также о том, как другие нации пережили эмансипацию. Медленно, осторожно и уделяя достаточно внимания политическим интересам, Авраам Линкольн вступил в северный диалог, отстаивая самый консервативный из возможных планов отмены смертной казни и призывая к колонизации афроамериканцев за пределами Соединенных Штатов. Несмотря на то, что его инициативы были оскорбительны для демократов, они намного отставали от меняющихся взглядов многих северян. К 1 января 1863 года, когда Декларация об освобождении вступила в силу, президент и его союзники утвердились в следующих позициях: свобода была не целью, а средством победы; колонизация была главной целью; и что никаких идей расового равенства не поддерживалось.

МНОГИЕ СЕВЕРЯНЕ подозревали, что отделение было уловкой, направленной на то, чтобы добиться уступок от Севера, и многие другие, включая Авраама Линкольна, считали, что юнионизм на Юге по-прежнему силен. Но как только начались настоящие боевые действия, у них начал вырабатываться более трезвый и стальной настрой. Менее чем через три недели после капитуляции форта Самтер в номере *еженедельника Harper's Weekly*, в котором было объявлено, что «война началась всерьез». Более того, этот популярный национальный журнал, имеющий 200 000 подписчиков и около миллиона читателей, всерьез интересовался средствами ведения войны. «Практическим результатом войны в Южных Штатах,» предупреждал он, - должно быть освобождение рабов. Это следует хорошо понимать». Редакторы предвидели, что многие рабы убегут от своих хозяев, чтобы вступить в ряды Профсоюзов. Хотя первоначально командиры Союза возвращали этих беглецов их владельцам, редакторы тут же заявили, что в обязанности американских солдат не входит ловить и возвращать беглецов.¹

Придя к такому выводу, *Harper's Weekly* всего на несколько недель предвосхитил действия генерала Бенджамина Батлера. 23 мая Батлер, который был консервативным демократом и сторонником лидера Юга Джона К. Брекинриджа, отказался вернуть трех беглых рабов, которые перешли на его сторону. Эти рабы работали на укреплениях Конфедерации, и Батлер заявил,

что они были “военной контрабандой”. Он отказался доставить их обратно врагу, где они были бы использованы против американских войск. Новость о действиях Батлера быстро распространилась, став примером для некоторых других американских командиров и привлекая в армию Батлера около тысячи рабов в течение нескольких недель.²

Вскоре *Еженедельник Harper's* заметил, что Конгрессу придется столкнуться с вопросом о том, что делать с беглыми рабами, и тон его статьи ясно предполагал, что лояльных граждан не следует облагать налогами для покрытия расходов по выявлению и возвращению рабов непокорным владельцам. В июле *Atlantic Monthly* утверждала, что Север должен прекратить “добросовестно бороться с комарами конституционных положений”, в то время как южане, не колеблясь “проглатывали целые верблюды измены”. Рабство было “корнем восстания”, заявлял журнал, и “война доказывает, что она аболиционист, кто бы им ни был. Практически, вердикт уже вынесен” против рабства. Забегая вперед, *Atlantic Monthly* предсказал “принятие политики военной эмансипации Джона-Куинси-Адамса” как “крайнюю необходимость”. Черные газеты также выступали за отмену смертной казни, а *англо-африканская газета* Нью-Йорка заявила, что “свобода, всеобщая и полная” была единственным путем к восстановлению Союза. “Постоянный мир не может быть восстановлен”, - предупреждали другие чернокожие в петиции, написанной доктором Дж. У. К. Пеннингтоном, пока не будет положен конец рабству.³

Затем, 21 июля 1861 года, при Булл-Ране в северной Вирджинии армия Конфедерации нанесла войскам Союза сокрушительное поражение. У всех северян, а не только у перепуганных участников пикника, которые были вынуждены бежать обратно в Вашингтон, округ Колумбия, теперь появилась дополнительная причина серьезно отнестись к войне. Всего двумя неделями ранее Конгресс официально постановил, что война не ведется с какой-либо целью “свержения или вмешательства в права или устоявшиеся институты” мятежных штатов. Но в начале августа был принят первый Закон о конфискации, который предусматривал, что владелец любого раба, используемого для непосредственной поддержки вооруженных сил Юга, утрачивает “свои права на такой труд, несмотря на любой закон штата или Соединенных Штатов, утверждающий обратное”. “В течение этих двух недель, - по словам Джеймса М. Макферсона, - значение поражения профсоюзов на Булл-Ран было осознано”. В конце августа корреспондент *New York Times* заметил, что “общественное мнение меняется”.⁴

Такая же перемена настроений быстро произошла и в армии. “Солдат за солдатом, - заключает Чандра Мэннинг, - начали настаивать на том, что, поскольку рабство стало причиной войны, только уничтожение рабства может положить конец войне”. Солдат из Висконсина объяснил, что “восстание отменяет всю армию”, и сказал читателям газеты на родине: “Вы не представляете, какие изменения произошли в умах солдат”. К осени 1861 года рядовые солдаты “отстаивали уничтожение” рабства, “задолго до того, как это сделало большинство гражданских лиц, политических лидеров или офицеров”.⁵ Серьезность восстания убедила многих северян в необходимости “отмены рабства”, а не просто возвращения к “Союзу, каким он был, и Конституции, какой она есть”.⁶ Этот факт поднял вопрос, который был тревожной головоломкой для большинства белых: “Что делать с рабами?”

На поле боя в Миссури у одного генерала был готовый ответ. Джон К. Фремонт, кандидат в президенты от Республиканской партии в 1856 году, 30 августа объявил военное положение и провозгласил, что имущество любого, кто с оружием в руках выступает против Соединенных Штатов, конфискуется, “а их рабы, если таковые у них есть, настоящим объявляются

свободными”.⁷ Реакция общественности за пределами пограничных штатов была в основном благоприятной. *New York Evening Post* сообщила: “Мистер Фремонт сделал то, что правительство должно было сделать с самого начала. Война есть война”. *New York Tribune* заметила, что если рабовладельцев можно образумить, то Фремонт был “тем человеком, который это сделает”. *Albany Journal* писал: “Ген. Фремонт точно ‘попадает в точку’”. Государственный деятель Олбани заявил, что меры Фремонта должны были быть применены ко всему Югу шестью месяцами ранее. “Это берет правильную ноту”, - рассудил демократ из Рочестера. “*Цинциннати газетт*” была довольна тем, что “к бунту следует относиться как к преступлению”. Согласно анализу рекламного ролика в *Цинциннати*, повстанцы сами навлекли это на себя: “Сепаратисты сами являются настоящими аболиционистами”. *Boston Post* согласилась, утверждая, что “неповиновение” повстанцев нанесло этот удар по любимому институту рабовладельцев.⁸

Реакция *New York Times* была интересной и красноречивой. Редактор и владелец *Times*, Генри Рэймонд, сыграл активную роль в создании Республиканской партии и в 1864 году станет председателем национального комитета партии. Он отражал республиканское мышление, но также оставался готовым защищать администрацию Линкольна, противодействуя основным потокам критики в преимущественно демократическом штате Нью-Йорк. Первоначально *Times* Раймонда описала действия Фремонта как полностью соответствующие Закону Конгресса о конфискации и приветствовала это провозглашение как “безусловно, самое важное событие войны”. Хотя Соединенные Штаты пытались уважать права рабовладельцев, нация должна была “отнять у государственной измены все оружие, с помощью которого она может нанести смертельный удар”. Если восстание продолжится, “рабство неизбежно погибнет”, и *Times* была рада, что “отныне рабству не будет позволено стоять на пути энергичного ведения войны”. В документе также утверждалось, что, поскольку война фактически уничтожит рабство, рабовладельцы признают в действиях Фремонта мощный “стимул к миру”. Но вскоре Реймонд узнал, что Линкольн, стремясь не оскорблять чувства пограничных штатов, собирался отменить решение Фремонта. Затем газета резко сменила тему; она решила, что Фремонт вышел за рамки буквы закона, и утверждала, что Линкольн должен был отменить прокламацию генерала.⁹

Тактическое отступление *The Times* не смогло скрыть тот факт, что логика борьбы с рабством двигала общественным мнением. Эта логика естественным образом вытекала из двух широко принятых положений. Северяне хорошо понимали, как заметил Линкольн в своей *Второй инаугурационной речи*, что в основе конфликта лежит рабство. Еще более убедительным был тот факт, что рабы и рабство использовались в качестве актива восстания. Нанести удар по рабству означало нанести ущерб делу повстанцев. Поэтому имело смысл принять меры против рабства, если не для самих рабов или на благо человечества, то для большего успеха армий Союза. *Times* продолжала признавать этот факт, даже предлагая поддержку президенту, который действовал другими темпами и с другими приоритетами. В ответ на выступление в Нью-Йорке Чарльза Самнера, в котором сенатор Массачусетса подчеркнул, что рабству необходимо положить конец, чтобы победить восстание, *Times* заявила: “У нас нет ни тени сомнения, что рабству будет нанесен смертельный удар в ходе этого восстания”. Но затем в документе утверждалось, что практические реалии управления сложны, а не просты, и что лучше всего оставить этот исход добровольным действиям приграничных штатов.¹⁰

Заняв эту позицию, Генри Рэймонд в своей статье подчинился анализу и различным приоритетам президента. Авраам Линкольн верил не только в то, что Союз должен сохранить

пограничные штаты, если он надеется победить, но и в то, что будущее сотрудничество белых южан будет иметь важное значение для успешного восстановления Союза. Чтобы не оскорблять белых, его администрация отказалась от помощи чернокожих добровольцев в Бостоне, Нью-Йорке, Филадельфии и других городах. Надеясь на “окончательное искоренение” рабства когда-нибудь в неопределенном будущем, он неоднократно клялся уважать права своих соотечественников-рабовладельцев, которые отнюдь не были злыми, а были “именно такими, какими мы были бы в их ситуации”. Еще долго после своей инаугурационной речи Линкольн продолжал надеяться, что “мистические струны памяти” объединят белых американцев и восстановят добрые чувства между северянами и отделившимися южанами, которые были “не врагами, а друзьями”, разделявшими “узы привязанности”.¹¹

Эти чувства идентичности с белыми южанами, уважения и братства по отношению к ним были искренними. У них также было личное измерение. Сам Линкольн родился в Кентукки; что еще более важно, белые южане-рабовладельцы были частью его семьи благодаря его браку с Мэри Тодд. Война разорвала семью Тоддов надвое: шестеро детей поддерживали Союз, а восемь - Конфедерацию. Как муж Мэри, Линкольн предлагал должности своякам, которые вместо этого предпочли встать на сторону Конфедерации. Во время войны Линкольн выписал пропуска для мятежника Тоддса и пригласил в Белый дом скорбящую сестру Мэри Эмили, вдову генерала Конфедерации. Тяжелое положение белых южан не было абстрактным для Линкольна, и его чувство симпатии к ним сохранялось и руководило его действиями на протяжении всего президентства.¹² Осенью 1861 года они сформировали его подход к рабству так же сильно, как и его заботу о пограничных штатах.

Еще до истечения года первый военный министр Линкольна выдвинул логику, согласно которой Союз должен выступить против рабства, потому что этот институт был ключевым активом повстанцев. В широко разрекламированной инициативе Саймон Кэмерон (что станет одним из его последних значимых действий перед тем, как его заменит Эдвин Стэнтон) предложил федеральному правительству вооружить рабов и использовать их для борьбы с восстанием. Линкольн незамедлительно вынудил Кэмерона отозвать свое предложение. Президент был далек от готовности поддержать ни освобождение рабов, ни их вооружение.

Растущее число сторонников Линкольна отреагировало с тревогой. Убежденная республиканка *Chicago Tribune* заявила, что это последнее из консервативных решений Линкольна продемонстрировало, что президент был не смелым лидером, а “старым чудаком”. “Четыре миллиона чернокожих юнионистов” были “готовы помочь нам”, - заявила *Tribune*. Их следует использовать для спасения Союза, подобно тому, как Джеймс Мэдисон в 1780 году предложил использовать рабов для победы Американской революции. В резких выражениях *Tribune* заявила, что “Старина Эйб теперь разоблачен, и мы проданы”.¹³ Если газета не была предана, то была права, расценив политику президента как осторожную.

Линкольн предпочитал консервативный подход к вопросу об эмансипации. Его взгляды основывались на признании силы и масштабов американского расизма, а также на принципах добровольных действий государства и национальной ответственности. Действуя на основе этих принципов, президент в конце ноября разработал два законопроекта, предусматривающих альтернативные пути к добровольной и оплачиваемой эмансипации в штате Делавэр, где рабы составляли менее 2 процентов населения. Оба плана обещали денежную компенсацию из федеральной казны. В первом случае законодатели штата приняли бы решение освобождать

пятую часть рабов Делавэра каждый год, пока рабство не закончится в 1867 году; все несовершеннолетние дети, рожденные от матерей-рабынь, должны были бы проходить ученичество до 21 года для мужчин и 18 лет для женщин. Второй план— который Линкольн считал “лучшим”, предусматривал гораздо более медленный процесс. Законное рабство продолжалось тридцать один год, до 1893 года. Однако после даты вступления закона в силу те, кто достигнет 35-летнего возраста, получают свободу. То же самое произошло бы и со всеми новорожденными от матерей-рабынь, но эти дети должны были бы проходить ученичество до 21 года для мужчин и 18 лет для женщин, как в первой схеме.¹⁴ Таким образом, на практике, во втором плане большинству рабов Делавэра пришлось бы ждать до 35 лет, чтобы получить свободу, и большинство чернокожих детей, родившихся после принятия законопроекта, прошли бы обучение. Те немногие невезучие индивидуумы, чьи матери-рабыни произвели их на свет ближе к концу тридцатиоднолетнего периода, все еще оставались учениками вплоть до двадцатого века. Линкольн приказал напечатать свой план и распространить его среди членов законодательного собрания штата Делавэр. В общих чертах он был открыт для изменений даты вступления в силу, но какую бы дату ни выбрали, его план предусматривал постепенную эмансипацию, при которой рабовладельцы будут продолжать в течение многих лет извлекать выгоду из труда по крайней мере некоторых из своих рабов. Законодатели штата Делавэр не отреагировали на его предложение.

Несколько дней спустя, 3 декабря, в своем первом ежегодном обращении к Конгрессу Линкольн выдвинул другой важный элемент своих размышлений об эмансипации: колонизацию. Он отметил, что Закон Конгресса о конфискации освободил некоторых лиц, которые теперь “зависят от Соединенных Штатов”, и он предположил, что некоторые штаты “для своей собственной выгоды” могли бы принять аналогичные законы. Следовательно, Конгресс должен найти какие-то средства, чтобы предоставить штатам финансовый кредит для этих людей, и “в любом случае” должны быть предприняты шаги “для колонизации [их] в каком-нибудь месте или местах в благоприятном для них климате. Возможно, было бы также неплохо подумать о том, не могут ли свободные цветные люди, уже находящиеся в Соединенных Штатах, быть включены в такую колонизацию, насколько этого пожелают отдельные люди”. Чтобы сделать это предложение осуществимым, Линкольн попросил средства для приобретения территории и облегчения переселения на нее чернокожих. Белые выиграли бы от этих шагов. Тем, кто мог бы возразить, что “единственной законной целью приобретения территории является обустройство домов для белых людей”, Линкольн объяснил, что “эта мера достигает этой цели, поскольку эмиграция цветных мужчин оставляет дополнительное пространство для белых людей, остающихся или приезжающих сюда”.¹⁵

Затем он утверждал, что его предложение равносильно “абсолютной необходимости — тому, без чего само правительство не может быть увековечено”. Война продолжалась, и он “беспокоился”, чтобы она “не переросла в жестокую и безжалостную революционную борьбу”. Очевидно, Линкольн опасался, что углубление конфликта обрекает правительство на гибель, делая невозможным мирное воссоединение. С другой стороны, политика компенсации и колонизации уважала бы права рабовладельцев и устраняла бы их страстные возражения против жизни в стране с освобожденными рабами. Рабовладельцы получили бы компенсацию, а освобожденные чернокожие были бы изгнаны. Профсоюз можно было бы восстановить без вызывающего беспокойство присутствия чернокожих. “Целостность Союза”, - добавил Линкольн, - оставалась “главной целью борьбы с нашей стороны”.¹⁶

В продолжение этого ежегодного обращения Линкольн 6 марта 1862 года обратился к Конгрессу с просьбой заявить о своей поддержке предложенной им политики постепенной, компенсируемой штатами эмансипации. Оказывая “денежную помощь” рабовладельческому государству, нация “компенсировала бы неудобства государственные и частные, вызванные таким изменением системы”. Более того, утверждал он, для Союза это было мерой “самосохранения”. Повстанцы надеялись, что Соединенные Штаты в конечном итоге будут вынуждены признать независимость “какой-то части недовольного региона”, и они верили, что как только это произойдет, все рабовладельческие штаты Союза перейдут к Конфедерации. Предотвращение этого события и “лишение их этой надежды”, однако, “по существу прекращает восстание; и начало эмансипации полностью лишает их этого, как и все штаты, иницирующие его”. Снова Линкольн подчеркнул, что он выступает за “постепенную, а не внезапную эмансипацию” и что он не требовал от федерального правительства права “вмешиваться в рабство в пределах штата”. В заключение он пообещал, что война прекратится “немедленно”, если повстанцы “практически подтвердят” федеральную власть. Он предупредил, что война приводит к “разорению”, и указал, что в его обязанности входит использовать “все необходимые средства” для сохранения Союза.¹⁷

В тот же день Монтгомери Блэр, генеральный почтмейстер Линкольна, энергично выступал за колонизацию в письме на собрании граждан в Соорег Union в Нью-Йорке. “Трудный вопрос, с которым нам приходится иметь дело, - заявил Блэр, - это “вопрос расы”. Белые рабочие на Юге и Севере не потерпели бы “равенства негров с ними и, следовательно, слияния”. Их нетерпимость проистекала не из “дурной страсти”, а из естественного и желанного “инстинкта самосохранения”. Блэр настаивал на том, что Томас Джефферсон был прав, полагая, что разделение рас необходимо. Белые должны иметь “земли, предназначенные для них Создателем” в зонах умеренного климата, где черная раса “не может прокормить себя”. Не было необходимости решать проблему “немедленной, всеобщей или принудительной транспортировки”, сказал Блэр. Если бы правительство просто объявило о твердой политике по вывозу освобожденных рабов, “более предприимчивые вскоре эмигрировали бы, а за ними последовали бы массы менее энергичных”. Он предсказал, что “всего через несколько поколений” белые будут “исключительно оккупированы” “умеренными регионами Америки”, и “единственное препятствие на пути к вечному союзу Штатов” будет устранено.¹⁸

Конгресс удовлетворил просьбу Линкольна, приняв в начале апреля резолюцию, в которой заявлял о своей готовности поддержать его планы колонизации. Хотя Конгресс оказал свою поддержку, многие публикации, которые обычно поддерживали Линкольна, выразили сомнения по поводу его плана, желая более решительно выступить против рабства и подвергая сомнению мудрость и практичность колонизации. Даже *New York Times* встретила те пассажи в его ежегодном послании Конгрессу, которые касались колонизации, с открытым скептицизмом. Предложение президента было бы дорогостоящим, отмечала *Times*, и не принесло бы пользы, сравнимой с затратами. Афроамериканцы были “настоятельно необходимы” как земледельцы, и в документе предсказывалось, что правительство сочтет необходимым оставить их “здесь, у себя дома”. В начале 1862 года the *Times* осудила колонизацию как “невыполнимую”, а также нежелательную, и покровительственно добавила, что эта “скромная, покорная, послушная раса”, безусловно, может быть полезна в Соединенных Штатах.¹⁹

Harper's Weekly настаивал на том, что только продвижение северных армий принесет освобождение, отмечал, что “союзная партия Юга” мертва, и в разделе редакционного мнения

заявил, что Линкольн “не был великим лидером”. “Рабство в этой стране обречено”, - было объявлено в феврале 1862 года, и Конгрессу вскоре пришлось столкнуться с вопросом о том, что делать с вольноотпущенниками. Несколькими неделями позже газета рекомендовала Конгрессу провозгласить свободу рабов, а затем создать новый “подотдел внутренних дел” для наблюдения за их положением, поддержания порядка с помощью вооруженных сил и содействия “их продвижению к гражданству в ... определенные времена”. Хотя будущее рабов было вопросом, “на который большинство людей хотели бы закрыть глаза”, еженедельник *Harper's Weekly* утверждал, что вольноотпущенники будут прогрессировать и станут полезными гражданами. “Сначала они были бы похожи на массу грубых иммигрантов, но по прошествии времени они стали бы такими же компетентными гражданами, как и многие другие иммигранты”. “Экспорт, ” заявлял журнал, “ практически невозможен”. Хотя его колонки стали более комплиментарными по отношению к Линкольну лично, *Harper's Weekly* продолжал критиковать вывоз четырех миллионов человек, вероятно, против их воли, как огромное, дорогостоящее и непрактичное мероприятие.²⁰

В течение нескольких месяцев *Harper's Weekly* пошел гораздо дальше. Он отверг колонизацию как невежественную и любимую идею западных людей, таких как сенатор Джеймс Дулиттл из Висконсина и представитель Фрэнк П. Блэр из Миссури. Их основной проблемой были предрассудки, отмечал еженедельник, поскольку “западные мужчины обычно возражают против освобождения негров не меньше, чем против рабства”. Хотя рабы оказались единственными надежными друзьями армии Союза на Юге, Линкольн и Монтгомери Блэр, брат Фрэнка Блэра, продолжали поддерживать “безумную” идею колонизации, которая “лишила бы страну рабочей силы”. Позиция генерального почтмейстера Блэра заключалась в том, что “белые люди Соединенных Штатов не будут жить бок о бок с чернокожими на равных”. Но в противовес этим взглядам, писал редактор, “мы должны ... продолжать отучаться от предрассудков, обретая терпимость”. “Слабость” Соединенных Штатов заключалась в том, что они “не могли терпеть негров, кроме как в качестве рабов”. Согласно *Harper's*, “предназначением” нации было “показать, что образованный и гуманный народ может подняться над предрассудками, которые оказались непреодолимым препятствием для одурманенных плантаторов островов Вест-Индии. Наше дело продемонстрировать, что две расы, которые жили мирно и процветали бок о бок в системе, которая представляла собой смесь самого грубого эгоизма, самой низменной жестокости и самой возмутительной несправедливости, могут ладить по крайней мере так же хорошо, когда эгоизм, жестокость и несправедливость заменяются человечностью, добротой и справедливостью ”.²¹

В *Цинциннати ежедневная газета*, республиканский документ, представленный письмо от сенатора Б. Грац коричневый, Миссури, которые противоречили президента и против удаления Афро-Американцев. Говоря само за себя, *Gazette* признала, что северяне могут счесть колонизацию “очень удобной доктриной”, но реалистично настаивала на том, что в лучшем случае это может привести к перемещению лишь небольшой части чернокожего населения. Более того, чернокожие были “основой богатства [Юга]”, и их отъезд означал бы “разорение”. Правильная политика, утверждала *Gazette*, заключалась в защите вольноотпущенников “в стране, где они находятся, и где их труд жизненно важен для ее процветания”. Что было несомненно, так это то, что “негры должны оставаться там, где они есть”. *Chicago Tribune*, еще одна решительно республиканская газета, посетовала, что “предложения о депортации и колонизации, одобренные правительством, будут только способствовать разжиганию вражды между расами”. Идя на уступки расизму, правительство возвращало зло. Более того, было ясно,

что “мы не можем избавиться от них никаким способом”. Вместо такого подхода *Tribune* заняла моральную и идеалистическую позицию. “Мы должны, как нация, смотреть на черную расу как на раненую и оскорбленную”, - писала газета. “Общественное сознание должно быть просвещено и либерализовано”.²²

Периодические издания, которые в целом были более консервативными, также смотрели в направлениях, отличных от тех, которые отстаивал президент. *Continental Monthly* был нью-йоркским журналом, приверженным независимости и говорящим “тоном, никоим образом не смягченным партийностью”, который отделился от более литературного журнала *Knickerbocker Magazine*. В феврале 1862 года, когда Линкольн обещал не вмешиваться в рабство в штатах, *Континентальный ежемесячник* определил “Истинную основу” войны как борьбу между одним обществом, основанным на “постоянно угасающем классе”, и другим, основанным на “равных правах и свободном труде”. Эмансипация должна быть “востребована” как способ выиграть войну, и журнал настаивал на ее объявлении “как на военной необходимости”. Другая выдвинутая идея состояла в том, чтобы ограничить распространение рабства путем покупки рабов в Техасе и превращения этого штата в производителя хлопка с бесплатным трудом, который мог бы продемонстрировать превосходство свободного труда. *Континентальный ежемесячник* также отверг “абсурдное утверждение о том, что эмансипированные негры впадают в варварство и не хотят работать”, и утверждал, что даже в рабстве афроамериканцы демонстрировали “интеллект, превосходящий значительную часть белых рабочих Европы”.²³

The New Englander, журнал, издаваемый в Нью-Хейвене, штат Коннектикут, и находящийся под влиянием консервативной теологии, связанной с Йельским университетом, в январе 1861 года осудил “великое зло аболиционизма”. Позже в том же году он отверг идею о том, что “победоносный и властный Север держит в принудительном и невольном подчинении завоеванный и поработенный Юг”. Но к январю 1862 года этот журнал праздновал представившуюся возможность покончить с рабством “в соответствии с законом о конфискации”. Игнорируя идею колонизации, финансируемой правительством, в статье того месяца был предложен другой путь к решению расовой проблемы страны. “Отвращение” к расовому смешению сделало бы невозможным “слияние”, и было неправдой, что рабы “откажутся работать в состоянии свободы”. Им больше понравилось бы работать в сельском хозяйстве в качестве свободных работников, чем в качестве рабов. Со временем, по мере того как эмигранты с Севера хлынули на Юг, освобожденные рабы “двинулись дальше, в тропические широты, что гораздо больше соответствовало их природе и склонностям”. Таким образом, со временем, согласно этой статье, “добровольная эмиграция” удалит “большую часть негров с этого континента” и “избавит нас от инкубатора черного населения среди нас”. В течение нескольких месяцев *New Englander* займет еще более прогрессивную позицию и придет к выводу, что колонизация “совершенно не нужна и вообще нежелательна”. Утверждая, что “страна нуждается в их рабочей силе”, осенью 1862 года журнал выразил неодобрение “бессмысленным предрассудкам” северян, которые хотели изгнать афроамериканцев.²⁴

Тем временем Фредерик Дуглас, решительный сторонник равенства, критиковал президента и подталкивал его. До предложения Линкольна Конгрессу в марте 1862 года Дуглас считал президента таким же “лишенным каких-либо антирабовладельческих принципов или чувств”, каким был Джеймс Бьюкенен. Газета Дугласа также представила различные доказательства того, что чернокожие люди, оказавшись на свободе, конечно же, будут работать. “То, что чернокожий в рабстве уклоняется от работы, - писал Дуглас, - только доказывает, что он

мужчина”. Чтобы проиллюстрировать эффект стимулирования, он привел пример рабов в Новом Орлеане, которые выполняли непосильный труд, чтобы заслужить свою свободу. Он также перепечатал сообщения из Хилтон-Хед, Южная Каролина, о том, что контрабандисты работают “охотно и удовлетворительно”. Когда Линкольн предложил Конгрессу компенсационную эмансипацию, Дуглас с удовольствием написал, что это “больше, чем я когда-либо смел надеяться”, но, само собой разумеется, он был против высылки из Соединенных Штатов. В ответ на вопрос: “Что нам делать с неграми?” Дуглас регулярно отвечал: “Ничего с ними не делайте ... оставьте их в покое”. Он выступал за предоставление чернокожим людям их прав, справедливое обращение с ними, выплату им справедливой заработной платы, а затем за то, чтобы позволить им расти или падать самостоятельно, точно так же, как это делали другие мужчины. Как также отмечалось в статье Дугласа, “КОНТРАБАНДА БУДЕТ БОРОТЬСЯ!” и может стать военным активом Союза. Другие чернокожие лидеры согласились с тем, что контрабандисты должны быть “призваны на вооружение и сформированы в армию освобождения”.²⁵

Радость Дугласа от общения с Линкольном сменилась горьким разочарованием в апреле и мае 1862 года, когда президент отменил антирабовладельческие действия генерала Дэвида Хантера в Южном департаменте, который включал Джорджию, Флориду и Южную Каролину. Хантер сначала провозгласил свободу рабам, а затем начал организовывать полк чернокожих солдат. Хантер уже некоторое время планировал создать афроамериканский полк. В январе 1862 года он написал военному министру Линкольна, демократу Эдвину Стэнтону, со словами: “Пожалуйста, позвольте мне поступать по-своему в вопросе о рабстве”. Хантер пообещал “понести вину” за свои действия, и Стэнтон получил копии приказа генерала о наборе чернокожих солдат. Это не вызвало никаких проблем у военного министра, поскольку он “намного опередил Линкольна в своих размышлениях” о чернокожих войсках. Стэнтон уже решил, как вспоминал его генеральный судья-адвокат, “что война никогда не сможет быть успешно завершена для правительства без использования цветных войск на местах”. “Действуя коварно”, военный министр пытался “поставить президента в положение, когда обстоятельства могли вынудить” его согласиться с эмансипацией и афроамериканскими солдатами. Однако Линкольн, у которого были другие приоритеты, быстро решил отменить обе меры, и Стэнтону пришлось помочь в составлении необходимого документа.²⁶

Реагируя на прокламацию Линкольна против указа Хантера об освобождении, Дуглас обвинил президента в том, что он все еще работает “над защитой рабства”, и посетовал, что чернокожие войска были распущены как раз “тогда, когда удар был наиболее необходим, и когда он вот-вот должен был быть нанесен”. Филип Белл, редактор чернокожей газеты из Сан-Франциско под названием “*Тихоокеанский призыв*”, осудил поступок Линкольна как “прокламацию в поддержку рабства” и обвинил его в том, что он “поощрял повстанцев в их усилиях свергнуть Профсоюз и увековечить рабство”. Более благосклонный к Линкольному, *Континентальный ежемесячник* утверждал, что Хантер действовал преждевременно и что “политикой исполнительной власти” была “постепенная эмансипация ради белого человека”. Но “рано или поздно”, предсказывал этот журнал, план Хантера “будет принят”. В поддержку Линкольна *New York Times* указала, что он всегда “отказывался превращать эту войну в войну за освобождение”. Тем временем Дуглас перепечатал оценку генерала Хантера о том, что чернокожие, которых он вооружил, проявили “большую природную способность выполнять обязанности солдата” и “превыше всего стремились выйти на поле боя и быть ведомыми в бой”. От других офицеров в оккупированных прибрежных районах поступали сообщения о том, что

контрабандисты были “гораздо более умны, чем ”бедные белые“ ”, “имели сильное желание учиться” и предоставляли американским войскам достоверную информацию.²⁷

Действия Линкольна весной и летом 1862 года выявили эволюционирующий, но все еще осторожный и ограниченный подход к использованию федеральной власти против рабства. Объявив действия генерала Хантера “совершенно недействительными”, президент изменил свою позицию — с его отрицания в марте любых заявлений о “вмешательстве в рабство в пределах штата” на заявление о том, что “я оставляю за собой право” решать, было ли “компетентным для меня, как главнокомандующего армией и флотом”, объявлять рабов свободными как “необходимость, незаменимую для поддержания[так] правительства”. Затем он использовал остальную часть своего воззвания против действий генерала Хантера, чтобы напомнить рабовладельческим штатам о своем мартовском предложении и “искренне призвать” их действовать и не быть “слепыми к знамениям времени”. В формулировках, которые он подготовил, но не включил в свой окончательный текст, Линкольн указал, что “очевидна сильная тенденция к полному разрушению общества на Юге”. Он призывал рабовладельцев избегать эмансипации в результате военных действий, выбрав вместо этого свое постепенное, компенсируемое, добровольное предложение, которое “придет мягко, как небесная роса, ничего не раздирая и не разрушая”.²⁸

Затем, в июле, Конгресс принял второй Закон о конфискации, и Линкольн отреагировал на это сложными конституционными разногласиями. Новый закон разрешал конфискацию имущества южан, которые были вооружены или просто “помогали или подстрекательствовали” к восстанию, и заявлял, что рабы таких лиц будут “навсегда свободны”, как только они перейдут под контроль Профсоюза. Военным офицерам больше не разрешалось возвращать рабов, и закон разрешал президенту использовать чернокожих для подавления восстания “таким способом, какой он сочтет наилучшим”, и проводить добровольную колонизацию “в какой-нибудь тропической стране за пределами Соединенных Штатов”.²⁹ Перед принятием законопроекта Линкольн пригрозил наложить на него вето на том основании, что его положения об аресте собственности нарушат требование Конституции о том, что “ни один обвиняемый в государственной измене не должен заниматься порчей крови или конфискацией имущества, кроме как при жизни обвиняемого”. Чтобы получить его подпись, законодатели затем приняли резолюцию, отрицающую какие-либо намерения повлиять на наследников повстанцев.³⁰

Последовали публичные дебаты по вопросу о том, будет ли конфискация нарушать положение Конституции, касающееся “Обвинения в государственной измене”. Адвокат Уильям Уайтинг, специальный советник, а затем солиситор Военного министерства, в 1862 году опубликовал трактат о военных полномочиях президента, в котором обсуждался Второй закон о конфискации. Анализируя английское законодательство, Уайтинг писал, что законопроекты о лишении прав были законодательными актами, приговаривающими человека к смертной казни, обычно за государственную измену, без суда. Он пришел к выводу, что согласно Конституции Конгресс обладает неограниченными полномочиями наказывать за государственную измену. Раздел и формулировки, касающиеся Линкольна, писал Уайтинг, “не ограничивают полномочия Конгресса по наказанию, но они ограничивают технические последствия особого вида наказания [т. Е. Лишения свободы], которое может быть принято, а может и не быть предусмотрено в уставе”. Поскольку Конгресс обладает полномочиями карать государственную измену смертной казнью или неограниченными штрафами, почему, спрашивал он, ему будет отказано в праве завладеть собственностью в любой другой форме?

“Согласно конституции, Конгресс имеет право, - заключил он, - объявить в качестве наказания за государственную измену конфискацию всего недвижимого и движимого имущества преступника”, и он конкретно оценил Закон о конфискации 1862 года как ни законодательный акт, ни закон постфактум. По словам Джеймса М. Макферсона, Линкольн согласился с аргументом о том, что собственность рабов, хотя и не недвижимость, может быть конфискована.³¹ Таким образом, политика Линкольна развивалась медленно и сложно, поскольку она следовала мнению юристов и большей части общественного мнения в направлении эмансипации. В целом на Севере число граждан, пришедших к выводу, что подавить восстание можно только решительными мерами, быстро росло. “Вы не можете составить себе представления о переменах”, - писал сенатор Джон Шерман своему брату Уильяму Т. Шерман.³²

Теперь, когда на горизонте замаячила ВОЗМОЖНОСТЬ эмансипации, грамотная общественность Севера приступила к обсуждению возможностей и будущей роли освобожденных афроамериканцев. Фактически, с самого начала войны книги о расах и расовых проблемах привлекали внимание. Одним из первых исследований, вызвавших комментарии, была книга Сиднея Фишера “*Расовые законы в связи с рабством*”, которая была опубликована в Филадельфии в 1860 году. Фишер, юрист и писатель, был бескомпромиссно убежден в неполноценности черных и необходимости расового господства. В уверенной, напористой манере он утверждал, что “белая раса по необходимости, в силу своего превосходства, должна управлять неграми, где бы они ни жили вместе”. Хотя рабство противоречит американским ценностям и не должно распространяться, оно было неизбежно до тех пор, пока существовала черная раса. Фишер также считал, что чернокожие и белые никогда не смогут “объединиться”, чтобы образовать “новый вид человека”; он полагал, что индивидуумы, которые были продуктами смешения рас, вскоре вымерли и не могли размножать свой вид. Его книга также выдвинула идею климатической пригодности, которая многим показалась убедительной: “Каждая раса имеет тенденцию, - писал Фишер, - заселять исключительно ту часть страны, которая соответствует ее природе”. Этот климатический принцип подсказал ему, что африканцы будут концентрироваться в самой южной части Соединенных Штатов.³³

Рецензент в *Atlantic Monthly* в 1861 году в целом хвалил *Расовые законы*, но оспаривал оценку Фишером чернокожих людей. В то время как Фишер считал, что афроамериканцы “неспособны к такому совершенствованию”, которое сделало бы рабство ненужным, автор *Atlantic Monthly* указал, что белые люди запретили чернокожим учиться. Тем не менее, они улучшались. Этот автор признавал, что “некоторая форма порабощения негров может быть необходима на время, уходящее далеко в будущее”, но он считал “совершенно неверным”, что рабство было “необходимым результатом” природы афроамериканца. Несколько более одобрительным был комментарий в *North American Review*, в котором Фишер похвалил “сжатую и энергичную мысль” и “тщательные рассуждения”. Но и здесь рецензент усомнился в неизменности существующей ситуации. Хотя он соглашался с Фишером в отношении “врожденной и существенной неполноценности негритянской расы”, он считал, что чернокожие могли бы улучшить свои интеллектуальные способности и со временем заслужить большее влияние на свои собственные дела.³⁴

В этой же статье *North American Review* рассмотрел другие теории и труды о рабстве. Рецензент, который жаждал восстановления Профсоюза, утверждал, что все работодатели рабочей силы склонны эксплуатировать своих работников, и он стремился примирить взгляды Севера и Юга.

Хотя он осуждал апологетов расизма, которые проявляли “самодовольную терпимость к американскому рабству как таковому”, он считал, что “жестокость и суровость” были “исключением” на Юге, и критиковал аболиционистов за то, что они вызывали “обострение чувств” у южан, игнорируя при этом “великую проблему” принятия решения о том, что делать с рабами. Возможно, существует “несомненная неполноценность африканцев”, но этот автор сомневается, была ли эта неполноценность “врожденной и неустранимой” или “результатом столетий деградации”. Призывая великое христианство возвысить как сильных, так и низших, он предсказал, что рабство будет очеловечено до того, как оно окончательно исчезнет. “Его сердце должно быть съедено до того, как умрет его тело”. Этот рецензент также без критики изложил взгляды преподобного Хиллера, который был “ревностным колонизатором”. Хиллер (как и Харриет Бичер-Стоу) видела в рабах высшую “моральную восприимчивость” и верила, что “замысел Бесконечной Мудрости” состоял в том, чтобы позволить привозить рабов в Соединенные Штаты, чтобы их можно было обратить в христианство, а позже, после постепенного освобождения, отправить домой проповедовать евангелие и возродить землю, на которой они родились.³⁵

The *Житель* Новой Англии в своей статье осенью 1861 года применил более научный или антропологический подход к расовым вопросам. В нем довольно подробно описывался и оценивался характер африканских народов на этом континенте. В результате получилась картина поразительного разнообразия и огромного диапазона культурных достижений. В некоторых районах в статье сообщалось о “хорошо организованных сообществах, обещающих развитие цивилизации” и “крупных торговых центрах”, местных жителях, которые были “в целом тихими, упорядоченными, трудолюбивыми, бережливыми”, и племенах, отмеченных “интеллектом и нравственностью”. В других регионах жители были “низки по уровню гуманности, жестоки в войне, пристрастились к работорговле, а некоторые из них - к каннибализму”. “Главной причиной деградации и варварства Африки”, - утверждал *New Englander*, - была международная работорговля, и он предостерегал своих читателей не судить африканцев по “наиболее деградировавшей части” населения этого континента. Было ошибкой рассматривать “порабощенного и извращенного негра” как представителя способностей расы. Соседняя статья преподобного Дж. М. Стертеванта, выпускника Йельского университета, который был президентом колледжа Иллинойса, призывала американцев относиться к афроамериканцам с большей справедливостью, потому что у них были некоторые данные Богом права, даже если “белый человек” был “назначенным небом господином нашей земли”. В то же время преподобный Стертевант лелеял надежду, что Север не потребует “невольного подчинения” от “завоеванного и порабощенного Юга” и что белые обеих частей могут воссоединиться в эмоциональном почтении к флагу США.³⁶

Две публикации, получившие известность, были рассчитаны на более широкую читательскую аудиторию и носили полуувеличенный характер. В “*Записи неизвестного человека*” Мэри Лоуэлл Патнэм, опубликованной в Бостоне в 1861 году, рассказывается о приключениях вымышленного рассказчика во время визита на Юг. Там он познакомился с ученым, живущим в сельской глуши, который посвящал все свои свободные минуты сбору достоверной информации об африканских народах. Хотя в романе почти не было действия, в его длинных речах и беседах излагались идеи о том, что африканская культура была гораздо менее примитивной, чем предполагало большинство белых, что ее обычаи имели сильное сходство с обычаями древней Европы, что каннибализм был мифом и что преобладающие взгляды африканцев сложились в основном из посещений побережья, где было велико разлагающее

влияние европейской торговли. *Harper's Weekly* похвалил книгу за ее вклад в познание “реальных исторических возможностей и достижений африканской расы”.

Второй книгой, которая, по-видимому, хорошо продавалась, была "*Среди сосен*", отчет о поездке на Юг до отделения, написанный Эдмундом Кирком, псевдонимом Дж. Р. Гилмора, одного из редакторов *Континентального ежемесячника*. Книга Гилмора была очень критична по отношению к рабству и заявляла, что восстание не может быть “подавлено, пока мы не уничтожим этот проклятый институт”. Хотя *Континентальный ежемесячник* решительно выступал за колонизацию, у Гилмора было много положительных отзывов об афроамериканцах. Он утверждал, что порабощение затмевает их природу, но все же считал их намного выше белых бедняков и описал одного чернокожего человека, обладавшего “редким умом ... прекрасными чертами характера и ... истинным героизмом”. Хотя некоторые рабы были низведены до уровня животных, “большая часть населения полностью сравнялась со своими белыми хозяевами, за исключением простого книжного образования”, и Гилмор больше не сомневался в “способности черных к свободе”.³⁷

Самой амбициозной научной книгой, вышедшей в свет, была книга Чарльза Лоринга Брейса "*Расы Старого Света: руководство по этнологии*", опубликованная в 1863 году. Описания Брейсом народов Африки, по-видимому, были взяты из субъективных рассказов путешественников и, безусловно, не были “самым достоверным” знанием в любом современном научном смысле. Он изобразил великое разнообразие африканских культур и племен, от тех, которые были “дикими и жестокими”, до других, демонстрирующих “благородный интеллект и поэтические чувства”. В своем теоретическом обсуждении расы и вариативности человека Брейс был более научным; он использовал теорию Дарвина, чтобы объяснить, как разновидности человечества могли развиваться от одного источника. Признавая, в частности, что “варварские человеческие существа жили на земле Европы ... за сотни тысяч лет до любой из принятых дат сотворения мира”, Брейс объяснил, как естественные вариации в сочетании с различными условиями окружающей среды могли привести к появлению “нового типа”. Цвет кожи, как он точно сообщил, определяется количеством клеток, несущих пигмент в коже, и он сообщил своим читателям, что головной и спинной мозг африканцев и европейцев одинаков по форме, структуре и размеру. Более того, он отверг широко распространенное представление о том, что мулаты бесплодны и не могут размножаться. “Все расы людей, из всех стран, - отметил он, - плодородны друг с другом”.³⁸

Это были удивительно хорошо информированные и прогрессивные взгляды, но, к сожалению, комментарий, который они вызвали, был не более распространенным, чем в отношении *расовых законов Фишера*. *New York Times* поддержала ценность этнологии как “описательной науки”, но сделала общепринятые выводы из работы Брейса. “За некоторыми исключениями, - писала *Times*, “ арийские расы были правящими народами земли, и нет никаких шансов, что скипетр перейдет из-под их власти”. Африканцы были среди “неисторических рас, влияние которых было незначительным и неоценимым” в анналах человеческого прогресса. Несмотря на свои научные познания, Брейс, возможно, не был сильно не согласен с этой оценкой, поскольку, по-видимому, считал африканцев в целом менее развитыми. “Степень цивилизации или варварства, - писал он, - влияет на все черты тела и лица”, и он описал чернокожих жителей “Севера Соединенных Штатов и Вест-Индии” как “низкий, варварский тип одного племени ... негров с побережья Гвинеи”.³⁹

Однако любая негативная оценка чернокожих в работах Брейса меркла по сравнению с яростной расистской псевдонаучной пропагандой Дж. Х. Ван Эври, нью-йоркского врача, тесно связанного с Демократической партией. Его *Негры и негритянское "Рабство": первая - низшая раса, вторая - ее нормальное состояние* была опубликована в 1861 году, чтобы побудить "Белых людей Америки", особенно "поденщиков и тружеников", сопротивляться любому изменению расового статус-кво. Согласно Ван Эври, чернокожие были "отдельным видом" с примитивным "строением черепа", мозг "на десять-пятнадцать процентов" меньше, чем у европеоидов, а волосы "такие жесткие и фактически треугольной формы, что удар руки мастера, несомненно, повредил бы последнему гораздо больше, чем голове негра". Мулаты стали бесплодными к четвертому поколению, заявил он, а чернокожие были созданы Богом для тропиков и рабства. Было жестоко выводить их из рабства, потому что они были "детьми навеки" и "неспособны понять потребности будущего". Достигнув полного умственного развития в возрасте от 12 до 15 лет, афроамериканец никогда не сможет стать гением, "поэтом, изобретателем или человеком, обладающим какой бы то ни было оригинальностью". Он испытывал свою "самую сильную привязанность" к "любви к своему хозяину", и любая попытка навязать равенство черной расе приводила к ее вымиранию или уничтожению. Точно так же, как Бог сотворил женщину подчиненной, "помощницей своего мужа", так и чернокожих он сделал рабами. Только в рабстве африканец-язычник мог стать "важным элементом цивилизации, прогресса и общего благосостояния обеих рас". Книга Ван Эври, насчитывающая более трехсот страниц, неоднократно предупреждала об опасностях "монгрелизма". "Антирабовладельческий обман нашего времени" угрожал нации, а расовое смешение с чернокожими грозило "полным социальным разрушением".⁴⁰

Несомненно, расизм и псевдонаучный тон Ван Эври поддерживали внутренние предрассудки многих его читателей, но поскольку война привела к все большему разрушению рабства и подняла вопросы о его будущем, этнологические или теоретические дискуссии вытеснили другие. По мере того как возможность эмансипации становилась все более реальной, внимание переключалось на недавние эмансипации, произошедшие в Вест-Индии. Во время войны были опубликованы и обсуждались четыре книги об освобождении, осуществленном там европейскими нациями. Наиболее влиятельной из них была книга Уильяма Гранта Сьюэлла *"Испытание свободным трудом в Британской Вест-Индии"*, опубликованная издательством Harper & Brothers в 1861 году. Анализ Сьюэлла, который первоначально появился в серии писем в *New York Times*, задал параметры последующих обсуждений. Он был склонен оценивать успех или неудачу эмансипации в первую очередь с точки зрения сельскохозяйственного производства, но он продемонстрировал, что наиболее значительное снижение производительности началось задолго до эмансипации, и он считал чернокожее население способным к улучшению, как только оно станет свободным.

Сьюэлл подчеркнул, что опыт и условия на каждом острове Британской Вест-Индии были уникальными. Однако повсюду происходила "битва" между свободной рабочей силой и бывшими владельцами. Там, где сопротивление эмансипации "было слабым, все следы соперничества исчезли, и процветание возродилось", в то время как решительное сопротивление свободе рабов наложило на людей покров угнетения. На большинстве островов экспорт увеличился благодаря свободному труду, и как торговля, так и общество находились в здоровом состоянии. Приводя цифры, Сьюэлл показал, что производство сахара увеличилось в Гвиане, Тринидаде, Барбадосе и Антигуа, даже несмотря на то, что количество сельскохозяйственной рабочей силы, производящей сахар, сейчас составляет "едва ли более

половины” от того, что было раньше. Ямайка, где производство сахара сократилось, была “исключением”, и ее спад “начался до того, как прогнозировалась эмансипация, и его можно проследить непосредственно по другим причинам, помимо введения свободы”. Плохое управление плантаторами-прогульщиками и неспособность инвестировать привели к проблемам Ямайки. Что касается африканских рабочих, Сьюэлл считал их “ниже” европейцев “по интеллекту, трудолюбию и силе характера”, но он подчеркивал, что они “продвинулись вперед при свободе”, и их нельзя винить за “недостатки, порожденные самим рабством”. Сьюэлл пришел к выводу, что “свобода, когда разрешена честная игра, не нанесла ущерба процветанию ни одной из этих вест-индских колоний” и что, “если люди заслуживают какого-либо внимания”, то острова были “в сто раз более процветающими сейчас”, чем во времена расцвета рабства.⁴¹

Когда партийные газеты обсуждали опыт Вест-Индии, они подчеркивали опыт Ямайки или других сахарных островов. Демократическая *газета Cincinnati Daily Enquirer* сосредоточилась на снижении экспорта на Ямайке, назвала процветание в других странах результатом ввоза рабочей силы кули и подчеркнула, что чернокожие люди неполноценны. “Во всей негритянской Африке, - говорилось в статье, озаглавленной “Британская эмансипация”, - нет такого понятия, как дорога, мост ... город”. *Cincinnati Daily Gazette*, с другой стороны, указала, что проблемы Ямайки носят давний характер и предшествовали эмансипации. С прогрессом на других островах “в умах людей, которые смотрят на факты без решимости исказить их в пользу рабства, теперь утвердилось истинное положение о том, что освобождение Вест-Индии увенчалось успехом”. Согласно *Daily Gazette*, было трудно критиковать “способность негров”, основываясь на карибском опыте, даже на Гаити.⁴²

Когда *New Englander* рассматривала вопрос об эмансипации Вест-Индии осенью 1862 года, она согласилась с выводом Сьюэлла о том, что за пределами Ямайки “за эмансипацией последовал значительный и решительный рост продуктов труда”. Свобода пришла без какого-либо насилия в отношении белых и без “слияния рас”, которое было результатом рабства, а не свободы. “Поскольку африканец в рабстве не бережлив, ленив и расточителен”, - заметил этот автор, слишком много людей ошибочно предположили, “что он всегда и по сути своей таков по характеру”. Фактически, рост производства на большинстве островов произошел, несмотря на уход женщин с полей и прибытие лишь небольшого числа чернорабочих-кули. Таким образом, запись “безошибочно доказывает трудолюбие негра в состоянии свободы”.⁴³ Аналогичный анализ, основанный на производственных показателях, появился в статье в *Континентальном ежемесячнике* за 1862 год. Рассматривая брошюру “производителя хлопка” Эдварда Аткинсона, который использовал данные Сьюэлла, *Continental Monthly* подчеркнула, что проблемы Ямайки предшествовали эмансипации, что экспорт в другие страны и производство продуктов питания увеличились и что бывшие рабы живут лучше, чем когда-либо прежде.⁴⁴

Поскольку книга Сьюэлла появилась первой, она, вероятно, оказала большее влияние, чем другие научные исследования, появившиеся позже и подтвердившие некоторые из ее выводов. Огюстен Кошен из Франции опубликовал две книги, которые появятся в переводе в 1862 и 1863 годах. “*Результаты эмансипации*”, тщательно изученный материал из колоний Франции и четырех других европейских стран, получил премию Французской академии; “*Результаты рабства*” были сосредоточены на последствиях рабства в различных колониях, а также в Соединенных Штатах и Бразилии. Кочин продемонстрировал глубокое понимание различных факторов, которые привели к различиям в опыте различных освобождающихся колоний.

Доступность земли, например, естественным образом влияла на решения вольноотпущенников о том, оставаться ли им на сахарных плантациях или искать фермы для себя. Кочин подчеркнул, что через пять лет после эмансипации во Французском Карибском бассейне производство и торговля вернулись к своему прежнему уровню, и с тех пор они увеличились. Не было экономического разорения, было мало насилия и не было регресса чернокожих к варварству, в то время как социальный прогресс был очевиден в большом количестве браков, более крепких семьях и переполненных школах и церквях. “Опыт французских колоний, - заключал он, - показал, что ”наилучшим способом освобождения“ была ”немедленная и одновременная эмансипация“.⁴⁵

Результаты рабства гораздо более непосредственно касались американской политики и будущего статуса чернокожих. Кочин решительно настаивал на том, что Конгресс может отменить рабство. Его взгляды на будущий статус афроамериканцев позаимствованы как у аболиционистов, так и у расистов. Хотя он оспаривал мнение о том, что африканцы безнадежно неполноценны и неспособны к цивилизации, он выступал за то, чтобы для получения избирательного права требовались “подходящие условия”, и ясно давал понять, что “европеец превосходит все расы разумом” и “предназначен Богом быть наставником остальных”. Тем не менее, Кочин выступает за “социальное и гражданское равенство, которое должно быть закреплено законом”.⁴⁶

В обзоре работы Кочина *the New Englander* отметила, что опасения по поводу эмансипации на французских островах были сильно преувеличены и что большинство вольноотпущенников оказались “готовыми к работе” и отзывчивыми на справедливую заработную плату и обращение. Особенно примечательной была демонстрация Кочином того, что немедленная эмансипация предпочтительнее режима, “который является постепенным или который устанавливает состояние ученичества между рабством и свободой”. Как выразился Кочин, “Ожидая, мы ничего не получаем; рискуя, мы ничем не рискуем”.⁴⁷ *North American Review* также приписывает Кочину демонстрацию того, что “эмансипация абсолютно безопасна, продуктивна с экономической точки зрения и в моральном аспекте приносит существенную и огромную пользу обеим сторонам”. Журнал счел, что эти выводы должны иметь “важное значение” для событий в Соединенных Штатах. В нем также была сделана рецензия на четвертую книгу, “*Вопрос о порабощении народов*”, написанную анонимным бывшим чиновником из Голландской Индии. Эта книга занимала иную позицию, утверждая, что немедленная эмансипация была бы “вредной”, и излагая подробный план постепенного превращения рабов в свободных людей посредством ученичества, образования и юридического надзора. *North American Review* с уважением отозвалась об этих предложениях, но назвала их “невыполнимыми ... в нынешнем тревожном состоянии наших дел”.⁴⁸

Эти основанные на фактах исследования оказали влияние на образованную и хорошоинформированную читательскую аудиторию, но на более широкую общественность они, по-видимому, оказали меньшее влияние. Даже многие редакторы и писатели продолжали обсуждать способности и характер афроамериканцев с точки зрения устоявшихся стереотипов и того, что люди считали общеизвестным. Такие представления часто ставили под сомнение напористость и компетентность чернокожих. *Harper's Weekly* сделал обзор мирного освобождения в Карибском бассейне и объяснил, что “африканская кровь не жестока. Это мягкая, терпеливая раса, хотя, как и все люди, они могут быть охвачены жадой мести. *Atlantic Monthly* опубликовал эссе Ральфа Уолдо Эмерсона, в котором чернокожие люди описывались

как “раса, от природы доброжелательная, радостная, послушная, трудолюбивая, и сами страдания которой проистекали из их огромного таланта приносить пользу”. “Простые сыны Африки”, - говорилось в статье в *Continental Monthly*, - будут нуждаться в гражданском и религиозном обучении “в рамках надлежащей системы УЧЕНИЧЕСТВА”, но откликнутся на “доброе обращение и новые надежды”. В другой статье того же журнала, опубликованной весной 1862 года, восхвалялись усилия миссионерских обществ, направленные на то, чтобы привить контрабандистам “представления о порядке, трудолюбии, экономии и уверенности в себе и возвысить их в масштабах человечества, внушив им чувство собственного достоинства”. Осенью 1862 года автор “Североамериканского обозрения” все еще считал, что рабы были настолько не готовы к свободе, что было бы “государственной изменой” нарушить конституцию штата и федеральную конституцию, “чтобы дать свободу сразу четырем миллионам рабов, семь восьмых из которых не знали бы, как ею воспользоваться”. “Нью—Йорк Таймс” показалось уместным опубликовать статью “Опытного наблюдателя”, который описал африканца как “экзотическое существо, почва и климат которого относятся к жарким регионам земли”.⁴⁹

Представление о том, что климат определяет или предсказывает судьбу, пользовалось широким распространением. Даже “*Цинциннати Дейли газетт*”, выступавшая против колонизации и утверждавшая, что “негры должны оставаться там, где они есть”, время от времени делала заявления о том, что “если бы не было рабства, тенденция всей американской расы была бы направлена на юг” и что произошел “естественный дрейф” в сторону “тропиков”.⁵⁰ Идея о том, что чернокожие американцы должны мигрировать из Соединенных Штатов в свой естественный дом в тропических регионах, имела очень преданных сторонников среди тех, кто близок к администрации Линкольна и внутри нее. Для семьи Блэр, особенно генерала Фрэнка Блэра и генерального почтмейстера Монтгомери Блэра, переселение афроамериканцев в южные страны было желанным и важным элементом расовой и национальной судьбы.

В 1859 году Фрэнк Блэр подробно изложил свои идеи ассоциации торговцев в Бостоне. В его видении будущего расизм смешивался с мечтами о процветании, которое последует за строительством трансконтинентальной железной дороги. Хотя Блэр рассматривал рабство как “пятно на справедливых перспективах нашей страны” и осуждал мнение главного судьи Тейни о правах чернокожих, он верил в расовую неполноценность. Между белыми и неграми существовали “неизгладимые различия”, и “раса соболей, выведенная во время эпидемии в Африке”, не могла “ассимилироваться с “превосходящими и просвещенными” белыми. Присутствие чернокожих в Америке представляло собой “неестественную связь” и угрожало развитию “гибридной” расы, которая “внесла бы деградацию как в правительство, так и в сообщества”. Блэр верил, что человеческие расы обладают естественной и различной “приспособляемостью к различным климатам нашей земли” и что “всякий раз, когда в наших тропиках приобретается регион, превращающийся в постоянный дом для наших американских вольноотпущенников, эмансипация будет происходить быстро” в прилегающих районах. Федеральное правительство должно поддержать отправку освобожденных рабов “во фригольды за границу”. Затем “последует переселение лишённой избирательных прав расы в тропики, и Южные штаты заполнятся людьми нашей собственной расы”. Таким образом, могла бы развиваться “новая торговая империя”, где белые распространились бы “по всей огромной зоне умеренного климата”, а чернокожие наслаждались бы собственным правительством и домами “в регионах, соответствующих их природе”. Это переселение рас, утверждал Блэр, “улучшит судьбу всех рас этого континента”.⁵¹

Утверждение о том, что расовое разделение отвечает интересам всех, было тактикой, используемой братом Блэра, генеральным почтмейстером Монтгомери Блэром. Фредерику Дугласу он заверил (хотя его комментарии в других местах противоречили ему), что его пропаганда колонизации не была основана на вере в расовую неполноценность чернокожих. Осенью 1862 года Блэр объяснил, что он поддерживает идею сенатора Сэмюэля Помероя из Канзаса использовать афроамериканцев для создания "новой империи ... в Центральной Америке". Но он настаивал на том, что эта схема колонизации основана на идее Томаса Джефферсона о том, что "разнообразие, а не неполноценность расы" является проблемой для Соединенных Штатов. "Неизгладимые различия, созданные таким образом Всемогушим, " утверждал Блэр, - создали "необходимость ... разделения" рас. Заявив, что он не ожидал, что чернокожие люди исчезнут из Соединенных Штатов на "много поколений", Блэр, тем не менее, утверждал, что желательно начать массовый исход в "межтропическую Америку". Поскольку чернокожие создали там новое правительство, их успех предположительно пойдет на пользу Соединенным Штатам, оставшемуся чернокожему населению Севера и даже чернокожим иностранцам, которые поступили в университеты Соединенных Штатов.⁵² К Блэрам эта тропическая или центральноамериканская идея была средством покончить с рабством и изгнать афроамериканцев из Соединенных Штатов, одновременно распространив влияние страны на большую часть Западного полушария.

Также выступавшим за колонизацию, но с идеями о возможных направлениях внутри Соединенных Штатов, был *Континентальный ежемесячник*. В соответствии со своими консервативными расовыми взглядами, этот журнал утверждал, что рабство должно быть отменено, но что эмансипация "должна быть во благо белого человека и Профсоюза, а не негра". Более того, это должно быть сделано "таким образом, чтобы вызвать как можно меньше проблем". Думая, что чернокожие могут "в конечном итоге пойти на поводу" и исчезнуть, *Континентальный ежемесячник*, тем не менее, увидел способ использовать их в краткосрочной перспективе для подавления восстания. Если бы на территориях, контролируемых Союзом, таких как Вирджиния и Техас, были созданы колонии белых рабочих, они могли бы "убедить Каффи [чернокожих] стать трудолюбивыми" и таким образом окружить Конфедерацию. С отменой рабства иммиграция из-за рубежа резко возрастет, а Конфедерация распадется. Затем вольноотпущенники должны быть привлечены к работе на южных землях, конфискованных у предателей, и в течение четырех лет их урожай должен использоваться для погашения военного долга. После пятого сбора урожая чернокожим следует отдать вырученные средства и отправить их в Техас или еще куда-нибудь, чтобы они жили сами по себе. Летом 1862 года *Континентальный ежемесячник* стал более категоричным в том, что "Юг неизбежно будет 'обращен на Север' или 'занят свободным трудом' " за счет поселения ветеранов армии и иммигрантов. Солдаты заслуживали бы награды за свою службу, и послевоенное восстановление не могло "основываться на реформированных сепаратистах". Чтобы наполнить Юг "северной кровью, жизнью, идеями, образованием и промышленностью", единственным "эффективным средством ... будет размещение там нашей армии".⁵³ Но чтобы освободить место для белых поселенцев и их позитивного влияния, афроамериканцам пришлось бы уехать в другое место.

ЭТИ ДИСКУССИИ в журналах и газетах породили множество идей для выработки политики. Но по мере того, как Линкольн приближался к концу 1862 года — периоду, в течение которого он должен был издать свои прокламации об освобождении, — колонизация и процесс постепенного, компенсируемого освобождения по-прежнему занимали его мысли. В июле,

перед закрытием Конгресса и отъездом законодателей из столицы, он пригласил представителей приграничных штатов в Белый дом. Там он лично обратился к ним с призывом пересмотреть его мартовское предложение. Он утверждал, что они могли положить конец восстанию, поскольку, если приграничные штаты примут его предложение о постепенной эмансипации с федеральной компенсацией, повстанцы увидят, что они не смогут победить. Более того, он призвал их учитывать свои интересы. Если бы они не действовали, "трение и истирание" войны в конечном итоге уничтожили бы рабство, лишив пограничные государства "ценности" рабства, прежде чем они смогли бы "распродать" и позволить "нации как покупателю ... выкупить [их]". Подчеркнув, что он говорил только о "*решении* сразу же начать эмансипацию *постепенно*", Линкольн добавил следующее заверение относительно колонизации: "В Южной Америке место для колонизации можно получить дешево и в изобилии; и когда число людей будет достаточно большим, чтобы составлять компанию и ободрять друг друга, свободные люди не будут так неохотно уезжать". В заключение он заметил, что его отказ от прокламации генерала Хантера вызвал большое недовольство, и он мягко предупредил, что "давление" с целью эмансипации "все еще на мне и усиливается". "По всем этим причинам он взывал к их патриотизму и "самым возвышенным взглядам".⁵⁴ Президент считал, что постепенная эмансипация штатов с компенсациями и колонизацией остается лучшей политикой.

В августе Линкольн добивался встречи в Белом доме с комитетом чернокожих лидеров. Его целью было подтолкнуть их к поддержке проекта колонизации, который он и его кабинет обсуждали с октября 1861 года. Закон Конгресса выделил шестьсот тысяч долларов на поддержку колонизации, и преподобный Джеймс Митчелл из Индианы более двух месяцев работал в Министерстве внутренних дел над организацией переселения на перешеек Чирики. Ко времени этой встречи были разработаны планы отправить сенатора Помероя с "500 трудоспособными неграми в качестве первой колонии". Точное место для поселения на перешейке должен был выбрать Померой, и администрация надеялась, что экспедиция вскоре покинет Соединенные Штаты. На своей встрече 14 августа с чернокожими лидерами Линкольн попытался убедить их присоединиться к его плану и нанять других участников экспедиции.⁵⁵

Первым подняв вопрос о том, почему чернокожие американцы должны покидать страну, он прямо сказал своим посетителям: "Вы и мы - разные расы. Между нами существует более широкая разница, чем почти между любыми другими двумя расами. Правильно это или неправильно, мне не нужно обсуждать, но это физическое различие является большим недостатком для нас обоих, поскольку я думаю, что ваша раса, многие из них, очень сильно страдают, живя среди нас, в то время как наша страдает от вашего присутствия". Линкольн утверждал, что ни одному чернокожему мужчине не разрешено равенство с любым белым человеком "на этом огромном континенте", и "я не могу изменить этого, даже если бы захотел". Теперь, из-за существования рабства, белые люди страдали; они "перерезали друг другу глотки". Поэтому, заключил президент, "для нас обоих будет лучше ... разделиться". Затем, прежде чем расхваливать преимущества Центральной Америки — с ее расположением на великой океанской "магистральной", гаванями, "одними из лучших в мире" и "свидетельствами очень богатых угольных шахт", — Линкольн осмелился проинструктировать чернокожих лидеров об их долге перед своей расой. "Среди вас есть свободные люди", - признал Линкольн, которые не были склонны покидать свою страну. Эти люди не могли видеть, что колонизация повысит их "комфорт", и поэтому предпочли остаться в Соединенных Штатах. Это, заявил президент, был "чрезвычайно эгоистичный взгляд на дело". Лидеры чернокожего населения,

люди, которые возвысились, несмотря на невзгоды, теперь слышали от президента, что они должны эмигрировать со своей родины, чтобы подать пример.⁵⁶

Слова Линкольна от 14 августа раскрывали его взгляды и приоритеты. Он принял как факт, что расовая проблема в Америке была глубокой и трудноразрешимой; он хотел положить конец конфликту между белыми американцами и воссоединить отдельные слои; и он выступал за изгнание чернокожих американцев в качестве решения. Предписывая своим посетителям, что они должны делать, он мало заботился об их правах или о том, как они могут рассматривать свои интересы. Понятно, что Фредерик Дуглас был оскорблен. Он возразил, что Линкольн проявил “презрение к неграм” и дал “оружие всем невежественным и подлым, которым нужно только одобрение людей, облеченных властью, чтобы совершать все виды насилия и безобразий” по отношению к чернокожим людям. Президент был “подлинным представителем американских предрассудков и ненависти к неграм и гораздо больше заботился о сохранении рабства и благосклонности пограничных рабовладельческих штатов, чем о ... справедливости и человечности”. Джордж Вашон, другой чернокожий лидер и педагог, осудил “вопиющую несправедливость” просьбы Линкольна, которая “может подлить масла в огонь” расизма, и отметил, что проблема Америки заключается не в присутствии афроамериканцев, а в “угнетении их белым человеком”. Даже демократическая *gazeta Cincinnati Daily Enquirer* отметила — и высмеяла — отсутствие у Линкольна заботы о чаяниях афроамериканцев. В редакционной статье газета презирала лицемерие республиканцев, которые выступали за отмену смертной казни, но “президент которых заявил депутации негров, что нельзя допустить, чтобы африканская раса даже смешивалась с его собственной”.⁵⁷

Однако во всем этом Линкольн был последователен. Он постоянно призывал белых южан помнить об узах общей истории, которые объединяли их с северянами, чтобы они могли быть друзьями и братьями, а не врагами. Он последовательно отрицал какие-либо намерения вмешиваться в права и институты рабовладельческих штатов. Он неоднократно высказывал убеждение, что его целью и долгом было сохранить Союз. Как заявила “*Нью-Йорк таймс*” 20 мая 1862 года, “С самого начала ... он отказался превратить эту войну в войну за освобождение”. Стоя на пороге военной эмансипации, Линкольн все еще надеялся примирить Юг с Севером. В письме сенатору штата Мэриленд Реверди Джонсону Линкольн отметил возражения жителей Нового Орлеана против сил Союза, но возразил, что “жители Луизианы” знали, “что у меня никогда не было желания прикасаться к основам их общества”. Действительно, “они вынудили меня послать к ним армии”. Таким образом, есть все основания согласиться с заявлением Линкольна о его приоритетах и отметить его политическую компетентность, когда в августе он ответил на знаменитую “Молитву двадцати миллионов” Горация Грили. На требование Грили нанести удар по рабству президент ответил: “Моей первостепенной целью в этой борьбе является спасение Союза, а не является ни сохранение, ни уничтожение рабства. Если бы я мог спасти Профсоюз, не освобождая ни одного раба, я бы это сделал, и если бы я мог спасти его, освободив всех рабов, я бы это сделал; и если бы я мог спасти его, освободив одних и оставив других в покое, я бы тоже это сделал. То, что я делаю с рабством и цветной расой, я делаю потому, что верю, что это помогает спасти Союз”.⁵⁸

Линкольн старался оставаться последовательным, даже когда проводил новую политику военной эмансипации. Историкам известно, что до того, как Линкольн написал Грили, он уже решил издать свое воззвание, но он ждал военной победы, которая обеспечила бы благоприятный повод. Этот момент настал, когда Ли отступил после битвы при Антиетаме,²²

сентября 1862 года. Линкольн начал свое Предварительное провозглашение Эмансипации с подтверждения своей устоявшейся политики. “В дальнейшем, как и прежде, - заявил он, - война будет продолжена [так в оригинале] с целью восстановления конституционных отношений” между Соединенными Штатами и восставшими штатами. На следующем заседании Конгресса он “снова порекомендует” свой план добровольной эмансипации, “немедленной или постепенной”, рабовладельческими штатами с компенсацией любому государству, не поднявшему мятеж. “Усилия по колонизации лиц африканского происхождения будут продолжены”. Затем, переходя к новому элементу своей политики, Линкольн заявил, что с 1 января 1863 года рабы, содержащиеся в любом штате, народ которого “затем поднимет восстание” против Соединенных Штатов, будут “тогда, отныне и навсегда свободны”. Чтобы представить “убедительные доказательства” того, что это не было восстанием, штату необходимо было направить в Конгресс представителей, избранных большинством его квалифицированных избирателей. Линкольн завершил это воззвание цитатой из актов Конгресса, запрещающих возвращение беглых рабов, конфискацию и освобождение рабов повстанцев, и пообещал рекомендовать компенсацию лояльным рабовладельцам.⁵⁹

Таким образом, Линкольн пытался двигаться сразу в двух направлениях — к постепенной эмансипации со стороны штатов и, если это не удастся, к отмене смертной казни с помощью войны. Возможно, он все еще надеялся, даже с таким опозданием, что юнионизм сможет вновь заявить о себе в некоторых частях Юга. Безусловно, его действия свидетельствовали о его желании продолжать уважать права рабовладельцев до тех пор, пока они были лояльны. Кроме того, структура этого шага к освобождению послужила важной политической цели на Севере, предоставив Линкольну защиту от его критиков. Это возлагало ответственность за освобождение на повстанцев. Это была практическая демонстрация того, что “они навязали мне необходимость”, как он написал Реверди Джонсону. На фоне каскада газетных реакций, как радостных, так и враждебных, это сообщение было услышано.

С положительной стороны, *Chicago Tribune* сообщила о “Всеобщем согласии и ликовании”, в то время как *Pittsburgh Gazette* провозгласила “Слава Бору!”; *Philadelphia Press* сообщила: “Восстание подошло к концу!”; *Alton (Иллинойс) Telegraph* отметила “трепет радости и надежды в сердцах всех верных людей”; а *New York Evening Post* провозгласила, что “цепи рабства были сброшены с конечностей трех миллионов человеческих существ”. С другой стороны, демократические газеты осудили “экстраординарный” и “неконституционный” поступок президента, обвинили его в лицемерии, пришли к выводу, что слабый президент “уступил” давлению радикалов, и предсказали, что его действия объединят Юг и усилят восстание.⁶⁰ Но, кроме того, были проницательные реакции из различных журналов.

В статье в *Atlantic Monthly* восхвалялась прокламация Линкольна, но далее отмечалось, что это вовсе не аболиционистский документ. Это провозглашение эмансипации было “не угрозой, а предупреждением”. Оно дало южанам сто дней, чтобы “сделать свой выбор между покорностью и рабством, сопротивлением и разорением”. В статье в том же журнале Ральф Уолдо Эмерсон заметил, что “у президента не было выбора”, и это наблюдение, несомненно, понравилось бы Линкольну. *Cincinnati Gazette*, республиканская газета, точно описала Предварительное заявление как “рычаг для восстановления мира и Союза. Способ спасти рабство - это просто подчиниться Конституции. . . . Способ уничтожить его - упорствовать в восстании”. Немедленной реакцией *New York Times* было подчеркнуть, что война “Все еще должна вестись ради восстановления Союза” и что постепенное упразднение и колонизация

”соблюдались”. Прокламация была “оружием ведения войны”, внеконституционной военной мерой для сохранения Союза. Позже осенью *Times* заявит, что “это война за отмену смертной казни не в справедливом смысле этого слова” и что прокламация не может “считаться документом об отмене смертной казни”. Если мятежные штаты вернутся в Союз, “война немедленно прекратится” и “рабство останется нетронутым. . . .Они могут спасти рабство, если захотят это сделать; если они откажутся, им придется винить только самих себя”.⁶¹

Перспектива военной эмансипации теперь придавала дополнительный вес вопросу: “Что нам делать с неграми?” Как отмечали различные периодические издания, военные события разрушали институт рабства. Законы Конгресса о конфискации, а теперь и Предварительная прокламация Линкольна подтвердили, что ликвидация рабства идет полным ходом, не только в результате “трений и истирания” войны, но и как цель политики Союза. Заявление президента было неоспоримо важным, поскольку оно придало мощный импульс процессу, который должен был ослабить рабство и предоставить больше возможностей афроамериканцам. Но оставалось много вопросов. Юридическая сила и масштабы провозглашения в качестве военной меры были неясны. Прекратится ли оно с окончанием войны? Скольким рабам это фактически принесет свободу и каков будет характер этой свободы? Ответы на эти вопросы были неясными и неопределенными.

По всему Северу другие люди быстро начали задаваться вопросом, какое место в обществе будут занимать освобожденные рабы. В течение нескольких недель после Предварительного провозглашения Линкольна демократы работали над тем, чтобы вызвать опасения, что приливная волна чернокожих затопит Север, подавляя общество и отнимая рабочие места у белых мужчин.*Cincinnati Daily Enquirer*, например, спросила: “Вы хотите, чтобы эта страна наполнилась неграми?” “Рабочим штата Огайо” было передано предупреждение о том, что республиканцы “приглашают негров с Юга приехать на Север и конкурировать с вашей Рабочей силой”. “Это была нация белых людей”, - заявляла газета, и “наше правительство было правительством белых людей на благо белых людей”, но теперь “мистер Линкольн хочет выпустить на Север миллионы негров, которых будет обеспечивать белое население”. “Будьте вовремя предупреждены”, - кричал заголовок о “Наплыве негров”.⁶² Республиканские газеты и сочувствующие им независимые журналы вознамерились ответить на эти обвинения как отрицанием их, так и уделением повышенного внимания колонизации или различным средствам сдерживания свободных афроамериканцев, чтобы они не причиняли вреда белым. Основные предпосылки белого расизма были очевидны в этих ответах.

The *Cincinnati Daily Gazette* ответила своему местному конкуренту, настаивая на том, что чернокожие “предпочтут остаться на Юге”. Отношения между белыми южанами и вольноотпущенниками “наладятся сами собой”, и даже если от некоторых афроамериканцев, возможно, потребуется “избавиться на Севере”, это можно было бы сделать, “не восполняя фактическую нехватку рабочей силы”. Кроме того, по словам *Gazette*, рабы не смогут конкурировать в “наиболее желательных видах труда”, поэтому северяне не пострадают. *Chicago Tribune* успокаивающе заявила белым северянам, что “правительство должно и будет использовать их там, где они есть, на Юге как доме черных”. В статье в *New Englander* указывалось, что было бы необоснованно предполагать, что Север будет обременен бережливыми и расточительными чернокожими. Было бы неправильно предполагать, что только “потому, что африканец в рабстве не бережлив, ленив и расточителен”, он ”всегда и по сути” будет таким. *New York Times* также назвала “совершенно необоснованными” обвинения

демократов в том, что “тысячи” свободных чернокожих “*наводняют Север*” и снизят заработную плату. В нем сообщалось, что генерал Сиклс пришел к выводу, что “ничто не заставит негров покинуть Юг”. *Times* утверждала, что “*труд негров всегда будет более востребован и более ценен в Южных Штатах, чем где-либо еще; и поэтому он всегда будет оставаться там*”, и она поддержала точку зрения кандидата в губернаторы от республиканской партии в Нью-Йорке, что “эмансипация не только сохранит права рабов на Юге, но и привлечет туда свободных негров Северных Штатов”.⁶³

Проадминистративная газета *Times* также стала ведущим сторонником конкретных схем внутренней колонизации Юга. Хотя это разрушило план Чирики, от которого, по сути, отказались из-за возражений стран Центральной Америки, *Times* энергично продвигала другие локации. Согласно газете, Дания, Гаити и Либерия выразили заинтересованность в привлечении недавно освобожденных рабов, но они одобрили идею с участием Флориды, которую продвигал Эли Тайер, изобретатель и бывший конгрессмен, возглавлявший усилия по отправке поселенцев против рабства в Канзас. Тайер хотел, чтобы правительство отправило бесплатных рабочих во Флориду, и Фредерик Дуглас был заинтересован в этом плане, предсказывая, что в нем примут участие тысячи чернокожих северян. Флорида была совершенно безлюдна и имела “климат, превосходно приспособленный к африканской жизни и труду”. Соединенным Штатам принадлежала большая часть тамошней земли, и “белые избегали” ее, поэтому *Times* спросила: “Зачем отсылать честных, скромных людей ... если мы можем дать им дом на нашей собственной земле ... совершенно не перемещая, не тесня и не вмешиваясь в жизнь нашего белого населения?” Несколько недель спустя газета настаивала на том, что “Флорида и Техас уже близко, и в них может появиться миллион бесплатных домов для свободных чернокожих”. Время от времени *Times* публиковала мнения тех, кто поддерживал колонизацию за границей, но критиковала эти взгляды как “ребяческие”, возникающие “из-за того, что мы *предубеждены* против их цвета кожи”. В нем настаивалось на том, что в Соединенных Штатах “чернокожие сейчас находятся именно там, где их труд нужен больше всего”.⁶⁴

Военный министр Эдвин Стэнтон публично высказался в поддержку политических идей, которые отражали идеи того *времени*. Продуктивным местом для вольноотпущенников были Соединенные Штаты. Он отметил, что уже на оккупированных Морских островах чернокожие люди продуктивно работали, и при военной защите они могли “навсегда отрезать от восстания ресурсы оккупированной таким образом страны”. Опыт также показал, что “ни один цветной человек не покинет свой дом на Юге”, если находится там под защитой, поэтому опасности миграции на Север можно было бы избежать, “предоставив цветным людям защиту и работу на земле”. Флорида и Техас с их большим количеством открытых земель заинтриговали Стэнтона, и он обнадеживающе написал о возможности переселения тысяч выходцев с Севера и из западных штатов на “свободные правительственные земли” там.⁶⁵

The *Континентальный* ежемесячник также проводил кампанию за колонизацию, особенно после того, как два бывших губернатора территории Канзас, Роберт Дж. Уокер и Фредерик П. Стэнтон, взяли на себя новые редакционные обязанности. В ноябре 1862 года Уокер в содержательном эссе утверждал, что “разделение” рас в Северной Америке “должно быть полным и вечным”. Фундаментальной проблемой было “предубеждение ... против негритянской расы”. По словам Уокера, это предубеждение, уже сильное на Севере и усиливающееся с ростом чернокожего населения и опасениями “снижения заработной платы” из—за

“конкуренции негров”, было “гораздо более глубокой” проблемой, чем рабство на Юге, где белые всех классов боялись и отвергали “смешение и равенство рас”. Он утверждал, что только колонизация за границей может решить эту проблему, и он выступал за переселение афроамериканцев в Африку, Мексику, Центральную и Южную Америку, Вест-Индию или куда-либо еще. Уокер особенно настаивал на “повторной аннексии” Техаса, в результате которой чернокожее население “отступит”, словно через “предохранительный клапан”, в Мексику, Центральную и Южную Америку. Только в Южной Америке чернокожие могли избежать статуса “деградировавшей касты” и наслаждаться равенством, которого “они никогда не смогут достичь ни в одной части этого Союза”. Чтобы преодолеть это, было необходимо “колонизировать за нашими пределами свободных чернокожих из *каждого штата*”, потому что “расовые предрассудки здесь неискоренимы”.⁶⁶

В декабре Фредерик Стэнтон предложил более консервативный план, твердо основанный на колонизации, но предусматривающий более медленный процесс. Повторяя некоторые знакомые расистские стереотипы, Стэнтон описал рабов как непривычных “заботиться о себе”, не обладающих “ни дальновидностью, ни предприимчивостью” и воображающих “в мерцающих сумерках своего интеллекта”, что свобода означает всего лишь “жизнь без работы”. В связи с этими фактами будет необходимо обучать и готовить их, прежде чем “постепенно установится” “эффективная система колонизации”. Более того, Соединенным Штатам потребуется увеличить свое белое население за счет европейской иммиграции или естественного прироста, прежде чем чернокожие смогут уехать. Следовательно, заключил Стэнтон, вольноотпущенники должны были бы стать “подопечными правительства” и с помощью “какой-нибудь системы ученичества” приобщиться к цивилизации и образованию, “насколько это возможно”. В конечном счете “африканцы найдут свое преимущество в перемещении дальше на Юг, возможно, в Центральную Америку, возможно, в Африку”. По мнению Стэнтона, немедленная эмансипация была бы “неудобной и, действительно, катастрофической”, а колонизация была бы отложена. Но в конечном итоге удаление афроамериканцев было необходимо.⁶⁷

Линкольн, казалось, согласился. Он использовал свое ежегодное послание Конгрессу в декабре, чтобы снова и более подробно аргументировать свой план постепенной, компенсируемой эмансипации со стороны штатов, сопровождаемой колонизацией за рубежом. Он призвал Конгресс предложить три поправки к Конституции. Первая предусматривала федеральную финансовую компенсацию каждому штату, который отменил рабство в течение следующих тридцати семи лет, к 1 января 1900 года. Федеральные выплаты могут быть постепенными или одной суммой, в зависимости от сроков эмансипации. Демонстрируя неизменное уважение к автономии штата в отношении рабства, Линкольн даже разрешил более поздние действия штата “по возобновлению или терпимости к рабству”, но на этом этапе потребовалось бы перечисление средств в федеральную казну. Его второе предложение предусматривало выплату компенсации лояльным рабовладельцам, чьи рабы “пользовались фактической свободой” во время войны. Третье недвусмысленно разрешило Конгрессу предоставлять деньги или иную помощь “для колонизации свободных цветных людей, с их собственного согласия, в любом месте или в разных местах за пределами Соединенных Штатов”.⁶⁸

Аргументы Линкольна в поддержку этих предложений были самыми длинными и обстоятельными за все время его президентства. Обращаясь к противникам эмансипации, он

утверждал, что предлагаемый срок “значительно смягчит” недовольство и “убережет обе расы от такого зла, как внезапное помешательство”. Обращаясь к сторонникам эмансипации, он утверждал, что этот срок спасет рабов от того, что, как он небрежно предположил, будет “бродячей нищетой, которая в значительной степени должна сопровождать немедленное освобождение”. Затем он продемонстрировал на статистических данных, что финансовое бремя компенсации для страны будет вполне управляемым, потому что за тридцать семь лет богатство и население Соединенных Штатов резко возросли бы. Что касается предложенной им второй поправки, он просто отметил, что лояльные владельцы заслуживали бы компенсации, но он говорил более подробно, опять же, о “будущем освобожденных людей”.⁶⁹

“Я не могу сделать так, чтобы стало известно лучше, - сказал Линкольн, - чем это уже есть, что я решительно выступаю за колонизацию”. Но поскольку колонизация требовала “согласия народа на депортацию”, некоторые освобожденные люди могли остаться, и он привел два аргумента в ответ тем, кто возражал против того, чтобы какие-либо афроамериканцы оставались в стране. Опасения, что свобода чернокожих приведет к снижению заработной платы, были ошибочными, сказал он, потому что эмансипация не изменит ни количества рабочих мест, ни численности работников. Если бы кто-нибудь из вольноотпущенников сменил работу, они оставили бы свои старые должности открытыми для белых. Если бы они работали меньше на свободе, как это “очень вероятно” было бы, это привело бы к повышению заработной платы белых, и “при депортации, даже в ограниченной степени”, сокращающей предложение рабочей силы, “повышение заработной платы белых является математически достоверным”. Что касается опасений, что “освобожденные люди хлынут вперед и покроют всю землю”, Линкольн возразил, что рассеянное черное население будет управляемым и что вольноотпущенники не поедут на север, а останутся на Юге, “пока для них не будут найдены новые дома в благоприятном климате и с людьми их собственной крови и расы”. . . . в любом случае, разве север не может сам решить, принимать их или нет?” В заключение он выразил уверенность, что “своевременное принятие” этого плана “приведет к реставрации и, таким образом, остановит” как войну, так и действие его Предварительной декларации об освобождении. Затем он призвал своих “сограждан” оказать поддержку, отметив, что “мы говорим, что мы за Союз”, и что “мир знает, что мы знаем, как его спасти”, то есть приняв его план.⁷⁰

Многие северные издания приветствовали предложения Линкольна, хотя они и не избежали критики. *Harper's Weekly* занял передовую позицию, утверждая: “Предубеждение против цветной расы - это то, что мы должны преодолеть. Потакать этому - значит наносить удар по нашей фундаментальной доктрине в самое сердце”. В нем также осуждалась идея Линкольна о колонизации как “просто уклонение, а не решение”. После Предварительного провозглашения эмансипации, *Harper's Weekly* поддержал Линкольна, восхваляя его поступок и настаивая на том, что эмансипация была “средством войны”, а “не аболиционизмом”. Однако он оставался оппозиционным и даже саркастичным по поводу колонизации. Мало какие страны хотели принимать освобожденных рабов, и мало кто из американских чернокожих хотел уехать. Фактически, “необоснованная” привязанность, которую афроамериканцы, казалось, питали “к своей родной стране”, заметил редактор, “имеет замечательное сходство с чувством, которое поэты называют “патриотизмом””.⁷¹ Фредерик Дуглас был в восторге от прогресса политики Линкольна, но он продолжал нападать на планы колонизации, “основанные на том основании, что белые и цветные люди не могут жить вместе в мире и счастье в одной стране”. “Линкольн знал лучше”, - утверждал Дуглас. Статья в *New Englander* осуждала колонизацию как

“бессмысленный предрассудок”, утверждала, что нация нуждается в своем чернокожем населении, и критиковала стопдневную отсрочку, встроенную в политику Линкольна по освобождению.⁷²

Прореспубликанская газета *Chicago Tribune* сообщила, что “радикальные республиканцы не особенно довольны пространными аргументами [Линкольна] в пользу компенсационной эмансипации”, но “сторонники отделения” были еще более недовольны его решимостью провести эмансипацию путем провозглашения исполнительной власти. Сама *Tribune* проявила готовность принять компенсацию рабовладельцам в свете многочисленных предыдущих обещаний о том, что не будет никакого вмешательства в рабство на Юге. “*Цинциннати Дейли Газетт*” точно описала Предварительную декларацию об освобождении как ультиматум, меру, “направленную на то, чтобы уничтожить средства повстанцев”. Два месяца спустя он добавил: “Если они будут упорствовать ... они сами уничтожили рабство”. Но *Gazette* также критиковала “болезнь” *цветофобии*, которой страдали сторонники колонизации, и высмеивала Линкольна за то, что он думал, что “цветные люди, похоже, не ценят привилегию покидать свою страну ради блага своей страны”. Почему они должны хотеть покинуть “эту землю наибольшего благоприятствования”, спрашивала газета? Ее соперник-демократ, *Cincinnati Daily Enquirer*, продолжал подвергать сомнению благотворительность республиканцев, которые хотели отправить вольноотпущенников в “самые чумные регионы” Центральной Америки. Он также забил в значительной степени против логики Линкольна экономические аргументы о вакансии, когда он писал: “кажется, никогда не приходило в голову президенту, что это не будет большим утешением к разнорабочим на Севере, чтобы быть затолкали его на южных негров, потому что оставляет место для белого человека в Южной.”⁷³

По истечении ста дней, поздно вечером 1 января, Линкольн опубликовал окончательный вариант Прокламации об освобождении. Ни одно из восставших государств не отреагировало на его предупреждение, и добровольная эмансипация так и не началась, поэтому он приступил к военным мерам против рабства. В его официальном тексте подчеркивалось, что освобождение было “подходящей и необходимой военной мерой для подавления восстания”, изданной в соответствии с его полномочиями “Главнокомандующего армией и флотом Соединенных Штатов во время фактического вооруженного конфликта”. В нем также “предписывалось” рабам “воздерживаться от насилия”, указывалось, что они будут “приняты на вооруженную службу” для выполнения вспомогательных функций, и освобождались от его последствий те районы, которые находились под контролем Профсоюза и, следовательно, технически не находились в состоянии восстания. Линкольн подчеркнул, что этот “акт правосудия” был “гарантирован Конституцией в силу военной необходимости”.⁷⁴

Противники атаковали идею эмансипации и высмеивали способ, которым она была реализована. Демократическая газета “*Нью-Йорк Уорлд*” критически отметила, что Линкольн “намеренно сделал прокламацию недействующей во всех местах, где ... доступны рабы”, и провозгласил “эмансипацию только там, где у него заведомо нет полномочий ее выполнять”. Линкольн, конечно, исключил районы, находящиеся под контролем Профсоюзов, но он пошел еще дальше. Он также решил освободить Теннесси от своего “акта правосудия”, хотя многие части этого штата не находились в руках Профсоюза. Надеясь снова привлечь рабовладельцев к поддержке Союза, президент договорился со своим военным губернатором Эндрю Джонсоном о том, что весь штат будет освобожден от действия прокламации. The black *Pacific Appeal* раскритиковала эту “половинчатую меру” и настаивала на том, что “каждый связанный”

должен был быть освобожден и “все цепи должны были быть разорваны”. В Англии министр иностранных дел лорд Джон Рассел прокомментировал “очень странный характер” документа и отметил, что в нем не провозглашается “принцип, враждебный рабству”.⁷⁵

Однако это было характерной чертой документа, который Линкольн намеренно и тщательно составил. Это дало ему политическое убежище от обвинений в радикальном аболиционизме, в то время как оно приступило к серьезным переменам самым консервативным из возможных способом. Его прокламация выражала не только его понимание своих конституционных обязательств и политических сил, которые его окружали, но и тот факт, что его приоритетами были прекращение войны и восстановление союза между северянами и южанами. Как заявил Линкольн в своем публичном ответе Горацию Грили, его “первостепенной целью” было “спасти Союз”, а “не ни сохранять, ни уничтожать рабство”.⁷⁶ Его главной целью не было ни нападение на предрассудки, ни изменение социальных отношений на Юге, ни возвышение вольноотпущенника. Эти вопросы, которые были жизненно важны для будущего афроамериканцев и нации в целом, не были решены. Эмансипация означала перемены, но она не означала нового и расово радикального направления в политике, поскольку усилия Линкольна по примирению Юга и южных рабовладельцев продолжались.

The “*Цинциннати Дейли Газетт*” заявила, что Линкольн сделал южанам “полное предварительное предупреждение . . . Они сами решили” продолжить восстание и отклонить “амнистию” Линкольна. *New York Times* также поддержала и распространила послание Линкольна. Она высоко оценила эту меру, которая, как она постоянно подчеркивала, была “военной целесообразностью”, как такую, которая доказала бы эффективность военной меры. Действительно, *Times* отметила, что Джефферсон Дэвис уже признал его ценность, когда осудил прокламацию и заявил, что рабы, захваченные у армии Союза, будут переданы губернаторам Юга для возможной казни. И хотя газета часто критиковала колонизацию, у *Times* не было желания внезапно менять статус афроамериканцев. Он опасался “катастрофического потрясения” для “всей нашей гражданской и социальной системы”, если рабство будет прекращено “слишком резко и стремительным образом”. Она верила в “какой-то постепенный процесс”, который привел бы к “радостному согласию, по крайней мере, в некоторых рабовладельческих штатах”. За несколько недель, непосредственно предшествовавших последнему провозглашению Линкольна, “*Таймс*” опубликовала мнение о том, что афроамериканцы никогда не смогут подняться “выше состояния, в котором всегда находились низшие касты Индии”. В редакционной статье также говорилось, что “совершенно маловероятно, что от интеллигентных белых собственников [на Юге] когда-либо потребуют или будут ожидать, что они будут жить на условиях “равенства” с ними”. В начале 1863 года, когда эмансипация ознаменовала новый этап войны, газета даже поставила под сомнение очевидное предположение Линкольна о том, что освобожденные рабы будут знать, как стать свободными рабочими. Необходимы законы о бродяжничестве, чтобы заставить их работать, писала *Times*.⁷⁷

Таким образом, эмансипация стала федеральной политикой. Теперь перед северянами встал вопрос о будущем статусе и роли афроамериканцев. Будут ли они успешно колонизированы за границей? Если нет, то каким было бы их положение в Соединенных Штатах? Эти вопросы оставались теоретическими в течение 1862 года. После провозглашения эмансипации они стали осязаемыми и реальными. Продолжение войны означало, что дополнительные сотни тысяч рабов сбежали бы от своих южных владельцев. В районах по всему Югу, где действовала армия Союза, они перешли бы на сторону Союза и начали новую жизнь в качестве

вольноотпущенников. Федеральное участие в работе с этими вольноотпущенниками неизбежно стало обширным, и это участие предоставило бы политикам обильную информацию, имеющую отношение к будущему, если бы они захотели ее использовать.

ДВОЕ

ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ ПОЛИГОН ВОЙНЫ

У Севера не было плана узнавать о способностях и предпочтениях вольноотпущенников. Ни политики, ни общественность не предвидели, что сама война создаст гигантский испытательный полигон, с которого будет доступна обширная и весьма актуальная информация. Но пока Авраам Линкольн обдумывал усилия по колонизации Чирики и Гаити, в южных штатах начались масштабные эксперименты с использованием бесплатной рабочей силы. Реагируя на давление событий, правительственные чиновники на оккупированном Юге многое узнали об афроамериканцах как о фермерах, солдатах и простых людях. Множество отчетов и наблюдений давали исходный материал для выработки разумной политики, если лидеры решали им воспользоваться.

Именно война привела северных генералов, бизнесменов, реформаторов и гражданских чиновников к контакту с недавно освобожденными рабами в Конфедерации. Каждый раз, когда федеральные армии значительно продвигались вперед, десятки тысяч рабов сбегали от своих хозяев и присоединялись к контрабанде на границах Союза. Там правительству приходилось решать, куда девать беглецов и что с ними делать. После некоторых колебаний и большой неумелости правительство решило сначала направить их работать на земле, а затем призвать в армию. Опыт общения с вольноотпущенниками на плантациях или в бою оказался информативным и даже поучительным для тех, кто имел непосредственный контакт с бывшими рабами. Гражданские лица и солдаты подробно рассказывали о тех, кому они пытались помочь или руководили ими. Они задокументировали действия и достижения вольноотпущенников, а также выдвинули свои собственные впечатления и теории о способностях и характере афроамериканцев. Взятые вместе, их отчеты представляли собой мощное представление о способностях афроамериканцев и вкладе, который они могли бы внести в американское общество. Они также точно предсказывают вид эксплуатации, который мог бы развиваться, если бы вольноотпущенникам не были гарантированы их права. Но эти данные часто игнорировались; это была борьба за признание этой информации вопреки устоявшимся стереотипам, расистским убеждениям и политическим приоритетам, определенным с точки зрения интересов белых. Будут ли эти факты восприняты политиками всерьез, еще предстоит выяснить.

ПЕРВОНАЧАЛЬНО ЛИНКОЛЬН ПООБЕЩАЛ не вмешиваться в рабство там, где оно существовало, и впоследствии он последовательно утверждал, что его целью было сохранить Союз. Как бы сильно ни изменили его планы военные обстоятельства, он по-прежнему стремился вернуть белых южан в состав восстановленной, мирной и объединенной нации и продемонстрировать свою основную добрую волю по отношению к этим заблудшим братьям, которые, как он заявил, должны быть не врагами, а друзьями. Помня об этих приоритетах, президент Линкольн не спешил разрушать рабовладельческий режим или дезорганизовывать его везде, где представлялась возможность. Вместо этого, если военные условия не требовали

иного подхода, он оставлял учреждение настолько нетронутым, насколько это было возможно. Таким образом, в приграничных штатах и Мэриленде местная федеральная политика практически ничего не делала для продвижения свободного труда или подрыва системы рабства.¹

1 января 1863 года и позже многие районы Теннесси находились вне контроля вооруженных сил США и, таким образом, были “охвачены восстанием”. Но чтобы не оскорблять рабовладельцев и сотрудничать со своим военным губернатором-юнионистом Эндрю Джонсоном, Линкольн воздержался от упоминания Теннесси в своей Декларации об освобождении. В течение многих месяцев Соединенные Штаты продолжали признавать законность рабства там и медлили с созданием лагерей для беглых рабов или объявлением их контрабандой. Точно так же долгое время после того, как армейские офицеры в других местах размещали беглых рабов на заброшенных плантациях и сдавали участки в аренду бизнесменам, которые хотели нанять бесплатных работников, правительство сдерживалось в Теннесси. Только в 1864 году, когда в армию начали активно набирать чернокожих солдат, политика правительства начала серьезно подрывать рабство в этом штате.²

Аналогичным образом, в Миссури, которая в начале войны перешла под эффективный контроль Профсоюзов, администрация Линкольна не организовала ни одного сельскохозяйственного производства для беглых рабов или, позже, вольноотпущенников. Во всем штате был создан только один лагерь контрабандистов, и отмена его произошла только в январе 1865 года по решению штата, потому что администрация не хотела отстранять профсоюзных активистов от работы.³

Кентукки, хотя на него претендовала Конфедерация, отправил больше солдат на дело Союза, чем в армию Джефферсона Дэвиса. Но она также направляла в Конгресс делегацию, которая часто была непреклонна и откровенна в защиту рабства, и подход Линкольна к этой делегации основывался исключительно на убеждении. Из-за местного сопротивления в Кентукки до окончания войны развивалось мало свободной рабочей силы, и этот штат оказался последним из пограничных штатов, положившим конец рабству. Он не смирился со смертью института до тех пор, пока Тринадцатая поправка не стала частью Конституции в декабре 1865 года.⁴

Забота о лояльных рабовладельцах также была характерной чертой федеральной политики в Мэриленде. Хотя Линкольн применил силу, чтобы арестовать законодателей этого штата, выступавших за отделение, и сохранить его в составе Союза, он не предпринял решительных действий против рабовладельцев Мэриленда. В Мэриленде почти не было федеральных плантаций или лагерей для контрабанды. Чтобы обрести свободу, многие рабы предпочли бежать из штата за несколько дней до того, как его избиратели единогласно одобрили эмансипацию, всего за пять месяцев до окончания войны.⁵

Однако в других местах военные действия против восстания быстро привели ко все более масштабным нарушениям режима рабства. Рабы хлынули на позиции профсоюзов в Вирджинии, а затем вдоль прибрежных районов, когда федеральные силы начали операции в Северной и Южной Каролине. Чтобы расколоть Конфедерацию надвое, Союз предпринял усилия по захвату реки Миссисипи, и когда федеральные войска и корабли сначала взяли Новый Орлеан, а затем продвинулись вверх по реке с юга и вниз по реке из Миссури, их прибытие привлекло поток вольноотпущенников. В результате 98 000 человек сбежали из рабства в южной Луизиане, а самая большая концентрация вольноотпущенников в границах

Союза — 125 000 - была обнаружена в долине Миссисипи. В целом, почти 500 000 вольноотпущенников воспользовались возможностями, предоставленными войной, чтобы обрести свободу в контролируемых Союзом частях Конфедерации. Пока война продолжалась, они жили и работали там. Примерно 271 000 человек находились в районах Нижнего Юга, контролируемых Союзом, и 203 000 человек были в составе федеральных сил на Верхнем Юге. Из обоих регионов, но в значительной степени из долины Миссисипи, более 100 000 вольноотпущенников вступили в армию США и рисковали своими жизнями, сражаясь за дело Профсоюза.⁶

Как показал историк Вилли Ли Роуз, реформаторы Севера и правительственные чиновники признавали, что в окрестностях Порт-Ройяла, Южная Каролина, существовал потенциал для эксперимента с бесплатной рабочей силой.⁷ Оттуда бежали плантаторы, оставив своих рабов. Однако на Юге в целом федеральные чиновники не думали в первую очередь о том, чему можно было бы научиться для будущей политики. Скорее, они реагировали, иногда неорганизованно и неэффективно, на прибытие тысяч рабов и вольноотпущенников в пределах границ Союза. Для военных эти афроамериканцы были проблемой и нежелательной ответственностью. Командиры не хотели, чтобы они препятствовали военным операциям, равно как и не хотели брать на себя тяжелую работу по их кормлению и уходу за ними.

Осенью 1862 года командующий департаментом Вирджиния генерал Джон А. Дикс пожаловался военному министру на то, что “негры-контрабандисты” были “очень большим источником смущения” для его гарнизона в Олд-Пойнт-Комфорт. Он запросил и получил разрешение спросить губернаторов Массачусетса и других штатов Новой Англии, примут ли они в общей сложности две тысячи мужчин, женщин и детей, “пока не будет восстановлен мир или не будет создана постоянная колония для их приема”. Хотя губернатор Род-Айленда был готов сотрудничать, другие губернаторы отказались. Губернатор Массачусетса Джон Эндрю возглавил оппозицию. Возражая против “толпы бездомных бродяг”, чья свобода может превратиться в “вседозволенность, коррупцию и позор”, Эндрю заявил, что бывшие рабы должны остаться на Юге. Если форт Дикс подвергнется нападению, Эндрю сказал: “Пусть черные сражаются за свою свободу!” Такое противодействие, наряду с расовыми страхами на Севере, сорвало этот план. Дальше на запад, примерно в то же время, армейские чиновники фактически отправили небольшое количество контрабанды в Каир, штат Иллинойс, что вызвало гневные протесты и мрачные прогнозы демократических газет штата.⁸

Таким образом, было ясно, что мужчины и женщины, сбежавшие из рабства, останутся на Юге.⁹ И если растущее число бывших рабов собиралось поблизости от армий Союза, командирам приходилось находить какие-то практические решения. Одним из подходов, который оказался неразумным, был сбор и размещение сбежавших рабов в наспех построенных лагерях. Сконцентрированные таким образом, рабы часто страдали от болезней, которые уносили много жизней и вызывали серьезную озабоченность. Поэтому, чтобы найти какую-то добродетель в необходимости, военные искали способы сделать чернокожее население полезным. Армейские офицеры нанимали чернокожих для выполнения работ, необходимых в лагерях, отправляли их работать на заброшенные плантации, чтобы они могли обеспечивать себя сами, и в конце концов начали набирать трудоспособных мужчин в армию.

Опыт армии в обращении с вольноотпущенниками часто был не из лучших. Неразбериха, бесхозяйственность, невыполненные обещания и даже жестокое обращение имели место во

многих местах. В начале войны некоторые командиры продолжали возвращать рабов их хозяевам задолго до того, как генерал Бенджамин Батлер впервые выдвинул идею сохранения и использования “контрабанды”. Другие офицеры не знали, что делать с контрабандистами, которые попадали в их лагеря, и плохо импровизировали. Позже, после того как установилась политика использования вольноотпущенников и их оплаты, невыплата обещанной заработной платы стала широко распространенной и серьезной проблемой.¹⁰

Например, в окрестностях Хелены, штат Арканзас, зимой 1862-63 годов многие беглые рабы работали на армию, но им ничего не платили, потому что армейские офицеры не вели учет причитающихся сумм. В какой-то момент командир издал приказ, запрещающий платить этим арканзасским вольноотпущенникам, поскольку опасался, что их владельцы могут предъявить претензии Соединенным Штатам за услуги беглецов. “Неспособность квартирмейстеров зачислить вольноотпущенников и выплатить им жалованье” была проблемой осенью 1863 года во многих местах между Колумбусом, штат Кентукки, и Натчезом, штат Миссисипи. В мае 1863 года контрабандисты в департаменте Вирджиния работали за зарплату, которая составляла лишь четвертую часть от той, что получали белые. В том же месяце в Норфолке, штат Вирджиния, тамошний суперинтендант по борьбе с контрабандой пожаловался, что чернокожим почти ничего не платят за работу, которую они выполняют на Крейни-Айленде. Гораций Джеймс, суперинтендант по делам чернокожих в округе Северная Каролина, сообщил в сентябре 1863 года, что многим вольноотпущенникам, находящимся под его надзором, “не заплатили после того, как они проработали более года на правительство”. Три месяца спустя командующий этим округом Бенджамин Батлер признал, что некоторым рабочим не платили “в течение более чем двух лет”. Даже на Морских островах иногда не выдавали зарплату или провизию, а командующий Южным департаментом сообщил, что выплачиваемая заработная плата была слишком низкой. Неудивительно, что, как сообщал массачусетский бизнесмен Эдвард Филбрик в начале 1864 года, чернокожим рабочим “не хватает уверенности в наших обещаниях”.¹¹

Жестокое обращение также имело место со стороны солдат, которые были расистами или, в некоторых случаях, просто были полны решимости позаботиться о своих собственных нуждах, даже если это причиняло страдания вольноотпущенникам. В Арканзасе солдаты иногда заставляли чернокожих, вступивших в ряды профсоюзов, работать, не думая об оплате. Хуже того, “иногда их расстреливали безнаказанно”. В “Морских островах” Эдвард Филбрик, который не был равнодушен к своим собственным интересам, сетовал: “Наши солдаты ... слишком склонны пользоваться беспомощностью [вольноотпущенников]”. Филбрик также пожаловался на нью-йоркский полк, который использовал свою близость к богатой плантации, чтобы обогатить свой рацион и дополнить обычные армейские пайки. Эти солдаты, что нетипично, забили “около 80 голов крупного рогатого скота” и съели большую часть сладкого картофеля с плантации, оставив вольноотпущенникам “едва ли достаточно на семена”.¹²

После первоначальной неопределенности командиры в долине Миссисипи и Луизиане взяли на себя инициативу в разработке политики, предусматривающей бесплатную рабочую силу для бывших рабов. Однако там, как и в других частях Юга, политика “поощряла социальную стабильность и преемственность, а не фундаментальные реформы”. Генерал Натаниэль Бэнкс, командовавший федеральными войсками в Луизиане с декабря 1862 года, требовал, чтобы афроамериканцы работали на плантациях или общественных работах с “подчиненным поведением”. На самом деле, он стремился к “уважительному поведению, правильной

дисциплине и совершенному подчинению со стороны негров” — вряд ли это описание бесплатного труда. Большинство из них пошли работать к плантаторам, которые платили пошлину правительству, а меньшинство работало на фермах, находящихся в ведении федерального правительства. “Заработная плата была в значительной степени иллюзорной”, — заключает Луис Гертейс, и вольноотпущенники обнаружили, что армейские маршалы-провосты “разделяли местные предрассудки в отношении чернокожих”. Даже друг генерала Бэнкса описал его систему “свободного” труда как “нечто вроде крепостного права”. И Фредерик Дуглас, и один из членов Комиссии по расследованию деятельности американских вольноотпущенников Джеймс Маккей критиковали эти меры как подходящие только на временной основе, но президент Линкольн оказал им “полную поддержку”.¹³

После падения Виксбурга армии пришлось иметь дело с большим количеством вольноотпущенников в долине Миссисипи. Его основными усилиями было заставить бывших рабов работать на плантациях, которые были сданы в аренду бизнесменам или спекулянтам. Стремясь получить быструю прибыль от дорогостоящего хлопка, эти арендаторы заслужили широкую критику. Среди тех, кто критиковал их низкую заработную плату и обращение с вольноотпущенниками, были Сэмюэл Шепли из Ассоциации друзей Филадельфии, Джеймс Э. Йитман из Западной санитарной комиссии и генерал Дэвид Хантер. Адмирал Дэвид Портер согласился с этим, охарактеризовав арендаторов как “жадных авантюристов”, которые “жестoko обращаются с неграми и наказывают их хуже, чем это делали их бывшие хозяева”. В округе на северо-востоке Луизианы инспектирующий офицер сообщил, что арендаторы очень плохо обращались с неграми, проявляя “полное пренебрежение” к их правам и “даже самым общим принципам человечности”.¹⁴

Эти протесты привели к тому, что военный министр Эдвин Стэнтон назначил генерала Джеймса Уодсворта с миссией по установлению фактов в этот район. В отчете Уодсворта, опубликованном в декабре 1863 года, выражалось сожаление по поводу того, что армия оказалась неподготовленной к уходу за большим количеством рабов, которые первоначально перешли на сторону Союза, и “результатом этого стала большая смертность”. Он одобрил последующие шаги по переселению вольноотпущенников на плантации, но утверждал, что арендаторы должны быть обязаны предоставлять медицинскую помощь, школы и достойную заработную плату. Уодсворт также призывал сдавать в аренду некоторым афроамериканцам небольшие участки земли, чтобы они могли “стать крестьянами-земледельцами”. Если этого не будет сделано, считал он, “большой опасностью” станет “тенденция к установлению там системы крепостничества”.¹⁵

В этот момент министр финансов Сэлмон Чейз попытался вмешаться и провести реформы, рекомендованные Джеймсом Йитманом. Поскольку Конгресс наделил Министерство финансов полномочиями в отношении заброшенных земель, Чейз почувствовал, что может действовать, и его ведомство попыталось потребовать нового стандарта оплаты труда, который был бы более чем в два раза выше, чем действовавший ранее. Он также хотел поощрять аренду и продажу земли афроамериканцам. Однако эта реформа была недолгой. Хотя военный министр Стэнтон “очевидно” поддерживал усилия Чейза, пишет Луис Гертейс, “президент Линкольн этого не делал”. По какой-то причине Линкольн считал эти реформы слишком сложными, или, возможно, он хотел разрешить разногласия между армейскими офицерами и чиновниками Министерства финансов. Он поручил генералу-адъютанту Лоренцо Томасу вернуться к реке Миссисипи и “овладеть контрабандным бизнесом и стать хозяином в нем”. Линкольн

рассматривал план Министерства финансов как “благонамеренный”, но обреченный на “гибель в его запутанных деталях”. В результате большое количество вольноотпущенников в долине Миссисипи продолжало работать за низкую заработную плату на плантациях, которыми управляли арендаторы, движимые надеждами на быструю и крупную прибыль. Реформы Министерства финансов “оказались в значительной степени иллюзорными”, а система бесплатного труда оставалась “явно репрессивной”.¹⁶

Система также оставалась небезопасной из-за непредсказуемых изменений военной ситуации. Генерал Лоренцо Томас привел пример этого в октябре 1863 года, когда отметил, что “необходимость вывода войск из Луизианы для усиления сил, действующих против Висксбурга, оставила линию плантаций, всего около шестидесяти, без надлежащей защиты”. Рейды повстанцев прогнали “негров и скот” в то время, “когда было важно выращивать урожай”. Эта проблема сохранялась вплоть до 1864 года, и историки пришли к выводу, что “только те поместья, которые находились вблизи гарнизонных городов или армейских лагерей, были в безопасности; в других местах в пределах границ Союза рейдеры Конфедерации и местные партизаны, как правило, действовали безнаказанно”.¹⁷ Как вольноотпущенники, так и арендаторы постоянно нуждались в усиленной защите со стороны военных.

В начале 1863 года администрация Линкольна всерьез заинтересовалась потенциальным вкладом южных вольноотпущенников в качестве солдат. Осенью 1862 года Линкольн скептически отнесся к идее создания чернокожих войск, сказав: “Если бы мы вооружили их, я боюсь, что через несколько недель оружие оказалось бы в руках повстанцев”. Текст Прокламации Линкольна об освобождении выявил некоторые изменения в его позиции, но в нем лишь смутно говорилось об использовании освобожденных рабов для “гарнизонных укреплений, позиций, станций и других мест, а также для укомплектования судов персоналом”.¹⁸ Такие формулировки предполагали, что их военная роль будет вспомогательной или закулисной. Но весной 1863 года Линкольн решил провести масштабную вербовку среди вольноотпущенников. Он послал генерала-адъютанта Лоренцо Томаса в долину Миссисипи с инструкциями пополнить ряды армии за счет чернокожих солдат.

Генерал Томас “был южанином, и его предрассудки были против призыва чернокожих”, - заметила *Chicago Tribune*, но теперь Томас решительно выполнял его приказы. Прибыв в долину Миссисипи, он непосредственно столкнулся с предрассудками, которые были распространены среди солдат, многие из которых были выходцами из западных штатов. Сказав, что “каждый офицер и солдат должен услышать это из моих собственных уст”, Томас обратился к подразделениям группами от 4000 до 7000 человек, а затем ответил на вопросы и комментарии рядовых. Он “отдал особые приказы, чтобы со всеми неграми, попадающими в ряды армии, ”обращались по-доброму“”, поскольку он обнаружил, что “вместо доброты” беглые рабы сталкивались с обвинениями в адрес “”проклятого ниггера”” и их “пинали ногами и надевали наручники во всех направлениях”. Томас сообщил, что солдаты не возражали против новой политики правительства. Они “только хотели официально знать, чего желает правительство, и они были готовы внести свой вклад”. Готовность солдат к сотрудничеству, возможно, была вызвана их желанием выиграть войну и перебросить больше войск на передовую, но некоторые другие комментарии генерала, возможно, помогли. Он заявил, что бывших рабов не отправят на Север, сказав: “Вы все знаете предрассудки северян против приема большого количества представителей цветной расы”. Томас также недвусмысленно пригрозил “уволить из армии любого человека, какого бы звания он ни был, которого я уличу в жестоком обращении с

вольноотпущенниками”.¹⁹ Но какой бы ни была причина, четкая позиция Томаса привела к хорошим результатам.

Первоначально эта политика вызывала споры на Севере, где она вызвала целый спектр мнений. Демократические голоса, такие как *Cincinnati Daily Enquirer*, называли чернокожие войска “позором для правительства, которое их использует, — поношением нашему делу, рассчитанным на то, чтобы навлечь на нас позор всего мира . . . Негр - варвар”. Фредерик Дуглас, с другой стороны, неустанно призывал цветных людей записываться в армию, поскольку он верил, что “как только чернокожий человек получит на своей персоне медные буквы “США”, пусть он получит орла на пуговицу, мушкет на плечо и пули в карман, и нет силы на земле, которая могла бы отрицать, что он заслужил право на гражданство Соединенных Штатов”. Точно так же Генри Хайленд Гарнет сказал чернокожей аудитории: “Мы должны сражаться! сражайтесь! сражайтесь!” и редакционная статья в еженедельнике *Anglo-African*, из Нью-Йорка, утверждали, что война была возможностью “восстановить наши утраченные права”. “Есть ли лучшее поле для отстаивания наших прав, чем поле битвы?” - вопрошал он.²⁰

Белые сторонники использования черных войск иногда сочетали расовые интересы с делом реформ. Джордж Х. Хепворт, министр Севера и армейский капеллан, работавший с вольноотпущенниками в Луизиане, опубликовал книгу, восхваляющую способность афроамериканцев к бесплатному труду и военной службе. Но интерес Хепворта к вольноотпущенникам не был полностью альтруистическим. Он был рад, что “негров можно заставить вести эту войну”, потому что “нам нужны наши мальчики дома”. “*Нью-Йорк таймс*”, между тем, согласилась с тем, что белые войска необходимо частично освободить от бремени боевых действий на беспокойном Юге, и подчеркнула, что использование черных войск было “чисто военным вопросом”, а не мерой реформы. Военная служба не подразумевала равенства с *Временем*, поскольку оно продолжало отрицать, “что какая-либо часть Республиканской партии или любая, кроме очень маленькой и незначительной части населения Севера, считает негритянскую расу равной белой расе”.²¹

Несмотря на противоречивые мнения, использование бывших рабов в качестве свободных рабочих и солдат в военное время продолжалось. На этом фоне примечательно, что удалось добиться хоть чего-то, но результаты были поразительными. Несмотря на очень неблагоприятные условия, при которых афроамериканцы впервые ощутили свободу на Юге, они с готовностью воспользовались своим шансом. Начали накапливаться обширные и благоприятные свидетельства об их поведении как фермеров и бойцов. Действительно, правительственные отчеты, свидетельства миссионеров и добровольных организаций, газетные статьи и книги вскоре дали огромное количество информации и анализа, касающихся качеств или характера чернокожих людей и их способности к свободе и гражданственности. Авторы некоторых из этих отчетов, возможно, были предрасположены к вольноотпущенникам, но большинство - нет. Огромное количество данных поступило от агентов самого федерального правительства, таких как армейские офицеры, а также от Комиссии по расследованию действий американских вольноотпущенников, которая была назначена военным министром Стэнтоном в начале 1863 года. Несмотря на разнообразие источников, подавляющее большинство отчетов согласуются по основным вопросам. Если бы были предприняты всеобъемлющие усилия, направленные на то, чтобы пролить свет на вопрос о будущем афроамериканцев, правительство вряд ли смогло бы получить больше или качественнее информации.

Один из вопросов, который немедленно беспокоил северян, заключался, как писал генерал Бенджамин Батлер президенту Линкольну, в том, “можно ли так же хорошо управлять черным трудом, использовать его и сделать столь же прибыльным в состоянии свободы, как и в рабстве”. На протяжении многих поколений рабовладельцы настаивали на том, что афроамериканцы от рождения ленивы и будут работать только под палкой. Южные плантаторы продолжали утверждать, что, по словам луизианца А. Макколлама, “У негров мало амбиций или их вообще нет, чтобы обеспечить будущее. Следовательно, телесные наказания - единственный способ добиться этого.”²² Но опыт военного времени быстро убедил агентов северян и наблюдателей, находившихся на месте происшествия, что вывод, к которому пришел Батлер, был правильным: “не было сомнений”, что вольноотпущенники будут работать, и работать хорошо.²³

В начале 1862 года с Морских островов начали поступать благоприятные сообщения. Специальный агент Эдвард Л. Пирс, например, сообщил министру финансов, что представления об их “общей лени” не заслуживают доверия. “Я видел, как они работают добросовестно и с желанием, - писал Пирс, - и “при наличии надлежащих мотивов, они, как свободные люди, будут настолько трудолюбивы, насколько это возможно для любой расы людей в этом климате”. К сожалению, армия часто не могла оплатить проделанную работу или обеспечить необходимым провиантом. Тем не менее, несколько месяцев спустя Пирс подтвердил, что, когда бывшие рабы “могли ясно видеть, что они должны получить вознаграждение за свой труд, они работали с похвальным усердием”. Капитан Э. У. Хупер доложил военному губернатору Южного департамента, что “я никогда не знал случая, когда у человека была разумная уверенность в получении заработной платы, даже умеренной, но он не был готов работать”. А управляющий плантацией с острова Леди, Южная Каролина, засвидетельствовал, что вольноотпущенники работали “более трудолюбиво, тщательно и энергично при системе оплаты труда, чем при старой системе”. Массачусетский бизнесмен и инженер Эдвард Филбрик заявил, что он “полностью удовлетворен” трудом вольноотпущенников в 1863 году, и пришел к выводу: “Негром движут те же мотивы, что и другими людьми”. В конце 1864 года Руфус Сакстон, военный губернатор региона, пришел к выводу, что “Морские острова можно успешно обрабатывать бесплатным трудом с умеренной оплатой”. Он добавил, что на землях, купленных или арендованных вольноотпущенниками, они “проявили трудолюбие, проницательность и благоразумие, которые не сравнятся по своим результатам с белыми людьми в аналогичных обстоятельствах”.²⁴

С Верхнего Юга поступили аналогичные свидетельства. Лига освобождения публиковала отчеты о том, что “они готовы работать” и что ни одной группой так “легко не управлять и не удерживать на работе”. Капитан К. Б. Уайлдер, который руководил контрабандой в Вирджинии, согласился, что чернокожие люди были расположены работать, “если им можно было разумно платить”. Он признал, что их работа и возможности превзошли его ожидания: “Я не думал, что у них так много мозгов. У них столько же мозгов, сколько у вас или у меня, хотя они странным образом демонстрируют это”. Другой суперинтендант по контрабанде из Вирджинии, доктор Орlando Браун, засвидетельствовал, что “они работают хорошо” и что это было “всеобщим свидетельством” надсмотрщиков на фермах. В конце 1864 года Браун сообщил, что, хотя многие афроамериканцы служили в армии, в его округе меньшая доля чернокожих, чем белых, нуждалась в государственной помощи. В то же время капитан Уайлдер пришел к выводу, что “догма ... о том, что негры очень ценны как рабы, но когда они свободны, они бесполезны и неспособны позаботиться о себе, теперь опровергнута”. Он объяснил: “Это имеет огромное

значение ... заставляют ли их работать или поощряют”. Семьдесят восемь процентов чернокожего населения, находившегося под его наблюдением, “теперь не зависели от посторонней помощи”. Недалеко от Вашингтона, округ Колумбия, армейский квартирмейстер попросил заменить его белых рабочих афроамериканцами, потому что последние “гораздо лучшие работники”.²⁵

В Луизиане правительственные чиновники подтвердили, что бывшие рабы хорошо работали и теперь думали и действовали как свободные люди. “На плантациях, которыми управляли энергичные люди, желавшие успеха в бесплатном труде, - сообщал капеллан Коннектикутского полка, - негры работали хорошо”, и они сопротивлялись “бывшим надсмотрщикам”, которые хотели восстановить над ними контроль по типу рабства. Х. Стайлс, инспектор плантаций Министерства финансов, согласился: “Эти негры превзошли ожидания повстанцев, живя без помощи белых”. Полковник Джордж Х. Хэнкс, суперинтендант по труду негров в департаменте Персидского залива, свидетельствовал: “Они охотнее работают и терпеливее, чем кто-либо из людей, которых я когда-либо видел”. Но он предупредил, что плантаторы “еще более безудержно стремятся поработить негров, чем когда-либо прежде”. Осознавая эту враждебность, вольноотпущенники настаивали на своем новом независимом статусе. “В первый же момент, когда вы начинаете говорить с рабом о свободе и говорите ему, что через столько-то лет он будет свободен или что его дети будут свободны, вы превращаете его в раба”, - сообщил генерал Джеймс С. Уодсворт. Точно так же маршал штата Джон Эла заметил: “Негры возвращаются на плантацию с совершенно иными чувствами, чем в прежние времена, — они обрели их в лагерях ... и они проявляют дух независимости — чувство, что они больше не рабы, а наемные рабочие; и требуют, чтобы с ними обращались как с таковыми”. Эти луизианские вольноотпущенники доказали, что “готовы работать”, но возражали “против того, чтобы их нанимали к старым рабовладельцам, как правило”. Вскоре некоторые подали прошение “обрабатывать землю за свой счет”.²⁶

Федеральные чиновники подавали такие же отчеты из долины Миссисипи, где условия часто были обескураживающими. Армейский инспектор труда в Мемфисе весной 1863 года признал, что многие чернокожие рабочие подвергались “самому грубому обращению ... работали весь день в воде, промокшие, почти замерзшие, а затем были загнаны в палатки в поисках убежища ... без укрытия, почти без огня и еды. ... Редко выплачивалась заработная плата”. Тем не менее, они выполняли важную работу, такую как “строительство укреплений, рубка леса, прокат бревен, управление лесопилками и [работа] в интендантском управлении и больницах”. Другие суперинтенданты сообщили, что вольноотпущенники хотели получить плату за свой труд. “Многие, если не большинство, имеют правильные представления — верят, что они должны работать, — беспокоясь о зарплате”, - сказал суперинтендант из Коринфа, штат Миссисипи. К сожалению, те, кто арендовал плантации у федерального правительства, часто игнорировали правила и очень плохо обращались с вольноотпущенниками, демонстрируя “полное пренебрежение” к их правам и “даже самым общим принципам гуманности”, по словам инспектирующего офицера Джулиана Э. Брайанта. Тем не менее, добавил этот офицер, “было продемонстрировано, что большинство [вольноотпущенников], если их стимулировать правильным обращением, надлежащей зарплатой и перспективой улучшения своего положения, будут трудиться добросовестно и стабильно: в то время как некоторые демонстрируют способность к управлению, энергию и исполнительные способности, которые сделали бы честь людям с лучшим образованием и более белой кожей”.²⁷

Некоторые из высших офицеров вооруженных сил пришли к аналогичным положительным выводам. Генерал-адъютант Лоренцо Томас признал, что было много проблем с "экспериментом" по бесплатному труду, который был принят "поспешно и по необходимости, со многими опасениями". Но готовность вольноотпущенников работать не была проблемой, и уже в октябре 1863 года он объявил свободный труд "полным успехом". Адмирал Дэвид Д. Портер доложил Томасу, что "Я почти никогда еще не встречал негра, который не был бы в состоянии прокормить себя, они от природы искусны в зарабатывании денег". На его флоте работало много вольноотпущенников, в том числе несколько "наших лучших механиков", и он обнаружил, что "все слуги умны". Бен Монтгомери, бывший раб с плантаций Джозефа и Джефферсона Дэвисов, произвел на Портера впечатление "такого же хорошо образованного, как большинство белых людей, и самого разумного человека, какого я когда-либо встречал". Генерал Джеймс Уодсворт доложил министру финансов Сэлмону Чейзу в декабре 1863 года, что освобожденные чернокожие были "готовы и озабочены продолжением труда ради их поддержки". Несколько плантаций были сданы в аренду вольноотпущенникам, и "я обнаружил, что арендованные таким образом земли были так же хорошо обработаны и что о работниках так же хорошо заботились и были так же довольны, как и на любой плантации, арендованной белыми людьми". Джон Итон-младший, главный суперинтендант вольноотпущенников в департаменте Миссисипи и штате Арканзас, позже согласился: "Вольноотпущенники делают все возможное для себя и правительства как независимые земледельцы на небольших фермах [...] Те, кто боролся [так в оригинале] для себя, собрали в среднем больше всего хлопка с акра и сэкономили суммы, варьирующиеся от ста долларов до десяти тысяч".²⁸

Очевидно, что по мере того, как армейские офицеры и агенты казначейства работали с вольноотпущенниками, у них складывалось более обоснованное мнение об их характере, способностях и культуре. Эти белые чиновники не всегда представляли вольноотпущенников в благоприятном свете, но их впечатления об афроамериканских фермерах и чернорабочих были в основном положительными. Просмотренные почти 150 лет спустя, некоторые из их комментариев раскрывают о наблюдателях столько же, сколько они сами о наблюдаемых; они также предоставили руководителям военного времени ценную информацию о бывших рабах и их окружении.

Почти повсеместно официальные лица хвалили стремление вольноотпущенников к образованию и были удивлены природным интеллектом, который они проявили. "Они посещали наши бесплатные школы ... регулярно и с большой серьезностью", - писал Винсент Коулер из Северной Каролины. Учительница-северянка из Вирджинии удивлялась, что "никогда не видела таких жадных до учебы людей". Другой посетитель Вирджинии нашел школы "процветающими" и сказал, что дети "добились, по крайней мере, таких больших успехов, каких могли бы добиться белые дети в тех же условиях жизни и при тех же обескураживающих обстоятельствах". Один суперинтендант по делам негров на Верхнем Юге сказал, что "все, занимающиеся обучением негров", согласны с тем, что "они могут научиться читать и писать так же легко, как белые дети", а другой суперинтендант охарактеризовал чернокожих детей как "умных, сообразительных и быстро обучающихся".²⁹

В низменности вдоль юго-восточного побережья "все" взрослые вольноотпущенники "выразили желание, чтобы их детей научили читать и писать, а также учиться самим". Руфус Сакстон, военный губернатор Южного департамента, в 1863 году считал, что рабство деградировало рабов и "притупило их интеллект" на Морских островах сильнее, чем где-либо

еще, но он был уверен, что даже там они могли “быстро продвинуться к улучшению”. Год спустя он сообщил, что “Они умные, энергичные и склонные к овладению буквами, послушные и восприимчивые ученики”. Точно так же в Луизиане вольноотпущенники “проявляют величайшее беспокойство по поводу образования своих детей”.³⁰ Надзирателей за контрабандой в долине Миссисипи, отвечая на ряд вопросов своего начальника Джона Итона, описали вольноотпущенников в следующих выражениях:

Гораздо умнее, чем я предполагал. Есть люди с прекрасным интеллектом и правильными взглядами.

Их общий интеллект хорош — намного лучше, чем мы предполагали.

Проявляют интеллект больший, чем приписывается их расе.

Домашняя прислуга гораздо умнее полевых рабочих. Все они быстро учатся — обладают интуицией, не рефлексируют — им нужна последовательность действий.

Выше, чем я ожидал: проницательные и яркие, когда они хотят понять; глупые и идиотские, когда они этого не делают.

Лучше, чем многие предполагают, настолько хорошо, насколько можно ожидать в сложившихся обстоятельствах.

Так же хорошо, как у мужчин, женщин и детей где угодно, любого цвета кожи, которые не умеют читать.³¹

Отчеты также сходились во мнении, что афроамериканцы Юга не были сварливыми или нарушителями спокойствия, а были хорошо воспитанными членами сообщества. “Они были миролюбивы, упорядоченны, чистоплотны и трудолюбивы”, - говорит Винсент Кольер, чей отчет мог бы обрадовать пуританина из Новой Англии. На Крейни-Айленде, в Вирджинии, суперинтендант Орlando Браун сообщил об очень небольшом количестве беспорядков или ссор, потребовавших ареста. В Северной Каролине Гораций Джеймс сообщил, что вольноотпущенники были “счастливы и довольствовались”, за исключением того факта, что правительство более чем на год задерживало выплату им заработной платы. Другой чиновник посчитал, что они “всегда более уступчивы к власти”, чем белые, в то время как на Морских островах Эдвард Пирс почти не слышал “нецензурной брани” и обнаружил, что вольноотпущенники “ни в коем случае не были порочными по своей сути”. Руфус Сакстон был уверен, что чернокожие проявят “предусмотрительность” и быстро усвоят “социальные формы и привычки цивилизации”. Исходя из своего опыта в Луизиане, генерал Уодсворт пришел к выводу, что “они будут продолжать мирные отношения с белыми. Они просто слишком послушны”. Бригадный генерал Джон Хокинс подтвердил, что он “никогда не видел людей, более готовых работать и делать то, что правильно”.³²

Религиозность бывших рабов произвела глубокое впечатление на белых наблюдателей с Севера. Суперинтендант по борьбе с контрабандой в округе Колумбия считал, что бывшие рабы были “гораздо более” религиозны, чем белые. “Это самые религиозные люди, с которыми я когда-либо имел дело, и они чрезвычайно преданны и пылки”, - писал он. Эдвард Филбрик заметил об их “религиозной вере” в то, что “Бог вмешался, чтобы прогнать их старых хозяев и дать им шанс самим обрести себя”. Наблюдатель с одной из плантаций в Южной Каролине

согласился, что “Они превосходят белых в эмоциональной религиозности”, но у него были некоторые сомнения белых, принадлежащих к среднему классу, относительно пылкости их богослужения. “Их интеллект нуждается в развитии”, - утверждал он. “Следовательно, для установления равновесия необходимо образование”. Другому белому рабочему “их религия” казалась “скорее вопросом чувств than of principle”, и Джордж Хепворт заявил, что религия вольноотпущенника была “не всегда вполне разумной”, но “неконтролируемым экстазом”. Другие считали вольноотпущенников не только “очень религиозными”, но и “всегда ортодоксальными”, с “лучшими, чем можно было ожидать, представлениями о доктрине”. Некоторые белые наблюдатели в долине Миссисипи сочли “их представления о ведущих доктринах Библии” “удивительно правильными”, а их религиозные собрания “одновременно торжественными и интересными”.³³

Мнения о морали вольноотпущенников и их культуре, которые, как ожидали северяне, сильно отличались от их собственной, разнились. Многие наблюдатели предполагали, что существуют недостатки, которые необходимо будет преодолеть. Например, Западная санитарная комиссия призвала правительство поощрять уважение к “институтам религии, брака и всем обычаям добродетельного и цивилизованного общества”, чтобы бывшие рабы “стали достойными благословения христианской цивилизации”. Учитель с Севера сообщил: “Мы нашли их послушными, но они великие лжецы и воры”, а армейский офицер решил, что “многие из них нечестны”, потому что рабовладельческая система вынуждала их “красть у своих хозяев”. Преподобный Дж. Б. Уотербери из Американского библейского общества опубликовал брошюру под названием “Дружеские советы вольноотпущенникам”, которая была полна снисходительных предостережений, таких как “Ложь - грех”, “Чистота очень важна” и “[Свобода] обязывает вас искать средства к существованию”. Аболиционист с Севера, посетивший оккупированную Вирджинию, свидетельствовал, что “мнения бывших рабов о супружеской верности” были “очень расплывчатыми”. По мнению Дж. Б. Руданеса, креола из Нового Орлеана, рабовладельческий режим подорвал целомудрие, но афроамериканские женщины стали “более целомудренными” после провозглашения Эмансипации. В долине Миссисипи некоторые суперинтенданты контрабанды согласились с тем, что “их представление о брачных отношениях” было “очень низким” или “совершенно неправильным”. Другие, однако, придерживались более взвешенной точки зрения, учитывающей прошлые условия жизни вольноотпущенников. “Большинство из них понятия не имеют о святости брачных уз”, - сказал один мужчина, но добавил, что брак “был для них невозможен” и что для некоторых чернокожих пар “брачные отношения существуют во всей их святости без юридической санкции”. Другой чиновник отметил, что у бывших рабов “не было возможности усвоить правильные понятия и практику”, однако многие из них были “верующими”. “Свободные и женатые, - предсказал один офицер, - они будут поддерживать супружеские отношения так же свято, как и любая другая раса”.³⁴

Готовность к сотрудничеству или предполагаемая податливость вольноотпущенников представлялась некоторым потенциальной проблемой в мирное время. “Они гораздо более послушны, чем белые”, - сообщил суперинтендант по контрабанде в Вашингтоне, округ Колумбия, а генерал Джеймс Уодсворт воскликнул: “Покорность этих людей!” Основываясь на своем опыте работы в Луизиане, Уодсворт опасался, что без надлежащей государственной политики они могут оказаться “вновь в рабстве”, потому что были “слишком послушными”. Точно так же полковник Джордж Хэнкс утверждал, что бывшие рабы “были воспитаны для силового правительства; они послушны, терпеливы и ими легко управлять; если здесь будет

установлено гражданское правительство и отменено военное правление, возникнет величайшая опасность того, что негры попадут в ту или иную форму крепостного права". Инспектор Министерства финансов выразил аналогичную озабоченность. "Негр восприимчив к лести и доброму влиянию", - сказал он, и ему потребуется больше независимости, чтобы противостоять "настрою плантаторов и арендаторов ... сделать его более униженным и несчастным, если это возможно, чем при старой системе труда".³⁵ Здесь было предсказание, основанное на прямом наблюдении и точное, репрессивных практик белых, с которыми чернокожие фермеры столкнутся в послевоенные десятилетия.

Те же черты характера, которые вызывали эти опасения, также наводили федеральных чиновников и других на мысль, что бывших рабов можно обучить быть хорошими солдатами. Генерал Бенджамин Батлер считал, что "дисциплина", присущая рабству, означала "преимущество в пользу негров как солдат". Они научились "делать то, что им говорят", и не подвергали сомнению инструкции или приказы. Более того, в мае 1863 года Батлер был уверен, что не будет необходимости призывать вольноотпущенников в армию. "Ведите с ними честную игру," - утверждал он, и пусть у них будут свои офицеры, и добровольцев будет предостаточно. Суперинтендант по контрабанде в Луизиане сообщил, что вольноотпущенники "часто умоляют о привилегии" взять в руки оружие, и он не видит "никаких причин, почему бы им не стать лучшими солдатами для этих времен и этого региона". Другие офицеры в долине Миссисипи с готовностью согласились и изложили свои доводы в ответ на запрос Джона Итона-младшего, главного инспектора по борьбе с контрабандой в департаменте Теннесси:

Я не сомневаюсь, что из него получится хороший солдат. . . . Чернокожие охраняли наши лагеря лучше белых.

Следует немедленно вооружиться. Многие из них смелы, готовы сражаться и способны оказать хорошую службу.

Обнаружите, что они без колебаний последуют за любой опасностью, пока их лидер не проявляет страха.

Я уверен, что с компетентными и храбрыми белыми офицерами из них получатся лучшие солдаты.

Политика и гуманность говорят: вооружайте негров.

Да, вооружите его! ... Из этих людей получатся хорошие солдаты.

Вооружите его — он мужчина — он будет сражаться — он может спасти Союз.³⁶

В этом вопросе, конечно, администрация Линкольна, как оказалось, почти не нуждалась в подталкивании. Хотя показания полевых офицеров, контактировавших с вольноотпущенниками, безусловно, имели отношение к делу, потребности военных, вероятно, были более решающими. После двух лет войны и десятков кровопролитных сражений Союз по-прежнему был далек от своей цели подавления восстания, и любой политик знал, что общественность Севера не собирается бесконечно терпеливо ждать. Очевидно, требовалось больше войск, и вольноотпущенники были очевидным источником дополнительной рабочей силы. Если сомнения Линкольна в способности чернокожих служить в армии были существенными, он вскоре отбросил их, чтобы провести эксперимент. Вербовка вольноотпущенников под

командованием генерал-адъютанта Лоренцо Томаса продвигалась быстро, и десятки тысяч чернокожих мужчин быстро вступили в армию. Многие с готовностью шли добровольцами, горя желанием бороться за свободу и Профсоюз, но армия также оказывала сильное давление на всех остальных, кто вступал в ряды Профсоюзов, но не испытывал желания сражаться. В результате большинство вольноотпущенников, обрабатывавших землю в границах Союза, вскоре стали женщинами, детьми и пожилыми мужчинами или инвалидами. У молодых и здоровых мужчин были винтовки на плечах.

За удивительно короткое время наспех обученные, необученные чернокожие войска оказались в самом пекле сражения и, вопреки ожиданиям многих белых, храбро проявили себя. В мае 1863 года федеральные войска попытались захватить Порт Гудзон на реке Миссисипи, и в штурм были брошены афроамериканские войска. Депеша в *"Нью-Йорк Таймс"* носила заголовок "Великая храбрость Первого и Третьего Луизианских черных полков: шесть отдельных атак, предпринятых ими против вражеских укреплений". Корреспондент *Times*, пишущий под псевдонимом Немо, был свидетелем того, как эти войска "сражались самым отчаянным образом". Генерал Натаниэль Бэнкс в своем официальном отчете высоко оценил поведение афроамериканцев: "Они оправдали все ожидания. Их поведение было героическим. Никакие войска не могли быть более решительными и отважными. . . . Суровое испытание, которому они подверглись, и решительный подход, с которым они встретили врага, не оставляют у меня сомнений в их конечном успехе. Им нужны только хорошие офицеры, команды ограниченной численности и строгая дисциплина, чтобы сделать из них отличных солдат". Редакторы *Times* заявили, что эта битва "решит вопрос о том, что негритянская раса может сражаться с большой доблестью. . . . Больше невозможно сомневаться в храбрости и стойкости цветной расы, когда ею правильно руководят". *Chicago Tribune* также опубликовала отчет генерала Бэнкса вместе со стихотворением, призывающим белых солдат никогда не "презирать черный полк". *Cincinnati Gazette* добавила, что две трети из 900 чернокожих военнослужащих "не могли быть учтены" после их нападений. "Со всех сторон говорят, что они сражались с отчаянием тигров". Даже соперничающая с Цинциннати демократическая газета, *Daily Enquirer*, опубликовала статью, в которой сообщалось о "неустранимой храбрости" этих афроамериканских солдат.³⁷

Вскоре с Юга пришли новые известия о храбрости черных войск. Вдоль реки Миссисипи афроамериканские солдаты снова столкнулись с сильным огнем во время атаки на Милликенс-Бенд. *Chicago Tribune* сообщила о "Доблести наших негритянских войск" и процитировала наблюдателя, который сказал, что "негры сражались как тигры - фактически лучше, чем их белые офицеры". Редакторы *Tribune* заявили, что чернокожий человек "проявил себя ... и до конца войны он ... добьется блестящего результата". Затем в Чарльстоне, Южная Каролина, полковник Роберт Шоу повел свой Пятьдесят четвертый Массачусетский полк в отважную, но обреченную атаку на батарею Вагнера. С неоспоримой храбростью чернокожие солдаты бросились на крепостной вал, но только для того, чтобы быть перебитыми в большом количестве, многие погибли вместе с полковником Шоу. *"Нью-Йорк таймс"* озаглавила статью "Отчаянная храбрость нападающей стороны" и подчеркнула, что чернокожим солдатам был предоставлен "чрезвычайно почетный и опасный пост в наступлении". Они "издали яростный вопль и бросились вверх по гласису ... добрались до парапета", прежде чем были сбиты "убийственным приемом" картечью, картечными патронами и непрерывной пальбой из стрелкового оружия". Такой храбростью эти солдаты показали, что они "вправе отстаивать свое право на мужественность".³⁸

Такие волнующие сообщения заставили некоторые демократические газеты пожаловаться, что аболиционисты слишком высоко оценивают усилия чернокожих солдат, в то время как “белые солдаты должны отступить”. Однако даже в республиканских газетах всплыли личные интересы белых и нежелание признавать притязания афроамериканцев на равенство. *Chicago Tribune*, которая ранее заявляла, что “общественное сознание должно быть просвещено и либерализовано”, теперь смешала похвалу мужеству чернокожих с замечаниями на расовой почве. Ранее исключив чернокожих американцев из армии, говорилось в газете, “мы дорого заплатили ... за нашу гордость белыми”. Хотя в нем содержался призыв к администрации “немедленно поставить каждого негра в строй”, *Tribune* утверждала, что здравый смысл, национальные интересы и права народа указывают на то, “что мы должны пролить как можно больше крови белых до конца войны”. “*Нью-Йорк Таймс*” размышляла о храбрости чернокожих солдат на Юге и пришла к выводу: “Поскольку они уже акклиматизировались и привыкли к лишениям, они будут более пригодны для службы на этом участке, чем белые солдаты-северяне, которые ... несомненно, будут серьезно страдать от лихорадки и других смертельных болезней, свирепствующих в низинах, граничащих с низовьями Миссисипи”. И, добавила *Times*, вольноотпущенникам требовалось больше “времени и дисциплины”, чтобы стать надежными солдатами.³⁹

Газета *Times* Генри Рэймонда также поспешила отрицать, что военная служба в соответствии с политикой администрации будет означать равный статус для чернокожих на свободе. По ироническому совпадению, известие о доблести чернокожих солдат на берегах Миссисипи всего за несколько недель опередило яростные античерные призывные бунты в Нью-Йорке. Возможно, эта шокирующая демонстрация северных предрассудков и расовой ненависти повлияла на колонки *Times*; тем не менее, это правда, что газета просто продолжала излагать позиции, которые она четко излагала ранее. Эти консервативные и предвзятые по расовому признаку позиции заключались в том, что целью администрации было восстановление Союза; что эмансипация была лишь необходимым средством для достижения этой цели; и что республиканцы не собирались революционизировать расовые отношения на Севере или продвигать равенство в стране.

В конце июля 1863 года в статье в *Times* была предпринята попытка подвести итог тому, что война открыла об афроамериканцах. Несколько “Мошенников” были уничтожены войной, сообщила *Times*. Теперь было ясно, что рабы не останутся непоколебимо преданными своим хозяевам; что они предпочтут свободу рабству; что они не поднимут кровавого восстания внутри Конфедерации; но что они могут с пользой сражаться в армии и, как солдаты, обладают своей “долей воинственности и отваги”. Тем не менее газета надеялась, что от чернокожих войск не следует ожидать большего, чем от белых солдат, и предупреждала: “Мы еще не убедились, что невежественный африканец может сражаться с той же эффективностью, что и умный белый человек”.⁴⁰

Несколько дней спустя *Times* обратилась к “Социальному и политическому статусу негров Юга”. Сначала его редакторы отвергли утверждение о том, что свобода приведет к расовому слиянию. Утверждая, что мулатов породило рабство, они утверждали, что на свободе “общеизвестно, что личное отвращение к [черным людям]” было намного сильнее, чем на рабовладельческом Юге. Затем *Times* презрительно отвергла заявления политиков-“болтунов” о том, что эмансипация приведет к смешанным бракам и к тому, что афроамериканец станет “голосующим гражданином Соединенных Штатов”. Заверив своих читателей, что *Times*

выступает против такой идеи “так же решительно, как и все остальные”, газета заявила, что “для многих грядущих поколений” избирательное право для вольноотпущенников быстро приведет к “разрушению народных институтов на этом континенте”. Право голоса было “привилегией”, и американская демократия уже столкнулась с “достаточным риском” из-за “невежества и коррумпированности белых избирателей”. История и африканский характер доказали, что чернокожие были “неспособны” осуществить избирательное право, как писала *Times*, “без опасности для себя и своих соседей”. Думать иначе было “чуть ли не безумием”. Хотя афроамериканцы были людьми с правами человека, они должны быть исключены из правительства, как женщины и индейцы. Мало того, что “подавляющее большинство” вольноотпущенников ничего не знали о “науке управления”, но им все еще нужно было научиться “искусству удовлетворять свои собственные повседневные потребности”.⁴¹

Такие настроения отражали политические приоритеты администрации и предвзято относились к северянам, даже несмотря на то, что они игнорировали факты, о которых *Times* уже сообщала и которые вскоре должна была осветить. В октябре 1863 года газета опубликовала новостной репортаж под названием “Южный негр”, в котором корреспондент подробно рассказал, как хорошо и успешно бывшие рабы работали в качестве свободных рабочих на плантации в Луизиане. Получая зарплату, вольноотпущенники выполняли на треть больше работы, чем в бытность рабами. Они зарабатывали деньги и посещали школу и церковь. Писатель признался, что предполагал, что рабам потребуется целое поколение, чтобы приспособиться к свободе, но реальность оказалась иной, поскольку эти чернокожие показали себя ответственными, бережливыми и трудолюбивыми. Этот корреспондент по-прежнему считал, что большинство рабов были “низкими, деградировавшими, невежественными и порочными”, но он узнал, что обнадеживающее будущее возможно, если белые не будут захвачены “предрассудками, порожденными нашей страстью и невежеством”. Месяц спустя *Times* призвала к созданию “Бюро эмансипации”, чтобы помочь вольноотпущенникам перейти “от состояния зависимости к состоянию самокупаемой промышленности”.⁴² Вне всякого сомнения, будущий статус вольноотпущенников теперь требовал внимания, поскольку события войны вынудили политиков рассмотреть этот вопрос.

По меньшей мере две комиссии, учрежденные федеральными властями, разработали рекомендации по политике в отношении вольноотпущенников и будущему статусу афроамериканцев. Обе пришли к благоприятным выводам. Одна из них, Комиссия по расследованию деятельности американских вольноотпущенников, возникла на уровне кабинета министров по назначению военного министра и опубликовала свои выводы для всеобщего ознакомления. Вторая была следственным органом армии. Кроме того, ряд лиц, которые были так или иначе связаны с соглашениями о бесплатной рабочей силе на оккупированном Юге, высказались как публично, так и в частном порядке, дав дополнительные советы правительственным чиновникам.

В начале войны формировавшиеся мнения и рекомендации часто носили патерналистский оттенок и основывались на предположении, что вольноотпущенникам потребуется значительное обучение свободе или цивилизации. Но время шло, свидетельства с Юга произвели благоприятное впечатление на тех, кто наблюдал за вольноотпущенниками. Начал складываться консенсус в отношении того, что чернокожие южане вполне могут сами позаботиться о себе и им нужен только справедливый шанс. Для того чтобы у них был такой шанс, вероятно, было бы необходимо организовать защиту вольноотпущенников от

враждебности их бывших владельцев. Но, получив возможность подняться или пасть самостоятельно, вольноотпущенники могли бы занять свое место в качестве продуктивных американских граждан.

В начале 1862 года пример реформистского, но патерналистского подхода был представлен на островах в Южно-Каролинском море. Эдвард Л. Пирс, выпускник юридической школы Гарварда, работавший специальным агентом Министерства финансов, поделился своими впечатлениями об афроамериканцах с госсекретарем Сэлмоном Чейзом. Пирс привнес в свою работу симпатии к аболиционизму, а также убеждения и допущения в пользу свободного труда. Столкнувшись со многими рабами с “низким интеллектуальным развитием”, но с другими, “которые были самыми прекрасными образцами человеческой натуры, какие только можно ожидать найти”, он с оптимизмом посмотрел на долгосрочные перспективы улучшения положения вольноотпущенников. Но он предполагал, что потребуется обучение и руководство со стороны северян-идеалистов, таких как он сам. “Пока, - утверждал он, - чернокожие с Морских островов были “в большом количестве не готовы ко всем привилегиям граждан”. Он призвал привлечь миссионеров с Севера и предоставить каждому рабочему “кусочек земли, на котором можно выращивать кукурузу или овощи для потребления или продажи”. Его план, объяснил он, “предусматривает на данный момент отеческую дисциплину”, которая подготовит рабов к светлому будущему. После этого управлять должен рынок. “Как только рабочие покажут, что они соответствуют всем привилегиям граждан, их следует уволить из системы и разрешить им заниматься любой работой, какой им заблагорассудится, и там, где им заблагорассудится”.⁴³

Другие наблюдатели не смогли так легко совместить эти патерналистские идеи со идеями свободного рынка, как это сделал Пирс. Представления о том, чтобы оставить вольноотпущенников в полном одиночестве, предоставить им самим подниматься или падать, как отстаивал Фредерик Дуглас, конкурировали с верой в то, что период опеки необходим. Эдвард Филбрик, инвестор из Северной Америки, активно работавший на Морских островах, был всецело предан рынку и хотел избежать патернализма. “Негром движут те же мотивы, что и другими мужчинами”, - писал Филбрик, и он реагировал на стимулы. Он открыл магазины на плантациях и снабдил их недорогими потребительскими товарами, чтобы удовлетворить новые потребности. После войны, настаивал он, не должно быть “никаких ограничений” на решения афроамериканцев о труде. “Это должно быть *полностью добровольным*. Любая половинчатая система обучения потерпит неудачу по сравнению с совершенно свободными отношениями между Работодателем и Нанятыми”. С другой стороны, Фредерик Юстис, управляющий плантацией на Морских островах, считал, что необходима “какая-то система опеки” или “система ученичества”, потому что бывшие рабы “еще не были готовы к свободе”.⁴⁴

Генералы Бенджамин Батлер и Джеймс Уодсворт в основном согласились с Филбриком, но хотели предостеречь от вмешательства южан. Батлер заявил, что чернокожие рабочие должны регулировать себя точно так же, как это делали белые, и “по тем же законам”. Но, учитывая уничтожение рабства и “дезорганизованное состояние” общества, он выступал за военное, территориальное правление в течение нескольких лет, чтобы обеспечить переход в обществе. Генерал Уодсворт, основываясь на своем опыте в Луизиане, считал, что система General Banks слишком сильно контролирует вольноотпущенников. Уодсворт сказал Комиссии по расследованию деятельности американских вольноотпущенников, что правительство должно помочь чернокожим заключить их первый трудовой контракт, “но как можно скорее вы должны сказать им: ‘Теперь вы должны сами заключать сделки’. Он считал, что, если “враждебность

хозяев” окажется серьезной, правительству нужно будет продолжать участвовать. Затем он мог бы “осуществлять определенную опеку” для защиты и “приостановить реконструкцию” до тех пор, пока полная эмансипация не станет реальностью. Уодсворт ожидал, что на это потребуется не более трех-пяти лет.⁴⁵

Другой идеей, получившей несколько приверженцев, была связь опеки с белой иммиграцией на Юг. Судья А. Д. Смит, уполномоченный по прямым налогам, назначенный в Южную Каролину, смело утверждал, что вольноотпущенникам следует предоставить “усадебу - у них *должна быть земля, очень много земли.*” Он заявил Комиссии по расследованию деятельности американских вольноотпущенников, что каждый вольноотпущенник должен иметь возможность “приобрести от пяти до полутора тысяч или пятисот акров земли”. Но все передачи недвижимости должны быть продажами, включая продажи “белым мужчинам”, потому что “я хочу иметь пример [так] предпринимательства белых перед цветными людьми”. Успех, по его мнению, требовал “англосаксонского духа интеллекта и предприимчивости, чтобы вызвать у них соперничество”.⁴⁶ В северной Луизиане бригадный генерал Джон П. Хокинс пришел к аналогичным выводам. Он посоветовал северному аболиционисту Джерритту Смигу, что не должно быть “никаких законов для негра, как если бы он был ребенком и его нужно было всему учить”, но Хокинс также считал, что важно “привлечь большое лояльное население на юг”. “У нас здесь должно быть большое белое население”, - сказал он, и решение состояло в том, чтобы разделить землю на участки от 80 до 200 акров и пригласить “фермеров севера ... приехать сюда и обрабатывать их”. Джордж Хепворт в своей книге, опубликованной в 1864 году, также утверждал, что Север должен “оставить половину нашей армии, чтобы поселиться на земле, которую они завоевали”, и прививать северные ценности.⁴⁷

Иммиграция северян на Юг стала любимым проектом *Континентального ежемесячника*, который часто и энергично продвигал его еще в 1862 году. В апреле того же года журнал выступил за ученичество с “подходящим обучением, гражданским и религиозным”, дополненное белыми поселенцами с Севера, Запада и Европы. Позже его редакторы подробно рассуждали о “колонизации определенных частей завоеванной территории бесплатной белой рабочей силой”, которая могла бы проинструктировать чернокожего и “убедить Каффи стать трудолюбивым”. “Северный поворот Юга”, по мнению редакторов журнала, был единственным решением, поскольку “не было никакой надежды на реконструкцию, основанную на реформированных сепаратистах”. “Наша единственная надежда заключается в полной реорганизации Юга путем вливания в него северной крови, жизни, идей, образования и промышленности”, - писали они. История эмансипации в Карибском бассейне также доказала, согласно одной статье, что “Европейский интеллект, европейская совесть и европейская твердость воли необходимы, чтобы обеспечить чернокожим постоянство тех богатых благ, которые даровала эмансипация”. В начале 1864 года *New York Times* поддержала аналогичную идею, выдвинутую сенатором Генри Уилсоном, который призвал передать конфискованные или брошенные южные земли ветеранам армии США.⁴⁸

Одна из причин, по которой *Times* поддержала идею Уилсона, заключалась в том, что северяне могли поддержать вольноотпущенников в борьбе с враждебностью их бывших хозяев. Эта идея стала убедительной для очень многих чиновников и добровольцев на оккупированном Юге, которые наблюдали за успехами вольноотпущенников. По мере того как патернализм и снисходительность уступали место возросшему уважению к способностям и человечности афроамериканцев, непреклонное стремление белых южан к контролю стало более заметным

как будущая проблема. Полковник Джордж Хэнкс предупредил Комиссию по расследованию действий американских вольноотпущенников, что южные плантаторы “еще более безудержно поработают негров, чем когда-либо прежде”, и не испытывают никакой лояльности к Соединенным Штатам. “При нынешнем настрое белых южан против них,” предупредил Хэнкс, - остаться без национальных гарантий соблюдения их гражданских прав как свободных людей было бы хуже рабства”. Несколько месяцев позже, в сентябре 1864 года, инспектор Министерства финансов сообщил своему начальству, что среди плантаторов существует “склонность ... внушать негру чувство зависимости и, по возможности, сделать его более униженным и несчастным, чем при старой системе труда”. Южные плантаторы, высказавшие свое мнение, не колеблясь утверждали, что, по их мнению, чернокожие не могут обеспечить себя сами и не будут работать без физического принуждения. Сами вольноотпущенники, конечно, ощущали эту враждебность, и в результате они сопротивлялись идее работать на своих старых хозяев. Одна группа чернокожих в Луизиане обратилась с петицией к инспекторам Казначейства с просьбой разрешить ей работать “в нашем заведении”.⁴⁹

Отчеты, подобные этим, представляют собой сокровищницу ценной информации и советов для директивных органов, если они решат заняться этим вопросом и уделить ему приоритетное внимание. Что поражает, так это то, как мало внимания было уделено рекомендациям и возможностям, вытекающим из этих данных. Мало того, что объем информации был обширным, а ее масштабы далеко идущими, но и необработанная информация анализировалась, тщательно изучалась и переваривалась официальным органом высокого уровня - Комиссией по расследованию дел американских вольноотпущенников. Комиссары много путешествовали, проводя слушания на Севере и в различных частях оккупированного Юга. Прежде чем написать свои отчеты, они опросили множество свидетелей, от вольноотпущенников до генералов. Поскольку этот орган был назначен непосредственно военным министром, было разумно предположить, что его выводы и рекомендации будут иметь большой вес. Более того, комиссия представила свои выводы широкой общественности в дополнение к представлению их государственным чиновникам. Комиссия опубликовала предварительный отчет в июне 1863 года, а окончательный - в мае 1864 года. Более того, двое из трех членов комиссии — Роберт Дейл Оуэн и Джеймс Маккей — опубликовали в 1864 году книги, в которых в значительной степени опирались на итоговый отчет и расширили содержащиеся в нем рекомендации.⁵⁰

В предварительном отчете Комиссии по расследованию деятельности американских вольноотпущенников большая часть текста была посвящена сообщениям о бывших рабах, вступавших в ряды Профсоюзов, и определению их характеристик. Исследование показало, что рабство было более жестоким в Южной Каролине, чем на Верхнем Юге или во Флориде, и выявило целый ряд социальных проблем у недавно освобожденного населения. К ним относились ложь, воровство, слабые семейные отношения и невежество, но наблюдение за различиями между вольноотпущенниками и изменениями, происходящими на свободе, убедило комиссаров в том, что причиной проблем является среда рабства. “Пороки”, замеченные в беженцах, были “такими, которые присущи их прежнему социальному положению”. Люди, у которых нет собственности, не учатся уважать права собственности. Люди, подвергшиеся деспотическому правлению, приобретают привычку ограждать себя от произвольного наказания уловками или прямым отклонением от истины. В случае женщин, живущих в системе, при которой супружеские отношения практически сведены к нулю, естественным результатом является то, что инстинкт целомудрия остается неразвитым или затемняется”. Однако афроамериканцы, вырвавшиеся из рабства и вкусившие свободы,

быстро перенимали новые и позитивные практики, показывая, что они способны к значительному совершенствованию. Они придавали “большое значение как образованию для своих детей, так и религиозному воспитанию для себя”. Они продемонстрировали “сильное чувство ответственности по закону и строгости любой обязанности, возложенной на них законом”. Они продуктивно трудились за заработную плату и совершенствовались. Даже в Южной Каролине “старые привычки быстро уступают место лучшему обучению”, и комиссия была уверена, что бывших рабов можно “перевоспитать” за “сравнительно короткий период”.⁵¹

В предварительном отчете были отмечены определенные характеристики, которые, по мнению его авторов, отличают афроамериканцев от белых. “Как общее правило, - писали они, - вольноотпущенники были ”более ревностно преданны богу, чем представители белой расы; они проявляли больше смирения и больше полагались на Божественное Провидение. Кроме того, у них больше суеверий”. Члены комиссии отметили ”отсутствие мести и кровожадности” как расовую характеристику, но не усомнились в том, что афроамериканцы могут действовать храбро. Еще одной чертой, имевшей положительные последствия, была их склонность работать послушно, быть ”легко управляемыми” и ”жизнерадостными”. В добродетелях “доброты и смирения”, - говорилось в отчете, - “нам есть чему поучиться у них так же, как и им у нас”.⁵²

Несмотря на предварительный характер этого отчета, комиссия представила несколько убедительных выводов и рекомендаций. Вольноотпущенник определенно будет работать, и у него “нет существенных способностей к цивилизации. ... Нет особых оснований сомневаться в том, что он станет полезным членом великой индустриальной семьи наций”. Север не был бы “наводнен беглецами, спасающимися от рабства”, потому что бывшие рабы захотели бы остаться на Юге. Соединенные Штаты должны призвать в армию до 300 000 чернокожих мужчин, где их служба была бы “выгодной”. Каждое проявление северных предрассудков, препятствуя такому служению, оказывало врагу “помощь и утешение”. Беженцев следует переселять на плантации, где они могли бы работать за зарплату, получать ее, покупать и откладывать. Кроме того, следует создать бюро вольноотпущенников, укомплектованное людьми “всесторонней доброжелательности и гуманитарных взглядов”, чтобы защищать вольноотпущенников от предрассудков и жестокого обращения. Но эта организация не должна “становиться постоянным учреждением”. Скорее, ее целью должно быть “беспристрастное правосудие, а не особая милость”, и она должна поощрять “уверенность в себе и самоподдержку” как можно скорее. Авторы добавили, что “единственным условием постоянного мира на этом континенте является искоренение негритянского рабства”.⁵³

Одиннадцать месяцев спустя, после длительного дополнительного расследования, Комиссия по расследованию деятельности американских вольноотпущенников опубликовала окончательный отчет, который был более сильным и решительным в своих рекомендациях. Ни в чем, заявляли авторы, они не были так убеждены, как в том, что “получивший избирательные права негр так же способен позаботиться о себе и своей семье, как любая другая часть нашего народа”. Таким образом, не было никаких оснований опасаться, что “результатом эмансипации станет то, что негры станут бременем для общества”. Не было также причин опасаться, что большое количество вольноотпущенников переедет на Север или что произойдет расовое “слияние”, которого так боялись расистские пропагандисты, такие как Дж. Х. Ван Эври. На самом деле смешение рас было “порождением рабства” и уменьшало свободу. Обращаясь к кризису Союза, комиссары еще раз подтвердили, что вольноотпущенники могут внести

жизненно важный вклад в военные усилия, но они подчеркнули, что нация должна относиться к этим солдатам хорошо и без дискриминации.⁵⁴

Впечатления, которые сложились у белых комиссаров о расовых чертах, были более четкими в окончательном отчете, возможно, потому, что они объединили свои идеи в одну концентрированную часть текста. Англосаксы, по их мнению, обладали “огромной силой характера, большой умственной активностью, неослабевающим духом предприимчивости ... определенной твердостью, упрямой волей, лишь умеренной добродушностью, отсутствием привычной жизнерадостности”. Это были люди, которые с большей вероятностью “вызывали уважение, чем любовь; они лучше умели делать, чем наслаждаться”. Чернокожие люди, с другой стороны, были “наоборот”: они были “добродушными, живыми, послушными, эмоциональными, [и в них] правят привязанности; социальные инстинкты поддерживают господство”. “Африканская раса” была “скорее знающей, чем мыслящей расой”, и хотя она заняла бы респектабельное место в обществе, она никогда не “взяла бы на себя ведущую роль в материальном улучшении мира”. Но чернокожие люди отличались “смирением, любящей добротой, смирением перед невзгодами, доверием к Божественному Провидению”, и окончательный отчет обратил эти различия в пользу афроамериканцев, утверждая, что “По мере развития цивилизации эти христианские качества кротости и долготерпения будут оцениваться выше, чем мир оценивает их сейчас”.⁵⁵

“Какой объем помощи и вмешательства необходим или желателен, чтобы вольноотпущенники смогли пережить бурный переход от рабства к свободе?” - спросили члены комиссии. Подтверждая свою предыдущую рекомендацию, они призвали создать бюро вольноотпущенников, но только для оказания “временной помощи” и защиты мужчин, которые “на протяжении поколений” были “лишены своих прав”. Вольноотпущенники не только “вскоре заберут у нас труд и расходы”, но и “эмансипация ... должна быть безусловной и абсолютной”. Члены комиссии отвергли “ученичество” в любой форме, основывая это суждение на опыте Вест-Индии, и они настаивали на том, что “к вольноотпущеннику следует относиться так же, как к любому другому свободному человеку”. В своем окончательном отчете комиссия заняла позицию, по сути, аналогичную позиции Фредерика Дугласа. Нация должна предоставить вольноотпущенникам “справедливый шанс”. Дайте им “гражданские и политические” права и “справедливое и равноправное отправление правосудия”; “защитите их от фактического восстановления рабства в любой форме”; а затем “позвольте им самим позаботиться о себе”.⁵⁶

Без колебаний члены комиссии добавили рекомендации, касающиеся послевоенного восстановления и будущего страны. Они отметили, что отношение белых северян к афроамериканцам “быстро меняется” и что общественность “быстро приближается” к тому моменту, когда она поддержит поправку к конституции, запрещающую рабство. Приветствуя такое развитие событий, комиссары заявили: “Негр нужен нам не только как солдат, помогающий в подавлении восстания, но и как лояльный гражданин, помогающий в восстановлении повстанческих государств на постоянной мирной и упорядоченной основе”. Более того, “без полной справедливости нет постоянной безопасности”, поскольку “отказывая вольноотпущеннику в его гражданских и политических правах, мы в критический момент оставляем без избирательных прав 4 000 000 наиболее лояльной части нашего населения”, что может привести к “катастрофическим результатам”. Следовательно, всем вольноотпущенникам должны быть гарантированы “равные права”, и эти права должны быть защищены. Этот вывод

перекликался со взглядами еженедельника *Anglo-African*, который считал свободу без голосования “частичной эмансипацией, недостойной этого названия”.⁵⁷

В своей книге *"Неправильность рабства, право на эмансипацию и будущее африканской расы в Соединенных Штатах"* Роберт Дейл Оуэн подробнее разъяснил эту рекомендацию, пояснив, что избирательное право должно сопровождать свободу. Он рассудил, что “искоренение ... предрассудков по поводу расы и цвета кожи” было бы более важной задачей, чем эмансипация. Тем не менее, вольноотпущенники были “лояльной половиной встревоженного и недовольного населения” мятежных штатов, писал Оуэн, и было бы фатальной ошибкой оставить эту половину населения бесправной. Он подсчитал, что лояльности можно ожидать не более чем от одной трети белых на Юге. Следовательно, представительные и лояльные правительства не могут быть построены только на одной шестой части населения. Более того, он был убежден, что вольноотпущенники будут быстро прогрессировать и как избиратели не станут добычей демагогов, потому что, будучи рабами, они научились быть осторожными и подозрительными. Бывшие владельцы были склонны “по-прежнему обращаться с ними несправедливо и тиранически”, и по этой причине вольноотпущенники нуждались в “тех правах, гражданских и политических, без которых они всего лишь трудятся, как трудится человек со связанными руками”.⁵⁸

Коллега Оуэна по комиссии, Джеймс Маккей, дал не менее убедительные рекомендации в своей книге *"Мастерство и его плоды"*. Маккей заявил, что “черный человек не только способен к самонаведению и самообеспечению, но и ... под влиянием более высоких и благородных человеческих мотивов и стимулов его прогресс в искусстве и достижения цивилизованной жизни подчиняются только тем же законам, которые управляют другими расами людей”. Опасность для Америки исходила не от бывших рабов, а от “вируса рабства, жажды собственности”, который остался в “сердцах этих старых хозяев ... таким же заразным и активным сегодня, как и всегда”. Чтобы продвинуть нацию вперед в эпоху свободы, Маккей выступал за политику, которая:

— поставить “гражданские права” вольноотпущенника “на ту же широкую основу, что и права белого человека”

— защищать “гражданские и политические права” вольноотпущенников, включая “право на избирательное право, основанное на приобретении с их стороны только таких качеств, которые считаются существенными для их белых сограждан”, и

— используя “конфискованные поместья” или “конфискованные земли”, разделите “большие плантации на фермы среднего размера” в интересах в первую очередь “белых бедняков”.⁵⁹

В своей поддержке конфискации и перераспределения земли Маккей пошел даже дальше Оуэна, и формулировка Маккея не исключала чернокожих из этого перераспределения.

Таким образом, официальный отчет Комиссии по расследованию деятельности американских вольноотпущенников и книги, опубликованные двумя ее членами, предсказывают опасность крепостничества или расового угнетения на послевоенном Юге. Враждебность бывших хозяев и их решимость восстановить расовый и экономический контроль над рабством бросают огромную тень на будущее вольноотпущенников. Если правительство не предпримет никаких действий, расизм приведет к удручающему продолжению угнетения на послевоенном Юге. Эти отчеты предупреждали, что достижения эмансипации могут стать иллюзорными.

Вторая комиссия собрала ценные данные, говорящие о будущем вольноотпущенников. Сообщения о том, что среди армейских и правительственных чиновников в районе долины Миссисипи развилась серьезная коррупция, вынудили президента Линкольна назначить орган, известный как Комиссия Смита-Брейди, для расследования. Обязанности этого органа были более ограниченными по объему, и в конечном счете его выводы были “замалчиваемы”, потому что они “указывали на то, что правительства штатов, созданные Линкольном в долине Миссисипи, были центрами обширной коррупции, а не возрождающегося юнионизма”. Но показания перед комиссией давали информацию, которая часто совпадала с выводами Комиссии по расследованию деятельности американских вольноотпущенников. Например, по словам одного суперинтенданта Бюро свободного труда, бывшие рабы были “готовы к работе”. Их нежелание работать на “старых рабовладельцев” и на некоторых “новых людей” было вызвано жестоким обращением. Плантадоры хотели контролировать своих бывших рабов, и с вольноотпущенниками “обращались хуже ... во всяком случае, со стороны новых арендаторов”, “чем со стороны их старых работодателей”. Другие свидетельства указывали на то, что опытные чиновники разделяли “общее впечатление” о том, что существующая система труда должна быть отменена, “чтобы позволить каждому негру нанимать самого себя за самую высокую заработную плату, которую он только может получить”. Если бы вольноотпущенники были защищены в этом праве, “все шло бы своим чередом и сопровождалось бы гораздо большим успехом, чем мы добиваемся при этой системе [армейского] принуждения”.⁶⁰

Таким образом, многочисленные свидетельства, собранные на местах на оккупированном Юге, ясно указывают на способность афроамериканцев стать продуктивными и независимыми гражданами, если им предоставить такую возможность. На свободе бывшие рабы будут работать, обеспечивать себя, получать образование и укреплять свои семьи. Более того, знающие правительственные советники рекомендовали вольноотпущенникам получить право голоса и, возможно, земельные наделы. Советники утверждали, что эти шаги были необходимы не только для отправления правосудия, но и для установления прочного мира в стране и установления лояльных правительств в самом сердце мятежников. Как администрация поступит с этим подарком доказательств и анализа, который имеет большое значение для политики?

ТРИ

АМНИСТИЯ, УЧЕНИЧЕСТВО И БУДУЩЕЕ ВОЛЬНООТПУЩЕННИКОВ

В то время как война вызывала серьезные изменения на Юге, 1863 год оказался решающим для выработки политики в Вашингтоне. Военные события продолжали вызывать первостепенную озабоченность, но ход войны был не единственным вопросом, занимавшим умы людей. Президент Линкольн стремился начать процесс возвращения мятежных южан в Союз. Кроме того, тот центральный и ошибочный вопрос, который беспокоил белых, — “Что нам делать с неграми?” - пробивал себе дорогу в общественные дебаты и политику. Бесспорно, марш армий и Провозглашение Эмансипации ознаменовали перемены в обществе Юга. Поскольку конфликт подрывал институт рабства и вольноотпущенники играли все большую роль в войне, жители Севера и политики смотрели в будущее. Очевидно, что требовалось принять важные решения. Однако, несмотря на важность этого вопроса и несмотря на противоречивые усилия

аболиционистов, реформаторов, консерваторов и расистов, будущее афроамериканцев лишь изредка оказывалось в центре внимания. Тем не менее политика формировалась, и принимались судьбоносные решения.

В этом процессе самым влиятельным действующим лицом был президент Авраам Линкольн. Как главнокомандующий, его взгляды имели особый вес, с которым не мог сравниться ни один конгрессмен или группа конгрессменов. Точно так же, как глава своей партии и ее главный представитель, он занимал командное положение, с которого мог реагировать на политические приливы и неожиданные события. Более того, поскольку Линкольн был в состоянии выдвигать предложения и предпринимать исполнительные действия, его идеи, как правило, устанавливали контекст или границы, в рамках которых будет развиваться обсуждение. Несмотря на решительный протест республиканцев в Конгрессе, он выпустил прокламации, которые определили подход правительства как к белым южанам, так и к вольноотпущенникам. Демократы, республиканцы в Конгрессе и различные группы граждан - все они высказались бы об будущем статусе афроамериканцев, но голос Линкольна оказался бы наиболее влиятельным.

В 1863 году и в первые месяцы 1864 года Линкольн тщательно обдумал Реконструкцию и последствия эмансипации. По этим вопросам он выработал сильные, но сложные позиции. Тщательный анализ политики Линкольна показывает, что он продолжал быть глубоко озабоченным, даже заботливым, чувствами мятежных белых южан. Казалось, он был полон решимости найти способ вернуть их в Союз на основе сердечности и сотрудничества после окончания боевых действий. Преследуя эту цель, он был готов предложить им значительные и привлекательные стимулы, в том числе такие, которые шли в ущерб интересам вольноотпущенников. Хотя он начал усиливать свою приверженность эмансипации, он показал белым южанам, что не собирается настаивать на чем-либо, приближающемся к расовому равенству. Права афроамериканцев на свободу были темой, которой он не занимался публично, даже когда проверка его политики колонизации катастрофически провалилась — и он почти не поднимал эту тему в частном порядке. Воссоединение было для него непреодолимым приоритетом, и конечная эмансипация для всех рабов становилась не подлежащей обсуждению; усилия по достижению расового прогресса в обществе после эмансипации не были ни убедительными, ни не подлежащими обсуждению.

Линкольна мало интересовали благоприятные сообщения о вольноотпущенниках, поступавшие с оккупированного Юга, и он неоднократно указывал, что готов ограничить будущее афроамериканцев как средство добиться признания их свободы белыми. Возможно, сердце президента было свободно от предрассудков, как позже прокомментировал Фредерик Дуглас, но Дуглас также заметил, что Линкольн был “президентом преимущественно белого человека”.¹ Какими бы ни были личные чувства президента, Линкольн решил не идти на политический риск ради улучшения будущего статуса чернокожих. Он также не проявлял особого желания избавлять общественность от давно укоренившегося расизма. Непреодолимая приверженность воссоединению, практический пессимизм в отношении расовых установок Америки и расчет политических преимуществ в американском обществе убедили его, что другие цели более осуществимы и важнее. В то время как многие демократы выступали против любого изменения статуса чернокожих американцев, многие республиканцы в Конгрессе и на Севере выразили недовольство политикой Линкольна как по отношению к вольноотпущенникам, так и к белым южанам.

Сегодня СУЩЕСТВУЕТ ТЕНДЕНЦИЯ предполагать, что Авраам Линкольн хотел освободить рабов задолго до 1863 года и временно воздержался от этого только потому, что он мудро осознал, что общественное мнение еще не развилось до такой степени, когда эмансипация стала бы политически приемлемой. Эта точка зрения, однако, противоречит собственному, последовательному описанию Линкольном своих действий. Что еще более важно, она переворачивает правильное понимание приоритетов, которым он предпочел следовать на посту президента. Линкольн объяснил профсоюзному деятелю из Кентукки, что “я не совершал никаких официальных действий просто из уважения к ”антирабовладельческим чувствам”. Он настаивал на том, что, хотя он “от природы был противником рабства”, его служебная присяга “запрещала” ему “потакать моему первичному абстрактному суждению о моральном вопросе рабства”. Вместо этого, писал Линкольн, он выступил против рабства только тогда, когда увидел “непреложную необходимость военной эмансипации”.² Действия Линкольна подтверждают, что его первоочередной задачей всегда было восстановление Союза, а это означало восстановление правительства, поддерживающего восставших южных рабовладельцев. Даже продвигаясь вперед с эмансипацией, он стремился смягчить опасения рабовладельцев и консервативных северян.

В первые месяцы 1863 года Линкольн испытывал беспокойство по поводу своей политики военной эмансипации. Отчасти его беспокоило возможное влияние Декларации об освобождении на расистских и консервативных белых северян. Он опасался, что эта мера, хотя и необходимая с военной точки зрения, может вызвать настолько серьезные разногласия, что подорвет “первостепенную цель” - восстановление Союза. Джеймс Г. Блейн также опасался, что политика Линкольна “ведет к фатальному расколу среди людей”.³ Даже среди лояльных военачальников возникла серьезная оппозиция его заявлению. В течение предыдущего года генерал Макклеллан ясно дал понять, что он выступает против подхода Линкольна к войне и относительно мягких шагов, предпринятых президентом для поощрения действий штатов против рабства. Теперь другой генерал, демократ из Иллинойса Джон А. Макклерланд, выдвинул новые возражения. В ответ на письмо Макклерланда Линкольн показал, как далеко он готов зайти, чтобы ограничить будущее чернокожих американцев, чтобы умиротворить Юг.

Еще раз отрицая, что он хочет чего-либо, кроме того, чтобы повстанцы сложили оружие и “заняли свои места и свои права в Союзе”, Линкольн отметил, что он дал Южным штатам сто дней, чтобы избежать эмансипации. Поскольку они не прекратили свое восстание, эта мера “военной необходимости” была принята и “должна оставаться в силе”. Но, продолжил президент, мятежные штаты “не должны пострадать от этого. Пусть они примут системы ученичества для цветных людей, в значительной степени соответствующие наиболее одобренным планам постепенной эмансипации, и, с помощью, которую они могут получить от правительства общей юрисдикции, они могут быть почти так же благополучны в этом отношении, как если бы нынешней беды не произошло”. Ученичество, как и постепенная эмансипация, позволило бы Югу удерживать своих рабов десятилетиями. Сам Линкольн предложил план, по которому взрослые рабы должны были оставаться в рабстве до 35 лет, а новорожденные дети-рабыни должны были служить до 18 лет, если это были женщины, или до 21 года, если это были мужчины. Кроме того, он потребовал финансовой компенсации от федерального правительства, чтобы помочь рабовладельцам смягчить их убытки. Это письмо продемонстрировало, что он продолжал поддерживать этот подход после вступления в силу его Прокламации об освобождении. Генералу Макклерланду он пообещал, что по-прежнему готов оказывать государственную поддержку обучению, которое он также назвал бы “временными

мерами". В заключение он даже предположил, несмотря на свое заявление о том, что эмансипация "должна сохраниться", что "мир на старых условиях" может быть возможен, если мятежные южане "начнут действовать немедленно".⁴

Между тем моральный дух гражданского населения на Севере сильно беспокоил Линкольна, поскольку он обдумывал последствия своей политики эмансипации. Как он позже описывал это, когда начался 1863 год, "настроение общественности" было "неудовлетворительным". Военные действия шли плохо, как в военном, так и в дипломатическом плане. Затем Провозглашение Эмансипации, поскольку оно было противоречивым и непопулярным у многих, усилило неопределенность и дебаты как внутри страны, так и за рубежом. Эта неурегулированная ситуация представляла собой "кризис, который угрожал расколоть друзей Союза". В течение нескольких месяцев президент наблюдал, как в общественном сознании боролись "надежда, страх и сомнение" и как Профсоюз переживал "темные и сомнительные дни".⁵

В это тревожное время Линкольн прилагал все усилия, чтобы удержать друзей Профсоюза от раскола и сохранить их поддержку. Призывая патриотизм превыше партийности, он призвал всех членов Профсоюза держаться вместе. Он неоднократно объяснял и оправдывал свое Провозглашение Эмансипации как необходимое средство для спасения Союза. Например, в июне в письме Эрастусу Корнингу и другим демократам Нью-Йорка, протестовавшим против ареста Клемента Валландигема, Линкольн призвал своих критиков встретиться с ним "на ступеньку выше платформы любой партии". Принимая к сведению тот факт, что они предпочли называть себя "демократами", президент призвал их подняться на более высокий уровень. Корнингу и его коллегам было бы лучше называть себя "американскими гражданами", утверждал он, поскольку, будучи патриотически настроенными гражданами, республиканцы и демократы могли бы работать вместе в условиях национального кризиса. "Мы могли бы лучше сражаться за страну, которую мы все любим", - утверждал он, не обремененный партийными привычками или предрассудками.⁶

Говоря более прямо о проблемах рабства и расы, в августе Линкольн ухватился за приглашение республиканцев Иллинойса объяснить и защитить эмансипацию как политику юниониста, а не аболициониста. Сожалея, что он не смог поехать в Иллинойс, чтобы присутствовать на запланированном ими "массовом собрании безусловных сторонников Профсоюза", президент выразил "благодарность нации" всем тем, кто отбросил "партизанскую [так] злобу или партизанскую надежду", чтобы поддержать Профсоюз. Затем он написал напрямую "тем, кто мной недоволен". После нескольких аргументов в пользу того, что они не могут возражать против его подхода к повстанцам, он откровенно признал, что большая часть их недовольства была вызвана "неграми".⁷

Исходя из предположения, что эти "недовольные" северяне не хотели, чтобы все люди были свободны, Линкольн, тем не менее, настаивал на том, что "я не принимал и не предлагал никаких мер, которые не соответствовали бы даже вашим взглядам, при условии, что вы за Союз". Им пришлось бы признать, что как главнокомандующий он использовал свою конституционную власть только для того, чтобы делать то, что делают "армии всего мира": захватывать собственность, которая "помогает нам" и "наносит вред врагу". Более того, он сделал это только после того, как дал южанам сто дней на то, чтобы предотвратить эмансипацию, "вернувшись к своей верности". С 1 января 1863 года чернокожие солдаты

помогли Союзу добиться "важных успехов", по крайней мере, один из которых "не мог быть достигнут" без их помощи. Среди генералов, согласившихся с этим суждением, были "некоторые, кто никогда не имел никакого отношения к тому, что называется аболиционизмом, или к политике республиканской партии". Эти полевые командиры придерживались своих взглядов на важность чернокожих войск "исключительно как военных мнений", и эти мнения опровергали обвинения в том, что эмансипация была "неразумной" как военная мера или что она не была принята "как таковая, добросовестно". Высказав свою точку зрения, Линкольн завершил это письмо, бросив вызов патриотизму белых людей, которые препятствовали Союзу, в то время как чернокожие солдаты мужественно сражались, чтобы защитить его.⁸

Демократы Севера часто обвиняли Юг в том, что эмансипация озлобит его и сделает воссоединение невозможным, и летом 1863 года появились четкие признаки того, что они, возможно, были правы. Джефферсон Дэвис издал приказ о том, что чернокожие мужчины, сражающиеся за Союз, будут обращены в рабство после поимки, и теперь вооруженные силы Конфедерации начали задерживать некоторых военнослужащих Черного Союза. Кроме того, Дэвис заявил, что белые офицеры, командующие этими людьми, будут рассматриваться Конфедерацией как лидеры восстания рабов и, следовательно, будут подлежать смертной казни. Линкольну пришлось защищать права своих войск, и он осудил план повстанцев как "рецидив варварства и преступление против цивилизации того времени". Заявив, что его правительство "обеспечит одинаковую защиту всем своим солдатам", он пригрозил отомстить за любой акт казни или порабощения. Тем не менее, как отметил Уильям Джинапп, "Линкольн хотел избежать ответных действий". Он дождался веских доказательств действий повстанцев, прежде чем привести в исполнение свои угрозы, а затем дал прохладный ответ. К счастью, "Конфедерация в целом не проводила в жизнь свою объявленную политику", хотя на самом деле некоторые чернокожие военнослужащие США были казнены, с другими обращались как с рабами, и зверства военного времени действительно имели место.⁹ На эти преследования Линкольн предпочел не отвечать общим или суровым возмездием.

Линкольн по-прежнему был полон решимости воспитать лояльность среди повстанцев, которых он называл "соотечественниками", и способствовать возвращению белых южан в Союз.¹⁰ Он не будет относиться к южным штатам как к завоеванным территориям, заявил его советник и генеральный почтмейстер Монтомери Блэр. Ультрааболиционисты и их газеты, обвинил Блэр, призывали Конгресс взять на себя ответственность за мятежные штаты и относиться к ним как к территориям или как к штатам, совершившим юридическое самоубийство. Линкольн не стал бы следовать таким идеям, сказал Блэр, и не поддержал бы расовую цель "партии отмены рабства" - "*объединение, равенство и братство*".¹¹ Линкольн раскрыл свою политику, а также свое желание работать с белыми южанами, чтобы быстро вернуть их в Союз, через свой подход к оккупированным районам Луизианы.

Летом 1863 года Линкольн поручил генералу Натаниэлю Бэнксу начать процесс восстановления Луизианы. Хотя большая часть штата оставалась под контролем Конфедерации, Линкольн хотел, чтобы Бэнкс сформировал лояльное правительство, и призвал его действовать незамедлительно. Однако к ноябрю был достигнут незначительный прогресс, и президент потерял терпение. Предполагалось, что начался процесс регистрации граждан, чтобы они могли проголосовать за конституционный съезд, но три месяца спустя президент узнал, что "еще ничего не сделано". Заявив, что он "горько" разочарован, Линкольн надавил на Бэнкса и временного губернатора Джорджа Ф. Шепли "приступить к работе", и сделать это, "не

дожидаясь увеличения территории”. Линкольну нужно было “ощутимое ядро” белых луизианцев, которые называли себя лояльными, чтобы организовать пропрофсоюзное правительство. Демонстрируя свою неизменную веру в то, что на Юге много юнионизма, он утверждал, что создание такого правительства позволило бы “остальной части штата” “сплотиться вокруг” новой администрации, “которую я могу сразу признать и поддерживать как истинное правительство штата”.¹²

“Время важно”, - подчеркнул Линкольн. Если Бэнкс и Шепли незамедлительно не создадут соответствующее правительство, возникнет “опасность”, что другие опередят их и заявят, что создали правительство штата, которое отвергло эмансипацию и восстановило рабство. Линкольн был бы “бессилен” в любой попытке поддержать такие действия, поэтому было важно, чтобы Банкидобились прогресса. Затем, чтобы продвинуть эти усилия вперед, Линкольн предложил значительный стимул белым луизианцам. В своем новом правительстве штата они могли бы “принять разумное временное соглашение по отношению к безземельным и бездомным освобожденным людям”, и Линкольн “не стал бы возражать”. Бывшим рабовладельцам Луизианы пришлось бы согласиться на свободу для своих рабов, но “временное соглашение”, такое как ученичество для вольноотпущенников, было приемлемо для главы исполнительной власти.¹³ Белые Луизианцы, безусловно, поняли бы эти слова как означающие продолжение важных средств контроля над бывшими рабами.

Этот привлекательный стимул для рабовладельцев Луизианы резко контрастировал с идеалистическим тоном и духом высказываний Линкольна на поле битвы при Геттисберге всего две недели спустя. Хотя о предложении рабовладельцам Луизианы мало кто помнит, Геттисбергская речь остается самой известной из публичных речей Линкольна. В общих чертах он выражал идеализм в отношении Соединенных Штатов, который питал надежды Линкольна на будущее страны. Вдохновляющим, намекающим, но неопределенным языком президент завершил свое краткое выступление, выразив решимость “чтобы эти мертвые умерли не напрасно - чтобы эта нация под властью Бога получила новое рождение свободы — и чтобы правительство народа, созданное народом и для народа, не исчезло с лица земли”.¹⁴ Таким элегантным языком Линкольн призывал к свободе и сохранению представительной демократии как основных ценностей и целей войны. Но ограничения свободы рабов и уступки рабовладельцам оставались неотъемлемой частью его мышления. Полная свобода для афроамериканцев оставалась отдаленной целью, о которой следовало размышлять в неопределенном будущем, а не действовать в настоящем, как вскоре показал Линкольн в своей важной новой политике.

Две с половиной недели спустя, 8 декабря 1863 года, Линкольн выступил со своим ежегодным обращением к Конгрессу. Одновременно он издал свою Прокламацию об амнистии и восстановлении, в которой был намечен процесс возвращения южных штатов в Союз. Заявив, что в соответствии с Конституцией у него есть право помиловать повстанцев и позволить им восстановить правительства, Линкольн заявил Конгрессу, что он согласится “на любое разумное временное государственное устройство для освобожденного народа”. Его согласие было оправдано тем, что это могло бы ограничить “неразбериху и нужду”, которые, как он утверждал, затронут всех из-за “тотальной революции труда”. Беспокойство, которое он высказал здесь, касалось в первую очередь белых южан, поскольку они отреагировали на потерю своих рабов, и его целью было облегчить воссоединение, позволив им дольше контролировать чернокожих посредством ученичества. Как выразился Линкольн, он надеялся,

что “что и без того глубоко пострадавшие люди в этих Штатах, возможно, будут несколько более готовы отказаться от причины своих страданий, если до такой степени предоставить это жизненно важное дело самим себе”.¹⁵ Рабство привело к восстанию и страданиям повстанцев; Линкольн хотел, чтобы они извлекли из рабства дополнительную выгоду в качестве цены за его прекращение.

Со своей стороны, южные рабовладельцы должны были бы поклясться “соблюдать и добросовестно поддерживать” акты Конгресса, касающиеся рабства, и Прокламацию об освобождении, и Линкольн заявил, что это правильно. Рабы, которые верили в его провозглашение, помогали Союзу, и было бы неразумно и “поразительным нарушением веры” бросить их. Он утверждал, что не будет выступать за возвращение в рабство “любого человека, который свободен в соответствии с условиями этой прокламации или каким-либо из актов Конгресса”. Но он добавил оговорку: соблюдение этих мер по борьбе с рабством требовалось до тех пор, пока они не были “отменены, изменены или признаны недействительными Конгрессом или решением Верховного суда”. Как президент, он признавал “изменяющую и отменяющую власть” как в Конгрессе, так и в Суде.¹⁶

Одной из самых ярких черт провозглашения Линкольном амнистии и восстановления была его либеральность по отношению к повстанцам. Его политика помилования охватывала не только тех южан, которые могли быть лишь слегка приверженцами профсоюзов в своих чувствах, но и почти любого раскаявшегося мятежника. Он предложил “полное прощение ... с восстановлением всех прав собственности, за исключением прав на рабов” всем, кто поклянется быть верным “впредь”. Первоначально он исключил из присяги видных конфедератов — гражданских или дипломатических сотрудников “так называемого правительства конфедерации”, высокопоставленных военных, судей и должностных лиц Соединенных Штатов, которые оставили свои должности, чтобы помочь восстанию, а также тех, кто плохо обращался с солдатами Союза. Но его тестом на лояльность было признать “здравомыслящим того, кто под присягой отречется от своей прежней нездоровости”. Несомненно, это был “достаточно либеральный” стандарт, как выразился Линкольн. На самом деле, это было слишком мягко по отношению ко многим Южным юнионистам, которые уже сотрудничали с администрацией. Они опасались, что это позволит врагам Союза без труда вернуть собственность и избирательные права, а затем вернуться к власти на выборах. Более того, во многих последующих заявлениях Линкольн обещал щедрое помилование, и он это сделал. Он даже послал своего секретаря Джона Хэя потребовать присяги от солдат Конфедерации, заключенных в тюрьму в Мэриленде. В других местах офицеры Союза начали приводить к присяге сотни заключенных, которые затем были освобождены. Через несколько месяцев появились широко распространенные жалобы на то, что эти люди возвращаются в армию Конфедерации, и Линкольну тогда пришлось исключить заключенных или условно освобожденных солдат Конфедерации из своей политики. Но он оставался приверженцем очень щедрой политики помилования.¹⁷

Чтобы вернуть Южные штаты в состав Союза, Линкольн был готов позволить небольшому числу белых создать правительства, которые он посчитал бы лояльными и легитимными. Как только помилованные лица, имевшие право голоса до войны, набирали всего лишь одну десятую от числа голосов, поданных в ходе президентских выборов 1860 года в штате, они могли “восстановить” правительство штата. Линкольн не требовал от нового правительства штата никаких конкретных действий или политики. Более того, он ясно дал понять, что не ожидает

особых изменений: границы, конституции штатов и “общий свод законов” могут остаться прежними. До тех пор, пока восстановленное правительство не нарушит условия его присяги, он будет признавать его “истинным правительством штата”, вновь имеющим право на конституционную защиту “от вторжения” и “домашнего насилия”. Таким образом, этот Десятипроцентный план, как вскоре стало известно, не требовал никаких изменений в электорате восстановленного штата и минимальных изменений в законах или конституциях штата. Согласно его условиям, не было никакой возможности для того, чтобы вольноотпущенники могли голосовать, и не требовалось, чтобы их права были широко защищены. Линкольн призывал только к признанию “их постоянной свободы” и некоторому обеспечению “их образования” как части “временного соглашения”, против которого он не возражал.¹⁸

ИДЕЯ ученичества, или “временных мер”, была неотъемлемой частью размышлений Авраама Линкольна о реконструкции и будущем вольноотпущенников — от его предложений о постепенной эмансипации со стороны штатов до его провозглашения амнистии и восстановления и, действительно, до окончания войны. Поэтому важно спросить, что эта идея значила для него и для других. Было ли ученичество выгодой для южных рабовладельцев или возможностью для чернокожих вольноотпущенников? Предназначалось ли это для увеличения дивидендов рабовладения или для оказания помощи бывшим рабам, когда они начинали свою жизнь на свободе? Как обычно понималось ученичество во времена Линкольна? Что это значило в Иллинойсе, в котором он прожил свою взрослую жизнь и сделал свою политическую карьеру?

Практика ученичества зародилась в Средние века как часть процесса, посредством которого гильдии контролировали квалифицированные профессии и обучали будущих ремесленников своему ремеслу. В Северной Америке в восемнадцатом веке ученичество продолжало быть для некоторых мальчиков средством овладеть квалифицированным ремеслом, переходя от статуса подмастерья к статусу подмастерья и ремесленника. Особенно в городских районах, многие молодые люди начинали свою жизнь с работы подмастерьем. Отец Пола Ревира - один из примеров человека, который научился своему ремеслу и получил путевку в жизнь через ученичество; Бенджамин Франклин - другой. Однако распространенность ученичества уменьшалась, и после начала девятнадцатого века важность этих механизмов быстро угасла.¹⁹ Задолго до того, как молодой Авраам Линкольн прибыл в Иллинойс, ученичество перестало быть распространенным и ценным путем к полезной профессии.

Однако ученичество сыграло важную роль в истории Иллинойса. Вместо того, чтобы быть путем к возможностям и восходящей мобильности, ученичество служило инструментом распространения рабства. Такое использование ученичества было связано с переходом Иллинойса от территории к штату в 1818 году. Рабы были завезены в район, который стал Иллинойсом, как до, так и после принятия Северо-Западного указа в 1787 году. Хотя на первый взгляд казалось, что этот указ запрещает рабство и подневольное состояние, в статуте имелась двусмысленность, а также практика успешного уклонения от ответственности со стороны первых должностных лиц территории. Один из разделов Северо-Западного указа предусматривал, что некоторые ранние французские поселенцы, некоторые из которых владели рабами, могли сохранить свои “законы и обычаи” в отношении передачи собственности. Ряд губернаторов территорий, “особенно губернаторы Артур Сент-Клер, Уильям Генри Харрисон и Ниниан Эдвардс”, также оказались весьма отзывчивыми к рабовладельцам, которые хотели

сохранить рабство людей. Сторонники рабства не только обратились с петицией в Конгресс с просьбой отменить антирабовладельческую формулировку Северо-Западного указа, но и преуспели в принятии различных законов, регулирующих деятельность “слуг”. Поддерживая на словах Северо-Западный указ и избегая употребления слова “рабство”, такие лидеры, как Ниниан Эдвардс, правильно рассчитали, что Конгресс не обратит внимания на сохранение этого института в Иллинойсе. В результате, пишет Пол Финкельман, “рабство оставалось сильным на протяжении всего территориального периода” в Иллинойсе.²⁰

Однако по мере приближения вступления Иллинойса в Союз в качестве свободного штата обеспокоенные рабовладельцы столкнулись с новым кризисом. Появление государственности в соответствии с конституцией свободного государства угрожало лишить их человеческого имущества, которое они считали экономически и социально ценным. Новая конституция штата разрешала сохранение рабства на соляных шахтах в округе Массак и среди некоторых введенных французами рабов, со свободой приходило к детям рабов в возрасте 18 лет для женщин и 21 года для мужчин. Его язык также мог — и был бы — истолкован как удерживающий нынешних рабов в рабстве, но рабовладельцы не были уверены в этом по мере приближения 1818 года.²¹ Опираясь на изобретательность и прошлые уловки, они предприняли новые усилия по сохранению рабства, и инструментом, выбранным для достижения их цели, был контракт или ученичество. Записи в архиве штата Иллинойс указывают на то, что в период с 1722 по 1863 год около 491 человека были наняты по контракту или юридически обязаны служить другому лицу в течение определенного срока лет. 81 процент этих юридических документов был создан в период с 1800 по 1817 год, а еще 15,4 процента были созданы в 1818 году, незадолго до того, как Иллинойс стал свободным штатом. Хотя в нескольких документах не указывалась раса человека, в 95 процентах из них прямо указывалось, что связанный человек был “негром” или “мулатом”. Таким образом, ясно, что чернокожие люди были заключены в ожидании перехода с территории, на которой сохранялось рабство, в состояние, на котором рабство было бы незаконным.

Лишь небольшое количество записей свидетельствует о том, что человек получал статус, эквивалентный статусу ученика. Например, в 1818 году мужчина по имени Тилман Уэст заключил контракт с Далилой, “негритянкой” в возрасте 19 лет, сроком на шесть лет. Далиле “обещали одежду, кровать и прялку в конце семестра”. Однако ее случай был во многом исключением. Гораздо более типичными были случаи Дилси, “негритянки” в возрасте 24 лет, которая была связана контрактом с Фрэнсисом Пуллиамом на девяносто девять лет; Генри Уэста, “негритянского” мальчика в возрасте 16 лет, который был связан контрактом на семьдесят пять лет; и Фанни, “негритянки” в возрасте 22 лет, чей контракт длился девяносто девять лет. По иронии судьбы или издевательски, запись о контракте Фанни “обещала 50 долларов по истечении срока” — когда Фанни исполнился бы 121 год. Атмосфера, в которой создавались эти записи о рабстве, также была раскрыта в некоторых документах, таких как заключение в 1816 году на пятьдесят лет другой Фанни, 35-летней “негритянки”. Окружной клерк округа Эдвардс отметил, что Фанни была “в состоянии беременности и не могла поехать в офис окружного клерка и согласилась со сроком службы в 50 лет”. Очевидно, что подтверждение готовности Фанни провести остаток своей жизни в рабстве не имело большого значения для окружного клерка.²²

Данные о возрасте и сроке службы часто появлялись в этих юридических документах. Среди всех заключенных контрактов 57,5 процента составляли молодые мужчины или женщины в

возрасте до 2 лет. Еще 36,6 процента составляли взрослые в возрасте 20-40 лет. Несколько пожилых людей были наняты по контракту, и относительно немногие сроки службы были короткими. Около 17,7 процента условий предоставления услуг были рассчитаны на пятьдесят и более лет; 33,1 процента - на срок от тридцати до пятидесяти лет; и еще 22,6 процента были рассчитаны на срок от двадцати до тридцати лет. Таким образом, поскольку 96,4 процента заключенных договоров были зарегистрированы до 1819 года, и учитывая, что ожидаемая продолжительность жизни рабов в то время была небольшой, очевидно, что большинство из этих заключенных были рабами, которым в соответствии с этим правовым соглашением предстояло провести остаток своей жизни в рабстве, даже если они жили бы в свободном государстве.²³

Таким образом, рабство продолжало существовать в Иллинойсе, когда Авраам Линкольн начал там свою карьеру. Он не только увидел бы чернокожих по контракту или в качестве подмастерьев, которые были во всех практических смыслах рабами, но и как юрист, разъезжавший по округе и посещавший различные залы суда, он, вероятно, был бы осведомлен о передаче человеческой собственности. Записи о рабстве и эмансипации в Иллинойсе включают значительное количество продаж, произошедших в годы после 1818 года. Например, в 1836 году Уильям Лимм продал Кассиусу Хаскетту женщину по имени Кэролайн за 100 долларов. Год спустя некто Томас Хауэл продал Харриет, 27-летнюю мулатку, Энтони Батчеру. К счастью для Харриет, к 1840 году ее снова продали Гриффину Йитмену, который освободил ее.²⁴ Более того, личная жизнь Линкольна привела его к тесному контакту с людьми, которые были тесно связаны с историей рабства и черного найма в Иллинойсе. Бывший губернатор территории Ниниан Эдвардс держал несколько наемных слуг, которые, вероятно, провели свою продуктивную трудовую жизнь у него на службе. Например, мальчик-мулат по имени Энтони, 21 год, был связан узами брака с Эдвардсом в 1810 году сроком на тридцать пять лет. В 1839 году сын губернатора, который также носил имя Ниниан Эдвардс, был лидером модного общества Спрингфилда, и хотя он считал Авраама Линкольна "очень грубым человеком", он приглашал Линкольна вместе со многими юристами и начинающими политиками на воскресные званые вечера в своем роскошном особняке. Там Линкольн познакомился и начал ухаживать за Мэри Тодд, которая гостила у своей сестры Элизабет Тодд Эдвардс. Таким образом, когда Линкольн женился на Мэри, Ниниан Эдвардс стал его шурином.²⁵

Для белых людей в Иллинойсе ученичество или контракт почти полностью прекратились. Только в паре округов южной части штата сохранились какие-либо записи об ученических договорах с 1830-х по 1860-е годы. Округ Джексон зарегистрировал шестьдесят пять учеников в период с 1836 по 1860 год, а записи округа Перри показывают тридцать три ученических контракта в период с 1834 по 1865 год. В этих двух округах все лица, обязанные служить, были несовершеннолетними, и только двое были чернокожими. Это были "орфаны", "брошенные", "малолетний сирота", "сирота, который может стать обвиняемым округа", или дети, чьи оставшиеся в живых родители чувствовали себя неспособными обеспечить надлежащий уход. Чиновники округа связали этих молодых людей с кем-то, кто пообещал научить их вести хозяйство или вести домашнее хозяйство и предоставить элементарное образование. Как правило, мужчины должны были служить до 21 года, а женщины до 18 лет, и по окончании службы они могли получить одежду или постельные принадлежности, Библию, немного денег и, возможно, лошадь, седло или уздечку.²⁶ Очевидно, что такие договоры об ученичестве были методом помощи малоимущим или средством для округа обеспечить бездомных или беспомощных детей, а не завидным путем к многообещающей карьере.

По своему опыту работы в Иллинойсе Линкольн также хорошо знал, что предубеждение против афроамериканцев оставалось сильным. Ранние законы штата запрещали чернокожим мужчинам голосовать, служить в ополчении или собираться в группы, а иммиграция в штат не поощрялась. Даже после того, как верховный суд штата вынес решение в 1845 году по делу *Жарро против Жарро*, что рабы, ввезенные французами, имели право на свободу, многие по-прежнему были полны решимости, что Иллинойс должен быть штатом белых людей. В 1847 году новая конституция штата призвала генеральную ассамблею запретить иммиграцию свободных чернокожих людей в Иллинойс и запретить рабовладельцам ввозить рабов с целью их освобождения. Законодательный орган не действовал до 1853 года, но затем он принял суровый “Черный закон”, который налагал многочисленные наказания на афроамериканцев, посещающих штат и остававшихся там более десяти дней. Эти законы о чернокожих получили сильную поддержку избирателей штата даже во время Гражданской войны, и они не были отменены до 1865 года.²⁷

На этом фоне в начале 1864 года Линкольн проявил замечательный оптимизм или удивительную неизменную уверенность в профсоюзном движении того “ощутимого ядра”, которое он пытался организовать в Луизиане. Дженерал Бэнкс, после того как Линкольн подтолкнул его, приступил к организации правительства, но не с помощью новой конституции против рабства, а в соответствии с довоенной конституцией штата, положения которой о рабстве были объявлены “недействующими”. Некоторые луизианские юнионисты решительно возражали против этого решения. Но Бэнкс боялся оскорбить “самоуважение” большинства белых луизианцев, попросив их проголосовать против института рабства. Таким образом, даже несмотря на то, что избиратели поклялись принять прокламацию об освобождении, рабство может оставаться законным в соответствии с законодательством Луизианы, если элементы рабовладения одержат верх.²⁸

После того, как всего лишь 11 000 избирателей избрали Майкла Хана губернатором, Линкольн написал ему в марте. В этот момент Линкольн почувствовал дополнительное давление, требующее предпринять какие-либо действия по защите прав чернокожих луизианцев, поскольку впечатляющая делегация свободных цветных мужчин из Нового Орлеана посетила Вашингтон и подала петицию в защиту их прав. Отметив, что предстоящий конституционный съезд “определит избирательное право”, Линкольн написал Ханну: “Я лишь предлагаю на ваше личное рассмотрение, нельзя ли не допустить некоторых цветных людей — например, очень умных, и особенно тех, кто доблестно сражался в наших рядах”. По его мнению, это придавало бы сил лояльным элементам “в грядущие трудные времена” и, таким образом, “сохранило бы драгоценность свободы в семье свободы”. Линкольн подчеркнул, что эта идея была “всего лишь предложением”, и она была предложена в частном порядке, а не публично, чтобы никого не обидеть. Когда ее проигнорировали, Линкольн ничего не предпринял. Вольноотпущенники продолжали работать в условиях жестких ограничений и пользовались небольшой автономией под управлением Бэнкса.²⁹

Желание Линкольна найти компромисс с рабовладельцами и доказать им свою добрую волю снова проявилось в следующем месяце, когда он пересмотрел свою политику в письме Альберту Ходжесу, члену профсоюза Кентукки. Поскольку Кентукки находился в границах Союза, рабство там было в полной юридической силе, и жители Кентукки продолжали стойко сопротивляться любому вмешательству в этот институт. В ответ на жалобы Ходжеса и других Линкольн серьезно и подробно настаивал на том, что он ничего не сделал из-за своих

антирабовладельческих настроений. Линкольн писал, что его присяга “возложила на меня обязанность сохранять нацию всеми необходимыми средствами”. Он считал, что неконституционные меры “могли бы стать законными”, если бы они были необходимы для сохранения Конституции и нации. Отметив, что он отменил прокламации генералов Фремона и Хантера об освобождении и заблокировал предложение военного министра Кэмерона вооружить чернокожих, президент отметил, что трижды в 1862 году он просил приграничные штаты одобрить компенсационную эмансипацию. Когда эти усилия оказались тщетными, он почувствовал себя “вынужденным либо отказаться от Союза, а вместе с ним и от Конституции, либо наложить сильную руку на цветной элемент”. Теперь 130 000 чернокожих мужчин помогали Союзу в качестве солдат, моряков и чернорабочих. Их поддержка оправдывала решения исполнительной власти, которая не ставила своей целью наказать Юг или освободить рабов, а находилась под контролем событий. Бог решит, должны ли “мы, жители Севера, так же как и вы, жители Юга, справедливо заплатить за наше соучастие в этом зле”, рабстве.³⁰

The *New York Times* в этот период оказала большую поддержку цели Линкольна найти компромисс с южанами, и она была даже более откровенной, чем он, в своем сопротивлении изменению статуса афроамериканцев. Например, в августе 1863 года “*Таймс*” осудила политиков-демократов, цинично обвинивших их в том, что эмансипация приведет к смешанным бракам, а затем к тому, что каждый вольноотпущенник станет “голосующим гражданином Соединенных Штатов”. Именно рабство привело к расовому смешению, писала *Times*, и “в течение долгого, долгого времени избирательное право для вольноотпущенников” будет невозможно, потому что это приведет “к разрушению народных институтов на этом континенте”. Голосование было “привилегией”, утверждала *Times*, а невежественные и коррумпированные белые избиратели уже представляли “достаточный риск” для демократии. История показала, согласно *Times*, что вольноотпущенники были “неспособны осуществлять [избирательное право] без опасности для себя и своих соседей”. Было бы “чуть ли не безумием” думать иначе.³¹

В октябре 1863 года корреспондент *Times* сообщил о “Замечательном успехе” вольноотпущенников, работающих вольными рабочими недалеко от Нового Орлеана, но это не изменило мнения редакции газеты. Придерживаясь ложной южной линии, согласно которой для афроамериканцев свобода означала праздность, *Times* скажет только, что “если они обладают элементами цивилизации”, то они могут работать и оставаться “там, где они есть”.³² Хотя чернокожие солдаты оказались полезными, *Times* высмеяла Уэнделла Филлипса, известного аболициониста, как экстремиста, который стремился “предоставить избирательные права, обогатить и возвысить до превосходства негритянскую расу”. Он также раскритиковал политическую фракцию в Новом Орлеане, которая выступала за права афроамериканцев. Предоставление избирательных прав черному человеку означало бы “революцию в обеих частях Союза”, в то время как восстановление национального единства требовало “согласия и сотрудничества огромной массы людей в мятежных штатах”. *Times* даже повторила аргумент демократов о том, что “ложный призыв к равенству негров” подтолкнул многих простых южан “к восстанию”. В последний день 1863 года в нем еще раз подчеркивалось, что первоочередной задачей правительства является подавление восстания, в то время как освобождение и повышение статуса рабов были “инцидентами ... второстепенными по важности для спасения Союза, и их не следует добиваться за его счет”.³³

В начале 1864 года, когда Уэнделл Филлипс выступил за то, чтобы потребовать от мятежных штатов отмены всех законов, дискриминирующих по расовому признаку, газета увидела новую огромную опасность — угрозу правам штата. В нем утверждалось, что Филлипс “заставит Нью-Йорк” отменить имущественный ценз для голосования и вынудит южные штаты “передать весь свой гражданский контроль чернокожему большинству, находящемуся сейчас в их пределах”. Такой шаг лишил бы “каждое государство, лояльное и нелояльное”, всякой власти регулировать свои собственные наиболее жизненно важные проблемы. “Всеобщий хаос должен быть нанесен всем мерам предосторожности, возведенным нашими отцами против консолидированного правительства. Принципы, к которым они относились как к самим основам Федеративной Республики, основным краеугольным камням, без которых невозможна никакая стабильность или безопасность, вырваны из их постелей, как если бы они были самым мусором темных веков Не в характере американцев спокойно подчиняться ниспровержению тех суверенных прав штатов, которые их учили считать священными и неприкосновенными ”. Действительно, “суверенные права штатов” были важным аспектом “нашей федеральной системы”. *Times* предсказала, что, вопреки желаниям Уэнделла Филлипса, система будет “сохранена и увековечена во всей своей полноте”.³⁴

В то же время газета продолжала утверждать, что чернокожие люди не будут переезжать на Север. Когда небольшому числу вольноотпущенников удалось купить конфискованную землю в Южной Каролине, *Times* использовала эту новость, чтобы подчеркнуть, что чернокожие любят Юг и не будут “перебираться на Север”. В южных штатах, где они останутся, им “потребуется много времени”, чтобы “выстоять против своих старых хозяев”, и мало кто из ныне живущих когда-либо увидит, как они займут место, на которое их численность или добродетели могли бы в конечном итоге дать им право. Эта перспектива, по-видимому, не беспокоила *the Times*, и не беспокоила бы многих избирателей с Севера. Затем, в марте 1864 года, *Times* быстро заговорила снова, когда эксперимент Линкольна по колонизации с позором провалился. Используя часть из 600 000 долларов, выделенных Конгрессом на колонизацию свободных чернокожих за границей, президент поддержал экспедицию на остров Иль-а-Ваш, принадлежащий Гаити. Через год многие умерли, а те эмигранты, которые выжили, безуспешно вернулись в Соединенные Штаты, “испытыв много лишений”. Теперь, как отмечала *Times*, северяне снова боялись “быть захваченными эмансипированными неграми Юга”. Редакторы заявили, что это было полной ошибкой, чтобы развеять расовые опасения северян. Чернокожие люди не устремлялись на север: “В основном они остаются там, где ”родились и выросли” ”.³⁵

Если *New York Times* не сочувствовала улучшению положения афроамериканцев, то многие так называемые радикалы в собственной партии президента относились к этому иначе. Они, наряду со многими другими республиканцами и гражданами, намного опередили Линкольна в идее эмансипации, и после 1 января 1863 года они продолжали придирались к его подходу как к вольноотпущенникам, так и к повстанцам. Хотя поначалу большинство радикалов благосклонно отнеслись к провозглашению Линкольном амнистии и реконструкции, вскоре они осознали ее ограниченность и начали настаивать в Конгрессе на переменах. Они хотели противостоять расизму, который долгое время господствовал в большинстве районов Севера, и они считали, что необходимы более амбициозные действия для того, чтобы навсегда покончить с рабством и защитить права чернокожих граждан. Приоритеты и политические расчеты этих людей расходились с приоритетами президента. Столкновение возникло из-за законопроекта Уэйда-Дэвиса и противоречивых взглядов на Реконструкцию.

После Провозглашения амнистии и восстановления страны в декабре 1863 года Линкольн ненадолго наслаждался редким явлением — всеобщим одобрением других политиков. В тот момент его прокламация нашла путь между позициями консерваторов и радикалов в Конгрессе, в то же время, казалось, предлагая что-то обоим. Самым важным для консерваторов был тот факт, что он продолжал рассматривать войну как восстание отдельных людей, а не государств, и что он уважал государственные границы, государственные законы и идею быстрого возвращения в Союз. Тем, кому не понравилась прокламация об эмансипации, он указал, что она может быть изменена либо Конгрессом, либо Верховным судом. Радикалы, с другой стороны, испытывали облегчение и радость от того, что Линкольн, казалось, твердо стоял за эмансипацию; он настаивал на том, чтобы южане приняли это как требование Реконструкции, и он объявил, что не будет агентом по возвращению в рабство любого, кто получил свободу в соответствии с Прокламацией об Эмансипации. Кроме того, его политика в отношении помилований, казалось, отвергала идею о том, что южане никогда не ставили под угрозу свой статус в Союзе, и некоторые даже надеялись, что его заявление о том, что Югу придется “восстанавливать” правительства, означало, что эти штаты находятся в состоянии, аналогичном территориям. Эти особенности политики Линкольна, казалось, открывали возможности для радикального вмешательства на Юге. Демократическая газета “*Нью-Йорк Уорлд*” прокомментировала, что Линкольн, политик, проявил “изумительную ловкость”, угодив обоим крыльям своей партии.³⁶

Однако этому моменту добрых чувств было суждено продлиться недолго. Радикальные республиканцы ощущали настоятельную необходимость разобраться с некоторыми фундаментальными расовыми проблемами, которые привели к войне, в то время как Линкольн был сосредоточен более узко на восстановлении Союза. Направленность озабоченностей радикальных республиканцев начала проявляться в Конгрессе вскоре после декабрьского выступления Линкольна. Сенатор Чарльз Самнер из Массачусетса определил свою роль в 1864 году как отстаивание свободы и равных прав чернокожих американцев, и ему быстро удалось добиться председательства в специальном комитете для рассмотрения “всех предложений и документов, касающихся рабства и обращения с вольноотпущенниками”. В этот комитет будут направляться петиции граждан в поддержку поправки к конституции, гарантирующей свободу всем рабам. Самнер и его союзники в Новой Англии и на Севере намеревались стимулировать поток таких петиций. Чтобы продвинуть процесс, Самнер представил текст предлагаемой поправки к конституции 8 февраля 1864 года. В его формулировке основной упор делается на равенство правового статуса и из этого принципа вытекает всеобщая свобода. “Все люди равны перед законом, - гласило предложение Самнера, - так что никто не может держать другого в рабстве”.³⁷

Также именно Самнер внес законопроект об обеспечении равенства перед законом в федеральных судах, но он был не единственным республиканцем, работавшим в этом направлении. Конгресс обсуждал совместную резолюцию о том, чтобы приравнять жалование чернокожих военнослужащих к жалованью белых солдат, и сенатор Генри Уилсон, председатель Военного комитета, воспользовался возможностью, чтобы зачитать отчет из Южной Каролины, восхваляющий поведение чернокожих солдат. Эти войска отразили атаку “с таким же хладнокровием и храбростью, как ветеранские войска”, и “вступили в бой с энтузиазмом, которому редко можно было сравниться, и который никогда не достигал совершенства”. В лагере они работали “с готовностью и добросовестностью” и были “с готовностью приведены к высочайшему уровню военной дисциплины”. Им полагалась равная

оплата. В то время как некоторые сенаторы критиковали рабов за то, что они не проявили достаточно мужества в сопротивлении, в этом отчете предупреждалось, что, если чернокожим солдатам не будут платить одинаково, как того требует справедливость, “большие трудности” возникнут из-за их мужского негодования по поводу жестокого обращения.³⁸

Другой вопрос касался дискриминации чернокожих в трамваях в Вашингтоне, округ Колумбия. Услышав, что некоторые чернокожие были выброшены из трамваев из-за их расовой принадлежности, Самнер призвал к действиям, требующим изменений. Его аргумент о равенстве перед законом получил поддержку других республиканцев и вызвал расистский комментарий коллеги из рабовладельческого штата Делавэр. Примерно в то же время сенатор Джейкоб Колламер из Вермонта внес законопроект о снятии любой расовой дисквалификации с тех, кто перевозит почту США. Чтобы позволить афроамериканским почтальонам давать показания о кражах, эта мера также была разработана таким образом, чтобы запретить любое расовое исключение свидетелей в судах.³⁹

Самнер был не одинок в своей кампании за равные права и эмансипацию посредством внесения поправок в конституцию. Сенатор Джеймс Харлан от штата Айова раскритиковал и отверг опасения, что “немедленное освобождение всех рабов в Соединенных Штатах” разрушит общество. “Подавляющее большинство из них способны позаботиться о себе сами”, - заявил он. “Они продемонстрировали это . . . Почти каждый солдат и офицер, который сейчас служит или который до сих пор служил на территории повстанцев, убедился, что подавляющее большинство цветного населения способно обеспечить свои собственные потребности”. Другие сенаторы возразили против формулировки законопроекта об организации территории Монтана, поскольку его текст позволил бы только “белым” жителям голосовать на первых выборах. Среди этих законодателей был сенатор Джон П. Хейл из Нью-Гэмпшира, который утверждал, что даже если в Монтане всего несколько афроамериканцев, федеральное правительство не должно “приучать людей к этому абсурдному и варварскому предрассудку”. Сенатор Мортон Уилкинсон из Миннесоты согласился, заявив, что он не будет руководствоваться “тем порочным предрассудком в защиту рабства, который правил в Конгрессе Соединенных Штатов более тридцати лет”. Он выступал за “вычеркивание из национального свода законов всего, что несовместимо с великой истиной о равенстве всех людей”. Одним из самых радикальных республиканцев был сенатор Б. Грац Браун из Миссури, который выступал за конфискацию земли и другие шаги по изменению всей социальной структуры Юга. Браун также поспешил осудить тех, кто вызывал опасения по поводу расового “слияния”. Он утверждал, что если рабство не боялось объединения, то свобода не должна быть “трусом”, и он заявил, что Соединенные Штаты уже являются “сплавом всех народов”.⁴⁰

Консервативные республиканцы не были готовы согласиться с этими идеями, и в некоторых случаях они открыто озвучивали расовые предрассудки своих избирателей. Тем не менее, даже в некоторых из этих заявлений они указывали на то, что подход Линкольна к обращению с белыми южанами был настолько мягким, что казался нереалистичным. Сенатор Джеймс Лейн от Канзаса, например, предложил план “выделить часть штата Техас для использования лицами африканского происхождения”. Лейн лично считал, что способности афроамериканцев были “недооценены”, но в расовых вопросах он был гораздо более консервативен, чем Самнер. У него не было намерения бросать вызов расовым предрассудкам и “отвращению к законному объединению” “народов Севера и Северо-Запада”. Тем не менее, он также признал, что было бы неразумно оставлять освобожденных рабов без защиты на Юге, где они были бы окружены

“недружелюбным народом”, который “всеми доступными ему средствами будет стремиться отменить то, что сделали вы и ваши армии”. Он предупредил, что белые южане будут оспаривать все попытки бывших рабов возвыситься и улучшить себя и попытаются низвести их до состояния, подобного их прежнему рабству.⁴¹

Многие республиканцы в Конгрессе также не могли себе представить, что 10 процентов довоенного электората были достаточной базой для построения нового, лояльного правительства в любом Южном штате. Клятва Линкольна, которая просто требовала от сторонников масштабного восстания заявить, что они “отныне” будут лояльны, похоже, также не имела достаточного значения. Этот стандарт оценки будущей лояльности — “достаточно либеральный”, по словам президента, — был слишком либеральным для большинства законодателей-республиканцев. Их возражения, казалось, были подтверждены действиями “десятипроцентного” правительства Линкольна в Луизиане. General Banks не только позволила новому и “лояльному” правительству Луизианы организовать в соответствии с его довоенной конституцией, но и расследование конгресса показало, что реконструкция в Луизиане “потерпела полный провал и рассматривается лояльными жителями штата как обширная схема мошенничества, осуществляемая военным правлением”.⁴² Подводя черту под такими результатами, обе палаты Конгресса отказались принять вновь избранных законодателей от Луизианы, а также от Арканзаса. Более того, Конгрессу становилось все более ясно, что Линкольн намеревался сам руководить процессом Реконструкции, а законодательный орган играл не более чем вспомогательную роль. По этому вопросу многие законодатели были в корне не согласны с главой исполнительной власти, поскольку они считали, что Конгресс должен иметь решающее значение при разработке политики восстановления.

По всем этим причинам Конгресс вскоре выдвинул свой собственный план реконструкции, воплощенный в законопроекте Уэйда-Дэвиса, который получил одобрение обеих палат и был направлен в Белый дом 2 июля 1864 года. Этот законопроект дублировал некоторые положения плана Линкольна, такие как запрет на участие в политической жизни высокопоставленных союзников. Но он был более конкретным и требовательным, чем прокламация Линкольна, в нескольких важных аспектах. Во-первых, в рамках тщательной процедуры регистрации, проводимой маршалом США, большинство белых граждан мужского пола штата должны были принести присягу в поддержку Конституции США. Требуемая присяга была той же, что указана во Втором законе о конфискации 1862 года, - заявление под присягой о том, что человек никогда добровольно не носил оружия против Соединенных Штатов и не помогал восстанию. Здесь, очевидно, был гораздо более строгий стандарт, чем требование Линкольна, чтобы повстанцы отреклись от своей прошлой неблагонадежности и пообещали лояльность в будущем. На самом деле, она вполне могла быть нереально высокой, точно так же, как у Линкольна она была нереально низкой. Поскольку большинство солдат Конфедерации были добровольцами, а не призывниками, они автоматически были бы исключены, если бы какой-нибудь квалифицированный избиратель не засвидетельствовал, что их служба не была добровольной.

Во-вторых, когда квалифицированные избиратели выберут членов съезда штата, делегаты этого органа должны будут предпринять определенные действия после того, как снова принесут присягу на верность Соединенным Штатам и заявят о “подчинении” штата Федеральной конституции и законам. Делегатам пришлось бы внести изменения в конституцию штата, требуя, чтобы высокопоставленным офицерам Конфедерации, гражданским или военным, не

разрешалось голосовать или занимать должности губернатора или члена законодательного органа; чтобы принудительное рабство было запрещено навсегда и свобода всех лиц гарантировалась; и чтобы долги штата или Конфедерации, заключенные в ходе восстания, не признавались и не выплачивались. Затем пересмотренная конституция штата должна быть представлена избирателям на утверждение. Если такое одобрение будет получено, Конгресс должен будет утвердить документ до признания нового правительства штата. Только после этого сенаторы или представители могли быть отправлены в Вашингтон. Если съезд не будет соответствовать конкретным требованиям законопроекта, он недвусмысленно предписал временному губернатору “объявить его распущенным”, и штат останется без “Республиканской формы правления” до тех пор, пока настроения не изменятся. В течение такого периода свобода рабов была бы защищена.⁴³

С этим планом Конгресс указал президенту Линкольну, что требуется гораздо больше, чем предусматривалось его провозглашением амнистии и Восстановлением. Законодатели использовали более высокий стандарт для определения как республиканского правительства, так и лояльности. Они не желали так сильно верить в благие намерения белых южан, как это делал президент, и их больше заботила защита будущего афроамериканцев. Конгресс также будет настаивать на жизненно важных изменениях в конституциях новых штатов, чтобы придать этим изменениям постоянство, которое даже не предусматривалось планом Линкольна. Когда первая сессия Тридцать восьмого Конгресса подошла к концу, законодатели направили законопроект Уэйда-Дэвиса президенту.

Когда Линкольн наложил карманное вето на этот предложенный закон, он столкнулся с яростным протестом лидеров своей собственной партии. Его комментарий о том, что их законопроект представляет собой “один очень правильный план для лояльных людей любого штата, решивших его принять”, не вызвал ничьего гнева, поскольку он также ясно дал понять, что выступает против Конгресса. Он сопротивлялся тому, чтобы его правительства в Луизиане и Арканзасе “были отстранены и удерживались напрасно”. Законопроект Конгресса, по его словам, будет иметь нежелательный эффект “отталкивания и обескураживания лояльных” южан, которые сформировали правительства в соответствии с его Десятипроцентным планом. Более того, он обвинил Конгресс в неконституционном присвоении “компетенции ... отменить рабство в Штатах” законом, а не национальной конституционной поправкой, за которую выступал Линкольн.⁴⁴ Этот комментарий явно бросал вызов представлению законодателей о той роли, которую они имели право играть в реконструкции.

Конфликт между президентом и Конгрессом был очевиден, и Бенджамин Уэйд и Генри Уинтер Дэвис быстро отреагировали в знак протеста пламенным манифестом. Правительства Линкольна в Арканзасе и Луизиане, обвинили они, были всего лишь “тенью правительств”, им настолько не хватало легитимности и поддержки, что обе палаты Конгресса “оттолкнули” своих избранных сенаторов и представителей и “официально заявили”, что у них “не будет права голоса выборщиков за президента или вице-президента”. Действующие правительства штатов не могли быть созданы “горсткой постоянно проживающих граждан”, действующих под руководством военных. Признавая обоснованность критики демократов, манифест заявлял, что такие правительства были не республиканскими, а “простыми созданиями” воли президента, “простыми олигархиями”. Если Линкольн служил своим “личным амбициям” и пытался извлечь выгоду из голосов выборщиков таких теневых правительств, нельзя было ожидать, что его противники на пост президента согласятся. Более того, только законопроект Конгресса

потребовал бы внесения изменений в конституции штатов для обеспечения будущей лояльности, в то время как план Линкольна ничего не сделал для обеспечения “этих гарантий”. Уэйд и Дэвис спросили, что произошло бы, если бы одна десятая часть восстановленных Линкольном правительств мятежных штатов позже позволила “остальным девятнадцати десятим” “унаследовать контроль над государством”? Указывая на то, что Прокламация Линкольна об освобождении распространялась только на некоторых рабов Юга, а не на сам институт, в манифесте даже утверждалось, что “каждая конституция мятежных штатов на момент начала восстания может быть принята без изменения буквы: ибо ни одна из них не противоречит этой прокламации; ни одна из них не устанавливает рабство”. В заключение конгрессмены предупредили: “Мы поддерживаем дело, а не человека”, и “авторитет Конгресса имеет первостепенное значение и должен уважаться”.⁴⁵

Хотя слова Уэйда и Дэвиса были пламенными, за пределами Конгресса аболиционисты с еще большей силой отстаивали права чернокожих. Таким людям, как Фредерик Дуглас, Уэнделл Филлипс и их единомышленники, принадлежала честь бескомпромиссно выступать за права афроамериканцев. Теодор Тилтон заявил в 1863 году, что война Союза была борьбой “за социальное равенство, за права, за справедливость”, а также за свободу. Монкур Конвей утверждал, что помимо стремления к свободе, “это война за равенство”. Преподобный Гораций Хови, конгрегационалистский священник из Массачусетса, проповедовал, что “негр имеет то же право, что и мы ... получать первоклассное образование ... повышать свое социальное положение по мере роста своей ценности ... голосовать” и занимать должности. Преподобный Джордж Б. Чивер, когда его пригласили выступить в Зале представителей Капитолия США, выразил удивление тем, что правительство могло рассматривать возможность отказа “в правах представительного правительства из-за цвета кожи”. “Республиканская форма правления”, заявил он, не могла “лишить лояльных граждан” их прав и “вечно принижать их как низшую, угнетенную расу”. В полном согласии с этим Массачусетское общество борьбы с рабством постановило, что чернокожий мужчина имеет право на “равную с белой расой долю в управлении политическими институтами, за которые он обязан бороться и проливать кровь”.⁴⁶

У Фредерика Дугласа был готовый ответ на вопрос белых людей: “Что нам делать с неграми?” В июне 1863 года он заявил: “Есть только один способ мудро избавиться от цветной расы, и это поступить с ними правильно и по справедливости. Это делается не только для того, чтобы разорвать цепи их рабства и предоставить им личную свободу, но и для того, чтобы позволить им в полной мере пользоваться гражданским и политическим равенством”. Это означало, что чернокожие американцы должны обладать “всеми правами, привилегиями и иммунитетами, которыми пользуются любые другие члены политического сообщества”. Только таким образом лояльные северяне могли “укрепить наш мир на скале” и положить конец ужасным жертвам войны. “Спасите негра, ” настаивал Дуглас, “ и вы спасете нацию”. Более того, вопреки советам предрассудков, он утверждал, что “белые и цветные люди” могут “слиться в общую национальность” и наслаждаться “благами жизни, свободы и стремления к счастью как добрососедские граждане общей страны”.⁴⁷

Энергичный и решительный Уэнделл Филлипс неоднократно дополнял свои аргументы аргументами Дугласа и других на протяжении 1863 и 1864 годов. В своих выступлениях в Нью-Йорке в начале 1863 года Филлипс решительно выступал за справедливость по отношению к афроамериканцам, руководствуясь как национальными интересами, так и справедливостью. “Четыре миллиона чернокожих”, - отметил он, - “инстинктивно были на нашей стороне, готовые

и квалифицированные к работе”. Профсоюз нуждался в их “использовании”, поскольку в таком мятежном штате, как Южная Каролина, “мы не уверены, что в нем есть белый человек, который на нашей стороне”. Соглашаясь с Линкольном, Филлипс утверждал, что “президент может сделать все, чтобы спасти Союз”, но он настаивал на том, что по той же причине Конгресс мог бы принять закон, “отменяющий рабство, где бы ни развевался наш флаг”. Затем он пошел дальше и настаивал на том, что Север не может “заслужить триумф или заслужить его от рук справедливого Бога”, пока “мы не примем негра, иностранца, все расы как равные” и часть “общей национальности”.⁴⁸

В 1864 году Филлипс произносил речь за речью на тему равных прав для чернокожих американцев. Любой план Реконструкции, заявил он, должен заставить все штаты, Север и Юг, “очистить свои законодательные акты от всякого различия между черным человеком и белым”.⁴⁹ Подход, воплощенный в десятипроцентном правительстве Линкольна в Луизиане, был печально известен своей неадекватностью. Вместо “настоящей свободы”, к которой стремились аболиционисты, это фактически давало вольноотпущенникам только “вид свободы”, на который “мы должны надеяться, если чернокожего человека оставить на милость либо генерал-майора, либо белых людей мятежных штатов”. Филлипс указал, что генерал Бэнкс отказался разрешить чернокожему полку, потерявшему половину своих людей под огнем противника, поместить “Порт Гудзон” на свой флаг. Его “организация труда” для вольноотпущенников Луизианы терпела продолжающиеся порки и отказ чернокожим мужчинам в праве заключать свои собственные трудовые контракты. В то время как Бэнкс заявил северянам в публичном обращении, что планирует “подготовить негров” к независимости, Филлипс настаивал на том, что “негра нужно *готовить* к свободе не больше, чем белого человека”. Он смотрел “с презрением на любую *подготовку* негров к правосудию” и предупреждал северян, что белые южане - это “неподходящий материал для строительства государств”. Предоставление “избирательного бюллетеня неграм” было не только “необходимым” для создания лояльных государств, но и правильным.⁵⁰

Рассуждая аналогичным образом, аболиционистская газета “*Содружество*” заявила, что ей “нечего проливать слез” из-за вето Линкольна на законопроект Уэйда-Дэвиса. Хотя план Линкольна по восстановлению был абсолютно неприемлем, законопроект Уэйда-Дэвиса также был неадекватен, поскольку он был “искажен требованием, согласно которому никто, кроме “белых”, не должен принимать участия в работах по восстановлению”. “До тех пор, пока у Конгресса не хватит здравого смысла и порядочности принимать законопроекты без указания цвета кожи, - писала газета, - нас не волнует, как быстро их убьют”. Чернокожий лидер Джеймс Маккьюни Смит согласился с тем, что федеральная политика неадекватна и на практике сохранит “все недостатки рабства без его названия”. Заглядывая в будущее, аболиционисты и аболиционистская пресса требовали образования и земли для вольноотпущенников в дополнение к политическим правам. Чтобы избежать крепостного права, вольноотпущенники должны “стать владельцами земли как можно проще”, - написал один человек в *Liberator*. Аболиционистов приветствовали, когда конгрессмен Джордж Джулиан выступил за “справедливую политику в отношении приусадебных участков” и когда Уэнделл Филлипс осудил план Линкольна по реконструкции, поскольку крупные землевладельцы Юга по-прежнему будут в состоянии доминировать в политике и превратить свободу “в простую фикцию”. Линкольн, по словам Филлипса, “не имел ни желания, ни цели, ни мысли о том, чтобы поднять освобожденного негра до более высокого социального или политического статуса, чем статус простого рабочего, за которым присматривают другие”.⁵¹

Но в Конгрессе многие республиканцы не были готовы ответить на вопрос “Что нам делать с неграми?”, поддержав равные права без учета расы. Сенатор Джеймс Дулиттл из Висконсина подтвердил, что лично он мог бы проголосовать за избирательное право чернокожих, но сказал, что “еще не пришло время”, когда афроамериканцы были бы “образованы до такой степени, чтобы было уместно распространить на них избирательное право во всех штатах”. Сенатор Лафайет Фостер из Коннектикута согласился с тем, что избирательное право - это не естественное право, а привилегия, которая должна основываться на “интеллекте и моральных качествах”. Наблюдая за вольноотпущенниками, которые избежали рабства, мигрировав в округ Колумбия, он пришел к выводу, что эти люди “никоим образом не были квалифицированы для осуществления этого права”, потому что они были необразованны. Сенатор Уэйтман Уилли из Западной Вирджинии также пришел к выводу, что чернокожие в Вашингтоне, округ Колумбия, были “невежественными” и “раболепными”, хотя и не по своей вине. Старый политический коллега Линкольна, сенатор Лайман Трамбулл из Иллинойса, отверг аргументы в пользу всеобщего равенства прав. Для него аргумент о том, что чернокожим мужчинам должно быть разрешено голосовать, был эквивалентен представлением о том, что женщинам или лицам моложе 21 года должно быть разрешено голосовать — представлением, которые он считал нелепыми. Трамбалл также утверждал, что нельзя позволять таким спорным вопросам разделять северян, пока они борются за подавление восстания. Необходимость единства также требовала, по мнению сенатора Джона Тен Эйка, избегать проблем, связанных с правами чернокожего населения.⁵²

За пределами Республиканской партии, в рядах демократов и среди расистских пропагандистов враждебность к чернокожим американцам оставалась сильной. В течение 1864 года расизм, по-видимому, набирал силу среди широкой общественности на фоне растущего разочарования по поводу военных перспектив Союза и растущего стремления к миру. Эти события станут испытанием для Линкольна и его политики. Они подогрели бы его страсть к политическому выживанию и поставили бы под сомнение его возросшую решимость добиться свободы для всех рабов. В беспокойный год выборов позиции Линкольна колебались взад и вперед, оставляя под сомнением его окончательную позицию по статусу чернокожих американцев.

ЧЕТЫРЕ

ПОЛИТИКА, ЭМАНСИПАЦИЯ И ПРАВА ЧЕРНОКОЖИХ

1864 год был годом президентских выборов, и неудивительно, что политика проверила пределы политики. Когда политика и популярность вступают в конфликт, возникающее в результате столкновение показывает, чего на самом деле стоит лидер. Такая политическая динамика обрушилась на Авраама Линкольна, когда он добивался переизбрания. Они проверили его решимость в ключевых вопросах войны, особенно в вопросе освобождения, и пролили свет на его приоритеты. Чтобы выжить политически, он урезал и изменил свою позицию в отношении эмансипации таким образом, чтобы это свидетельствовало о непреходящей силе белого расизма.

Весной и летом 1864 года Авраам Линкольн оказался в серьезной политической опасности. Хотя его конфликт с республиканцами в Конгрессе по поводу законопроекта Уэйда-Дэвиса был

серьезным, он столкнулся с большими угрозами своему политическому будущему как до, так и после того, как наложил вето на эту меру и последующий пламенный манифест. Во-первых, Линкольн столкнулся с рядом попыток внутри своей партии отказать ему в повторном выдвижении на пост президента. Как только он уклонился от этих угроз и добавил к платформе республиканцев призыв к внесению поправки в конституцию, запрещающей рабство, его надежды на переизбрание начали улетучиваться у него на глазах. Расистские нападки демократов стимулировали яростный расизм, существовавший в обществе Севера. Глубокое разочарование в ходе войны и очевидная неспособность администрации добиться прогресса подорвали его популярность. В каждом штате большинство населения, казалось, отвернулось от него, партийные лидеры впали в уныние, а Линкольн, казалось, был бессилён что-либо предпринять в сложившейся ситуации.

Затем, после того как Конгресс закрылся, возникла новая и серьёзная проблема. Комиссарам Конфедерации в Канаде удалось привлечь Линкольна к открытому обсуждению вопроса об освобождении и условиях заключения мира. В публичном письме Линкольн назвал эмансипацию результатом, который повстанцы должны были бы принять, чтобы установить мир. Уставшая от войны общественность немедленно негативно отреагировала на эту позицию, и результатом стали многочисленные отступления, выжидание и путаница со стороны президента и его союзников. Линкольн и республиканцы, конечно, избежали этого кризиса. Их спасение пришло от рук генерала Уильяма Текумсе Шермана, который в сентябре привел свою победоносную армию в Атланту. С падением Атланты политическая ситуация немедленно изменилась в пользу Линкольна.

Но целенаправленная путаница в отношении его позиции по поводу эмансипации не исчезла полностью, когда изменились политические условия. Даже после того, как он был переизбран и успешно убедил Конгресс предложить Тринадцатую поправку, его позиция оставляла неясным будущее ее ратификации. На протяжении всего этого беспокойного политического периода Линкольн оставался гораздо более последовательным в вопросах амнистии для мятежных южан и примирительной политики восстановления, чем в вопросах, затрагивающих чернокожих американцев. Воссоединение и примирение белых оставались его приоритетом. Эмансипация, казалось, приобрела важное значение в его планах, но в его публичной позиции по Тринадцатой поправке оставалась существенная путаница. Тем временем обеспечение прав чернокожих американцев все больше отдалялось от реализации, и будущее ограниченной свободы и расового подчинения становилось все более вероятным.

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОН СМОГ ДОБИТЬСЯ ПЕРЕИЗБРАНИЯ, Линкольну сначала пришлось отразить ряд вызовов внутри своей собственной партии. Они исходили от левых, от аболиционистов и радикальных республиканцев, которые были недовольны его медленными и нерешительными действиями против рабства и его бездействием в отношении прав чернокожих. Личные амбиции также сыграли свою роль, поскольку первый вызов поступил от министра финансов Сэлмона Чейза. Президентские амбиции Чейза были яркими и давними, и он пользовался незапятнанной репутацией убежденного врага человеческого рабства. Через своего союзника, сенатора Сэмюэля Помероя из Канзаса, Чейз разрешил запустить свой президентский воздушный шар в феврале 1864 года. Однако сторонники Линкольна были готовы. Они быстро высказались в пользу президента, и вскоре Чейз узнал, что он переоценил свою популярность как в целом, так и особенно в своем родном штате Огайо, где его эгоистичное стремление к власти оттолкнуло многих бывших союзников. Даже мой друг, Бенджамин Уэйд, однажды

заметил, что “теология Чейза несостоятельна. Он думает, что в Троице есть четвертое лицо”.¹ Чтобы сохранить лицо, министру финансов пришлось объявить, что он не желает выдвигаться на пост главы исполнительной власти.

Уход Чейза никак не успокоил аболиционистов и других республиканцев, выступающих против рабства, которые пришли к выводу, что руководство Линкольна никогда не будет удовлетворительным. Они продолжали агитировать за другого кандидата, и когда стало ясно, что они не могут повлиять на партию, они разработали планы проведения своего собственного съезда в Кливленде. Среди критиков Линкольна были такие люди, как Фредерик Дуглас и афроамериканцы из оккупированной Луизианы, которые обвиняли Линкольна в том, что он из всех сил старался защитить права рабовладельцев. *New Orleans Tribune* указала, что General Banks допустил, чтобы конституция штата 1864 года была “создана людьми, у которых не было более высокого принципа действий, чем ненависть к своим собратьям африканского происхождения”. Чернокожий солдат из Массачусетса отверг Линкольна как “человека, который, держа в одной руке принципы борьбы с рабством, а в другой - колонизацию, всегда шел на уступки рабству, когда Союз можно было сохранить, не затрагивая этот особый институт”. В том же духе Уэнделл Филлипс предупредил, что политика Линкольна в отношении реконструкции “превращает свободу негров в фикцию и увековечивает рабство под более мягким названием”.²

Идеи для конкурирующего кандидата были сосредоточены на генерале Джоне К. Фремонт, знаменитом исследователе и кандидате от Республиканской партии в 1856 году. В конце мая республиканские диссиденты и реформаторы-аболиционисты выдвинули кандидатуру Фремонта на платформе, которая призывала к внесению поправки в конституцию, направленной на прекращение рабства и “абсолютное равенство перед законом” для всех мужчин. Но Фремонту вскоре встревожил аболиционистов, попытавшись апеллировать к избирателям-демократам, и многие отказались от своей поддержки. Несколько месяцев спустя, после того как события на поле боя изменили политический ландшафт, Фремонту сошел с дистанции.³

В июне состоялся съезд Республиканской партии, и партийные лидеры попытались двигаться одновременно в двух политических направлениях. Приняв название “Партия национального союза”, республиканцы стремились выйти за рамки рядов своей партии и обратиться ко всем гражданам, которые поддерживали Союз и были готовы поддержать национальное правительство в его кризисе. Выдвижение демократа от Теннесси Эндрю Джонсона обозначило эту юнионистскую цель и желание Линкольна работать с белыми южанами. В то же время, однако, делегаты съезда приняли решительно республиканскую платформу, которая призывала к “безоговорочной капитуляции” и конституционной поправке, направленной на прекращение рабства. Было известно, что Линкольн поддержал предложенную конституционную поправку. Он сказал сенатору от Нью-Йорка Э. Д. Моргану, который выступит со вступительной речью на съезде, “внести в платформу в качестве краеугольного камня поправку к Конституции, навсегда отменяющую рабство”. Этим поступком Линкольн сделал свой решительный шаг к прекращению всякого человеческого рабства в Соединенных Штатах.⁴

Однако президенту было нелегко переизбраться. Мало того, что эмансипация была спорной, но многие избиратели были встревожены отсутствием прогресса Профсоюза на поле боя, огромной ценой войны в виде жизней и материальных ценностей, а также ограничениями прав

личности, которые санкционировали военные и Линкольн. Более того, республиканцы столкнулись с Демократической партией, которая была далека от умирания или уныния. Демократы представляли собой гораздо больше, чем респектабельное, но не представляющее угрозы меньшинство на Севере; они были хорошо организованной партией с четкими принципами, сильной и стабильной базой поддержки и большими надеждами на возвращение власти. Действительно, многие демократы верили, что их состояние находится на подъеме, поскольку в 1862 году они отвоевали у республиканцев тридцать пять мест в Конгрессе. На выборах 1863 года они в значительной степени сохранили свои позиции при общей поддержке избирателей, хотя результаты выборов в различных штатах не оправдали их надежд.⁵

В дополнение к легендарной традиции партии Джефферсона и Джексона, демократы обладали ядром политических и социальных убеждений, которые долгое время разделяла значительная часть электората. Они были против централизации власти и правительственных мер, которые вмешивались в жизнь отдельных граждан. В этом отношении они рассматривали республиканцев — как до них вигов — как назойливых и властных реформаторов, стремящихся управлять жизнями других людей. Они обвинили республиканцев в “политическом вмешательстве в мораль, религию и права отдельных сообществ”. Против такого культурного вмешательства демократы пообещали защищать свободу личности и ограниченное правительство. Меры военного времени, такие как воинская повинность, повышение налогов, приостановление действия судебного приказа habeas corpus и аресты военнослужащих, дали им дополнительные веские причины протестовать против центрального правительства. В довоенные дни демократы выставляли республиканцев к позорному столбу как узколобую партию, стремящуюся разрушить Союз, а теперь, после трех лет войны, они обвинили Линкольна и его партию в намерении наказать Юг, отменить Конституцию и уничтожить права штатов. Их частым боевым кличем во время войны был “Конституция такой, какая она есть, и Союз таким, каким он был”, лозунг, который отождествлял их партию со священными традициями, которые сейчас находятся под угрозой со стороны республиканцев. Наконец, демократы выступили против расового равенства и за страну белого человека. Республиканцы, по их утверждению, всегда стремились продвигать интересы чернокожих за счет белых людей. Демократы предупреждали, что господство республиканцев приведет к “африканизации” Америки, и эта расистская тема легко поддавалась злобной и подстрекательской риторике.⁶

После начального периода замешательства в начале войны по поводу того, чего следует придерживаться, демократы набрались смелости и нанесли резкие удары по политике республиканцев. Они утверждали, что партия Линкольна безответственно поставила под угрозу Союз, а затем взяла революционный курс, как только началась война. Демократы неоднократно осуждали планы республиканцев превратить конфликт в “войну за отмену рабства — войну за всеобщее освобождение” вместо усилий по восстановлению Союза. Они обвинили в том, что два Закона о конфискации, отмена рабства в округе Колумбия, а затем Прокламация Линкольна об освобождении доказали, что республиканцы были радикалами, стремящимися преобразовать республику. При поддержке администрации армейские генералы “заткнули людям рты кляпом”, в то время как Линкольн занимался “вопиющей узурпацией власти” и “ощутимым и опасным нарушением Конституции”. Демократы надеялись и верили, что политика республиканцев снимет “пелену с глаз” любого, кто думал, что “президент был консервативным человеком и что война велась за восстановление Союза в соответствии с Конституцией”.⁷

Демократическая риторика часто носила подстрекательский характер, поскольку она осуждала Линкольна и поддерживала традиции. “Президент-предатель” нарушил Конституцию и санкционировал “Судебное разбирательство [военными] комиссиями” в своем желании уничтожить рабство, согласно “*Старой гвардии*”, ежемесячному журналу New York journal. Линкольн был “человеком, который меньше любит свою страну, а больше - негров”. Благодаря его узурпации “деспотизм воцарился на древних обителях американской свободы”, хотя Отцы-основатели боролись “против централизованной деспотической власти”. “Неизбежным результатом эмансипации негров”, - говорилось в журнале, - “будет низведение трудящегося белого человека до *статуса* негра”, в то время как Демократическая партия “защищает дело рабочего Севера против чудовищного предложения выпустить на свободу четыре миллиона негров”, чтобы они стали конкурентами “на всех рынках труда страны”. Правительство Линкольна “является РЕВОЛЮЦИЕЙ”, — писал редактор, - революцией, направленной на то, чтобы сделать афроамериканцев “равноправными гражданами с белыми мужчинами”.⁸

“Эмоциональные символы и кодовые слова” демократов, отмечает историк Джоэл Силби, “затронули глубокие струны всего демократического сообщества, от ирландских докеров в Бостоне, Нью-Йорке или Цинциннати до фермеров, родившихся на Юге или происшедших от южан в долине Огайо, до респектабельных редакторов газет, юристов, торговцев и банкиров в больших и малых городах по всему Северу”.⁹ Демократические призывы также набирали силу, когда война шла плохо — и новости в 1864 году были обескураживающими - или когда администрация требовала от граждан больших жертв или нарушала права людей. И для многих представителей населения расовая проблема была мощной, способной вызвать внутренние чувства. В этом вопросе Демократическая партия получила значительную помощь от расистских писателей, теоретиков и пропагандистов, которые действовали либо самостоятельно, либо в тесном сотрудничестве с противниками Линкольна.

Одним из самых настойчивых и энергичных распространителей расистских теорий был доктор Дж. Х. Ван Эври из Нью-Йорка. В 1861 году Ван Эври опубликовал книгу “*Негры и негритянское рабство*”: первая - “*Низшая раса*”, вторая - “*ее нормальное состояние*”, работу, идеи которой он переформулировал в 1864 году в различных публикациях, приуроченных к национальным выборам. Ван Эври представлял себя врачом и аналитиком научных истин, но он также заявлял о важной политической цели. Он стремился донести до “поденщика и рабочего человека, тех, кто один или в основном, нуждается в понимании великого “антирабовладельческого” обмана нашего времени”, который был “всемирным заговором” против “свободы, мужественности и счастья белого человека”. В своих письмах он намеревался убедить белых рабочих в том, что афроамериканцы биологически неполноценны и что рабство не должно быть нарушено.¹⁰

Чернокожие люди, утверждал он в своей книге за год выборов, “представляют собой отдельный вид”. Чтобы уменьшить возникший конфликт с библейской историей об одном общем происхождении человечества, Ван Эври предположил, что “должно было произойти сверхъестественное вмешательство в какой-то последующий период”. Мало того, что “грация и величие” европеоида по сравнению с “неполноценностью” черного тела указывают на отдельные виды, но и “мозг негра в целом на десять-пятнадцать процентов меньше, чем у европеоида”. Более того, “относительно маленький головной мозг” и “сравнительно большой мозжечок” афроамериканцев породили в них “доминирующую чувственность”. “Смешение крови существенно отличающихся рас”, - заявил он, - привело бы к “социальному самоубийству”, и мулаты не могли бы размножаться дольше четырех поколений. Ван Эври

также утверждал, что чернокожие люди обладают разными “голосовыми органами” и, следовательно, “соответствующей разницей в языке”. Их сексуальный пыл был “внезапным, капризным, поверхностным и временным”, а их родительская привязанность ослабевала так быстро, что мать становилась “относительно равнодушной” к своему ребенку к 12 или 15 годам, а “в сорок она этого не признает”. Ван Эври заверил расистов, что “самая сильная привязанность”, которую раб “способен испытывать, - это любовь к своему хозяину”.¹¹

В отличие от афроамериканцев, которые якобы были созданы для служения, белая раса была создана Богом для другой цели; ван Эври утверждал, что это была последняя созданная раса, которая была высшей. “Никогда не было известно о существовании белых язычников”, тогда как никогда не было обнаружено ни одного “племени темных рас”, “которое не было бы таковым”. Америка была великой, заявил он, потому что белые отказались смешиваться с неграми или коренными американцами, хотя смешение различных белых кровей в Соединенных Штатах “несомненно” породило бы “самых могущественных и цивилизованных людей из всех существующих”. “Несомненно, ” писал Ван Эври, “ что только наша собственная раса имеет историю или способна к тем ментальным проявлениям, которые составляют материал истории”. Европейец мог “жить и наслаждаться полным развитием всех своих сил в тропиках”, а также в других регионах, в то время как “негры и другие низшие расы абсолютно ограничены своими собственными центрами существования”. Поскольку Бог приспособил “физическую и умственную структуру чернокожих людей к тропикам”, они должны были производить там хлопок и сахар, и, следовательно, Соединенные Штаты не должны ограничивать ввоз рабов в тропические районы.¹²

Делая политические выводы из своих псевдонаучных утверждений, Ван Эври писал, что “очевидный замысел Создателя” заключался в том, что “негр должен быть полезным, должен трудиться ... в сочетании с превосходящим его кавказцем”. Это было “в природе негра” - быть совершенно бесполезным, “будучи изолированным или отделенным от белого человека”. Соответственно, работорговля была правильной и моральной, рабство было “нормальным состоянием” афроамериканцев, а “социальный порядок Юга” поощрял “цивилизацию, прогресс и общее благосостояние обеих рас”. Там о рабах заботились так же, как о детях заботятся их отцы, и закон защищал раба от капризного или жестокого обращения. Более того, из-за естественного разделения рас южные штаты с “самым большим негритянским населением [,] являются наиболее решительно и последовательно демократическими”. Напротив, штаты Новой Англии, “среди которых меньше всего негров, являются самыми неблагоприятными” и “определенно отстают от большинства крупных американских сообществ в политических знаниях”. Институт рабства, как заявил Ван Эври с политической целью, сделал “плантатора-южанина естественным союзником фермера-северянина”. Это также было “ведущей причиной успешной работы демократических институтов” и “породило великие американские идеи государственного управления, воплощенные в Декларации независимости”. Свободные чернокожие, с другой стороны, были неестественны и “обречены на вымирание”.¹³

Работы Ван Эври привлекли внимание и, несомненно, возбудили расистские настроения, но во время выборов 1864 года они не могли сравниться по влиянию с творческим произведением политической пропаганды, написанным Д. Г. Кроли и Джорджем Уэйкманом, которые оба работали в *New York World*, ведущей газете Демократической партии. *Смешение рас: теория смешения рас, применяемая к американскому белому человеку и негру* впервые была опубликована в декабре прошлого года в виде 72-страничной брошюры стоимостью всего

двадцать пять центов. В своем названии это небольшое издание ввело новое слово, которое вскоре заменило “амальгамацию”, стандартный термин для обозначения смешения рас. Более того, с весны 1864 года по осенние выборы *Смешанное происхождение* вызывало споры и служило интересам Демократической партии настолько хорошо, что, по словам Сидни Каплана, “в сумятице листовок, брошюр, открыток, брошюрок и карикатур, выпущенных всеми партиями во время Гражданской войны, оно выделяется как имеющее центральное значение”.¹⁴

Умная и вводящая в заблуждение стратегия, реализованная на двух уровнях, обусловила эффект брошюры. Анонимно написав, Кроли и Уэйкман взяли на себя роль хорошо образованных, преданных делу и радикальных сторонников расового равенства, которые утверждали, что расовая смесь белых с черными “сделает нас лучшей расой на земле”. Все, что было необходимо, - это “привить нашему потомству негритянский элемент, которого провидение поместило рядом с нами на этом континенте”. Серьезный и прямолинейный тон “*Смешения народов*” был достаточно убедительным, чтобы убедить всех, кроме самых подозрительных читателей, в том, что аболиционисты и эмансипационисты одобряют расовое смешение и даже стремятся к тому, чтобы оно произошло. Сама по себе эта идея вызвала тревогу у многих избирателей. Но затем Кроули и Уэйкман разослали свою брошюру нескольким ведущим аболиционистам и запросили письменные комментарии, многие из которых были слегка обнадеживающими для анонимных авторов или неосторожно положительными. Обнародование этих ответов могло бы подлить масла в огонь расовой ненависти.¹⁵

Текст “*Смешанного происхождения*” содержал множество идей, которые одновременно очаровали бы аболиционистов и встревожили избирателей-демократов. В нем утверждалось “братство” всех рас, утверждалось, что война была “войной за негра”, которая должна закончиться признанием его “политических, гражданских и социальных прав”, и заявлялось, что платформа республиканцев должна призывать к “Свободе, политическому и социальному равенству; Всеобщему братству”. Точно так же он счел планы Линкольна по колонизации несостоятельными и похвалил Республиканскую партию за “мудрое” признание того, “что мы должны позволить негру остаться с нами, признавая его одним из величайших элементов нашей силы и процветания”. Все эти пункты были практически принципиальными для аболиционистов и радикальных республиканцев. Идя дальше, анонимные авторы с очевидной терпимостью и широтой взглядов прокомментировали, что самые красивые люди представляют собой смесь расовых типов и что энергия и здоровье афроамериканцев пойдут на пользу белым американцам. Более радикальными и явно подстрекательскими для расистов и сторонников демократии были их заявления о том, что “желательно, чтобы белый мужчина женился на чернокожей женщине, а белая женщина - на чернокожем мужчине”, что смешение рас “оказало бы бесконечную услугу ирландцам”, потому что “они более жестокая раса и находятся на более низком уровне цивилизации, чем негры”, и что чернокожие “должны конкурировать с белыми во всех сферах труда”.¹⁶

Конгрессмен Сэмюэл Салливан Кокс из Огайо, демократ и союзник Клемента Валландигэма, обнародовал эту брошюру в Палате представителей, осудив содержащиеся в ней идеи и содрав кожу с республиканцев за продвижение таких шокирующих доктрин. Более того, закулисная помощь от Кроли и Уэйкмана, которые поделились их перепиской, позволила ему утверждать, что аболиционисты “полностью приняли решение о принятии этой платформы объединения”. Далее он назвал восьмерых видных аболиционистов в качестве лиц, которые “поддерживали” скандальные идеисмешанного происхождения. Речь Кокса привела к более широкому

обсуждению брошюры, обзорам ее идей в журналах и газетах из всех частей политического спектра и, в конечном счете, к тому, что она стала основным предметом политических дебатов на протяжении всего 1864 года. Несколько республиканцев, таких как Чарльз Самнер, признали *смешанное происхождение* сатирой или мистификацией, а аболиционистские газеты приложили все усилия, чтобы дать понять, что они не поощряют смешанные браки, а просто считают, что такие решения подпадают под право выбора человека. Однако с политической точки зрения ущерб был нанесен: демократы перешли в наступление по вопросу, обладающему эмоциональной силой.¹⁷

Демократическая партия без колебаний воспользовалась этим преимуществом. Среди множества материалов предвыборной кампании одним из самых полезных и широко распространенных был Предвыборный документ № 11, название которого кричало: “Смешение поколений, одобряемое Республиканской партией”. В нем республиканцев называли “партией отмены рабства, которая сейчас у власти”, и заявляли, что “их цель - объединить в браке трудящегося белого мужчину и чернокожую женщину и низвести белого трудящегося человека до презираемого и униженного положения чернокожего человека”. В подтверждение этого утверждения в документе утверждалось, что партия Линкольна решила, “что война не закончится до тех пор, пока рабство не будет отменено”. Но эта позиция поднимала центральный вопрос: “Каким должно быть состояние негра, когда он достигнет своей свободы?” По мнению демократов, республиканцы “уже дали” свой ответ — смешение поколений — и этот ужас будет сопровождаться другими ужасами: отменой законов против смешанных браков; выборщики в президенты от республиканцев танцуют с цветными красавицами нанегритянских балах; доведением южных штатов до состояния “абсолютного подчинения”; и “попыткой поднять цветную расу до социального равенства с белой, [которое] должно привести к конфликту рас”.¹⁸

Используя цитаты из должностных лиц республиканской партии, республиканских журналов и аболиционистов, демократы попытались определить Линкольна и его партию через подстрекательскую проблему смешения рас. Они утверждали, что республиканцы были “полностью благосклонны” к смешанному происхождению. В Нью-Йорке они спонсировали “негритянский бал”, на котором “цветные красавицы” были “одеты во все то великолепное и сильно раскрашенное, не говоря уже о сильно надушенном великолепии, которым эстетически отличаются дочери эфиопской расы”. “Прочтите это еще раз, ирландцы и немцы!” - предупредили демократы. Именно республиканцы считали, что афроамериканцы “должны быть поставлены в равные условия с белыми, бок о бок с белым трудящимся населением, без расовых предрассудков, работающих против них, и без отказа им в каких-либо правах”. По мнению республиканцев, “*белые мужчины должны быть наняты [в качестве солдат], потому что это спасет кровь чернокожих мужчин*”. Демократы утверждали, что расовые цели Республиканской партии были настолько оскорбительными, что даже генеральный почтмейстер Линкольна Монтгомери Блэр осудил “партию отмены рабства” за стремление к “*объединению, равенству, и fraternity.....*” “Смешение поколений, - заканчивался этот демократический памфлет, - всего лишь еще одна любимая цель партии Линкольна, того же сорта, что и эмансипация, конфискация и порабощение”.¹⁹

Как будто эти расовые проблемы не были достаточной проблемой для кампании Линкольна по переизбранию, новости с полей сражений весной и летом 1864 года были обескураживающими, даже мрачными. На этом, четвертом году войны, в которой население

Севера ожидало скорой победы, у граждан практически не было поводов для оптимизма. Соппротивление конфедерации, по-видимому, оставалось сильным. Армия Шермана мучительно медленно продвигалась из Теннесси в северную Джорджию, и северяне, казалось, напрасно ждали новостей о каком-нибудь прорыве. Новостей из Вирджинии было слишком много, поскольку это были новости печального и удручающего характера. Генерал Грант решил противостоять армии Ли и неоднократно атаковать ее. “Что бы ни случилось, ” сказал он Линкольну, “ пути назад не будет”. И он предпринял атаку — с ужасающими потерями — на Уайлдернесс, Спотсильванию и Колд-Харбор. В течение одной недели в начале мая силы Союза потеряли 32 000 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, “что в общей сложности больше, чем у всех армий Союза, вместе взятых, за любую предыдущую неделю войны”. В мае армия Гранта понесла потери в 44 000 человек, но их командующий был полон решимости “сражаться на этой линии, даже если это займет все лето”.²⁰ Оглядываясь назад, историки запишут, что Грант понимал суровую арифметику; он точно предвидел, что Север сможет восполнить такие огромные потери, в то время как ряды Ли будут сокращаться до тех пор, пока капитуляция не станет неизбежной. Однако во время президентской кампании бесконечные списки погибших и раненых солдат в газетах Севера представляли собой “счет мясника”, который шокировал и встревожил общественность. Усталость от войны нарастала с каждой неделей. Затем, в июле, усилия Конфедерации по связям с общественностью побудили Авраама Линкольна сделать заявление о своих военных целях, которое вызвало большие споры и проверило силу его приверженности эмансипации.

Джефферсон Дэвис внимательно следил за избирательной кампанией северян. Надеясь, что сопротивление южан переживет волю северян, Дэвис верил, что поражение Линкольна может привести к независимости Конфедерации. Чтобы поощрить стремление северян к миру, он направил трех уполномоченных в Канаду, к Ниагарскому водопаду, удобному месту, откуда они могли влиять на настроения по ту сторону границы. Когда Хорас Грили из *Tribune* узнал о присутствии этих комиссаров, он оказал давление на Линкольна, чтобы тот установил с ними контакт, хотя бы в ознакомительных целях. Грили не мог гарантировать, что уполномоченные Конфедерации имели полномочия вести переговоры о мире, но он утверждал, что “стремление конфедератов повсюду к миру“ не вызывает сомнений”. Влиятельный редактор, чьи взгляды достигли широкой читательской аудитории, затем “рискнул напомнить“ Линкольну”, что наша истекающая кровью, обанкротившаяся, почти умирающая страна также жаждет мира — содрогается от перспективы новых призывов, дальнейших массовых разрушений и новых рек человеческой крови”. Линкольну не нужно было напоминать об этом факте или о другом замечании Грили: любое широко распространенное подозрение в том, что президент не стремится к миру, нанесет “большой вред ... на приближающихся выборах”.²¹

Уже испытывая политические проблемы, Линкольн решил, что позволит Грили обратиться к конфедератам не только для того, чтобы избежать критики редактора, но и с целью продемонстрировать, что Юг настаивает на независимости. Однако, санкционируя “увертюру” Грили, Линкольн 18 июля 1864 года опубликовал следующие инструкции для редактора и широкой публики: “Если вы сможете найти где-либо человека, заявляющего, что у него есть какое-либо письменное предложение Джефферсона Дэвиса о мире, включающее восстановление Союза и отказ от рабства, что бы оно ни включало в себя, скажите ему, что он может прийти ко мне с вами, и что, если он действительно внесет такое предложение, ему, по крайней мере, будет обеспечена безопасность”.²²

Этими несколькими словами Линкольн разжег политическую бурю, которая еще больше поставила под угрозу его избрание. На измученном войной Севере лидеры Демократической партии, редакторы газет и даже многие лояльные, но подавленные граждане и республиканцы внимательно изучили письмо и пришли к выводу, что Линкольн повысил ставки в и без того кровавом соревновании. В конце концов, сам Линкольн, а также крупные республиканские органы, такие как *New York Times*, всегда настаивали на том, что целью войны было восстановление Союза. В ответ на споры по поводу эмансипации Линкольн и его сторонники всегда объясняли, что освобождение рабов было военной мерой, инструментом восстановления Союза, а не самоцелью. Например, в последний день 1863 года "*Таймс*" повторила, что освобождение и возвышение рабов "второстепенны по важности для спасения Союза, и их не следует добиваться за его счет". В конце апреля 1864 года газета похвалила Линкольна за то, что у него была "только одна твердая цель, и это было спасение Республики", а не эмансипация.²³

Однако теперь, говоря что-то другое, Линкольн, казалось, возвел эмансипацию в ранг не подлежащей обсуждению цели войны. Демократы и критически настроенные редакторы газет энергично атаковали его. *New York Herald*, например, написала, что эпизод с Ниагарским водопадом имел

оказал очень важную услугу стране, выдвинув мирный ультиматум президента Линкольна. . . . Чего непременно условием требует мистер Линкольн от мятежных Штатов в качестве условия, предшествующего восстановлению мира и Союза? Не что иное, как отмена рабства Почему он сейчас встал на эту крайнюю точку зрения, когда он всегда, вплоть до последней Балтиморской конвенции, настаивал на том, что Профсоюз является первостепенным, в то время как рабство - всего лишь второстепенный вопрос? ... Мистер Линкольн опасается, что мир и воссоединение могут наступить слишком скоро, чтобы соответствовать его амбициозным целям и алчным замыслам его партии.²⁴

Другие газеты были более резкими в своих нападках и более откровенно расистскими. "Типичная демократическая редакционная статья" сделала такой вывод о Линкольне-аболиционисте: "Десятки тысяч белых мужчин все же должны пасть ниц, чтобы развеять негритянскую манию президента". *Cincinnati Daily Enquirer* обвинила Линкольна в том, что он стремился "обезлюдить страну", чтобы добиться отмены рабства, и что теперь он признал, что "война ведется ... не для восстановления Союза, а для отмены рабства как главной цели".²⁵

Республиканцы были потрясены мощью этой атаки. Газета *Buffalo news*, которая поддерживала администрацию, теперь задалась вопросом "За что мы боремся?" и высказала мнение, что южане, возможно, были бы готовы вернуться в Союз, если бы не неожиданное заявление Линкольна. Другие республиканцы, даже убежденные партийцы, сетовали на "грубую ошибку" Линкольна, поскольку она определенно дала новое мощное оружие в руки его врагов-демократов. Генри Рэймонд, ныне новый председатель Национального комитета Республиканской партии, вскоре предупредил Линкольна, что его политическая жизнь в опасности. "Я чувствую себя обязанным черкнуть вам строчку, - писал Реймонд, - касающуюся политического положения в стране Я веду активную переписку с вашими самыми верными друзьями в каждом штате, и от них я слышу только одно сообщение. "Если бы выборы в Иллинойсе, Пенсильвании, Индиане и Нью-Йорке состоялись на следующий день, - сообщил Рэймонд, - республиканцы потерпели бы поражение. "Две особые причины" вызвали "такую

бурную реакцию общественных настроений — отсутствие военных успехов и впечатление ... что у нас не будет мира *любом случае* при нынешней администрации, пока не будет отменено рабство”. Реймонд умолял Линкольна опровергнуть это впечатление каким-нибудь “авторитетным актом”. Говоря более прямо, *New London Chronicle* обвинила Линкольна в том, что “предложения Линкольна являются эффективным препятствием на пути к миру. ОН ДОЛЖЕН ИХ КАК-ТО ИЗМЕНИТЬ, ИНАЧЕ ОН НИКОГДА НЕ БУДЕТ ПЕРЕИЗБРАН ПРЕЗИДЕНТОМ”.²⁶

Как бы отреагировал Линкольн? Еще до получения письма Реймонда президент приложил ручку к бумаге, чтобы объяснить свою позицию по поводу эмансипации и войны. То, что он написал, было классической попыткой политика объяснить свое предыдущее письмо, вернуться назад и вернуть утраченные позиции. В ответ на письмо редактора из Висконсина, лояльного военного демократа, который жаловался, что слова Линкольна “не оставили нам почвы для опоры”, Линкольн сформулировал это так: “Мне кажется очевидным, что утверждение о том, что воссоединение и отказ от рабства будут рассмотрены, если их предложат, не означает, что ничего другого или *меньшего* не будет рассматриваться, если их предложат”. Затем он подтвердил, что все его действия, связанные с рабством, были направлены на спасение Союза, но было бы предательством вернуть в рабство тех, кто на самом деле пришел сражаться за Союз, и что их помощь в вооруженных силах была необходима. В заключение он написал: “Если Джефферсон Дэвис желает ... узнать, что бы я сделал, если бы он предложил мир и воссоединение, ничего не говоря о рабстве, пусть он испытает меня”.²⁷ Единственной логической интерпретацией этих слов было то, что всеобщая эмансипация может *не* быть требованием мира.

Очевидно, это письмо так и не было отправлено. Как умелый и осторожный политик, Линкольн вполне мог прийти к выводу, что для президента такое заявление сопряжено с существенным риском. Такое заявление, несомненно, оттолкнуло бы самые сильные элементы Республиканской партии, выступающие против рабства, в то время как среди избирателей-консерваторов это могло бы подорвать доверие к президенту и имидж решительного человека. Но решение Линкольна не отправлять письмо не означало, что он отказался от стратегии. Вместо того, чтобы отправить это сообщение лично, Линкольн просто попросил других привести эти аргументы за него. Чужими голосами он быстро выдвинул аргумент о том, что эмансипация, возможно, не является предварительным условием для воссоединения.

Государственный секретарь Уильям Генри Сьюард был одним из рупоров администрации. Выступая в своем родном городе Оберн, штат Нью-Йорк, Сьюард назвал противников своей партии “Союзниками государственной измены”. После краткой защиты записей Линкольна об арестах военнослужащих, призыве на военную службу и свободе слова Сьюард быстро перешел к “главной жалобе на президента”. Эта жалоба заключалась в том, “что он не примет мир на основе целостности Союза, не отказавшись также от рабства”. Чтобы разобраться с этим вопросом, Сьюард сначала отрицал, что конфедераты были заинтересованы в достижении мира на основе целостности Союза. Затем он повторил аргумент, который приводил в прошлом, о том, что на практике война решала проблему рабства путем уничтожения этого института. Наконец, он заявил, что, пока повстанцы продолжают вести войну против правительства, “военные меры, влияющие на рабство”, будут продолжаться, но “когда повстанцы распустят свои армии и сложат оружие, война немедленно прекратится; и все военные меры, существовавшие в то время, включая те, которые затрагивают рабство, также прекратятся; и все моральные, экономические и политические вопросы, а также вопросы, затрагивающие рабство,

как и другие, которые будут существовать в то время ... в силу Конституции перейдут в ведение судов общей юрисдикции и законодательных советов.²⁸

Эта формула определяла эмансипацию как временную военную меру, а не как основную цель войны и предварительное условие для мира и воссоединения. Более того, заявление Сьюарда о том, что, когда боевые действия прекратятся, все “вопросы, затрагивающие рабство”, будут переданы на рассмотрение судов и “законодательных советов”, указывало на то, что президент Линкольн не будет навязывать политику эмансипации. Скорее, “в силу Конституции” некоторые вопросы могли бы решаться судебной властью, в то время как законодательные органы решали бы другие. Фраза “законодательные советы” была расплывчатой, но она была множественным числом и, несомненно, охватывала будущие действия Конгресса и законодательных органов штатов по Тринадцатой поправке. Согласно положениям Конституции, южные штаты Союза будут участвовать в ратификации новой поправки. Таким образом, южане могут получить право голоса при окончательном урегулировании. В заключение Сьюард заверил свою аудиторию, что, когда конфедераты будут стремиться к миру, они найдут “великодушный и гуманный” прием. Такие заверения, как правило, давали бы южанам повод “попробовать” Линкольна.

The New York Times была еще более прямой и точно использовала формулу запутывания, которую Линкольн изобрел в своем неотправленном письме. Отвергая редакционную критику со стороны *National Intelligencer*, *the Times* заявила, что Линкольн “никогда не отказывался получать или рассматривать какие-либо предложения, направленные на мир или объединение, если они не сопровождались отказом от рабства”. Он никогда не “предписывал” этот отказ в качестве “непременного условия получения или рассмотрения таких предложений”. Президент Линкольн, как писала *Times*, был человеком, который осторожно пользовался языком, и он имел в виду то, что сказал Горацию Грили в 1862 году: что бы он ни делал с рабством, он делал это потому, что это помогло бы спасти Союз. Затем в статье Генри Реймонда добавлялось: “Мистер Линкольн действительно сказал, что он бы принял и рассмотрел предложения о мире, исходящие от соответствующих властей, если они будут поддерживать целостность Союза и отказ от рабства. Но он не сказал, что не принял бы их, даже если бы они не приняли ни того, ни другого”. Была задействована стратегия “пусть Дэвис испытает меня”.²⁹

Спасет ли эта стратегия Линкольна в умах избирателей Севера? Среди более чем ста видных афроамериканцев, присутствовавших на Национальном съезде цветных мужчин в октябре 1864 года, это, безусловно, произвело противоположный эффект. В “Обращении съезда к американскому народу” выражалось сожаление по поводу “предубеждения против мужчин из-за их цвета кожи” и с грустью отмечался “очевидный” факт, что Республиканская партия “не готова рассматривать отмену рабства во всех Мятежных штатах как прецедент для восстановления Союза”. Позиция республиканских лидеров показала, что “при возвращении в Союз рабство имеет справедливые шансы выжить”. Процитировав речь Сьюарда в Оберне, в обращении говорилось: “Это, сограждане, заученные слова, полные торжественного и устрашающего значения. Они означают, что наша республиканская администрация готова заключить мир не только с повстанцами, но и с рабством”. Делегаты съезда вызывающе заявили: “Мы хотим избирательного права во всех штатах”, и они напомнили американцам, что “на момент принятия Федеральной конституции” одиннадцать из первоначальных тринадцати штатов разрешили голосовать “цветным мужчинам”. Скажут ли республиканцы и белые северяне, что чернокожие мужчины “достаточно хороши, чтобы использовать пули, и недостаточно хороши, чтобы использовать бюллетени? ... Являемся ли мы гражданами, когда

нация в опасности, и инопланетянами, когда нация в безопасности?” Перед закрытием заседания эти делегаты сформировали Национальную лигу равных прав для борьбы за равенство чернокожих.³⁰

Если отбросить в сторону разочарование черных, никто не может знать, успокоила ли бы эта республиканская тактика отступления белых и спасла выборы 1864 года для Линкольна, поскольку вмешались другие события. Спасение президента пришло в последнюю минуту. Ясно, что сам Линкольн практически потерял надежду на переизбрание. 23 августа 1864 года он вынес на заседание кабинета министров “Меморандум” о своих перспективах на предстоящих выборах. “Сегодня утром, как и в течение нескольких прошедших дней, - говорилось в документе, - представляется чрезвычайно вероятным, что эта администрация не будет переизбрана”. Над своей подписью Линкольн добавил, что его долгом было бы сотрудничать со своим победившим оппонентом, чтобы сохранить Союз между выборами и инаугурацией, поскольку Линкольн верил, что любой демократ победит на “выборах на таком основании, что он, возможно, не сможет сохранить его впоследствии”. Следуя странной процедуре, он попросил членов кабинета министров подписать оборотную сторону этого документа, не читая его.³¹ Возможно, для Линкольна это был способ справиться с глубоким разочарованием и посвятить себя выполнению своего долга в будущем. Какова бы ни была цель, это отражало его мнение и мнение большинства республиканцев о том, что выборы были проиграны.

Положение спасли хорошие новости с поля боя. Южане с опаской наблюдали за приближением армии генерала Шермана к Атланте. Мэри Бойкин Чеснат из Южной Каролины призналась в своем дневнике, что “Теперь все наше зависит от этой Армии в Атланте. Если это нам не удастся, игра окончена”. Затем, 2 сентября 1864 года, войска Шермана захватили город. “Атланты больше нет”, - писала миссис Чеснат. “Надежды нет”. Но то, что вызвало отчаяние у южан, вызвало радость и прилив облегчения и оптимизма у северян. С падением Атланты стало, наконец, ясно, что Союз восторжествует, а восстание потерпит поражение. Победа Шермана немедленно произвела кардинальные изменения в моральном духе северян и в их политике. “Падение Атланты создало общее впечатление по всей стране, что конец войны близок”, - отмечает *New York Herald*. Житель Нью-Йорка Джордж Темплтон Стронг записал в своем дневнике: “Это (наступление этого политического кризиса) величайшее событие войны”.³² С такими важными хорошими новостями с поля боя и со значительной помощью голосов солдат, которые иногда добывались противоречивыми способами, Линкольн победил на переизбрании.³³ Получив новый мандат на управление страной еще на четыре года и, таким образом, на восстановление Союза, который вскоре снова окажется под федеральным контролем, Линкольн получил власть, чтобы продвигать свою политику по эмансипации, реконструкции и будущему чернокожих американцев. Как бы он поступил дальше?

Всегда осторожный и сложный стратег, Линкольн двигался в нескольких, казалось бы, противоположных направлениях. По своему темпераменту он обычно предпочитал избегать безоговорочной приверженности какому-либо одному подробному курсу. Вместо этого он работал над тем, чтобы у него оставались открытыми варианты. Инициативы, которые он предпринял после переизбрания, ободрили не только рабов, но и белых южан. Его политика показала, что его приоритетом по-прежнему оставалось заложение основы сотрудничества с белыми южанами с целью воссоединения страны. Этот выбор ограничил перспективы вольноотпущенников на будущее, хотя Линкольн яснее, чем когда-либо прежде, выразил свое желание, чтобы страна достигла состояния всеобщей эмансипации.

Первые заявления Линкольна после его переизбрания отражали сложную совокупность его целей. Он не поощрял и не требовал прогресса в области прав чернокожих как вольноотпущенников, но аплодировал, когда другие выбирали эмансипацию. Выступая перед группой доброжелателей, исполнявших серенаду 10 ноября, он с гордостью говорил о том факте, что Соединенные Штаты смогли провести президентские выборы в разгар “великой гражданской войны”, и призвал всех присоединиться к его решимости “спасти нашу общую страну”. Не было никаких упоминаний о влиянии выборов на будущее афроамериканцев. Точно так же, когда несколько дней спустя он написал одному из своих генералов в оккупированную Луизиану, он выразил удовлетворение тем, что чернокожие лидеры и радикальные республиканцы считают там крайне неудовлетворительной ситуацию. Хотя новая конституция штата признавала эмансипацию, законодательный орган, созданный политикой Линкольна, не распространил избирательное право на чернокожих, как это допускала бы конституция. Линкольн не призвал лидеров оккупированной Луизианы ввести избирательное право для чернокожих. Вместо этого он назвал конституцию “превосходной” и сказал, что она “лучше для бедных чернокожих, чем у нас в Иллинойсе”. С другой стороны, он сказал группе юнионистов Мэриленда, что принятие их штатом “конституции свободного штата было более важным событием”, чем голосование Мэриленда за него на президентских выборах. Действительно, он предпочел бы “проиграть Мэриленд на президентских выборах, чтобы спасти его свободную конституцию”, потому что выборы проводились регулярно, но “принятие конституции, будучи благом, нельзя было отменить”.³⁴

Однако в отмене рабства в Мэриленде было меньше поводов для празднования, чем можно предположить из слов Линкольна. События в штате продемонстрировали яростную решимость рабовладельцев сохранить свой институт и продолжать эксплуатацию чернокожих. Как открыто признал конгрессмен из Мэриленда незадолго до голосования по новой конституции штата, рабовладельцы отпускали детей-рабынь на волю, а затем “немедленно связывали их [как учеников]”. Цель состояла в том, чтобы “лишить их родителей, которые все еще были рабами, возможности консультироваться после их освобождения относительно того, как распорядиться их собственным потомством”. “Старый закон об учениках” использовался как “юридический механизм, который позволил бы им еще на несколько лет обеспечить услуги малолетних рабов”.³⁵ офицеры армии Союза подтвердили, что “недоброжелательные стороны” намеревались “воспрепятствовать операции и аннулировать, насколько это возможно, положение новой конституции об освобождении от рабства”. Их шаги по созданию “принудительного ученичества” получили поддержку многих местных чиновников; “обращения в суды” были “хуже, чем безумие”. Следовательно, генерал-майор Лью Уоллес считал необходимым издать общий приказ № 112, предписывающий предоставлять “особую военную защиту” вольноотпущенникам Мэриленда до тех пор, пока законодательный орган “[не сделает] такую военную защиту ненужной”.³⁶ Эти шаги были необходимы в штате в составе Союза, который только что отменил рабство конституционным путем.

Определение статуса рабства в конституционном смысле было вопросом огромной важности. Линкольн и его сторонники всегда описывали Прокламацию об освобождении как военную меру, подлежащую изменению судами, и даже прямо заявляли, что военные меры прекратятся с окончанием войны. Таким образом, статус тех рабов, на которых распространяется Прокламация об освобождении, станет открытым вопросом, когда война закончится, и лояльные правительства, которые Линкольн пытался создать на Юге, просто должны были принять эмансипацию в таком понимании. Более того, сама прокламация никогда не

применялась к рабам на территории Союза, в районах, которые войска Союза заняли к 1 января 1863 года, или в Теннесси, которые Линкольн опустил по предложению военного губернатора Эндрю Джонсона. Эти факты были широко признаны. *New York Herald*, например, заметила: “За исключением внесения поправок в конституцию Соединенных Штатов, это [отмена рабства отдельным штатом] является единственным способом решения вопроса о рабстве в каждом из нескольких соответствующих штатов”. “Эксперименты Линкольна по реконструкции, - писала *Herald*, - включая отмену рабства, если они будут приняты сегодня ... могут быть отложены завтра”.³⁷

Таким образом, важно, что Линкольн призвал к принятию мер в отношении Тринадцатой поправки, когда он выступал со своим ежегодным обращением к Конгрессу в декабре. Предложенная поправка была отклонена в Палате представителей перед ноябрьскими выборами, и хотя тот же Конгресс все еще заседал, Линкольн призвал его членов пересмотреть и принять эту меру. Он обращался к ним не из соображений гуманности или справедливости по отношению к рабам, а в соответствии с его прежним акцентом на эмансипации, как на средстве сохранения Союза. Выборы показали, что “почти наверняка следующий Конгресс примет эту меру”, и Линкольн утверждал, что было бы разумно направить поправку в штаты для рассмотрения “раньше”, а не позже. Быстрые действия предпочтительнее, продолжил он, потому что “в таком великом национальном кризисе, как наш, важно единодушие”, а “такое единодушие” не может быть достигнуто, “если не будет оказано некоторое уважение воле большинства”. Как показали выборы, большинство высказалось за поправку “среди средств обеспечения” общей цели народа — “сохранения Союза”.³⁸

В конце своего выступления Линкольн вернулся к использованию политически скользких формулировок, чтобы обсудить эмансипацию и свои военные цели. Прекращение вооруженного сопротивления южан было “единственным необходимым условием прекращения войны”. Однако Линкольн заявил, что он “не отказывается ни от чего из ранее сказанного относительно рабства”. Хотя эти позиции не казались строго соизмеримыми, Линкольн попытался объяснить. По его словам, он не изменит свою прокламацию об освобождении и не “вернет в рабство любого человека, который свободен в соответствии с условиями этой прокламации или любым из актов Конгресса”. Если граждане страны хотят, чтобы кто-то вернул в рабство таких людей, “другой, а не я, должен быть их инструментом для выполнения этого”.³⁹ Эти слова, казалось, подчеркивали минимальную позицию Линкольна: он ни за что не вернул бы в рабство ни одного раба, который получил свободу в результате войны и чья свобода была бы подтверждена судами. Таким образом, его максимальная позиция была бы закреплена в поправке к конституции, которая охватывала бы всех рабов и запрещала рабство на всей территории Соединенных Штатов.

Обращение Линкольна к Конгрессу, а также уговоры госсекретаря Сьюарда оказались эффективными. При поддержке администрации Тринадцатая поправка была принята в конце января 1865 года и передана на рассмотрение штатов. Ратификация поправки тогда стала критически важным вопросом, поскольку ратификация была неразрывно связана с восстановлением штатов в Союзе. Какие штаты будут голосовать по поправке?

В своем ежегодном послании Конгрессу Линкольн подошел к этому вопросу в формулировках, которые были расплывчатыми, но обнадеживающими для Юга. Используя словесную формулу, разработанную во время кризиса на Ниагарском водопаде, Линкольн заявил, что мятежные

южане могут обрести мир “в любой момент ... просто сложив оружие и подчинившись национальной власти в соответствии с Конституцией”. После капитуляции Юга “правительство не смогло бы, даже если бы захотело, продолжать” войну. После этого любые оставшиеся вопросы будут урегулированы “мирными средствами законодательства, конференций, судов и голосования, действуя только по конституционным и законным каналам”. Что именно это означало? Какова была бы роль ранее мятежных государств в установленных “конституционных и законных каналах”?⁴⁰

На протяжении всей войны администрация утверждала, что Союз не может быть разрушен и что Юг не создал отдельной нации. Согласно этой точке зрения, в восстании участвовали только отдельные лица, и Южные штаты не могли покинуть Союз. Если бы это было так, то Юг, несомненно, должен был бы принять участие в ратификации Тринадцатой поправки. Более того, провозглашение Линкольном амнистии и Реконструкции положило начало легкому восстановлению правительств некоторых штатов. Отметив, что Верховный суд может изменить или признать недействительной его Декларацию об Эмансипации, Линкольн поощрял “временные меры”, такие как ученичество, при условии, что они включали признание свободы рабов и предоставление образования. Несмотря на растущее сопротивление и широко распространенную критику Десятипроцентного плана, Линкольн настаивал на том, что созданные им правительства штатов военного времени следует рассматривать как законные республиканские правительства для своих южных штатов. Таким образом, все направление политики Линкольна в области восстановления в военное время, казалось, указывало на то, что Южные штаты должны сыграть “конституционную и законную” роль в ратификации Тринадцатой поправки.⁴¹

Продолжая поддерживать десятипроцентное правительство штатов, Линкольн также в своем ежегодном послании щедро пригласил всех белых южан принести присягу об амнистии и стать частью процесса принятия политических решений. Хотя он признал, что Конгресс имеет власть над “приемом членов”, Линкольн отметил, что исполнительная власть имеет право помиловать, и он придерживался либеральной политики помилования в своем плане реконструкции. Он сказал Конгрессу, что рад, что “многие [южане] воспользовались общим положением” о помиловании, которое он обнародовал. Он указал, что уверен, что “гораздо больше” были готовы это сделать. Более того, что касается “особого помилования” для лиц, относящихся к исключенным категориям лидеров повстанцев, “ни одно добровольное прощение не было отклонено”. Сказав, что дверь была “открыта для всех”, он призвал южан пройти через нее и получить его прощение, чтобы не пришло время, когда эту дверь, возможно, придется закрыть.⁴² Широкое участие практически всех белых южан в “конституционных и законных каналах” политического процесса, несомненно, повлияет на результаты процесса ратификации.

Арифметика, вытекавшая из этих предположений, была сложной для “Друзей свободы”. К концу 1864 года в разделенном Союзе насчитывалось тридцать шесть штатов, и поэтому для ратификации предлагаемой поправки было необходимо одобрение двадцати семи штатов, или трех четвертей от общего числа. Если бы более девяти штатов выступили против, поправка потерпела бы неудачу. Но одиннадцать штатов активно участвовали в Конфедерации (не считая Кентукки и Миссури, на которые претендовала Конфедерация, но которые находились под военным контролем Союза на протяжении большей части конкурса). На Севере республиканцы одержали победу на выборах 1864 года, и у них были основания полагать, что они смогут

одержать победу в большинстве законодательных органов Севера. Но кандидат от демократов, генерал Джордж Макклеллан, победил в Нью-Джерси, Кентукки и Делавэре, и ратификация в этих штатах была крайне маловероятна.⁴³ Таким образом, оказалось, что Линкольну и его партии придется заручиться поддержкой по меньшей мере пяти Конфедеративных штатов — двух, которые потребуются, даже если Север окажет единогласную поддержку, плюс еще трех, чтобы компенсировать Нью-Джерси, Кентукки и Делавэр.

Очевидно, что это будет нелегкий подвиг. Линкольн рассчитывал на ратификацию его кандидатуры десятипроцентными правительствами Луизианы, Арканзаса и Теннесси. Но правительства этих штатов столкнулись с растущей оппозицией в Конгрессе, где у радикалов и других республиканцев был ряд все более решительных возражений. Для радикалов было достаточно того, что в политике Восстановления Линкольна отсутствовали какие-либо меры по защите прав чернокожих южан или гарантированию им права голоса. Радикальные республиканцы достаточно обоснованно опасались, что лояльные чернокожие южане будут подчинены и угнетены белыми южанами, которым будет предоставлена свобода самостоятельно реорганизовывать свои штаты. Для многих других республиканцев, помимо радикалов, Десятипроцентный план всегда был неприемлем и противоречил конституционному обязательству “гарантировать каждому штату в этом Союзе республиканскую форму правления”. Многие даже согласились с демократами в том, что такие правительства позволили бы исполнительной власти контролировать предполагаемые штаты на оккупированном Юге и манипулировать ими в своих предвыборных или политических интересах.⁴⁴ Настроения в Конгрессе явно двигались в направлении отказа принимать представителей от этих десятипроцентных правительств.⁴⁵ Если Конгресс выступал против их легитимности, как Линкольн мог ожидать четкого и неоспоримого большинства в три четверти голосов за ратификацию Тринадцатой поправки? Даже если Конгресс признает эти правительства, потребуется ратификация еще двумя южными штатами.

Простая ратификация без принуждения казалась невозможной. Насколько можно объяснить ход мыслей Линкольна, из протокола вытекают два объяснения. Во-первых, Линкольн всегда очень верил — нереалистичную веру — в силу Южного юнионизма. В начале войны он ожидал возрождения юнионизма, которого так и не произошло. Хотя он не хотел, чтобы лидеры Конфедерации приходили к власти, он воздержался от вмешательства в действия своих десятипроцентных правительств и не проводил никакой политики, которая потребовала бы исключения видных конфедератов из его реорганизованных правительств в будущем. Теперь, когда конец был близок, он, казалось, был уверен, что, как только война закончится и влияние радикальных сепаратистов будет подавлено, южане быстро вернуться к своей лояльности Союзу. Во-вторых, Линкольн знал, что готов быть либеральным и разумно сговорчивым по отношению к белым южанам. Его желание убедить их в своей справедливости и заручиться их сотрудничеством постоянно проявлялось в его политике и в его риторике. Он ожидал, что белые южане откликнутся, если он предложит им значимые выгоды. По словам Уильяма К. Харриса, “Линкольн полагал, что его либеральная политика амнистии, гарантирующая права граждан, включая собственность, за исключением рабов, и скорейшее восстановление самоуправления предотвратят яростное сопротивление повстанцев и насилие”.⁴⁶

The New York Times в своих редакционных позициях часто отслеживала и повторяла взгляды Линкольна на политику и проблемы, и снова в конце 1864 года многие передовицы *Times* повторили слова Линкольна. Выступая более подробно, чем Линкольн до сих пор, по ключевым

вопросам эмансипации и Реконструкции, газета, вполне возможно, высказала многие мысли, которые осторожный глава исполнительной власти развлекал, но не хотел предавать огласке. В любом случае, взгляды *Times* не противоречили политике, которую провозглашал и защищал Линкольн. По этим причинам его взгляды на белых южан, эмансипацию и права освобожденных рабов были важными и показательными.

По отношению к южным повстанцам *New York Times* проявила ту же терпимость, снисходительность и готовность восстановить вежливость, которые были очевидны в публичных заявлениях Линкольна. В книге “Будущее отношение южан к Союзу” Генри Рэймонд и его редакторы отвергли идею о том, что южане будут “чрезвычайно озлоблены” после своего поражения. Большинство из них были не фанатиками, утверждала *Times*, а просто обычными людьми, которые пошли вместе со своими соседями. Предсказывая, что белые южане будут действовать “точно так же, как действовали бы благородные, но заблуждающиеся люди на Севере”, газета предсказывала, что повстанцы немедленно почувствуют себя “освобожденными от долга” перед Конфедерацией и будут “приветствовать” “почетный мир”. Даже в Южной Каролине, утверждала *Times*, было много “молчаливых лоялистов”, и “большинство южан, будь то солдаты или нет, будут приветствовать восстановленный Союз” и возвращение к “богатству, комфорту и законной свободе”.⁴⁷

В другой редакционной статье газета утверждала, что некоторые европейцы ошибались, предсказывая, что послевоенному Северу придется управлять беспокойным регионом, как Англии пришлось поступить с Ирландией. С Югом никогда не обращались плохо, утверждала *Times*, а его аристократы спровоцировали войну и создали среди населения раскол в настроениях. “Несколько лет остудят лихорадку, вызванную войной, и при таком правительстве, как наше, где они быстро почувствуют себя в тех же правах, что и их победители, и будут принадлежать к той же расе ... с похожей историей в прошлом, они, несомненно, устроятся тихо и удовлетворенно”. После того, как генерал Шерман прибыл в Саванну, штат Джорджия, газета призвала оказать помощь городу как “способ восстановить братство”, чтобы проиллюстрировать, что “братство” возможно, и “приветствовать возвращение тех, кто был отдален от нас”.⁴⁸

По вопросам, которые были бы важны для рабовладельцев и белых южан, *Times* также могла многое предложить. На вопрос “За что воюет Север?” *Times* ответила, что она “ведет войну не для уничтожения рабства”. Этот институт не помешал бы Северу “заключить мир завтра”, и газета повторила формулу Линкольна о том, что этот вопрос можно оставить “для будущих мирных и конституционных действий”. В качестве важного дополнения редакторы тогда заявили: “Мы также не боремся за нарушение прав штатов. Север по-прежнему выступает за сохранение до последней йоты всех прав, закрепленных за Штатами Конституцией. Мы не хотим консолидированного правительства и никого не потерпим. Поскольку мы уважаем подлинные конституционные права штата, мы не ссоримся с Югом”. В другой статье права штатов описывались как “великое балансирующее колесо нашего правительства”, позволяющее “местному самоуправлению” согласовываться с центральным правительством, осуществляющим национальный суверенитет. В такой стране, как Соединенные Штаты, где “две или три большие части ... за несколькими частями должны быть закреплены определенные неприкосновенные привилегии”. Эти позиции, безусловно, свидетельствовали о дружбе с Югом, но, чтобы сделать свое отношение еще более ясным, газета отрицала любое желание

северян “подчинить или унижить южан”. Мы хотим видеть в них наших сограждан, а не наших подданных”.⁴⁹

Что касается “вольноотпущенников”, то этой ключевой республиканской газете было что сказать, что успокоило бы бывших рабовладельцев и белых расистов, как на Севере, так и на Юге. Редакторы *Times* предполагали и одобряли незначительные немедленные изменения в положении чернокожих американцев после окончания войны и установления свободы. Хотя газета поддержала Тринадцатую поправку на том основании, что война показала, что рабство и профсоюз не могут сосуществовать, газета обеспокоена тем, что слишком большая помощь вольноотпущенникам “будет способствовать зависимости и безделью” или “подорвет независимость” “низшей расы”. Когда Уэнделл Филлипс призвал к обеспечению полных прав чернокожих и избирательного права для чернокожих мужчин в реконструированной стране, *Times*, 29 декабря 1864 года, безоговорочно отвергла его идеи и разработала взгляды, которые белые южане могли бы с готовностью поддержать:

Черные массы Юга, достигшие избирательного возраста, столь же невежественны во всех общественных вопросах, как загнанный скот. Это темное состояние не может быть изменено в течение жизни нынешнего поколения. Немногие из этих взрослых, даже имея наилучшие возможности, когда-либо научатся грамотно читать Давать им в руки бюллетень было бы не просто насмешкой, но жестокостью [Если бы было дано избирательное право] зло допущения такой огромной массы животного невежества в нашу политику неизбежно вызвало бы огромную реакцию. Было бы безумием предполагать, что это избирательное право негров, таким образом навязанное отвоёванным Штатам в качестве условия, предшествующего их реадмиссии, сохранится.

Несомненно, такое осуждение идеи избирательного права чернокожих обнадежило бы конфедератов, но, идя дальше, *Times* отметила, что “даже если бы это было иначе, необходимо учитывать высшие интересы”. Центральное правительство не могло иметь права “объявлять, кто должен, а кто нет голосовать в любом штате”, поскольку это дало бы ему “абсолютную власть”. Союз, за сохранение которого боролся Север, говорилось в газете, “это союз государств. Уничтожьте Штаты или подорвите их основные силы, и Союз больше не будет возможен”.⁵⁰

В этих взглядах и позициях, как и в политике Линкольна, были серьезные основания для примирения с побежденными южанами и мало оснований ожидать существенных изменений в правах или социальном статусе вольноотпущенников. Как будет ратифицирована Тринадцатая поправка, как далеко зайдет Линкольн в поощрении примирения, как он надеялся проводить политику Восстановления и что все это значило для будущего афроамериканцев, станет яснее в начале 1865 года. В феврале лидеры Севера и Юга должны были обсуждать мир на конференции в Хэмптон-Роудс. Там обсуждались меняющиеся взгляды обеих секций на постоянный расистский вопрос: “Что нам делать с неграми?” столкнулся бы лицом к лицу.

Послужной список Конфедерации в этот исторический период теперь требует внимания. Что касается южан, то их опыт общения с институтом рабства во время войны заставил бы уполномоченных Конфедерации на Хэмптон-Роудс очень заинтересоваться инициативами Линкольна.

Основываясь на своих наблюдениях в Луизиане, генерал Джеймс С. Уодсворт пришел к выводу, что правительству, возможно, потребуется защищать освобожденных рабов от враждебности белых в течение нескольких лет, если свобода станет реальностью. (Библиотека Конгресса, Отдел печати и фотографий, фотографии Гражданской войны, LC-DIG-cwpb-04579)

На этой фотографии, сделанной в Антиетаме, штат Мэриленд, 3 октября 1862 года, изображен генерал Джон А. Макклерланд (*справа*) с президентом Линкольном и Алланом Пинкертоном. Линкольн заверил Макклернанда, что с обучением мятежные штаты будут жить “почти так же благополучно”, как если бы войны не было. (Библиотека Конгресса, Отдел печати и фотографий, фотографии Гражданской войны, LC-DIG-cwpb-04326)

Генерал Натаниэль Бэнкс организовал пропрофсоюзное правительство Линкольна военного времени в Луизиане. Политика этого правительства и Бэнкса оказалась большим разочарованием для защитников прав чернокожих. (Библиотека Конгресса, Отдел печати и фотографий, фотографии Гражданской войны, LC-DIG-ppmsca-08366)

Сенатор Чарльз Самнер из Массачусетса был одним из самых сильных и решительных сторонников в Конгрессе равных прав для афроамериканцев. (Библиотека Конгресса, Отдел печати и фотографий, фотографии Гражданской войны, LC-USZ62-128709)

Фредерик Дуглас требовал равных прав и равных шансов для афроамериканцев. Часто являясь резким критиком Линкольна, он подталкивал президента двигаться вперед и аплодировал ему, когда тот это делал. (Библиотека Конгресса, Отдел печати и фотографий, фотографии гражданской войны, LC-USZ62-15887)

Хотя Эдвин Стэнтон, трудолюбивый военный министр, был демократом, он хотел быстрее Линкольна продвигаться в вопросе освобождения. Он также выступал за значимое, практическое улучшение экономического положения чернокожих южан. (Библиотека Конгресса, Отдел печати и фотографий, фотографии Гражданской войны, LC-DIG-cwpbh-00958)

Уэнделл Филлипс был одаренным оратором, который выступал за свободу и равные права для афроамериканцев сильнее и настойчивее, чем любой другой белый аболиционист. (Библиотека Конгресса, Отдел печати и фотографий, фотографии Гражданской войны, LC-DIG-cwpbh-01976)

Джефферсон Дэвис, посвятивший себя независимости Конфедерации, внес много изменений в южное общество. Кульминацией этих изменений стало предложение его администрации

вооружить и освободить рабов. (Библиотека Конгресса, Отдел печати и фотографий, фотографии Гражданской войны, LC-DIG-cwpbh-00879)

Вице-президент Александр Стивенс отдалился от администрации Дэвиса, но на Хэмптон-Роудс его целью было склонить Авраама Линкольна к перемирию. Стивенс надеялся, что таким образом Конфедерация сможет спасти свою независимость. (Библиотека Конгресса, Отдел печати и фотографий, фотографии Гражданской войны, LC-DIG-cwpbh-04320)

Предвидя неизбежное поражение, если армии Конфедерации не наберут больше людей, генерал Патрик Клебурн с редкой честностью говорил об институте рабства и чаяниях рабов. (Библиотека Конгресса, Отдел печати и фотографий, фотографии Гражданской войны, LC-USZ62-107446)

Набранные из оккупированных районов Юга, а также с Севера, афроамериканские солдаты доказали свою храбрость и внесли ценный вклад в военные усилия Союза. (Библиотека Конгресса, Отдел печати и фотографий, фотографии Гражданской войны, LC-DIG-cwpb-04294)

Последствия появления освобожденных от прокламации негров в наших рядах в Ньюберне, Северная Каролина (*Harper's Weekly*, 21 февраля 1863 г.)

Дважды спикер Ассамблеи Нью-Йорка Генри Рэймонд был основателем как Республиканской партии, так и *New York Times*. Во время войны он руководил своей газетой, консультировал Линкольна, а в 1864 году стал председателем Национального комитета Республиканской партии. (Библиотека Конгресса, Отдел печати и фотографий, фотографии Гражданской войны, LC-DIG-cwpbh-03070)

Генеральный почтмейстер Линкольна Монтгомери Блэр принадлежал к влиятельной политической семье и был настойчивым сторонником выселения афроамериканцев из Соединенных Штатов и их колонизации в других местах. (Библиотека Конгресса, Отдел печати и фотографий, фотографии Гражданской войны, LC-DIG-cwpbh-03263)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Южные разработки

ПЯТЬ

РАБСТВО, ВОЙНА И РАЗУМ РАБОВЛАДЕЛЬЦА

Южные рабовладельцы получили богатство и власть от человеческого рабства, но институт рабства сделал их мир сложным. Живя экономически в мире прогресса и прибыли, они подвергались идеологической угрозе со стороны атлантической культуры, которая все больше осуждала основу их богатства. Верные революционному прошлому, сумевшему совместить свободу и рабство, они столкнулись с меняющимся настоящим, которое неуклонно становилось все более враждебным к этому противоречию. В дополнение к этой непрерывной и опасной внешней критике иногда всплывали внутренние сомнения. Утверждая, что вечные истины поддерживают рабство, рабовладельцы напомнили, что позиция их региона в отношении рабства изменилась совсем недавно. Несмотря на агрессивную самодовольность и уверенность в себе, они время от времени испытывали страхи и неуверенность в себе, которые пытались скрыть от самих себя. Хотя они были глубоко религиозны и их успокаивала Библия, иногда они подвергали сомнению свое собственное рвение в исполнении Божьей воли по отношению к рабам. Их мир был таким, в котором прошлое и настоящее, дом и окружение, внутренняя и внешняя реальности не сливались полностью.

Этот настойчивый, раздражающий факт породил неустанные попытки оправдать образ жизни рабовладельца. Белым южанам нужно было дать отпор внешней критике и устранить те немногие, затаившиеся внутренние сомнения в том, что все хорошо как дома, так и в мире в целом. Инстинктивно чувствуя, что они ничуть не хуже своих северных критиков, рабовладельцы искали идеи, которые поддерживали бы их общество и защитили их от экономических потерь или социального осуждения. На интеллектуальной арене значительная энергия была потрачена на разработку старых, основанных на Библии аргументов против рабства и построение новых, более агрессивных “научных” или социологических аргументов.¹ В повседневной жизни плантаторы и политики искали идеологию, которая служила бы как личным, так и общественным целям. Они нашли ответ: идеология патернализма, подкрепленная убеждениями в расизме и предписаниями религиозного долга.

Согласно заявлениям о патернализме, южные рабовладельцы делали больше, чем просто контролировали поработанных рабочих, которые производили их богатство. Они заботились и возвышали низшую расу, обращаясь с рабами как с членами семьи с плантации. Они давали афроамериканцам руководство, в котором они нуждались, и все это время продвигали Божий план спасения Африки и всего мира. Отношения, основанные на принуждении, стали в идеологии патернализма доверием и выгодой, позитивным человеческим партнерством. Рабство было не эксплуатацией, а взаимовыгодным институтом. Некоторые утверждали, что это была даже заботливая связь, основанная на общем опыте и семейной привязанности.²

Отдельные южане подчеркивали различные аспекты патернализма. Одни подчеркивали идею зависимости низшей расы и стабильности органического общества, в то время как другие в основном говорили о своем религиозном долге, а третьи восхваляли узы привязанности внутри “семьи, черной и белой”. Но, несмотря ни на что, эти усилия включали в себя хотя бы малую долю самообмана. Содержание людей в рабстве не соответствовало Золотому правилу, и рабы считались расово неполноценными, а не сыновьями или дочерьми, братьями или сестрами. Рабы, безусловно, приносили деньги своим владельцам, в то время как хозяева якобы

“возвышали” африканца-язычника, отказывая ему в образовании, браке и свободе. Семейные узы не исключали жестокости или порки, наказания патрулями рабов или быстрого подавления предполагаемых восстаний. Такие неприятные факты были известны и обсуждались в южном обществе, хотя и нечасто. Таким образом, в отношении рабства южная культура зависела от привычек ментального избегания. Внешнее отрицание и внутреннее успокоение были необходимы для самооценки рабовладельцев и для восприятия здоровья их общества.

Опыт Гражданской войны сначала подорвал, а затем пронзил эти ментальные и культурные мифы. Хотя в Конфедерации не было крупных восстаний рабов, белые южане опасались насильственных восстаний и терпели постепенное ослабление своего контроля над рабами. В изменившихся условиях войны знакомые крепостные и служанки начали действовать непривычными способами. Лояльные стали нелояльными или ненадежными. Испытанные семейные слуги теперь считались чужаками в доме, прячущимися за непроницаемыми масками. Война обнажила ограниченные и ложные основы патернализма, и самые убежденные патерналисты пережили самое болезненное разочарование. Смятение, удивление и чувство предательства распространились по “большим домам” плантаций, поскольку эти сильные эмоции показали степень зависимости рабовладельцев от утешительных условностей патернализма.

Многие не могли отказаться от идей, на которые они опирались в повседневной жизни и которые использовали как щит перед лицом враждебного внешнего мира. Но постепенно некоторые конфедераты начали пересматривать свое представление о реальности и попытались приспособиться к новым и тревожным фактам войны. Религиозные лидеры были одними из первых, кто пришел к выводу, что от них требуется что-то другое. Их вера в то, что Бог избрал конфедератов своим особым и облагодетельствованным народом, привела не к оптимистической вере, а к мучительному переосмыслению, поскольку признаки божественного благоволения военного времени поблекли. Последовательные поражения на поле боя подорвали оптимизм и превратили уверенность в отчаяние. Придя к выводу, что, должно быть, что-то не так, ряд благочестивых служителей-рабовладельцев выявили области давно скрытого беспокойства по поводу рабства и призвали к переменам. И все же, какими бы значительными ни были их действия по раскрытию неприятных истин о нехристианской эксплуатации, эти служители настаивали на консервативном курсе, гораздо менее радикальном, чем тот, который вскоре изберут военные и политические лидеры.

СОЗНАНИЕ белого южанина было несколько раздвоенным, и его не совсем устраивало рабство, несмотря на оправдания расизмом. Отчасти это было неизбежным следствием истории, поскольку различные теории, утверждающие, что рабство было положительным благом, возникли совсем недавно и противоречили взглядам южан, которые были распространены всего одним или двумя поколениями ранее. *Ричмондский экзаменатор* был сторонником новой конфедеративной нации и убежденным защитником рабства. Тем не менее, даже его редактор заметил “глубоко укоренившееся отвращение к рабству”, которое “таилось в сообществе южан”. Это отвращение возникло из-за популярных идей и “учений, от которых не отказывались даже на Юге еще несколько лет назад”. Британский гость, сэр Артур Джеймс Фримантл, узнал от техасских конфедератов, что “несколько лет назад большинство образованных людей на Юге считали рабство несчастьем, которое нельзя оправдать, хотя и необходимо в данных обстоятельствах”. Идеи, которые были столь распространены, не были быстро искоренены.³ *The Richmond Enquirer* откровенно признался:

Если бы кризис разразился тридцать лет назад, он застал бы наши церкви и наших общественных деятелей в состоянии мрачных сомнений относительно справедливости и благотворности тех институтов, которые составляют основу нашего сообщества. Ханжество “девятнадцатого века” с его невозможным “равенством” между теми расами, которые не равны по природе, вторглось в христианские церкви, а также запятнало принципы государственных деятелей; и потребовалась долгая борьба партий и терпеливое исследование принципов, чтобы довести религиозный мир до той точки, на которой он мог признать и одобрить наше дело.⁴

После 1830 года, когда южное общество становилось все более враждебным к критикам рабства, наказание инакомыслящих обычно подавляло их голоса. Но религиозные сомнения никогда не отсутствовали. Общества по борьбе с рабством существовали на Верхнем Юге в 1820-1830-е годы. И, как обнаружил Джеффри Брук Аллен, “лидерами организованных выступлений против рабства по всему Югу, как правило, были священнослужители”. Хотя такие священнослужители и борцы с рабством составляли незначительное меньшинство, они говорили и действовали в защиту своих убеждений примерно за тридцать лет до Гражданской войны. Более того, многие из них были не расистами или борцами с депортацией чернокожих, а людьми, испытывавшими “отвращение к расизму”. Придерживаясь “веры в естественное равенство чернокожих”, они работали на “образование и христианизацию угнетенной расы”.⁵

Например, “Друзья свободы и равенства” в Северной Каролине опубликовали обращение к народу в 1830 году, в котором осудили рабство как “радикальное зло”, поскольку оно “основано на несправедливости и жестокости” и “противоречит ... религии Христа”. Они утверждали, что их “соотечественники” “обязаны” “просвещать и возвышать умы, облагораживать сердца, улучшать и возвышать характер негров среди нас”. Антирабовладельческие взгляды распространились в Северной Каролине еще в 1860 году, когда методистский священник по имени Дэниел Уорт был привлечен к ответственности за проповедь против рабства и распространение книги Хинтона Роуэна Хелпера *“Надвигающийся кризис Юга”*. В соседней Южной Каролине лидеры запретили критику этого института. Но даже там патерналисты, которые описывали рабство не как “зло”, а как позитивное благо, признавали, что религиозное обучение теоретически необходимо. В 1845 году будущие сепаратисты, такие как Роберт Барнуэлл Ретт, возглавили религиозную инициативу по продвижению “религиозного обучения негров”. Их усилия, по словам этих плантаторов, были “обязанностью... которую Божественное Провидение возложило на нас по отношению к тем, кого то же самое Провидение поставило в зависимость от нас”. Хотя они утверждали, что религия сделает рабов более “довольными своим положением”, они также утверждали, что “Бог не уважает людей”.⁶

Политическое наследие рабовладельческого Юга, возможно, оказало еще большее влияние на поддержание некоторого “отвращения” к рабству. Отцы-основатели рассматривали рабство скорее как “необходимое зло”, чем как позитивное благо. Более того, идеология прав человека, которая привела к их восстанию, породила декларацию о том, что “Все люди созданы равными” и породила много антирабовладельческих настроений в новой нации. По мере приближения Гражданской войны радикалы Юга пытались сделать антирабовладельческие взгляды Томаса Джефферсона еретическими и печально известными, а не общеизвестными и уважаемыми. Но революционное наследие невозможно было стереть. В 1830-х годах, когда Джон К. Калхун объявил рабство “благодатью — великим благом”, сенатор Уильям К. Ривз из Вирджинии осудил “устаревшую и отвратительную” идею Калхуна и подтвердил, что рабство было “несчастьем и злом при любых обстоятельствах”. Когда Хинтон Хелпер обвинил рабство

как экономическое препятствие для Юга, он посвятил много страниц своей аргументации цитатам из антирабовладельческих заявлений патриотов Юга, а также церковников. Например, Джордж Вашингтон заявил, что одним из его “*первых желаний*” было “принять какой-нибудь план, согласно которому рабство в этой стране может быть отменено законом”. Хелпер также процитировал заявление Джеймса Мэдисона о том, что “Неправильно допускать в Конституцию идею о том, что у человека может быть собственность”, и он отметил, что Джеймс Монро назвал рабство “злом”, которое “подорвало самые жизненно важные органы Союза и нанесло ущерб всем штатам, в которых оно существовало”.⁷

Точно так же, когда Бенджамин Хедрик, профессор Университета Северной Каролины, в 1856 году вызвал споры из-за того, что выступал против распространения рабства, он защищал себя в газете Роли, ссылаясь на известных патриотов Юга. Хедрик напомнил читателям, что его взгляды не были ни новыми, ни незнакомыми. “Противодействие распространению рабства, - указал он, - было

ни северный, ни южный секционный *изм*. Он возник у великих государственных деятелей Юга времен революции. Вашингтон, Джефферсон, Патрик Генри, Мэдисон и Рэндольф - все они были абстрактными противниками рабства и все были против того, чтобы допустить его на новую территорию. Одним из первых актов патриотов Революции было принятие указа 87-го года, которым рабство было исключено со всех территорий, которыми мы тогда владели. Это зашло дальше, чем утверждают нынешние республиканцы. Многие из этих великих людей были рабовладельцами, но они не позволяли личным интересам заслонять от них зло системы.”⁸

Несколько ведущих политиков Юга продолжали высказывать подобные идеи в 1840-1850-е годы. В 1845 году, еще до того, как была предложена оговорка Уилмота, Александр Х. Стивенс заявил в Конгрессе: “Я не являюсь абстрактным защитником рабства”. Позже, в 1849 году, президент Захари Тейлор, рабовладелец, родившийся в Вирджинии и выросший в Кентукки, сказал северянам, что он “рассматривает рабство как великое моральное и политическое зло”. В 1850 году не меньшее светило Юга, чем Генри Клей, заявил в Сенате США: “Я никогда не могу и никогда не буду голосовать, и никакая земная сила не заставит меня голосовать за распространение рабства на территории, где его не существует”. Он отказался распространить “вечное проклятие человеческого рабства”.⁹

Вне политической арены многие рядовые южане питали личные сомнения относительно морали и желательности рабства. Джудит Макгуайр, родившаяся в известной семье Брокенбро из Вирджинии и вышедшая замуж за епископального священника, была яркой сторонницей объединения, но даже она, понаблюдав за своими рабами, признала, что “стремление к свободе естественно”. В 1858 году Элла Клэнтон Томас из Джорджии сказала, что “я полагаю, что все южанки в глубине души аболиционистки”. Хотя во время войны она добросовестно изучала труды о рабстве, чтобы укрепить свой патриотизм, ее мнение не изменилось. “Это тема, о которой мне не нравится думать”, - призналась она в 1864 году, но “исходя из моей моральной точки зрения на этот предмет, я могу лишь думать, что держать мужчин и женщин в *вечном* рабстве неправильно”. Другая жительница Джорджии, Долли Бердж, признала, что “никогда не считала рабство в целом правильным, поскольку многие злоупотребляют им”. Пожалуй, наиболее известными являются комментарии Мэри Чеснат, которая подозревала, что рабство было “проклятием для любой страны”. “Да простит нас Бог, ” писала она, “но наша система чудовищна, несправедлива и беззаконием”. Обеспокоенная смешением рас и подавленная

трудностями управления рабами, она заявила: “Я ненавижу рабство”, и она чувствовала, что “каждый день показывает, что рабство обречено во всем мире”. Выражая аналогичное мнение об исторических тенденциях, Роберт Э. Ли в частном порядке написал своей жене в 1856 году: “Я верю, что в наш просвещенный век мало кто признает, что рабство как институт является моральным и политическим злом в любой стране”.¹⁰

Хотя такие частные сомнения и не были редкостью, они мало влияли на ход секционной политики. Скорее, интенсивность конфликта между Севером и Югом привела к усилению оборонительной позиции рабовладельческого режима и загнала подобные идеи в подполье. Рабовладельческий Юг безжалостно заставлял замолчать и наказывал инакомыслящих по мере приближения войны. Так было с профессором Хедриком, который потерял свой пост в Университете Северной Каролины, и с методистским священником Дэниелом Уортом, который бежал из этого штата, чтобы не попасть в тюрьму. Открытое оспаривание основ рабовладельческого общества было запрещено, и поэтому частные сомнения не представляли препятствия для формирования Конфедерации.¹¹

Они также не вызвали у вдумчивых и морально чувствительных южан особого беспокойства, неуверенности или конфликтов по поводу политики в связи с приближением отделения и началом войны. Те, у кого были сомнения по поводу рабства, прожили с ними длительный период и разработали способы решения их проблем. Белые южане не сомневались, что они ничем не хуже северян. Контекст времени и идеология патернализма давали южным рабовладельцам достаточно причин защищаться от своих критиков и сохранять самоуважение. Дискриминация и расизм Севера были хорошо известны южанам, многие из которых подозревали, что они относятся к афроамериканцам с большей терпимостью, даже вниманием, чем большое количество их соотечественников, не являющихся рабовладельцами. Харриет Бичер-Стоу и аболиционисты, жаловалась Мэри Бойкин Чеснат, “живут в хороших домах Новой Англии, чистых, приятно пахнущих, запертых в библиотеках” и далеких от рабства, в то время как ряд “хороших, набожных” женщин, которых она знала, “стремились улучшить положение этих африканцев во всех деталях”. Она чувствовала, что “книгоиздание”, которое привело к славе, было “более легким способом стать святой, чем мученичество здесь, внизу, выполняя неприятные обязанности среди негров без награды”.¹² Ее едкий комментарий отражает широко распространенные взгляды.

Более того, белые южане обвинили северян в том, что они отказались от национального консенсуса, а затем оказались неверными и враждебными конституционным правам южан. Идея о том, что рабство было “необходимым злом”, чем-то нежелательным, но неизбежным, учитывая историю и социальные условия, была широко распространена в первые годы существования нации. Северяне принимали участие в разработке конституции, которая признавала и защищала рабство в нескольких важных областях, включая представительство, возвращение беглецов и федеральное подавление внутренних восстаний. Многие считали, что Юг остался верен своим обязательствам, в то время как Север предпочел игнорировать ясную и общую историю и нападать на рабство и рабовладельцев в нарушение священных конституционных обязательств. Роберт Э. Ли высказал эту идею своей жене в 1856 году, когда обвинил “определенных людей Севера” в “Систематических и прогрессивных усилиях ... по вмешательству во внутренние институты Юга и изменению их”. Такая цель была “незаконной и совершенно чуждой им и их долгу”. В следующем году, после того как Верховный суд одобрил теории южан о территориях, отношение к ним, по понятным причинам, ужесточилось. Защита

рабства на территориях была правом южан, заявил сенатор от Миссисипи Альберт Галлатин Браун. “Конституция, изложенная Верховным судом, признает это. Мы требуем этого; мы намерены это получить”.¹³ По мнению Ли, Брауна и других, причиной раскола было нежелание северян справедливо относиться к Югу, а не агрессивность южан.

По мере приближения Гражданской войны авторы аргументов против рабства становились все более изобретательными и настойчивыми. Социологические теории, такие как теории Джорджа Фицью, представляли рабство как идеальную основу для любого общества. Радикальный Фицью даже предположил, что защита рабства не зависит от расовой основы института. Предположительно научные теории утверждали, что африканцы были отдельным и заметно неполноценным видом и, следовательно, нуждались в порабощении. Доктор Джосайя Нотт из Мобила, штат Алабама, подчеркивал идею раздельного происхождения разных человеческих рас, в то время как доктор Сэмюэл Картрайт из Нового Орлеана подчеркивал особые медицинские особенности рабов, даже утверждая, что они были восприимчивы к болезни, которая заставляла их убегать. Эти новые теории нашли множество применений. Политики, воодушевленные трудами Фицью, могли критиковать систему свободного труда и обвинять в том, что северные рабочие были бессердечно отвергнуты, их увольняли с работы всякий раз, когда они больше не были полезны, в то время как рабы пользовались постоянной поддержкой и медицинским обслуживанием на протяжении всей своей жизни. В секционных дебатах общественные деятели иногда защищали Юг, ссылаясь на научную теорию о расовой неполноценности. Однако в целом большинство южан оправдывали рабство ссылками на Библию и обсуждением патернализма и идей расовой неполноценности.¹⁴

Библейское оправдание рабства было самым знакомым южанам и самым почитаемым. Священники и другие писатели продолжали развивать его принципы на протяжении всего межконфессионального конфликта, когда протестантские деноминации начали разделяться на Север и Юг из-за морали рабства. Когда южане читали Священные Писания, они видели, что евреи и римляне порабощали другие народы, поэтому они пришли к выводу, что Библия признает и принимает этот институт. Преподобный Торнтон Стрингфеллоу из Вирджинии утверждал, что Бог благословил Авраама множеством слуг или рабынь и что все патриархи, такие как Исаак, Иаков и Иов, были рабовладельцами. Стрингфеллоу писал, что закон Ветхого Завета не только регулировал рабство среди евреев и не предлагал “порицания” наследственному порабощению неевреев, но и в “Евангельском устройении”, периоде времени, отсчитываемом от явления Христа на земле, “Иисус Христос признал этот институт законным среди людей”. Далее он отметил, что апостол Павел делает упор на подчинении в обществе. Именно Павел дал наставление: “Рабы, будьте послушны своим господам ... не для того, чтобы служить людям в угоду, но как рабы Христа”.¹⁵ Для многих белых это библейское свидетельство было глубоко обнадеживающим.

Действительно, некоторые выдающиеся люди на Севере разделяли эти религиозные взгляды. Джон Генри Хопкинс, епископ Вермонтской епархии, был непримиримым защитником рабства на религиозной почве в военное время. В 1861 году Хопкинс опубликовал краткую брошюру со ссылкой на библейскую поддержку рабства, и в ответ на запросы он переиздал брошюру, а в 1864 году за ней последовала 376-страничная книга *“Библейский, церковный и исторический взгляд на рабство”*. “Рабство было санкционировано Всевышним”, - настаивал Хопкинс, и никакой “неверующий рационализм” не мог скрыть тот факт, что Библия не изменилась. По его мнению, несчастья войны произошли из-за того, что американцы, находясь под влиянием идей

борьбы с рабством, восстали против божественного правления Бога. Сочетая цитаты из Священных Писаний с расизмом, Хопкинс утверждал, что никто не может возражать против продолжения рабства до тех пор, пока рабы “принадлежат к низшей расе, которая по закону не может быть допущена к свободе в любом возрасте. . . . Так, согласно Священному Писанию и Конституции Соединенных Штатов, обстоит дело с неграми. Бог в своей мудрости и провидении заставил патриарха Ноя предсказать, что он будет *слугой слуг* для потомства Иафета. И тот же самый всемогущий Правитель, который один обладает властью, чудесным образом приспособил расу к их условиям. Ибо каждый непредвзятый наблюдатель согласен с тем, что негр счастливее и лучше как раб, чем как свободный человек, и ни один индивид, принадлежащий к англосаксонской расе, не признал бы, что интеллект негра равен его собственному”. “Огромная масса рабов”, - продолжил он, - “не имела права на свободу”, но если южный рабовладелец пожизненно владеет трудом раба, то раб пользуется “*пожизненной собственностью при поддержке и защите своего хозяина*”. ”¹⁶

Другим северным священнослужителем, отстаивавшим взгляды прорабовладельцев, был преподобный Александр Т. Макгилл, доктор философии, профессор теологической семинарии в Принстоне, штат Нью-Джерси. Подобно южным рабовладельцам, Макгилл называл рабство частью Божьего плана для африканцев. Он верил в единство человеческой расы, но заявлял, что “Небеса постановили”, что африканцы будут рабами в Соединенных Штатах. У Бога был план для них и для американцев. По словам Макгилла, Всемогущий определил “место каждого народа на лице земли”, а расовые характеристики африканцев указывают на то, что “Бог создал [их] для проживания в тропиках нашего земного шара”. В Соединенных Штатах они “чужаки и слуги ... здесь с особой целью”. “Воля Божья” не была “ни вечным рабством, ни немедленной отменой”, но вместо этого “обучением рабов в этой Республике”. Живя “в лоне той христианской цивилизации, которая говорит на английском языке и его идиомах регулируемой свободы”, афроамериканцы были готовы “унести на свою землю награбленное христианской цивилизацией”. Белые южане должны “быть их учителями” и “ускорить процесс обучения”. Но все христиане, настаивал Макгилл, должны стремиться распространять Евангелие и способствовать “исходу из Нового Завета”, в ходе которого рабы, возвышенные своим опытом в Соединенных Штатах, вернутся на свою родину и станут “спасительным светом для Африки”.¹⁷

Плодовитый писатель из Огайо Дэвид Кристи опубликовал аналогичные взгляды в 1862 году. Кристи выразила сожаление по поводу “печальных ошибок в религии”, которые пропагандировали аболиционизм и другие реформы. Эмансипация “не обязательно улучшает моральное и физическое состояние цветной расы”, утверждал он, но часто “была вредной и разорительной”. Только “тщательное моральное воспитание при соответствующих ограничениях” могло “возвысить цветных людей”, и это моральное воспитание шло на Юге “с выдающимся успехом”. Таким образом, у христиан “не было оправдания” вмешательству в рабство на Юге. Евангелие, писала Кристи, было “целебным средством от человеческой деградации и лени ... способным поднять низших представителей расы на такую высоту, где рабство могло бы больше не быть необходимым”. Слово Христа проповедовалось рабам Юга, и в результате рабы избавлялись от своих “языческих суеверий и идолопоклонства”, учились “использовать английский язык” и становились христианами в количестве, намного превышающем всех новообращенных протестантских миссий в Африке. Кристи утверждал, что “только цветное население Соединенных Штатов добилось достаточного прогресса, чтобы оправдать надежду на то, что какая-либо часть расы способна вернуть христианскую цивилизацию на землю своих отцов”.¹⁸

Служители Юга развивали эти же идеи как часть своего оправдания рабовладения.

“Африканец, вверенный нашей заботе, - провозгласил Джеймс У. Майлз, епископальный священник и профессор, выступая перед выпускниками Чарльстонского колледжа в 1863 году, - может достичь максимального “уровня цивилизации и развития ... только в том положении, в которое Бог поместил его среди нас”. В том же году преподобный Томас Смит заявил в *"Южном пресвитерианском обозрении"*, что рабство пошло на пользу черной расе и “само по себе не является чем-то неправильным”. Скорее, “Бог решает проблему физического, социального, политического, промышленного и благотворного характера рабства во всем мире, как великое миссионерское агентство” (выделено курсивом).¹⁹

Епископ Стивен Эллиот был более откровенен и размашист в своей интерпретации истории. Соединенные Штаты были на пути к тому, чтобы стать величайшей державой на земле, но Гражданская война подорвала их прогресс, потому что нация согрешила в “самонадеянном вмешательстве в волю и пути Божьи”. “Глубоко укоренившийся заговор черного республиканизма угрожал подорвать [рабство], этот охраняемый богом институт”. Почему рабство было так важно для Бога? Эллиот утверждал, что весь мир обращается в Евангелие Христа - за исключением Африки. Чтобы спасти этот континент, Богу нужны были агенты, которые могли действовать, “благодаря сходному физиологическому строению, единству крови и расы, нести бремя этой работы и, в конечном счете, в свое время, насадить Евангелие на своей Отчизне, после того как они сами будут подготовлены посредством надлежащей дисциплины к выполнению этого долга. И я нахожу это проявление в африканских рабах, которые сейчас живут на этом Континенте и обучаются среди нас”. Таким образом, “Бог поручил” южным рабовладельцам “возвышенную работу ... по воспитанию подчиненной нации для его божественных целей”. Правитель вселенной “сделал так, чтобы африканская раса была посажена здесь под нашей политической защитой и нашим христианским воспитанием, ради своих собственных конечных замыслов”. Если бы южане выполнили свое поручение, они “были бы благословлены им, как был благословлен Джозеф”.²⁰

Конечно, такие уверенные заявления религиозных лидеров дали белым южанам повод отвергнуть критику рабовладения извне. Но в дополнение к этим космическим и довольно абстрактным теориям о божественном предназначении, практические оправдания, основанные на расизме и идеях расовой неполноценности, успокаивали южан в их повседневной рутине. Белые считали, что афроамериканцы были “прокляты темнотой кожи” и “подчинялись воле высших существ”, потому что им не хватало способности быть независимыми. “Все эксперименты по самовозвышению цветных рас, которые были опробованы ... потерпели явные неудачи”, - писал один южанин, утверждая, что Вест-Индия “пришла в упадок” после эмансипации. Присутствие рабов было необходимым, но обременительным. Обычно невежественные и послушные, они могли стать “наглými ... как избалованные дети, просто невыносимыми”. Даже образованная Мэри Бойкин Чеснат считала чернокожего человека “существом, чей разум так же темен и непросвещен, как и его кожа”. Она также описала рабов как “грязных, уродливых и отталкивающих” и написала: “Этим полуафриканцам требуется всего мгновение, чтобы вернуться к своей обнаженной дикой животной природе”. Точно так же, когда некоторые из рабов Кэтрин Деверо Эдмондстон просили разрешения вступить в брак, она обвинила их в своем дневнике в неоправданной поспешности и заключила: “Каффи с большой легкостью лишает себя элегантности и утонченности цивилизации”. Не одобряя родительские навыки другой рабыни, она заявила: “Я не думаю, что негры обладают естественными

чувствами”.²¹ Такое отношение было неотъемлемой частью рабовладельческой культуры, которая оправдывала эксплуатацию, обвиняя эксплуатируемых.

Чтобы смириться с рабством, белые стремились дегуманизировать раба. Чтобы смягчить реальность господства и действовать как рабовладельцы перед лицом критики Севера в столетие, в котором “каждый день показывает, что рабство обречено во всем мире”, они игнорировали уродливые реалии рабства. Южные плантации не были идиллическими сообществами. Изнурительный труд, плохие условия жизни и потеря свободы были уделом каждого раба. Порка, а иногда и другие жестокие наказания обеспечивали “хороший порядок”. Многие индивидуальные рабовладельцы или их сыновья сексуально эксплуатировали чернокожих женщин. Болезни и дефицит питания привели к таким тяжелым последствиям, что лишь немногие рабы доживали до старости. Огромная внутренняя работоторговля поставляла рабочую силу для Хлопкового королевства, разрушая семьи чернокожих. Отрывая мужей от жен и родителей от детей, эта торговля поглотила миллион душ в течение 1800-х годов и причинила неисчислимые эмоциональные страдания. Суды защищали прерогативы владельцев “дисциплинировать” своих рабов, в то время как южные общины редко принимали меры против хозяев, известных своей жестокостью или садизмом.²² Такие факты были реальными, но нежелательными для патерналистов.

Вместо того, чтобы обратить внимание на эти факты, рабовладельцы все более настойчиво настаивали на том, что они были заботливыми родителями для детей, находящихся на иждивении. Рабовладельцы обычно говорили о своей “семье рабов” или о своей “семье черных и белых”, а в личной переписке они часто оплакивали “невосполнимую утрату” в связи со смертью “любимого слуги”. Крупнейший рабовладелец Северной Каролины, Пол Кэррингтон Камерон, показал, как далеко может зайти такой самообман. Он отреагировал на период болезни на своей плантации, написав: “Я боюсь, что негры сильно пострадали от недостатка должного внимания и доброты в связи с этой недавней эпидемией ... никакая жажда наживы никогда не заставит меня быть жестоким или даже подвергать или позволять подвергать их чрезмерному воздействию в ненастное время года”. В другой раз он описал своей сестре свое чувство долга: “Я не могу лучше последовать примеру нашей почитаемой Матери, чем выполнить свой долг по отношению к ее верным старым рабам и их потомкам. Помните ли вы холодное морозное утро во время ее болезни, когда она сказала мне: “Пол, сын мой, люди должны быть обути”, - это всегда звучит у меня в ушах, всякий раз, когда я вижу чью-то обувь в плохом состоянии; и это будет звучать у меня в ушах, пока я хозяин ”.²³

Точно так же Кэтрин Деверо Эдмондстон считала, что хорошо обращалась со своими рабынями. Тем не менее, она жаловалась, что рабы были столь же самонадеянны, сколь щедры их хозяева. На Юге, писала она, “Каффи” многое брал на себя, полагая, что “хозяин должен построить ему дом и дать ему все необходимое, чтобы чувствовать себя комфортно”. Ах! Миссис Стоу, когда вы рисовали свою картину, вам следовало поместить в нее свет из жизни Каффи ”. Мэри Бойкин Чеснат также посетовала на жертвы, которые каждый день приносят хозяйки плантаций, которые “получили образование в северных школах ... [и] являются высокородными, милыми, хорошими, набожными”. Эти южные женщины добросовестно “исполняли свой долг, как они его понимают”. Они живут в негритянских деревнях. Они не проповедуют ненависть как Евангелие. . . . Они подают им [африканским рабам] пример совершенной жизни, жизни полного самоотречения. Подумайте о [миссис Стоу и] эти святые жители Новой Англии, вынужденные заставлять деревенских негров ходить по их домам, когда они сочтут нужным,

грязных, неряшливых, праздных, дурно пахнущих от природы. У этих женщин, которых я люблю, меньше шансов прожить свою жизнь в мире, чем если бы они были африканскими миссионерками”.²⁴ Концепция патернализма была утешительной для белых.

Тем не менее, страх перед восстаниями рабов всегда был на поверхности, что было еще одним свидетельством эмоциональных сложностей рабовладения. По мере усиления межконфессионального кризиса плантаторы-юнионисты предупреждали, что отделение может ввергнуть Юг в анархию и насилие. Одна хозяйка плантации боялась такого политического переворота, потому что “У нас за пазухой есть враг [*так*], который убьет нас в наших постелях”. Когда произошел раскол, отмечает Джеймс Рорк, “по Югу поползли слухи о восстании, и белые люди стали пристальнее, чем когда-либо, следить за поведением чернокожих”. Хотя один плантатор радовался, что “эmissары аболиционистов” уже “были линчеваны и изгнаны из страны”, слухи о ‘восстании рабов’ распространились из Вирджинии в Техас”. Ужесточение законов против “фальсификации”, усиление патрулей рабов, повышенная бдительность при пропуске рабов и более суровые наказания - все это сопровождало рождение Конфедерации. Епископ Стивен Эллиотт признал в проповеди, что до войны южане “почти повсеместно верили, что внутреннее восстание будет сопровождать внешнюю войну, и что мы увидим, как наши рабы поднимутся ”массово” “. ²⁵ Хотя он поздравил своих прихожан с тем фактом, что массового восстания не произошло, опасения восстания так и не исчезли.

Когда Линкольн издал свою Предварительную прокламацию об освобождении, южане повсюду осудили то, что они считали попыткой подстрекательства к революции. Плантатор из Теннесси считал, что Линкольн намеревался начать “рабскую войну”, и опасался “большой потери имущества и, возможно, жизни”. Мэр Саванны расценил это воззвание как “позорную попытку спровоцировать бегство, убийства и грабежи со стороны нашего рабского населения”. Линкольн пытался превратить “тихого, невежественного зависимого чернокожего” в “дикого подстрекателя и жестокого убийцу”. Другие южане опасались, что вторжение войск янки вдохновит рабов “убить своих хозяев, вступить во владение и жить как белые люди”, или что прибытие войск Севера станет сигналом для рабов “восстать против своих хозяев и нанести удар за Объединение”. Луи Маниго из Южной Каролины осудил Север как “беспринципного врага, единственная цель которого ... вооружить наших собственных негров против самих их Хозяев; и всеми средствами склонять эту заблудшую Расу помогать им в их дьявольской программе”. По мнению *Spectator*, газеты из Стонтонна, штат Вирджиния, Линкольн приглашал “подневольное население Юга разыграть кровавую сцену на Сан-Доминго” по всей Конфедерации. Джефферсон Дэвис использовал свое положение президента Конфедерации, чтобы осудить прокламацию Линкольна как попытку побудить рабов убивать своих хозяев.²⁶

На бесчисленных плантациях по всему Югу плантаторы и особенно жены плантаторов опасались возможности насилия. В Алабаме Сара Эспи содрогнулась, услышав сообщение о “самом зверском убийстве” пожилой леди, а затем затрепетала, услышав слух о “повстанческом движении среди негров Уиллс-Вэлли”. Одна вдова из Южной Каролины жаловалась, что “Мы не знаем, в какой момент наши рабы могут самым жестоким образом зарубить нас”. Другая высказала такое трезвое суждение о лояльности своих рабов: “Боюсь, потребуется совсем немного, чтобы заставить их убрать меня с дороги”. Сообщения о нападениях со стороны рабынь “заставляют кровь стыть в жилах у женщин”, - заявила Хэтти Мотли из Алабамы, в то время как миссис М. К. Смит опасалась “быть убитой неграми в любое время, когда они сочтут нужным это сделать”. Когда Мэри Бойкин Чеснат узнала, что

родственница была “убита ее собственным народом, ее неграми”, она “не выдержала” от “ужаса и изумления”. Но ее изумление было вызвано скорее близостью этой смерти к ее семье, чем неверием в то, что такое возможно. Вскоре после этого ее свекровь проявила аналогичные опасения, когда предупредила всех: “Не прикасайтесь к этому супу! Он горький. С этим что-то не так”. Она была “в ужасе”, - писал Чеснат, - из-за “судьбы кухни Бетси. Она следит за каждой мелочью ... боится, что они нас отравят”. Сотни писем посыпались в правительства Конфедерации и штатов от женщин, которые умоляли чиновников отстранить мужчин от военной службы, чтобы они могли контролировать рабов.²⁷

Конфедерация избежала массового восстания революционеров-рабов. Рабы Юга знали, что мужчины, женщины и чиновники, оставшиеся в тылу, сохраняли повышенную бдительность и что армия Конфедерации была совсем рядом. Более того, рабы-южане узнали, что приближаются армии Союза и что война превратилась в борьбу за их свободу. Таким образом, бдительное ожидание начала войны имело для них больше смысла, чем опасные планы революции. Как только обстоятельства сложились благоприятно, сотни тысяч людей воспользовались своей свободой, перебежав к янки. “Кажется, все они ждут свободы”, - заметил один проникательный южанин.²⁸

Однако отсутствие всеобщего восстания рабов не означало, что рабство процветало или что жизнь на плантациях текла гладко в своем привычном русле. Напротив, каждый день войны подрывал дисциплину на плантациях, нарушал обычный распорядок дня и приносил тревожные изменения, которые удивляли, причиняли неудобства и замешательство рабовладельцам. События за пределами плантации стимулировали перемены внутри и поставили белых лицом к лицу с фундаментальными реалиями, которые отрицались и затемнялись патерналистской идеологией.

Характер жизни на плантациях изменился множеством способов. Многие мужчины, которые присматривали за плантациями или ездили по ночам с патрулями рабов, пропали без вести, заявленные Конфедерацией как солдаты. Женщинам пришлось взять на себя функции надзора или поддержания дисциплины, которые были для них новыми и незнакомыми. Производство хлопка сократилось, поскольку правительственные чиновники призвали плантаторов убрать “Королевский хлопок” с рынка и переключиться на производство продовольственных культур, которые могли бы прокормить армию. Хотя “черные республиканцы” Линкольна часто были далеко, собственное правительство южан часто вмешивалось в деятельность плантаций. Военные офицеры нагрянули на фермы и бесцеремонно захватили или “впечатлили” необходимую еду, оборудование или животных. Когда рейды профсоюзов угрожали потерей территории, южная армия сжигала склады хлопка, чтобы они не попали в руки врага. Вскоре агенты Конфедерации потребовали одну десятую часть нескоропортящейся сельскохозяйственной продукции в виде налога натурой, в то время как правительство относилось к рабству еще более прямолинейно и грубо. Во-первых, военные заставляли рабов строить укрепления или выполнять тяжелые утомительные работы, необходимые для содержания армии. Затем Конгресс принял законы, разрешающие взимать налоги с рабов для поддержки рабочей силы в армии. Правительство вмешалось в те самые плантации и институты, которые оно должно было защищать.

Все эти изменения и вмешательство правительства были нежелательными. Даже когда плантаторы осознали необходимость перехода на выращивание продовольственных культур,

они опасались сбоев, которые это могло вызвать. Рабы привыкли работать с основными культурами, которые позволяли им быть занятыми в течение всего года; теперь им нужно было работать на сезонных растениях, что требовало более пристального надзора в то самое время, когда надсмотрщиков и мужчин-управляющих фермами было не хватает. Рабовладельцы опасались, что дисциплина может пострадать и рабы станут “деморализованными”. Конфискация товаров военными вызвала сильное возмущение, и не только потому, что это было равносильно захвату частной собственности без обещанной компенсации до окончания войны. Такое впечатление также капризно падало на одних плантаторов, а не на других, в зависимости исключительно от того, какие фермы оказывались поблизости от армии, нуждавшейся в припасах. Военный министр Конфедерации признал, что принудительное производство было “жестким, неравноправным и отвратительным способом снабжения”, а сам президент Дэвис охарактеризовал его как “настолько неравноправный в своих действиях, досадный для производителя, наносящий ущерб промышленным интересам и вызывающий такоенодовольство среди людей, что оно может быть оправдано только существованием абсолютной необходимости”.²⁹

Еще более нежелательным и раздражающим для рабовладельцев было посягательство на их человеческую собственность. Администрация Ричмонда рассматривала рабский труд как жизненно важный ресурс для военных действий. Он начал использовать рабов, отправив некоторых на строительство укреплений. Вскоре Конгресс разрешил использовать рабов для выполнения многих других функций, включая службу в больницах и на фабриках. Эти шаги их собственного правительства шокировали и разозлили рабовладельцев. Правительство “не имело права” делать такой “злодейский призыв”, протестовал один плантатор в 1861 году, который увидел в этом “начало деспотизма, худшего, чем любая европейская монархия”. *Richmond Examiner* посочувствовал рабовладельцам и объяснил, что южный плантатор, естественно, сопротивлялся “потрясению, нанесенному правам собственности”, и потере “тех самых рабов, ради которых он уже вел долгую и отчаянную войну”. Рабовладельцы также сопротивлялись впечатлению, производимому на их рабов, потому что служба в армии часто означала, что рабы возвращались ранеными, слабыми или больными, если они вообще возвращались. Опыт Чарльза Колкока Джонса из Джорджии, хотя и экстремальный, не был чем-то необычным. “Отправка наших людей на работы на батареях Саванна-Ривер была для нас печальной вещью”, - писал он в 1862 году. “Бедный Джо умер 16-го числа от дизентерии (речной холеры), заразившись там, в результате чего погибли двое наших лучших людей . . . Тайрон был тяжело болен; все еще в постели . . . Маленький Адам просто гуляет. Джули была очень больна и едва поправляется. Сэм был очень болен в течение короткого времени.” В последующие месяцы ни Тайрон, ни Адам не восстановили свое здоровье, и когда они умерли, на плантации Джонсов насчитали четверых погибших из семи рабов, работавших на армию.³⁰

Более общей -и более глубокой — проблемой была потеря контроля над рабами в результате нарушения жизни на плантациях. В начале 1862 года житель Алабамы предупредил правительство, что у рабов развивается “склонность к плохому управлению и неподчинению, вызванная, без сомнения, уходом нашего мужского населения из их среды”. Владелица плантации в Южной Каролине, вдова, обнаружила, что ее “приказы с каждым днем игнорируются все больше и больше. Я ничего не могу сделать, поэтому должна подчиниться”. В Северной Каролине, на плантации Эдмондстон, где Патрик Эдмондстон отсутствовал лишь на время, произошло аналогичное ухудшение дисциплины — и привычек подчинения, известных как хороший порядок. Сначала Эдмондстоном стало известно о проблемах на близлежащих

плантациях, поскольку слуги, которых одна женщина “оставила присматривать за своим домом, позорно ограбили ее”. В тот момент Кэтрин Эдмондстон оставалась уверенной, что ее рабы будут вести себя хорошо. Вскоре, однако, она заметила, что отсутствие ее и ее мужа на плантации “сказывается на слугах; они становятся такими неуклюжими, неэффективными и даже ленивыми”. Затем, в июле 1862 года, “негодяи” из числа их слуг попытались “вломиться в нашу свинарню”. Поскольку “у нас никогда раньше такого не было”, Эдмондстоны были встревожены. Не сумев установить виновных, они выпороли двух выбранных наугад рабов, чтобы “подавить дух дезорганизации и воровства”. В сентябре 1863 года Кэтрин с тревогой записала, что “Все наши негры уехали”, а “Собственность негров хуже, чем бесполезна, потому что они не работают, пока сами не захотят, и владельцы не осмеливаются исправить их, иначе они уйдут”. Она добавила: “Они информируют федералов обо всем. ... Что касается идеи *оверном слуге, то все это вымысел*. Я видел, как любимые и обласканные негры уходили первыми в каждом случае. Вся эта раса внушила мне такое отвращение, что я часто жалею, что никогда не видел *ни одной*.”³¹

Две большие плантации недалеко от озера Фелпс на востоке Северной Каролины разделили опыт Кэтрин Эдмондстон по разрушению порядка, дисциплины и “лояльности”. Уильям Петтигрю и Джосайя Коллинз III, владевшие сотнями рабов на прилегающих участках земли, по-разному подходили к задаче сохранения контроля. Когда рабы Петтигрю “обратились в паническое бегство” при приближении федеральных сил, а некоторые бежали к позициям Союза, он окружил кварталы рабов войсками и насильно переселил оставшихся своих рабов на арендованную землю дальше вглубь страны. Джосайя Коллинз решил, что перевозить его 328 рабов слишком сложно, поэтому он решил оставить их на работе под руководством надсмотрщика. Попытка провалилась. Его рабы начали делать все, что им заблагорассудится, и заявили, что уйдут, если Коллинз когда-нибудь попытается заставить их двигаться. К весне 1863 года методы надзирателя свелись к подкупу: “Мне пришлось использовать все возможные способы, чтобы они слышали. . . . [у] разрывали дована, крали и брали все, что [у] заблагорассудится. я не могу вымолвить ни слова. Я продолжаю разговаривать с ними [,] раздал свиней и крупный рогатый скот каждой семье [и] таким образом я держу их на озере ... Ни у кого из нигро нет зависимости, когда дается полная свобода”. К этому свидетельству о вызывающей независимости рабы добавили слова неуважения. “Они называют тебя ”Старина Коллинз“, - сообщил друг, и надзиратель подтвердил, что ”Они вообще не заботятся о тебе”.³²

Для многих белых южан эти личные сообщения стали самым болезненным разочарованием из всех, поскольку реальность рабского поведения разрушила фикцию доброжелательного патернализма. Миф о патернализме стал неотъемлемой частью представления рабовладельцев о себе, и когда рабы отрицали его реальность, они реагировали с уязвленными чувствами. Энни Сехон верила, что две рабыни, которые прислуживали ей, были “настоящими”, однако вскоре одна из них сбежала в лагерь федеральной армии, оставив Энни с болезненным удивлением гадать, что “так изменило ее”. Джудит Макгвайр была шокирована тем, что “Наш мужчина Нат ... к которому я была очень неравнодушна” сбежал. “Некоторые слуги, ” заключила она, - очень неверны”. Семья Джонсов из Джорджии состояла из набожных пресвитериан, которые проводили кампанию за то, чтобы дать рабам религиозное наставление в самоотверженной, патерналистской манере. Мэри Джонс, матриарх семьи, разозлилась, когда няня ее внучки помогла янки и убежала к ним, таким образом, разыграв “неверную роль, как только смогла”. Другие рабы Джонсов также оказались “лживыми” и виновными в “неблагодарности”, что побудило миссис Джонс с горечью подумать: “Всю свою жизнь ... Я трудилась и заботилась о

них ... и это их возвращение”. Другой член семьи, исходя из глубины патерналистского менталитета, был расстроен тем, что три рабыни сбежали, “не попрощавшись ни с кем из нас”.³³

Вместо того, чтобы столкнуться с разрушением своих иллюзий, некоторые южане пытались отрицать то, что стало известно об их отношениях с рабами. Межрасовые “семейные” узы рабства были реальны, говорили они себе, но янки наживались на слабом интеллекте рабов. Беглецы были просто “бедными обманутыми созданиями” или “бедными обманутыми негодяями”, скорее обманутыми, чем обманщиками. Но для большинства рабовладельцев крах патерналистского фасада привел к болезненному столкновению с реальностью. “Те, кого мы любили больше всего, и кто любил нас больше всего — как мы думали — были первыми, кто покинул нас”, - признался один южанин. Луи Маниго согласился с тем, что “те, кого мы уважали больше всего”, часто “первыми покидали нас”. К 1864 году честная и умная Мэри Бойкин Чеснат призналась, что совсем не знала своих рабов. Женщины, работавшие в ее доме, были “превосходными служанками, несмотря на их недостатки за моей спиной”. Они трудились тихо и, казалось, внимательно, но их мысли и чувства оставались скрытыми, непостижимыми. “Эти сфинксы не дают никаких признаков того, - заключил Чеснат, - что они очень хорошо знали, что произойдет с окончанием войны. Но если бы они заговорили, Чеснат был уверен, что они сказали бы: “Свободу, мои хозяева!”³⁴

СТОЛКНУТЬСЯ с ЭТИМИ ИСТИНАМИ на личном уровне было болезненной задачей, но некоторые южане, в основном священнослужители, пришли к выводу, что общество должно столкнуться с другими истинами о рабстве. Моральный дискомфорт Юга, связанный с рабством, всегда сильнее всего ощущался частью духовенства. Действительно, очень многие служители посвящали свои усилия восхвалению и оправданию дела Юга. Но часть духовенства давно надеялась на улучшение положения рабов и большую заботу об их религиозной жизни. На протяжении десятилетий Чарльз Колкок Джонс из Джорджии работал над продвижением религиозного воспитания рабов, как и Джеймс Хенли Торнуэлл из Южной Каролины. Преданный идеалу патерналистского общества, Торнуэлл верил, что Библия является “*истинно неприступной*” защитой христианского рабовладельца, но “только тогда, когда он подчиняется ее указаниям, а также применяет ее санкции”. В 1847 году он возглавлял комитет пресвитерианского синода Южной Каролины, который обратился с петицией в законодательный орган, призывая законодателей защитить семьи рабов и разрешить рабам учиться читать. Торнуэлл опубликовал эссе в “*Южном пресвитерианском обозрении*”, призывающие к религиозному обучению рабов, и одно из его эссе было переиздано под названием “*Права и обязанности хозяев*”.³⁵

Министры, подобные этим, надеялись, что Конфедерация улучшит показатели довоенного Юга. В декабре 1861 года преподобный Джонс воспользовался возможностью выступить перед генеральной ассамблеей пресвитерианской церкви в Огасте, штат Джорджия, чтобы возобновить свою кампанию по распространению проповеди и религиозного учения среди рабовладельческого населения. Рабы, сказал Джонс, “это люди, созданные по образу Божьему, чтобы мы признавали их и заботились о них духовно”. Они нуждались в “верном, постоянном и всеобщем религиозном обучении” под руководством патриархальных и набожных учителей, но вместо этого Юг позволил им быть слабыми в вере, неграмотными и неосведомленными в Евангелии. Таким образом, заявил Джонс, церковь “лишь частично” выполнила “свой долг перед неграми”. Он призвал пресвитерианскую церковь и другие деноминации посылать

миссионеров и проповедовать, “пока все наше население не будет благовествовано, и вся наша земля не наполнится славой Господней”.³⁶

Другой пресвитерианский священник, преподобный Джозеф Р. Уилсон, согласился с тем, что хозяева несут тяжелую ответственность от Бога по отношению к рабам. Уилсон принимал рабство как “организующий элемент в том семейном порядке”, который Бог установил на земле как часть “самого основания Церкви и государства”. Рабство было благословением, если оно находилось “под надлежащим управлением христиан”, подчеркнул Уилсон. Это означало, что рабы должны были быть обращены в христианство, и в этой работе “их земным хозяевам нужно было кое—что — многое - сделать”. Действительно, хозяевам пришлось бы “наконец отчитаться перед Богом за правильное использование своего возвышенного управления *душами бессмертных людей*, находящимися непосредственно под их контролем”. Поэтому он умолял своих слушателей контролировать свой характер, воздерживаться от угроз, помнить о милосердии и “обращаться со своими слугами так, как они ожидают, что их собственный Господин на небесах будет обращаться с *ними*”.^{37...}

В течение многих лет подобные мольбы оставались не услышанными. В годы усиливающегося межобщинного кризиса белые южане напрягали все силы, защищая рабство от критики извне, и в этой крайне напряженной атмосфере доморожденные критики были неэффективны и неохотно настаивали на своей правоте, опасаясь общественного осуждения. Создание Конфедерации, однако, изменило контекст и воодушевило религиозных реформаторов. Они думали, что теперь, внутри Южной рабовладельческой нации, они смогут привести этот институт в более тесное соответствие с учением христианства. Более того, они чувствовали более серьезную обязанность действовать.

Преподобный Бенджамин М. Палмер руководствовался этим чувством долга, когда выступал с обращением к законодателям Южной Каролины. Независимость, сказал он законодателям, “избавила” южан “от тех затруднений, в которые вмешался лицемерный фанатизм”. Теперь, в своей собственной стране, Союзники “смогут с большей свободой передавать им [рабам] благословенное слово Божье, защищать их личность от злоупотреблений капризной власти и набрасывать щит более сильной опеки на их внутренние отношения”. Палмер предположил, что Божья цель, позволившая начаться войне, возможно, заключалась в том, “чтобы наказать нас за прошлые недостатки и ... увеличить нашу силу для защиты и благословения расы, вверенной нашему доверию”. Палмер даже заявил, что не желает настаивать на том, что “вечное рабство” для афроамериканцев было Божьим планом.³⁸ Аналогичным образом епископ Стивен Эллиот сказал своим прихожанам:

Наша будущая судьба связана с этим [рабством]. По мере того, как мы справляемся с этим, мы будем процветать или страдать. Ответственность лежит на нас, и если мы с истинно христианским характером поднимемся к той возвышенной работе, которую Бог поручил нам по воспитанию покоренной нации для его божественных целей, мы будем благословлены им, как был благословлен Иосиф Но если наоборот, мы неправильно поймем наши отношения и примем власть хозяев, не помня о своих обязанностях, Бог “сделает их уколами в наших глазах и шипами в наших боках и будет досаждать нам на земле, где мы живем”.

Эллиотт также заявил, что “многие, очень многие, я знаю, были нечувствительны к своему долгу и пренебрегли великим доверием, оказанным их подопечным”.³⁹

Движимые такими чувствами, настроенные на реформы министры в различных частях Юга начали добиваться перемен. Историк Белл Уайли назвал епископальное периодическое издание первым, кто летом и осенью 1861 года начал агитировать за признание браков с рабынями. Другой епископальный журнал одобрил предложение священника о предотвращении раздельного проживания женатых рабов, и “настроения в пользу юридического признания браков с рабынями, похоже, быстро распространились в 1862 году”. В ноябре того же года преподобный Эллиотт с удовлетворением сообщил генеральному совету церкви, что “общественное мнение по этому вопросу быстро становится здравым”. В том же месяце епископальная палата, взяв на вооружение некоторые формулировки Эллиота, выпустила пастырское послание духовенству и мирянам, в котором реформы рабства были поставлены на первое место в программе действий церкви. В пастырском послании говорилось, что помимо увеличения числа причастников, “религиозное просвещение негров” было “величайшей работой Церкви в этих Конфедеративных Штатах”. Рабы были “не просто собственностью”, но и “священным достоянием” южан, которое они должны были “возвысить ... по шкале бытия” посредством “служения для своего блага и совершенствования”. Призывая церковников “устремиться с рвением мучеников к этому труду любви”, епископы призывали хозяев поддерживать не только образование, но и “обязанность христиан” защищать браки рабынь. Южане могли бы, “проявив очень мало заботы с нашей стороны”, избавить рабство от “всякой необходимости в разделении родителей и детей”.⁴⁰

Баптисты, казалось, взяли на себя инициативу призвать конфедератов пересмотреть законы, запрещающие учить рабов читать. Весной и осенью 1862 года два региональных съезда баптистов Джорджии призывали законодательный орган изменить закон; один из них критиковал существующее законодательство как “позор нашей цивилизации, нашей страны и эпохи, в которую мы живем”. Поскольку баптисты Джорджии обсуждали этот вопрос на своих съездах и в публикациях, методисты штата ипресвитериане также начали обсуждать реформы, и баптисты других штатов присоединились к ним. Баптистский съезд Алабамы в 1863 году призвал к улучшению религиозного воспитания рабов, а Ассоциация баптистов Аппоматтокса в Вирджинии призвала к законодательным изменениям, чтобы рабы могли не только учиться читать, но и собираться вместе, чтобы петь, молиться и увещевать. Эти усилия достигли определенного успеха весной 1863 года, когда законодательное собрание Джорджии отменило недавнее изменение в правовом кодексе штата, запрещавшее рабам проповедовать. Однако предложение разрешить чернокожим учиться читать и писать было отклонено законодателями Джорджии. Перспективам этой меры, возможно, нанесла ущерб полемика, возникшая, когда методистский епископ Джордж Фостер Пирс в необычно резких выражениях выступил в защиту грамотности рабов. Заявив, что рабы были “бессмертными существами”, которых Бог хотел бы видеть в своем слове, Пирс заключил: “Если институт рабства нельзя сохранить иначе, как за счет бессмертных интересов чернокожего человека, во имя небес, я говорю — *пусть он погибнет*.” Это было слишком для некоторых членов нижней палаты парламента Джорджии, которые отказались принять закон, легализующий обучение рабов.⁴¹

Усилия по реформированию рабства ускорились после 1862 года, когда два пресвитерианских священника взяли на себя инициативу в призыве к переменам. Джеймс Лайон, ярый теннессианин, выступавший против отделения, был модератором Генеральной ассамблеи Южной пресвитерианской церкви в 1863 году. В том же году, будучи председателем комитета, который работал в течение двух лет, он выступил с докладом о религиозном воспитании чернокожих людей. Доклад, который был опубликован под названием “Рабство и обязанности,

вытекающие из этих отношений”, выходил далеко за рамки одного вопроса религиозного обучения. “Теперь,” в Конфедерации, - писал Лайон, - “нет ни оправдания тому, чтобы не заявлять, ни притворяться, что не слышишь правды” об улучшениях, которые должны быть сделаны в рабстве. Он привел пять областей, в которых зло, “известное всем, всеми признаваемое и о котором сожалеют все хорошие люди”, должно быть исправлено. Это были:

- юридические барьеры для обучения рабов чтению и письму;
- прогулы плантаторов, которые сделали невозможным отцовский уход;
- отсутствие правовой защиты рабов от “низкого, злобного белого человека” или “пьяного, разъяренного хозяина”;
- отсутствие юридического признания рабских браков и рабских семей, “нарушение законов Божьих”; и
- неспособность обеспечить религиозное обучение рабов.

Лайон полагал, что его доклад был хорошо принят, но он признал, что некоторые делегаты были “поражены той высокой позицией”, которую он занял. В результате это было передано в его комитет еще на год, и после долгих обсуждений в 1864 году это было передано еще одному комитету. Там это и лежало, когда война подошла к концу. Лайону не удалось добиться каких-либо действий, хотя его предложения по реформе вызвали значительную общественную дискуссию.⁴²

Не все участники дискуссии были благосклонны к предложениям Лайона. “Южное пресвитерианское обозрение” в октябре 1863 года опубликовало статью, в которой оспаривались идеи Лайона о защите браков с рабынями и раскрывалось укоренившееся сопротивление общества переменам. Анонимный автор этой статьи согласился с тем, что южанам необходимо “разобраться в частном управлении нашими неграми”, чтобы “внутренняя жизнь рабства была реформирована и восстановлена, насколько это возможно, по образцу, показанному нам в Библии”. Но затем в статье восхвалялся патернализм и развивалась теория рабства как “домашнего института ... предмета семейного управления”, что противоречило большинству идей Лайона. Восхваляя якобы мягкое и доброе правление хозяина как “законодателя” по отношению к рабу, этот писатель заявлял, что юридическое признание браков с рабынями разрушит семейную основу рабства и подчинит рабов государству. Это, в свою очередь, привело бы к “революции в статусе раба”. Он должен был бы получить права собственности и другие права, все из которых были бы “безумием”. Затем в этой статье отвергалась опасность разделения семей рабов как “сильно переоцененная” и восхвалялось поведение белых рабовладельцев по отношению к своему рабочему классу как лучшее в мире. Прежде чем завершить, анонимный автор отверг образование для рабов как еще один шаг, который подрывал бы патерналистскую основу рабства. Те, кто не хотел перемен в рабовладении, считали “власть плантатора у камина” похвальной и достаточной и считали, что недостатки в поведении плантаторов редки.⁴³

Однако другой пресвитерианский священник присоединился к Лайонсу в стремлении к переменам. Преподобный Кэлвин Уайли из Северной Каролины служил в законодательном органе своего штата и оставался влиятельным в государственных делах в качестве суперинтенданта государственных школ. Придерживаясь преимущественно религиозной, а не

политической точки зрения, Уайли опубликовал в 1863 году книгу под названием *"Библейские взгляды на национальные испытания, или истинный путь к независимости и миру Конфедеративных Штатов Америки"*. Его книга дает представление о мыслях и взглядах религиозных реформаторов, одновременно иллюстрируя ограниченность их подхода к теме рабства.

Цитаты из Библии занимают почти каждую из более чем двухсот страниц книги Кэлвина Уайли. "Только религиозные истины", - заявил Уайли, - могли объяснить "конвульсии и испытания" Конфедерации и "объяснить все национальные проблемы". Тем не менее, хотя Уайли поспешил заявить, что "все национальные, а также все индивидуальные страдания" были "определенным результатом нарушения Закона Божьего", он защищал рабство абстрактно и придерживался более осторожного тона, призывая к реформированию этого института. Конфедерация была "христианской нацией", и она состояла из избранного Богом народа, который чтит его слово "как единственный источник Истины". Тем не менее, очевидно, что Юг поступил неправильно. *"Какова бы ни была природа дела нации ... когда она страдает, она наказывается за грех."*⁴⁴

"Человек развращен", считал Уайли, и хотя отношение Севера к рабству стало причиной войны, что-то было не так в Конфедерации. Несмотря на единство и самопожертвование народа, утверждал он, нации не хватало "здоровой энергии и надлежащего направления в тех духовных, религиозных источниках, которые составляют жизненные силы всех сообществ". У христиан было *"торжественное обязательство ... провозгласить во всеуслышание всей нации, что она совершила проступки, за которые Бог наказывает ее."* Задачей, стоявшей перед конфедератами, было "смириться под могучей рукой Бога", признать "свои грехи" и "оставить" их.

Затем, косвенным образом, Уайли изложил свою точку зрения о том, что эти грехи связаны с рабством. Поскольку конфедераты основали всю свою "социальную систему на этом Слове" и призвали слово в качестве своего свидетеля "в нашем споре с нациями о рабстве", они были обязаны "построить все здание в соответствии с его указаниями". *"Прямо сейчас,"* настаивал он, "настало время отвернуться от преступлений, за которые наказывается нация. Мы часто слышим замечание о том, что, когда война закончится и наступят лучшие времена, мы, как мужчины и как христиане, как Церковь и как народ, посвятим себя необходимым реформам". Такое отношение, сказал Уайли, "на самом деле является одним из наших величайших грехов".⁴⁵

Хотя "весь континент" оскорбил небеса "своим поведением по отношению к африканскому элементу общества", Уайли обвинил южных христиан в том, что они не высказались и не рассказали правительству, чего Бог требует от "обязанностей" хозяев. Преклоняясь перед "человеческим мнением, немощью и страстями" и выступая против "мерзких и атеистичных аболиционистов", южане проигнорировали "реформы, которых, по мнению совести всей Церкви, требовал, строго требовал непреложный закон Божий". Запутавшись в межконфессиональных спорах, южане отказались действовать так, чтобы это можно было расценить как "триумф свободолюбивых". Их бездействие было "нелепым и позорным", особенно после того, как Юг стал независимым государством. Уайли не видел "оправдания" для дальнейшего промедления. "Весьма вероятно, - заключил он, - что Бог сейчас наказывает страну за ее грехи в связи с темой рабства".⁴⁶

Что это были за грехи? Ответ Уайли представлял собой каталог ошибок и необходимых реформ. Во-первых, церковь “пренебрегла” своим долгом просвещать общественность о Божьем совете относительно рабства. Оно не смогло выступить в защиту “святости” браков между рабами, защиты отношений “родителя и ребенка” и “соблюдения субботы”. Кроме того, “наш кодекс поведения рабов не такой, каким он должен быть”. Во-вторых, южанам не удалось создать “систематическое, эффективное и основательное средство для наставления язычников” в Евангелии. Уайли утверждал, что прогресс в христианстве рабов, который другие восхваляли, был обусловлен “Провидением Божьим”, а не “согласованными и настойчивыми усилиями Церкви”. В-третьих, “добросовестные и христианские хозяева” не смогли обуздать “поведение жестких собственников”. Когда не было контроля над поведением хозяев, рабство стало “злом”, заявил Уайли, и общество не выполнило того, что оно “должно” Богу. В-четвертых, рабовладельцы тешили себя духом мести “бедным, введенным в заблуждение неграм”, которые сбежали, чтобы поддержать Север. Этот дух был особенно неоправданным, потому что большинство рабов оставались “тихими и консервативными” на протяжении всей войны, помогая Конфедерации. Поэтому хозяевам необходимо было очистить свод законов “от всякой несправедливости по отношению к преданному рабу”, который “так благородно поддержал” их в “час нужды”. Завершая свой список ошибок, Уайли бросил вызов своим “Благородным братьям-конфедератам”: “Давайте увенчаем наш подвиг *победой над нашими собственными предрассудками*, ОСМЕЛИВШИСЬ ПОСТУПАТЬ ПРАВИЛЬНО, и наш триумф будет несомненным, а наша история славной”.⁴⁷

Библейские взгляды на национальные суды - это “иеремиада” Кэлвина Уайли, призывающая Конфедерацию ответить за свои грехи в управлении рабством. Глубоко религиозный характер книги способствовал движению за реформы, поскольку другие религиозные лидеры присоединились к призыву к переменам. Преподобный У. Б. У. Хоу произнес проповедь в Чарльстоне в 1864 году, которая вызвала дебаты в газетах этого города. Соглашаясь с Уайли в том, что конфедераты были наказаны за свои “особые грехи”, Хоу призвал южан разрешить рабам вольную, образование и законный брак. Но он был более консервативен, чем Уайли, утверждая, что время для действий наступит после окончания войны. *Charleston Daily Courier* заняла позицию в поддержку браков с рабынями, а баптисты Джорджии призвали законодательное собрание своего штата провести аналогичную реформу. Уайли и Лайонс оставались активными, лоббируя губернаторов Северной Каролины и Миссисипи, соответственно, в последние месяцы войны и призывая их принять меры. Лайон даже подготовил законопроект о “супружеских и родительских отношениях” рабов, который комитет сената Миссисипи рассмотрел и рекомендовал к принятию в более “подходящее” время.⁴⁸

И все же эта ускоряющаяся деятельность, несомненно, вдохновленная глубокими религиозными убеждениями, мало чего достигла. Хотя все большее число белых южан задавались вопросом, на их ли стороне Бог, и ставили под сомнение правильность и нравственность их законов о рабстве, война закончилась без серьезного пересмотра кодексов о рабстве Конфедерации. Какой бы важной ни была религия для многих южан, оказалось, что она имеет меньше власти над законодателями, чем практические соображения военной и политической необходимости. Ибо в последние месяцы войны армия Конфедерации и администрация Дэвиса предложили гораздо более радикальные изменения в рабстве. Эти предложения, рожденные необходимостью и продиктованные страхом поражения, предполагали как новую роль мужчин-рабов, так и общую эмансипацию, которая неизбежно изменила бы южное общество. Однако, как мы увидим, такие радикальные шаги были связаны с

теми же предположениями о превосходстве белых, которые повлияли на политику на Севере и привели к послевоенным моделям угнетения.

ШЕСТЬ

ЕРЕСЬ, ДОГМА И ДЕБАТЫ КОНФЕДЕРАЦИИ

Конфедерация возникла как республика рабовладельцев. Столкнувшись с избранием "Черного республиканца" и встревоженные силой партии, которую они считали враждебной рабству, сепаратисты перешли к активным действиям и одержали победу. Сосредоточившись на одном штате за другим, эти "пожиратели огня" вывели Нижний Юг из состава Союза и создали правительство, призванное более надежно обслуживать особые интересы рабовладельцев. Они верили, что при новой администрации Конфедерации права штата будут соблюдаться, центральное правительство будет ограничено, рабовладельцы будут в безопасности, а рабство будет защищено. Институт расового рабства на Юге был краеугольным камнем, на котором белые воздвигли свою новую Конфедерацию.

Но архитекторы Конфедеративного Юга смотрели скорее назад, чем вперед; они ожидали статичного правительства, которое могло бы противостоять опасностям прошлого, а не отвечать на вызовы будущего. Когда Конфедерацию охватила война, изменился каждый аспект жизни. Устоявшиеся обычаи уступили место неожиданным нововведениям, насущные кризисы нарушили повседневную жизнь, а вечные истины исчезли. По всем параметрам Гражданская война изменила Юг гораздо больше, чем Север. Армии требовали большей доли мужчин, инфляция свирепствовала гораздо сильнее, семьи гораздо больше страдали в тылу, а социальные обычаи более радикально изменились под давлением милитаризованного существования. К огромному удивлению южан, Конфедерация стала тем, что историк Эмори Томас метко назвал "революционным опытом". Революция, которую пережили конфедераты, мало что оставила нетронутым. Это неизбежно подорвало рабство, основной институт новой нации.

Военный кризис Конфедерации подверг рабство множеству стрессов и напряжений, приведя к множеству неприятных событий для рабовладельцев. Традиционные ожидания плантаторов имели мало отношения к обществу, разрушенному войной. По мере того как Конфедерация боролась за выживание, ни одна сфера жизни не могла оставаться неуязвимой для перемен, и события начали коренным образом изменять рабство. Рабовладельцы потеряли обширный контроль, который они привыкли иметь над своими рабами. Национальные приоритеты начали влиять на то, что всегда было исключительно местным и "домашним" институтом. В конечном счете, само рабство оказалось под вопросом в результате кризиса Конфедерации, и политическое давление, вызванное войной, оказалось гораздо более мощным, чем побуждения религиозной совести.

Два фактора повлияли на то, в какой степени южане откажутся от рабства во время войны: масштабы военного кризиса и гибкость политических лидеров. В быстром порядке военные требования возросли, быстро достигнув точки, когда действия правительства стали необходимыми для использования рабства в качестве жизненно важного ресурса для ведения войны. Затем политические лидеры столкнулись с проблемой принятия решения о том, сколько

нежелательных изменений следует внести, поскольку изменение основ рабства угрожало как институту, так и предположениям о расовом подчинении. Существенное изменение сути верований Конфедерации означало ересь, тогда как приверженность привычным догмам грозила поражением. События докажут, что рабовладельческий Юг обладал лишь ограниченной способностью к радикальным инновациям. Те способности, которые там были, проявлялись в первую очередь в ее военных лидерах и в президенте Джефферсоне Дэвисе. Их решимость и реализм указали путь к переменам. Но белые конфедераты также оказались непримиримыми, верными своему прошлому и непреклонными в отношении рабства и превосходства белых. Во время последнего военного кризиса Конфедерации политические лидеры обсуждали предложения вооружить и освободить рабов. Поступая таким образом, они проливают свет на природу своего общества и непоколебимую основу расовых ценностей белого Юга.

НА ДОВОЕННОМ ЮГЕ мало кто вмешивался в контроль рабовладельца над своей плантацией и своими рабами. Регион был сельским, плантации часто располагались далеко друг от друга, и рабство как институт в значительной степени подпадало под регулирование отдельного плантатора. Используя патерналистские аргументы, белые южане описывали рабов как принадлежащих к “семье” их владельца, а плантатор был бесспорным главой этой семьи, чернокожей и белой. Хотя свод законов содержал несколько мягких законов, призванных защитить рабов от жестокого обращения, власть государства в первую очередь поддерживала рабовладельца и охраняла его инвестиции. Мало кто из граждан ставил под сомнение поведение соседа по отношению к своим рабам, поскольку никто из них не хотел терпеть вмешательство посторонних в дела их собственной плантации. Отдельный рабовладелец правил своим личным королевством. На своей собственной территории он действовал как патриарх или диктатор, вдумчивый правитель или садист, в зависимости от своих склонностей. “Плантация была одновременно реальностью и символом революции плантаторов, - пишет Джеймс Рорк, - и ее сохранение стало пробным камнем опыта плантаторов военного времени”.¹

Военные действия Конфедерации быстро вторглись в отдельный мир плантаторов. Это вторжение вышло далеко за рамки того, что армии требовали услуг многих мужчин, забирая их с их плантаций. Конфедерация также расширила новый рычаг контроля над плантацией путем взимания налогов. Военные командиры часто просто брали то, что им было нужно, будь то лошади, повозки, продовольствие или другие полезные предметы, включая рабов, которых заставляли строить укрепления, разгружать припасы и выполнять другую тяжелую работу. Сначала эти изъятия происходили без формальной юридической санкции. Некоторые ресурсы предлагались добровольно. Однако вскоре государственное и национальное законодательство мобилизовало рабский труд для военных действий силой закона. “Огромные требования вооруженного конфликта” с Севером были настолько велики, “что одни белые не могли их вынести”.² Губернаторы и официальные лица Ричмонда начали рассматривать рабов как важный ресурс.

Например, в Вирджинии армейские офицеры и политики быстро поняли, что чернокожий труд необходим для поддержки армии и для работы на фабриках, металлургических заводах, железных дорогах, военных госпиталях и в таких учреждениях, как армейский интендант, артиллерийское управление, питей и горнодобывающие бюро. Сначала лидеры просили рабовладельцев вызвать своих работников добровольно или нанять их для выполнения необходимых работ. Но к поздней осени 1861 года свободные чернокожие перестали идти

добровольцами, и “глупость зависеть от рабовладельцев в добровольном подчинении военным реквизициям” стала очевидной. Столкнувшись с постоянными требованиями со стороны военных, генеральная ассамблея Вирджинии приняла три закона, призванных поставить чернокожую рабочую силу на службу военным усилиям, независимо от пожеланий афроамериканцев или рабовладельцев.³

Первый закон составил список всех свободных чернокожих мужчин в возрасте от 18 до 50 лет и определил метод, по которому местные судьи отбирали работников для доставки в Конфедерацию, которая платила бы им и содержала. Следующий закон, принятый осенью 1862 года, положил начало переписи рабов, чтобы 10 000 из них (или до 5 процентов рабского населения в любом округе, городе или поселении) можно было привлечь к работе на укреплениях или других оборонительных сооружениях. Их владельцы получали скромную плату за услуги рабов от правительства Конфедерации, и нация несла ответственность за их продовольственные и медицинские потребности. Третий закон, вступивший в силу в начале 1863 года, пытался защитить от импрессмента округа, которые отчаянно нуждались в своих рабах для выращивания урожая, но этот закон также устанавливал штрафы для владельцев, которые отказывались сотрудничать с импрессментами.⁴

В то же время Конфедерация узаконила свою давнюю практику наложенных арестов и попыталась улучшить результаты, продолжая сотрудничать со штатами. Главным исполнителем этих действий стал президент Дэвис, а не губернатор штата. Однако агентам Конфедерации было рекомендовано производить запечатление “в соответствии с правилами, предусмотренными законами штата, в котором они запечатлены”. Тем не менее, к концу 1863 года новая нация нуждалась в большем количестве рабочих-рабов, поэтому президент Дэвис призвал к принятию более строгого закона и добился его принятия. В соответствии с новым законом может быть захвачено до одной пятой всех рабов мужского пола штата, в общей сложности до 20 000 рабов. Военный министр вскоре использовал этот новый закон для призыва 14 500 рабов и установил квоты для каждого штата, чтобы увеличить это число.⁵ Этими законами Конгресс и исполнительная власть Конфедерации официально признали рабство ресурсом, на который может претендовать нация в борьбе за выживание.

Благодаря этим средствам афроамериканцы стали выполнять многие жизненно важные функции в Конфедерации. Только в Вирджинии тысячи свободных чернокожих работали на правительство не только в качестве чернорабочих, но и на квалифицированных должностях, таких как плотник, машинист, каменщик, железнодорожный кочегар, сапожник, кожевник или производитель фургонов. Рабы служили Военному министерству в качестве “мясников, пекарей, погонщиков скота, возниц, лодочников, мельников и упаковщиков”. Они работали судостроителями, шахтерами, бондарями, нефтяниками, каменщиками и кузнецами. Металлургический завод в Тредегаре, самая заметная история промышленного успеха Конфедерации, зависел от такого же количества чернокожих рабочих, как и белых, всего более 1200 афроамериканцев. Рабы работали почти в каждом подразделении компании. Рабы были особенно важны для обслуживания и ремонта железных дорог, и тысячи людей поддерживали дороги в рабочем состоянии только в Вирджинии. Другие тысячи укомплектовывали военные госпитали, часто превосходя численностью белых, которые помогали ухаживать за ранеными солдатами. Вблизи линии фронта армии зависели от рабов, которые возводили многие батареи и оборонительные сооружения. Осенью 1862 года Военное министерство сделало две заявки на рабов для строительства оборонительных сооружений Ричмонда, потребовав “почти 10 000

рабов... для строительства земляных сооружений на окраинах столицы”. Еще тысячи были востребованы в 1863 и 1864 годах.⁶

Непререкаемый авторитет патриарха плантации исчез. Все рабы больше не были частной собственностью, находящейся исключительно под контролем хозяина; нация предъявляла права, действительно зависящие от навыков и труда рабов. Насколько далеко зашла бы идея о том, что рабы представляют собой национальный ресурс, который следует изъять и использовать для сохранения нации? По мере того как перспективы Конфедерации омрачались, а военные поражения делали ее положение все более опасным, значение рабовладельческого населения неуклонно возрастало. Вскоре стало ясно, что Югу придется эффективно использовать все свои ресурсы, если он надеется выжить в смертельной борьбе против более богатого и густонаселенного Севера. Эти суровые факты столкнулись с противодействием и гневом рабовладельцев, которые не хотели терять контроль ни над кем из своих рабов и оплакивали риски, которые государственная служба представляла для здоровья и прочности их рабской собственности. Но реальность нельзя было игнорировать.

Действительно, некоторые южане почувствовали эту реальность с первых дней войны. Сразу после обнадеживающей победы Конфедерации при Булл-Ране в 1861 году Ричард С. Юэлл предупредил Джефферсона Дэвиса, что только одна мера может обеспечить победу в том, что наверняка будет “долгой и, в лучшем случае, сомнительной борьбой”. Юэлл предвидел, что этой мерой будет “освобождение рабов и их вооружение”. Несколько граждан Глубокого Юга также призвали Военное министерство использовать большое количество афроамериканцев в военных действиях. Поскольку чернокожих южан было столько же, сколько белых, отметили три петиционера из Миссисипи, не имело смысла “пытаться защитить страну только одним из этих элементов власти”. Один плантатор даже убедил своего друга, военного министра Лероя Поупа Уокера, разрешить ему собрать несколько “негритянских полков”. Военные неудачи весной 1862 года побудили нескольких других людей выдвинуть идею о черных войсках.⁷ Но эти предложения, исходившие от небольшого числа строго логичных индивидуумов, были слабыми голосами вопиющего в пустыне. Большинство белых южан, приверженных сохранению рабства и своей социальной системы, не могли даже представить себе подобную еретическую идею, пока необходимость в ней не стала непреодолимой.

Для большего числа людей это время наступило в последние месяцы 1863 года. Тогда многие южане начали выдвигать радикальную идею о том, что рабов следует привлекать в армии Конфедерации, чтобы увеличить численность войск и устранить военный дисбаланс, который грозил неизбежным поражением. Источник и время появления этих предложений отражали влияние серьезных военных неудач на моральный дух граждан. Поражения при Геттисберге и Вicksбурге в июле 1863 года глубоко обескуражили большинство конфедератов. Хотя причина еще не была окончательно потеряна, эти два разворота были точно восприняты как значительный и негативный поворотный момент. Более того, большинство предложений в 1863 году поступило с Глубокого Юга, то есть из районов, где недавний успех союзных войск потряс жителей и поставил их в опасность. Захват Федеральной армией Вicksбурга и Порт-Гудзона разрезал Конфедерацию надвое. Штаты Персидского залива к востоку от реки Миссисипи - и правительство Ричмонда — теперь были отрезаны от всех ресурсов Конфедерации к западу от реки. Кроме того, в рамках Вicksбургской кампании армия генерала Гранта захватила большую часть Миссисипи. Луизиана и Миссисипи еще не оправились от разрушений войны, и у граждан Алабамы были все основания опасаться худшего.

Через месяц после поражений при Геттисберге и Виксберге генеральная ассамблея штата Алабама срочно обратила внимание президента Дэвиса на необходимость увеличения числа мужчин. “Потребности страны” были велики, утверждали законодатели Алабамы. Армии необходимо было увеличить. Они заявили, что многие клерки комиссариата или интендантского отдела должны быть отправлены на передовую вместе со многими солдатами, прошедшими специальную подготовку, чей труд на заводах или железных дорогах не был необходим для ведения войны. Кроме того, Конгресс должен рассмотреть “изменение закона об освобождении от уплаты налогов”, чтобы “увеличить численность наших вооруженных сил”. Обращаясь к теме рабства, обеспокоенные законодатели утверждали, что настало время для нового мышления. “Ввиду того факта, что правительство Соединенных Штатов решило задействовать в боевых действиях солдат-негров”, они призвали Конгресс Конфедерации рассмотреть “уместность и политику использования каким-либо эффективным способом определенного процента мужского рабского населения Конфедеративных Штатов”.⁸ Как мы видели, Джефферсон Дэвис незамедлительно попросил у Конгресса разрешения использовать больше рабского труда.

Формулировки законодателей Алабамы были расплывчатыми и неопределенными, но другие представители своего региона Конфедерации вскоре заговорили более прямо и многозначительно. В одном из нескольких писем в Военное министерство даже утверждалось, что “народ требует ... привлечения рабов к службе для защиты наших прав и свобод”. В начале сентября 1863 года “*Джексон Миссисипи*” прямо изложил альтернативы: “Мы должны либо нанять негров сами, либо враг использует их против нас”. Союз удерживал “большую часть нашей территории”, Линкольн уже привел 50 000 афроамериканцев в “федеральные ряды”, и он “предлагает освободить и вооружить” остальных “против нас”. Газета подсчитала, что среди чернокожего населения Конфедерации насчитывалось “по меньшей мере шестьсот тысяч трудоспособных мужчин, способных носить оружие”. Правительство “должно принять контрполитику”, чтобы “помешать врагу”. Полагая, что афроамериканцы “любящие” и “благодарные” и их можно убедить в том, что Юг был их естественным домом, *миссисипцы* призвали к радикальным переменам: “Если ничто другое этого не сделает — если негров нельзя сделать эффективными и заслуживающими доверия для дела Юга никаким другим способом [*так в оригинале*], мы торжественно верим, что долг этого правительства опередить Линкольна и немедленно приступить к принятию мер по эмансипации или освобождению самих негров. Пусть их объявят свободными, поставят в строй и прикажут сражаться за свои дома и страну”. Такой шаг, каким бы разрушительным он ни был, был бы лучше, чем “потеря негров, страны и свободы”. Радикальные перемены также повлияют на европейские страны, ослабят классовую рознь на Юге, придадут сил делу и принесут успех.”⁹

В Монтгомери, штат Алабама, *Еженедельная почта* пришла к аналогичным выводам. Опасаясь неминуемого вторжения в Алабаму войск, собираемых под командованием Гранта и генерала Уильяма Розкранса, *Weekly Mail* пришла к выводу, “что для нас лучше использовать наших негров для нашей защиты, чем янки использовать их против нас”. В этой статье не упоминалось об эмансипации, и в ней выражалось большее разочарование, чем в “*Миссисипи*” по поводу влияния, которое вооружение рабов окажет на межрасовые отношения. Использование их в армии противоречило бы их нормальному статусу, “который поддерживается государственными деятелями Юга и народом Юга”. Это было бы равносильно “практическому признанию равенства” и привело бы к обмену пленными, что стало бы “практическим уравниванием рас”. Любое подобное развитие событий было “возмутительным для всякого чувства гордости и для всех принципов, которые управляли нашими институтами до войны”. Но, заключил редактор,

“мы должны иметь дело с фактами по мере их обнаружения”. Вооружение рабов было “делом необходимости”, “единственным” средством “поставить мат” врагу. “Альтернативы нет”.¹⁰

В условиях резкого падения морального духа в Алабаме многие ее граждане разделяли ощущение того, что военная ситуация действительно отчаянная. Конгрессмен Э. С. Дарган поделился с Дж. Б. Джонсом, клерком Военного министерства Ричмонда, своей верой в то, что “народ быстро теряет всякую надежду на достижение своей независимости”. “Миссисипи почти покорен,” сообщил Дарган, - а Алабама почти истощена”. Такое отчаяние заставило других, по крайней мере меньшинство, пересмотреть свои цели. Джеймс Олкорн из Миссисипи, враждебный критик администрации Ричмонда, заявил законодательному собранию своего штата, что южане “поставили причину войны на ложную почву. Это было сделано не только для того, чтобы спасти рабство”. Редактор *Mobile Register* согласился с тем, что было “ошибочным представлением” думать, что война была из-за рабства. “Мы протестуем против теории, что это война за негров,” писал он. “это война за конституционные свободы и права на самоуправление”. Хотя этот редактор еще не был готов вооружать рабов, он высказался за то, чтобы немедленно шире использовать их на второстепенных ролях, и, если станет ясно, что “негритянские солдаты необходимы ... нет аргумента сомнительной целесообразности, который мог бы уравновесить превосходную цель”.¹¹

Предпринимая практические шаги, генерал-майор Дэбни Мори из департамента Персидского залива предложил разрешить ему набрать роту “креолов” из Мобила. Эти “креолы” были афроамериканцами, но из-за своей светлой кожи и социального происхождения они пользовались как свободой, так и более высоким статусом, чем рабы. Мори утверждал, что их можно было бы добавить к силам Конфедерации, и конгрессмен Мобила поддержал его предложение. Однако военный министр Джеймс Седдон ответил, что они не могут быть приняты в качестве солдат, если только они явно “не отличаются от негров”. Как и в случае с рабами, единственной ролью, открытой для них в вооруженных силах, была роль черноработного.¹² Однако Мори был бы не единственным генералом, который выступил на этот раз.

От генерал-майора армии Теннесси Патрика Клебуерна поступило самое серьезное и убедительно аргументированное на сегодняшний день предложение о привлечении рабов в армию. Клебурн был выдающимся командиром, иммигрантом из Ирландии, который преуспел на Юге, прежде чем подняться до высокого командного поста благодаря своим заслугам и доблести. Находясь на зимних квартирах в северной Джорджии в составе армии генерала Джозефа Э. Джонстона, Клебурн и другие командиры, с которыми он работал, обсуждали перспективы Конфедерации и их армии. Армия Теннесси только оправлялась от своего шокирующего поражения в битвах при Лукаут-Маунтин и Миссионер-Ридж, и впереди предстояла задача возобновления наступления генерала Шермана. После обсуждения командирами Клиберн изложил свои выводы в отчете, который получил подписи тринадцати других высокопоставленных офицеров, включая трех других генералов.

Предложение Клеберна начиналось с прямой оценки военной ситуации. После почти трех лет боев, несмотря на большое кровопролитие и потерю сокровищ, Югу нечем было похвастаться за свои жертвы, кроме “длинных списков погибших и искалеченных”. Долгожданные победы “неизменно ускользали”, оставляя Конфедеративную нацию, которая “сегодня была зажата менее чем на двух третях” своей территории, в то время как “враг угрожающе противостоит нам в каждой точке превосходящими силами”. Последствия этих фактов вызывали глубокую

тревогу. “Наши солдаты, ” писал Клебурн, - не видят конца такому положению дел, кроме как в нашем собственном истощении”. Среди них росло убеждение, что “какая-то черная катастрофа не за горами”. Число дезертирств росло, поставки перебоевали, и “если это состояние продлится еще долго, мы будем порабощены”.¹³

Обращаясь к анализу, Клебурн привел три причины острого кризиса Конфедерации. Сначала были “цифры”, “неполноценность наших армий по сравнению с армиями противника” в численности войск. Тесно связанным с этой фундаментальной проблемой был тот факт, что противник мог черпать войска из “нескольких источников”, в то время как у Конфедерации был только “единственный источник” людей. Линкольн набирал рекрутов из большого числа коренного белого населения Севера, а также из иммигрантов из Европы. Кроме того, он объявил, что “армия из 100 000 негров, не хуже любых других войск”, уже проходит подготовку. Для сравнения, Юг мог рассчитывать только на “ту часть наших белых мужчин, которая пригодна к службе и сейчас не в строю”. Третья проблема, откровенно заявил Клебурн, заключалась в “том факте, что рабство” больше не было преимуществом, но “теперь стало, с военной точки зрения, одним из наших главных источников слабости”. Мало того, что Север набирал в свои армии рабов-южан, но и на Юге этот институт стал “нашим самым уязвимым местом ... коварной слабостью”.¹⁴

Рабство подрывало волю конфедератов к сопротивлению в любом населенном пункте, столкнувшемся с вторжением Союза, объяснил Клебурн. Где бы ни угрожали силы Профсоюзов, “белые больше не могут, не опасаясь за свою собственность, открыто сочувствовать нашему делу”. Вместо этого они боялись своих рабов и вскоре “дали клятву беречь собственность”. В результате они “стали для нас мертвыми, если не открытыми врагами”. Более того, армии Конфедерации пришлось рассредоточить свои силы, чтобы попытаться предотвратить набеги на районы с преобладанием рабовладельческого населения. Рабство стало “сравнительно бесполезным для нас в качестве рабочей силы”, но принесло большую пользу армии Союза, поскольку рабовладельческое население представляло собой “вездесущую шпионскую систему”. Рабы рассказали все, что знали, федеральным войскам и различными способами помогли Северу.¹⁵

Средства правовой защиты, предложенные президентом Дэвисом, просто не сработают, заявил Клебурн. Дэвис объявил о плане вернуть в армию всех тех, кто ненадлежащим образом отсутствовал, положить конец замене (которая позволяла призывникам нанимать человека на их место) и отправить на передовую более подготовленных или освобожденных от службы людей. Но “опыт доказывает”, заявил Клиберн, что из молодых парней и стариков не получатся эффективные солдаты. Устранение замещения коснулось бы только тех, кто хотел избежать службы. Такие люди были бы “невольными и недовольными солдатами”, и они были уверены, что прекращение замены будет расценено как “нарушение веры”. Более того, как признал сам Дэвис, многие льготы были необходимы для военных действий, как в сельскохозяйственном, так и в экономическом плане, и высылка некоторых освобожденных мужчин обойдется недешево. Более того, меры Дэвиса никак не повлияют на создание резерва для Конфедерации, резерва, необходимого “для отражения неожиданной катастрофы или для обеспечения затяжной борьбы”. Завершая свое обвинительное заключение, Клебурн указал, что ошибочный план Дэвиса касался только первой из трех проблем Конфедерации; в нем игнорировались как вербовка иммигрантов и чернокожих на Севере, так и тот факт, что рабство стало “коварной слабостью”.¹⁶

Необходимое средство было ясным, хотя и шокирующим. Клебурн предложил, “чтобы мы немедленно приступили к обучению большого резерва самых отважных наших рабов и, кроме того, чтобы мы гарантировали свободу в разумные сроки каждому рабу на Юге, который останется верен Конфедерации в этой войне”. Чтобы поддержать свое предложение, Клебурн подчеркнул, что Юг стоит перед отчаянным выбором, выбором “между потерей независимости и потерей рабства”. Он утверждал, что в крайнем случае южане сделают правильный выбор. “Каждый патриот добровольно откажется от последнего — скорее откажется от негритянского раба, чем сам станет рабом”.¹⁷

Расхваливая выгоды, которые могли бы проистечь из такой революционной политики, Клебурн продолжал приводить откровенные, неожиданные и оптимистичные аргументы. Англия и европейские нации были против рабства, но освобождение Конфедерации могло вызвать “полное изменение” в “симпатиях мира”. Дома это лишило бы белых северян ощущения “особой миссии”, а черных - мотива бороться за Профсоюз. Тогда Юг мог бы собрать “армии, численно превосходящие армии Севера”, плюс резерв и “перейти в наступление”. Федеральные войска больше не обнаружили бы, что “каждый дом окружен шпионами”. Вместо этого “симпатии” афроамериканца были бы “связаны с его родным Югом”.

Затем Клиберн честно признал то, о чем мало кто из южан когда-либо позволял себе думать: “В течение многих лет ... негр мечтал о свободе”. Более того, он утверждал, “надежда на свободу, возможно, является единственным моральным стимулом, который может быть применен к нему в его нынешнем состоянии”. Этот дальновидный генерал утверждал, что рабы будут сражаться и что Юг может предложить чернокожему солдату больше, чем Север: место в “его старом доме” на Юге. Поэтому конфедераты должны “немедленно” предоставить юридическую защиту “брачным и родительским отношениям” рабов и начать набор чернокожих военнослужащих. “Нам необходимо больше бойцов”, - напомнил Клиберн своему начальству, и “мы можем добиться достаточности, только заставив негров разделить опасность и тяготы войны”. В заключение он предупредил об опасности того, что “эта уступка здравому смыслу может прийти слишком поздно”.¹⁸

Будет ли рассмотрено смелое предложение Клеберна? Противоречивый характер таких идей, несомненно, вызвал бы споры среди белых южан, но сначала возник вопрос, будут ли его аргументы вообще представлены общественности. Ответ на этот вопрос зависел от Джефферсона Дэвиса. Дэвису, с его характером и взглядами, предстояло сделать выбор между подавлением такого радикального и неожиданного предложения или включением его в политическую повестку дня.

Выбор времени был важен для президента Дэвиса, и в январе 1864 года он быстро решил, что сейчас неподходящее время для начала того, что, несомненно, будет жаркой и ожесточенной дискуссией. Хотя генерал Джозеф Джонстон пытался отклонить предложение Клеберна на том основании, что оно “носило скорее политический, чем военный характер”, другой офицер, возмущенный ересью Клеберна, переслал оскорбительный документ Дэвису. “Наилучшей политикой в сложившихся обстоятельствах,” заключил президент, - будет избегать любой огласки”. Поэтому он попросил военного министра написать Джонстону, “попросив его передать заинтересованным лицам мое желание, чтобы это оставалось в тайне”. Дэвис надеялся, что “если это не попадет в публичные журналы, то его пагубный эффект будет намного уменьшен”.¹⁹

Хотя Дэвис действовал быстро, примечательно, что он не стал критиковать идеи Клеберна. Вместо этого он заговорил об опасностях публичности, опасаясь, что обсуждение “такого предмета” в то время “нанесло бы вред государственной службе”, поскольку это нанесло бы ущерб “единству и гармонии”. Эта точка зрения отражала вопрос времени и требования его стратегии на 1864 год. Все это время фундаментальная стратегия Дэвиса по обретению независимости зависела от того, что Конфедерация переживет решимость Союза подавить восстание. Он всегда утверждал, что Юг не желает территориальных приобретений и просто хочет, чтобы его оставили в покое. Горькое разочарование на многочисленных полях сражений укрепило его подозрения в том, что Конфедерация недостаточно сильна, чтобы доминировать над Соединенными Штатами в военном отношении, и 1863 год принес серьезные неудачи.

Тем не менее, с началом нового года были основания для оптимизма. Северяне тоже испытывали разочарование. Росла усталость от войны из-за дорогостоящего конфликта, который, казалось, никогда не будет выигран, и внутри Демократической партии материализовалось сильное миротворческое крыло, которое работало над тем, чтобы контролировать позиции партии. На Севере приближались выборы 1864 года. Стойкая оборона Конфедерации могла подпитать стремление северян к миру, помочь сторонникам мира и способствовать избранию президента-демократа, который объявил бы перемирие. Таким образом, Дэвис надеялся, что Юг сможет обрести независимость в 1864 году. Он не мог допустить, чтобы внутренняя ссора из-за рабства разрушила имидж, который он надеялся создать, образ решительной, сплоченной Конфедерации, оказывающей решительное сопротивление армиям Союза.²⁰

Реакция Дэвиса на суть предложения Клеберна была благоприятной. Взгляды президента Конфедерации на будущее рабства выросли из его личного опыта и его представлений о природе рабов и рабства на Юге. И его идеи, и его опыт были нетипичными, даже несоответствующими многим условиям его общества. Вскоре они позволили президенту Конфедерации двигаться в направлениях, которые большинству элиты показались бы поистине революционными. Варина Хауэлл Дэвис, жена президента, позже написала, что с самого начала войны ее муж верил, что рабство обречено. “Я думаю, что наша собственность на рабов рано или поздно будет потеряна”, - сказал он ей, отметив, что даже если Конфедерация добьется своей независимости, потребуется “огромная постоянная армия”, чтобы держать рабов в рабстве. Возможно, Варина Хауэлл Дэвис преувеличила, вспоминая события с послевоенной точки зрения после того, как эмансипация стала фактом. Но нет никаких сомнений в том, что предыдущий опыт Джефферсона Дэвиса, особенно с его братом, заставил его мыслить более гибко, чем многих других выдающихся южан.

Джозеф Эмори Дэвис, старший брат президента, был отцовской фигурой и наставником для молодого Джефферсона после смерти их отца. Джозеф Дэвис, уже зарекомендовавший себя как богатый плантатор на Миссисипи, добился назначения своего младшего брата в Вест-Пойнт, а позже предоставил ему плантацию Брайарфилд, когда Джефферсон уволился из вооруженных сил США. Брайарфилд и Харрикейн были крупными семейными плантациями, расположенными в Дэвис-Бенд, на реке Миссисипи, и там будущий президент Конфедерации нашел необычную систему обращения с рабами и принял в ней участие, которая, несомненно, повлияла на его взгляды и практику.²¹

В 1825 году Джозеф Дэвис встретился и беседовал с Робертом Дейлом Оуэном, социальным реформатором и теоретиком. Очевидно, видение Оуэном сотрудничества как ключа к идеальному обществу очаровало южанина. Джозеф Дэвис адаптировал идеи Оуэна к своим плантациям, где в 1830-х годах у него было более 200 рабов, а к 1860 году - 345. Полагаясь на хорошее обращение и стимулы, Джозеф Дэвис запретил наказание, если только оно не было назначено судом присяжных, состоящим из рабов. Обвиняемому всегда разрешалось давать показания в свою защиту, и роль Дэвиса обычно заключалась в смягчении вынесенных приговоров. Он давал своим рабам возможность приобрести навыки и поощрял их работать на себя и зарабатывать деньги после выполнения своих заданий на плантации. Некоторые люди выращивали цыплят или овощи, в то время как другие рубили дрова на болотах. Эти продукты продавались либо проходящим пароходам, либо семье Дэвисов и другим плантаторам поблизости. Один раб, Бен Монтгомери, основал процветающий магазин, которому покровительствовали как местные белые, так и чернокожие, и управлял им. Он также помогал Джозефу Дэвису с перепиской последнего и юридическими записками, обследовал землю и спланировал дамбы, спроектировал здания для плантации и управлял хлопкоочистительным заводом и паровой техникой. В конце концов, Бен Монтгомери стал “коммерческим агентом для всей плантации, освобождая своего хозяина от большей части рутинной работы”.²²

По словам одного историка, “старшие и более ответственные рабы” составляли жюри на плантации Джозефа Дэвиса, и Джефферсон Дэвис перенял эту практику среди своих рабов. Всякий раз, когда раба обвиняли в проступке, младший Дэвис, как известно, всегда говорил: “Я попрошу его рассказать мне об этом”. Джефферсон Дэвис также разрешал своим рабам брать столько кукурузы, сколько им требовалось для себя и своих цыплят. Он нанял врачей и дантиста (необычный шаг в то время), чтобы приехать на плантацию из Висксбурга. Для развлечения два брата одолжили своим рабам ружья и охотились с ними на оленей и медведей. По словам его жены, Джефферсон считал, что “единообразие и мягкость [лучше] строгости”, и у него был свой эквивалент Бена Монтгомери в рабе по имени Джеймс Пембертон. Пембертон управлял рабской рабочей силой в качестве надсмотрщика и взял на себя управление плантацией, когда растущая политическая карьера Дэвиса увезла его в Вашингтон. Джеймс Пембертон исполнял эту роль до своей смерти от пневмонии в 1850 году.²³

Очевидно, что Джефферсон Дэвис был меньшим социальным новатором, чем его брат, который, по мнению одного из его поручителей, “считал рабство злом, от которого было неприятной проблемой избавиться”. По мере того как младший Дэвис приобретал известность в политике Юга, он разработал довольно стандартный набор общественных оправданий рабства, утверждая, что это положительное благо. Он заявил, что рабство было наилучшим из возможных условий для предположительно неполноценных чернокожих людей и институтом, который возвышал белых, не являющихся рабовладельцами, и приносил им пользу. Тем не менее, условия и практика на плантациях обоих братьев Дэвис были в высшей степени необычными. Подозрительные и критически настроенные соседи отпускали сардонические шуточки по поводу “свободных негров” Дэвисов и говорили, что двум братьям нужно будет расширить свои хлопковые ряды, чтобы вместить юбки-обручи сборщиков. Сын Бена Монтгомери позже сказал одной северной газете: “Мы едва имели представление о том, что такое рабская жизнь”.²⁴ Эти факты, несомненно, дали Джефферсону Дэвису более широкий взгляд на рабов и институт рабства, чем у большинства плантаторов и политиков Юга.

В последние месяцы 1864 года проявилась гибкость мышления президента Конфедерации, а также его непоколебимая приверженность независимости. После падения Атланты на Юге воцарилась мрачная депрессия, в то время как на Севере переизбрание Линкольна было обеспечено. “Надежды нет”, - написала Мэри Чеснат, а Дж. Б. Джонс назвал “потерю Атланты ... ошеломляющим ударом”. “Нежно лелеемые видения мира”, которые были у него и других южан, теперь “исчезли, как мираж в пустыне”. Несколько недель спустя Джефферсон Дэвис отправился в поездку по Джорджии, Алабаме и Южной Каролине. Его цель была двоякой: заблокировать ходившие по слухам попытки лидеров Джорджии встретиться с генералом Шерманом, чтобы положить конец боевым действиям в их штате, и вдохновить конфедератов на возобновление сопротивления. В это время для хладнокровного реализма Дэвис столкнулся лицом к лицу с фактами. В Мейконе, штат Джорджия, он признал, что “две трети наших людей отсутствуют - некоторые больны, некоторые ранены, но большинство из них отсутствуют без отпуска”. Обещая помилование, он призвал солдат вернуться, предупредил южан о зле порабощения и заявил, что “мы можем победить врага”.²⁵ Но слова Дэвиса не возымели очевидного эффекта. Линкольн был бы переизбран, и наступление профсоюзов продолжилось бы. Пришло время пересмотреть аргументы Патрика Клебуна.

В настоящее время в рядах Юга насчитывалось лишь четверть военнослужащих федеральных сил, и глава Бюро по призыву за несколько месяцев до этого сообщил, что больше “свежих материалов для армий” найти не удалось. Фактически, он рекомендовал, чтобы в свете этой реальности “функции этого Бюро могли прекратиться с окончанием 1864 года”. Джозайя Горгас, начальник отдела боеприпасов, пришел к выводу, что “Нет никакой помощи, кроме использования негров, предоставления им свободы”. Другие писали Джефферсону Дэвису и его администрации, некоторые с нетерпением. “Не пора ли сейчас завербовать негров?” - спрашивалось в одном письме. Генри Аллен, губернатор Луизианы, посоветовал военному министру Джеймсу Седдону, что “пришло время призвать в армию каждого трудоспособного негра в качестве солдата”. Аллен убедил пятерых других губернаторов присоединиться к нему в более расплывчатом заявлении, в котором говорилось, что присвоение Профсоюзом рабов-южан, по-видимому, “оправдывает изменение политики с нашей стороны,” и что власти Конфедерации должны “направить такую часть” рабов “на государственную службу, какая может потребоваться”. В конце октября несколько газет, включая *Richmond Enquirer*, выступили с призывом “сделать [рабов] солдатами и дать свободу тем неграм, которые избежали боевых потерь”. Было “необходимо” использовать рабов “или отказаться от борьбы за независимость”, - писала *razema Charlotte Democrat*.²⁶

Руководствуясь этими необычными и непопулярными предложениями, Джефферсон Дэвис затронул эту тему, но в политически осторожной манере. В своем обращении к Конгрессу 7 ноября 1864 года он предложил “радикальную модификацию теории права”. Ранее правительство Конфедерации нанимало рабов или производило принуждение к труду, но каждый раб также имел “другое отношение к государству — отношение личности”. Эти люди должны быть призваны поддержать военные усилия. Дэвис утверждал, что, учитывая подготовку, связанную с некоторыми военными работами, и опасности службы, имело смысл покупать рабов и увеличивать численность чернокожих военных рабочих Конфедерации до 40 000 человек. Спросив, на каких условиях должны содержаться эти рабы Конфедерации, он затем прямо порекомендовал освободить их в качестве награды за верную службу и разрешить остаться на Юге, где, по его мнению, у них была мощная “местная привязанность”. Но Дэвис не призывал вооружать рабов и использовать их в качестве солдат — по крайней мере, пока.

“Использование рабов в качестве солдат для защиты своих домов” было, по его словам, “оправданным в случае необходимости”, хотя в настоящее время он не считал это необходимым. “Но если когда-либо будет представлена альтернатива подчинения или использования раба в качестве солдата”, - заявил Дэвис, - “нет причин сомневаться в том, каким тогда должно быть наше решение”. Здесь Дэвис использовал как патриотизм, так и холодную логику, поскольку, как отметил *Ричмондский страж*, “Порабощение означает освобождение”.²⁷

Осторожная формулировка обращения Дэвиса была обманчивой. Вскоре его администрация тихо организовала кампанию, направленную против законодателей Конгресса и штата. Цель состояла в том, чтобы добиться принятия закона о вооружении рабов, освободить их после прохождения службы и, в конечном счете, освободить их семьи и позволить всем остаться на Юге. Тем не менее, каким бы радикальным ни был этот план для Конфедерации, он сохранял традиции в расовых вопросах. В письмах ряду видных политиков ближайший советник Дэвиса, госсекретарь Джуда Бенджамин, объяснил, что имела в виду администрация. Для афроамериканцев главной выгодой было бы освобождение чернокожих солдат после завершения ими службы. После этого администрация Дэвиса намеревалась защищать превосходство белых. “Следующий шаг”, - написал Бенджамин,

тогда Штаты, каждый сам за себя, должны будут решить вопрос о надлежащем статусе семей освобожденных таким образом мужчин. Осторожное законодательство, предусматривающее их окончательное освобождение после промежуточного состояния рабства или пеонажа, вскоре нашло бы сторонников в разных штатах. Тогда мы могли бы, отстаивая нашу веру в доктрину о том, что негры являются низшей расой и непригодны для социального или политического равенства с белым человеком, в то же время настолько изменить и улучшить существующее положение этой низшей расы, предоставив ей определенные права собственности, определенную степень личной свободы и юридическую защиту супружеских и родительских отношений, что избавили бы наши институты от многого, что не только несправедливо и невежливо само по себе, но и рассчитано на то, чтобы навлечь на нас ненависть и порицание цивилизованного человека.²⁸

Таким образом, предложение администрации будет включать некоторые реформы, за которые выступают такие министры, как Кэлвин Уайли и Джеймс Лайон. Но это объединило бы эти реформы с будущим статусом крепостничества или феодализма, который продлился бы в течение некоторого неуставленного периода до “окончательной” эмансипации.

Учитывая историю Юга, эта формула предполагала бессрочное подчинение или статус пеонажа. Разговоры об окончательной эмансипации были основным предметом дискуссий южан на протяжении поколений. Лидеры Юга, от Отцов-основателей до Роберта Э. Ли в 1850-х годах, выражали смутные, неопределенные надежды на то, что рабство исчезнет либо со временем, либо благодаря непредсказуемому вмешательству Создателя. Подобные дискуссии никогда не приводили к действиям. Что было реальным и практичным в видении Бенджамина, так это продолжение расового угнетения и превосходства белых. “Крепостничество или пионаж” означало решимость сохранить афроамериканцев в статусе, мало отличающемся от рабства. Эти три слова были предварительным просмотром послевоенных Черных Кодексов и последующего создания системы сегрегации Джима Кроу. Историк Брюс Левин назвал их интеллектуальным и “программным мостом” к будущей расовой дискриминации.²⁹

Направленный на отсрочку освобождения и сохранение контроля белых над чернокожими южанами, план администрации охватывал расовые установки, которые были почти универсальными среди белых южан, включая тех, кто выступал за вооружение и освобождение рабов. Генерал Клебурн, например, сам пришел к очень похожим взглядам. Примерно в то время, когда он готовил свое предложение, он обсуждал будущее с конгрессменом Конфедерации из Теннесси. Хотя Клиберн “считал, что рабству пришел конец”, он предполагал, что экономические реалии и “мудрое законодательство” “вынудят” бывших рабов “зарабатывать себе на жизнь трудом”. Более того, у белых южан была возможность “навсегда сформировать отношения между белой и цветной расами”. Вместо того чтобы ждать победы янки, которая принесет “равенство и объединение”, конфедератам следует действовать так, чтобы они могли “контролировать негров, и ... они по-прежнему будут нашими рабочими, как и сейчас; и, по сути, будут нашими слугами с меньшими затратами, чем сейчас”. Слова Клеберна перекликались с идеями, которые Авраам Линкольн на Севере высказал генералу Макклернанду. Предположение о том, что превосходство белых неизменно, заразило обе части страны и трагическим образом определит будущее. В Конфедерации в начале 1865 года это убедило бы многих, кто выступал против плана администрации, в том, что никакие изменения в рабстве невозможны.

Главным представителем в правительственной кампании — самым влиятельным голосом — был бы Роберт Э. Ли, а не Джефферсон Дэвис. Представляется вероятным, что президент Конфедерации предпочел остаться на заднем плане, чтобы дать своим идеям больше шансов на успех. Дэвис был популярен на посту президента в первые безмятежные дни существования Конфедерации, но его популярность продержалась недолго. Оппозиция и недовольство его выступлениями стали на удивление сильными еще в 1862 году, и зима 1864-65 годов ознаменовалась пиком его влияния. В то время как большая часть политической элиты говорила о возможности отстранения Дэвиса и замены его у власти каким-нибудь генералиссимусом, президент мудро держался в тени и предоставил адвокатию генералу Ли.³⁰ По мере того, как положение Конфедерации становилось все более отчаянным, восхищение Ли возрастало. Когда федеральные армии приблизились, он стал единственной надеждой нации, и очень немногие были готовы выступить против него. Поскольку общественный имидж Ли практически не подвергался критике, он явно был самым эффективным защитником предложения, которое, несмотря на свой расизм, было еретическим по сравнению с довоенными верованиями.

Как только Дэвис обратился к Конгрессу, в Конфедерации разразилась буря ожесточенных дебатов и протестов. Этим шагом его администрация пошла на большой риск и развязала более масштабную полемику, чем все, на что отваживался Авраам Линкольн во время войны. В сознании многих белых конфедератов рабство было необходимо обществу. Правительство Дэвиса бросило вызов одной из фундаментальных ценностей страны и выбросило священный институт за окно. По мнению многих, правительство предложило отказаться или, по крайней мере, серьезно скомпрометировать дело, ради которого Юг отделился и начал войну.

Враждебная реакция последовала незамедлительно. По целому ряду причин политики, редакторы и рабовладельцы осудили и отвергли эту идею. Некоторые имели неосторожность утверждать - перед лицом отчаянного положения Конфедерации, — что солдаты-рабы просто не нужны. Представитель штата Миссисипи Х. К. Чемберс высоко оценил “доблесть, постоянство и выносливость наших граждан-солдат”. Он утверждал, что армия, состоящая только из белых

мужчин, по-прежнему будет “достаточной гарантией прав Штатов и независимости Конфедеративных штатов”. Конгрессмен от Флориды Сэмюэл Роджерс не видел “ничего в нынешнем аспекте наших военных дел, что могло бы оправдать опасный эксперимент по использованию рабов в наших армиях в качестве солдат”. Конгрессмен Уильям Г. Суон из Теннесси представил резолюцию, в которой говорилось, что “в настоящее время не существует и вряд ли возникнет необходимости в военных делах Конфедеративных штатов, которая оправдывала бы использование негритянских рабов в армии в качестве солдат”. Некоторые газеты согласились с этим. В ноябре 1864 года “*Ричмондская депеша*” нереалистично провозгласила, что перспективы Конфедерации “ярче, чем они были когда-либо с начала войны”. Два месяца спустя, когда до конца войны оставалось всего десять недель, *Richmond Examiner* утверждал, что опасность разгрома южных армий “миновала”.³¹

Другие оппоненты предпочли возразить, что огромные негативные последствия плана перевесят любые выгоды. Конгрессмен Томас С. Холсон из Вирджинии, выступавший против этой меры по многим причинам, указал, что лидеры Юга слышали “крики женщин и детей, умоляющих о хлебе”. Поскольку рабы выращивали большую часть продовольственного урожая Юга, зачем, спрашивал Холсон, расширять армию только для того, чтобы “распустить ее из-за нехватки продовольствия”? Ссылаясь на потребности в средствах к существованию, *Wilmington Journal* также утверждала, что призыв рабов в армию был бы “хуже, чем грубой ошибкой — это было бы политическим преступлением”. Другим негативным эффектом, заявляли эти критики, будет деморализация белых войск. Представитель Х. К. Чемберс предсказал, что белые солдаты покинут армию, если будут набраны черные войска, а сенатор Конфедерации Р. М. Т. Хантер из Вирджинии утверждал, что белые солдаты не могут обладать “тем постоянством, которое должно вдохновлять войска в час битвы, когда они знают, что их фланги удерживают негры”. Просить белые войска сражаться с неграми, писала *North Carolina Standard*, было “оскорблением”. Роберт Барнуэлл Ретт из Южной Каролины опубликовал открытое письмо, в котором задал риторический вопрос: “Будут ли наши солдаты сражаться бок о бок с рабами?” Для Ретта ответ был явно отрицательным. *Charleston Mercury* согласилась, насмехаясь над тем, что белые солдаты ее штата “не будут сражаться бок о бок с ниггером”.³²

Уязвленные неожиданным предложением правительства, некоторые конфедераты поспешили заявить, что оно неконституционно. Губернатор Джорджии Джозеф Э. Браун настаивал на том, что национальное правительство не имело “права производить впечатление и платить за раба”, чтобы “освободить его”. Признать такое право, возражал Браун, означало бы “признать свою власть по отмене рабства”, а “ни один рабникогда не может быть освобожден правительством Конфедерации без согласия Штатов”. Р. М. Т. Хантер согласился с тем, что “согласно Конституции, правительство не имело полномочий вооружать и освобождать рабов”. *Richmond Dispatch* назвала идеи Дэвиса “абсолютно неконституционными”. *Газета Galveston Tri-Weekly News* не могла представить себе “действия правительства Конфедеративных штатов, более несанкционированного и более опасного”, чем освобождение рабов за достойную службу. В резолюции, внесенной в законодательное собрание Вирджинии, цитировалось конституционное положение о том, что “конгресс не должен принимать никаких законов, ущемляющих право собственности на негритянских рабов”. В резолюции утверждалось, что Конгрессу было бы неконституционно вооружать и освобождать рабов, и законодательному собранию штата было бы неразумно делать это. Аналогичным образом, Палата представителей Северной Каролины отрицала, что Конгресс имел право “производить впечатление на рабов с

целью их вооружения или подготовки к вооружению в любых непредвиденных обстоятельствах без свободного согласия Штатов и только в соответствии с законодательством штата”.³³

За всеми этими возражениями скрывались шок и возмущение тем, что правительство Конфедерации попытается освободить рабов. Для большинства рабовладельцев целью Конфедерации была защита рабства. Они рассматривали предложения администрации как ошеломляющее предательство, незаконное и немыслимое. “Рабство было поводом войны, - говорилось в письме в *Macon Telegraph*, и ”каждая жизнь, потерянная в этой борьбе, была подношением на алтарь африканского рабства”. Конфедерация забывала “принципы”, ради которых она была учреждена, обвинил этот автор, добавив, что государственный суверенитет был всего лишь “броней, которая прикрывала ее особый институт”. “Африканец принадлежит к низшей расе, нормальным состоянием которой является рабство”, - настаивал *Чарльстон Меркьюри*. Размышлять о его освобождении означало превратить “основание нашего института в зыбучий песок”. *Richmond Dispatch* согласилась: “Мы отказываемся от всего вопроса, когда принимаем эту меру”. *Ричмондские виги* обвинили Дэвиса в отрицании “мнения, которого придерживается весь Юг ... что рабство является божественно установленным условием для высшего блага раба”. “Существование негритянского солдата, - заявила *Richmond Examiner*, “ полностью несовместимо с нашими политическими целями и с нашей социальной, а также политической системой”. Автор *Richmond Sentinel* возразил, что отношение к афроамериканцу как “равному партнеру в борьбе за наши права было бы фатальным для идеи, лежащей в основе всей нашей системы”. “Если из рабов получают хорошие солдаты, - протестовал Хауэлл Кобб из Джорджии, - то вся наша теория рабства неверна”. Предложения Дэвиса “противоречили всем нашим наследственным взглядам, политике и традициям”, - заявила газета *Macon Telegraph and Conservative*. Газета из Вирджинии предупреждала, что свобода принесет равенство. Другие присоединились к Роберту Барнуэллу Ретту-младшему в предсказании ужасов смешения рас. “Храбрый солдат, сражающийся за превосходство своей расы, не потерпит ничего подобного”, - заявил Ретт. “Он не хочет, чтобы здесь были ни хейти, ни Сан—Доминго, ни дворняги в его семье, ни смешение его крови”.³⁴

Оппоненты также утверждали, что чернокожие не будут сражаться. Уильям Порчер Майлз из Южной Каролины, возглавлявший комитет по военным вопросам Палаты представителей Конфедерации, считал, что “негр по натуре непригоден для солдата”. *North Carolina Standard* назвала афроамериканцев “недружелюбной и сравнительно невинной расой”, в то время как *Memphis Appeal* назвала их “робкой расой”.³⁵

Но преобладающим мнением было то, что вооружить и освободить рабов означало бы отказаться от дела. “Мы не хотим конфедеративного правительства без наших институтов”, - гремел *Charleston Mercury*. “Наша независимость, ” рассудил губернатор Северной Каролины Зебулон Вэнс, - в первую очередь желательна для сохранения наших политических институтов, главным из которых является рабство”. А житель Техаса пришел к выводу, что “независимость без рабства не имела бы ценности”. “Юг без рабства, - чувствовал он, - не стоил бы и выеденного яйца”.³⁶

Джефферсон Дэвис, без сомнения, ожидал ожесточенного сопротивления, и это его не остановило. Скорее, он настаивал на расширении своей инициативы, а затем работал над получением большей политической поддержки. Чтобы расширить свой план, он

сосредоточился на дипломатическом фронте. Гораздо раньше, после падения Нового Орлеана в 1862 году, Дункан Кеннер, богатый плантатор и конгрессмен из Луизианы, был заинтригован идеей использования постепенной эмансипации в качестве рычага для получения признания со стороны Англии и Франции. Он предложил свою идею президенту Дэвису и государственному секретарю Бенджамину в 1863 году только для того, чтобы они отговорили его от каких-либо действий. Но в конце 1864 года Дэвис и Бенджамин почувствовали, что время пришло. Они подготовили верительные грамоты и инструкции для Кеннера и отправили его в Европу предложить Англии и Франции, чтобы Конфедерация отменила рабство в обмен на признание. Миссия Кеннера шокировала послов Джеймса Мейсона и Джона Слайделла, но они помогли ему организовать встречу с официальными лицами двух европейских правительств. В беседах с французскими официальными лицами Кеннер встретил поддержку. Французский император, очевидно, был готов предоставить признание, если Англия сделает то же самое. Но британское правительство решительно отвергло предложение Кеннера, и, таким образом, его попытка заручиться иностранной поддержкой ни к чему не привела.³⁷

В то время как зарубежная миссия Кеннера была в разгаре, правительство использовало свое самое мощное оружие во внутренней борьбе за привлечение черных войск: Роберта Э. Ли. Генерал Ли, один из первых сторонников мобилизации черных войск, не нуждался в одобрении плана Дэвиса, но до этого момента он выражал свои взгляды только в частном порядке. В октябре 1864 года, еще до обращения Дэвиса к Конгрессу, Уильям Порчер Майлз попросил Ли поделиться своими взглядами с Комитетом по военным вопросам Палаты представителей Конфедерации. Майлз знал, что идея вооружения рабов серьезно рассматривается, и он поинтересовался мнением Ли, объяснив, что “настаивая на какой-либо мере в Палате представителей, самым сильным аргументом, который мы можем предложить в ее поддержку, является “Благородство”. Ли считает это очень желательным”. Хотя текст ответа Ли Майлзу был утерян, очевидно, чего добивался генерал. В ответе, датированном 3 ноября 1864 года, Майлз поблагодарил Ли за “очень полное и интересное письмо в ответ на мое” и отметил: “Ваше мнение кажется зрелым и решительным”. Тем не менее Майлз объяснил, что лично у него были “серьезные опасения относительно вопроса о негритянских войсках”, и ему не хотелось продвигаться вперед. Майлз сомневался в “эффективности” черных войск и был обеспокоен “влиянием такой меры на нашу политическую и социальную систему”. Он предвидел “яростное противодействие” этой идее и считал, что даже если Конгресс согласится, было бы разумно “действовать осторожно и постепенно”. В качестве альтернативы Майлз предложил Ли, что, возможно, Конгресс мог бы санкционировать набор 50 000 или 60 000 афроамериканских “саперов и шахтеров” и направить больше чернокожих на работу в армию в качестве “поваров, погонщиков, артиллеристов и т.д.”. С ужесточением правил в отношении исключений и подробного описания солдат он с надеждой спросил: “Разве этого не будет достаточно для следующей кампании?”³⁸

Генерал Ли знал, что этого не произойдет. В отличие от представителя Майлза, который впоследствии стал решительным противником плана Дэвиса, Ли понимал, что Конфедерация столкнулась с окончательным кризисом, и он был готов внести далеко идущие изменения, чтобы добиться независимости. В разгар своих неотложных и отвлекающих военных обязанностей он продолжал выступать за вооружение и освобождение рабов, и его взгляды стали известны среди политических лидеров. 11 января 1865 года он довольно полно высказался Эндрю Хантеру, законодателю штата Вирджиния. Ли описал “отношения хозяина и раба” под влиянием “гуманных законов ... христианства и просвещенных общественных

настроений” как “лучшее, что может существовать между белой и черной расами” на Юге. Поэтому, объяснил он, он предпочел бы не беспокоить это учреждение, но возникла необходимость использовать черные войска, чтобы предотвратить “еще большее бедствие”. Линкольн освобождал рабов и пополнял свои могущественные армии чернокожими солдатами, и “таким образом, его прогресс увеличит его численность и в то же время уничтожит рабство способом, наиболее пагубным для благосостояния нашего народа”. Южане должны сами покончить с рабством, поскольку “мы можем изобрести средства смягчения пагубных последствий для обеих рас”.³⁹

Без всяких оговорок Ли заявил: “Мы должны задействовать [черные войска] без промедления”. Он утверждал, что из-за их привычек “повиновения и субординации” и влияния белого человека на поработленную расу рабы могут “стать эффективными солдатами”. Но он также считал, что “нашей главной целью должно быть обеспечение их верности”. Как командир, он хотел иметь армию из людей, “личный интерес” которых делал бы их преданными делу. “Такой интерес, ” заметил Ли, - мы можем предоставить нашим неграм, предоставив немедленную свободу всем, кто вступает в армию, и свободу по окончании войны семьям тех, кто добросовестно выполняет свои обязанности (выживут они или нет), вместе с привилегией проживания на Юге. К этому можно было бы добавить награду за верную службу. В отличие от тех конфедератов, которые утверждали, что рабы должны бороться за сохранение рабства,⁴⁰ Ли реалистично указал, что Конфедераты не могут ожидать, что рабы будут сражаться “за предполагаемую свободу, когда они могут обеспечить ее сразу, перейдя на сторону врага, на службе у которого они подвергнутся не большому риску, чем на нашей”. Более того, он выступал за освобождение всех рабов. “Лучшим средством обеспечения эффективности и преданности этих вспомогательных сил, ” писал Ли, - было бы сопровождать эту меру хорошо продуманным планом постепенного и всеобщего освобождения”. Повторив, что эти меры нанесут вред врагу, укрепят армию Конфедерации, принесут “политические преимущества” делу и сделают чернокожих южан более лояльными, Ли призвал к законодательным действиям “немедленно”.⁴¹

Ли также повторил свои аргументы в пользу вооружения и освобождения рабов перед членами Конгресса Конфедерации. Его письмо представителю штата Миссисипи Этельберту Барксдейлу стало достоянием общественности в последние недели февраля 1865 года. “Использование негров в качестве солдат, - категорично заявил Ли, - было ”не только целесообразным, но и необходимым”. Белого населения Юга было просто недостаточно. Армия нуждалась в достаточном количестве войск “для затяжной борьбы”, и командование Союза, несомненно, использовало бы рабов против Конфедерации, если бы она не использовала их для собственной защиты. Повторив, что из рабов получатся хорошие солдаты, он написал: “Я думаю, что те, кто нанят, должны быть освобождены. По моему мнению, было бы несправедливо и неразумно требовать от них служить в качестве рабов. Мне кажется, лучшим выходом было бы позвать тех, кто готов приехать с согласия своих владельцев ”. Он призвал Конгресс санкционировать их зачисление и уполномочить президента “призывать отдельных лиц или штаты вносить такой вклад, какой они готовы внести, с условием эмансипации для всех зачисленных”. Ли предсказал, что успех заставит замолчать возражения против этой политики, и “если отдельные люди по-прежнему не захотят отправлять своих негров в армию, сила общественного мнения в Штатах вскоре приведет к принятию такого законодательства, которое устранит все препятствия”. Ли призвал оставить “этот вопрос ... насколько это возможно, на усмотрение народа и штатов, которые одни могут издавать законы в соответствии с потребностями этой конкретной службы”, то есть издавать законы об освобождении рабов.

Таким образом, администрация могла обойти возражения штата против действий на национальном уровне, и Дэвис тесно сотрудничал с губернаторами, сочувствующими правительству, такими как Уильям Смит из Вирджинии, чтобы обеспечить принятие соответствующих законов на уровне штатов.⁴²

Конгресс проявил крайнюю неохоту отказываться от какой-либо части института рабства. По мере того, как военная ситуация становилась все более мрачной, он продолжал откладывать, возражать и откладывать действия. Его поведение побудило способного историка начала двадцатого века заметить, что такая “медлительность ... является психологической загадкой, которую еще предстоит разгадать”.⁴³ Но психология законодателей была понятна. Они были лидерами сильного рабовладельческого общества, и их психология была психологией гордых и надменных рабовладельцев, которые долгое время терпели критику и оскорбления в свой адрес и в адрес института, который был основой их богатства и привилегий. Только дополнительное давление со стороны армии и дальнейшее ухудшение отчаянной военной ситуации могли заставить Конгресс Конфедерации действовать.

11 февраля 1865 года Джуда Бенджамин написал генералу Ли письмо, в котором предположил, что армия могла бы помочь в преодолении оппозиции конгресса. Некоторые “утверждали”, что набор черных войск приведет к “ропуску армии”, потому что солдаты Конфедерации испытывали “сильное отвращение ... к тому, что негры сражались с ними на поле боя Если бы мы могли получить от армии выражение ее желания быть восстановленными такими неграми, которые ради блага свободы добровольно пойдут на фронт, мера будет принята без дальнейших задержек, и мы, возможно, еще сможем предоставить вам такие силы, которые позволят вам перейти в наступление, когда вы сочтете это лучшим. Если это предложение получит ваше одобрение, различные подразделения должны немедленно заявить о себе”. Ли с готовностью подчинился. Он приказал своим генералам опросить свои войска и собрать информацию о чувствах солдат к афроамериканским войскам.⁴⁴

Еще до того, как Ли отдал этот приказ, некоторые солдаты и подразделения армии Северной Вирджинии обнародовали свои взгляды, и вскоре ряд ричмондских газет сообщили, что они были завалены “патриотическими” резолюциями солдат. Верные войска, которые все еще находились на поле боя в 1865 году, были теми, кто пострадал больше всего и столкнулся с величайшими опасностями при создании Конфедерации. Они хотели, чтобы их жертва имела смысл; они не хотели проиграть войну, за победу в которой они так долго боролись. Таким образом, неудивительно, что одна из самых сильных сторонников вооружения рабов исходила от этих солдат, которые не понаслышке знали, как отчаянно армия нуждалась в большем количестве войск. Южнокаролинский полк, например, заявил, что “свобода белого человека” важнее “неволи раба, и, если необходимо, сто тысяч негров должны быть освобождены и вооружены, чтобы помочь нам”. “Бригада Томаса” утверждала, что примет черные войска “как необходимость и с радостью согласится, предпочитая, как и мы, любые жертвы порабощению”. Генерал-майор Джон Б. Гордон сообщил, что солдаты его корпуса “решительно выступают за добровольное зачисление негров в солдаты”. “Ричмондские виги” информировали читателей, что артиллерия луизианской гвардии “самым искренним образом и по твердому убеждению поддерживает политику вооружения цветного населения страны ... с как можно меньшими задержками”. Бригада Терри из Первого Вирджинского пехотного полка аналогичным образом заявила, что она желает “независимости и отдельного гражданства” и поэтому “с одобрением приветствует зачисление в наши армии негритянских военнослужащих”.⁴⁵

Не вся реакция армии была благоприятной. Генерал Джеймс Лонгстрит дал понять своим подчиненным, что, по его мнению, эта мера приведет к отказу от рабства в будущем, не оказывая армии существенной помощи в настоящем. Генерал Джордж Пикетт также был против. Внутри армейских подразделений также имела определенная оппозиция, варьировавшаяся от “очень немногих” во Втором корпусе генерала Гордона до большинства солдат в некоторых полках.⁴⁶ Но в отчетах солдат в основном подчеркивалось, что необходимы войска афроамериканцев, и это сообщение все чаще заполняло ричмондские газеты. Учитывая такие настроения в армии и неуклонно ухудшающиеся военные перспективы, ключевые редакторы начали склоняться к предложению Ли и Дэвиса.

20 февраля 1865 года *Ричмондские виги* признали, что “предложение о зачислении негров в армию быстро завоевало популярность ... и, как известно, его поддерживают почти все высшие офицерские чины”. Редактор “*Вигов*” заметил, что он не “очень оптимистично” относится к этой идее или к эмансипации, но сказал, что влияние генерала Ли давит на него. В конце концов, Ли выступал за вооружение рабов “с теплотой, которую он, возможно, не проявлял ни по какому другому вопросу законодательства”, и редактор “*Вигов*” неохотно выступал против него. *Richmond Sentinel*, опубликовавшая письмо Ли конгрессмену Барксдейлу, заметила: “Для огромной массы нашего народа не требуется ничего, кроме этого письма, чтобы разрешить все сомнения или заставить замолчать все возражения”. *Ежедневная газета Richmond Examiner* посетовала, что вооружение рабов “прямо противоположно всем чувствам и принципам, которые до сих пор руководили народом Юга”, но ее редактор ранее признал, что “при нынешнем положении дел страна не рискнет отказать генералу Ли в чем угодно, о чем он может попросить”. Ссылаясь на этот долг поддерживать “лидера, которому мы уже стольким обязаны и на плечи которого мы возлагаем такую большую ответственность”, *Examiner* 25 февраля объявила: “Возможно, в знак протеста мы уступаем этой настоятельной необходимости, но все же мы уступаем”.⁴⁷

Тем не менее, даже несмотря на то, что *Examiner* признал необходимость в чернокожих солдатах, газета продолжала подвергать сомнению взгляды Ли на эмансипацию, и в этом важном отношении газета предвосхитила поведение законодателей Юга. Законопроекты, внесенные в Палату представителей и Сенат Конфедерации, касались только вооружения рабов в качестве солдат. В них ничего не говорилось об их освобождении; более того, их статус собственности должен был оставаться неизменным. Тем не менее, эти законопроекты столкнулись с жесткой борьбой и большим сопротивлением. Один законопроект был отклонен в Сенате в начале февраля. 20 февраля Палата представителей приняла законопроект, представленный представителем Барксдейлом, призывающий к зачислению до 300 000 рабов. Барксдейл делал упор на добровольную вербовку, а президент Дэвис просил и принимал от рабовладельцев услуги “таких трудоспособных негров, каких он сочтет целесообразными”. В конце концов, однако, в законопроект Барксдейла были внесены поправки, дающие Конфедерации право призывать каждый штат предоставить свою долю необходимых чернокожих войск. Оппозиция в Сенате все еще оставалась сильной, и только после того, как законодательное собрание Вирджинии поручило сенаторам своего штата поддержать меру, против которой они лично выступали, этот законопроект был принят одним голосом 8 марта 1865 года. 13 марта Конфедерация, наконец, приняла закон, разрешающий использование чернокожих войск — закон, который отказывался освободить ни одного чернокожего солдата.⁴⁸

Джефферсон Дэвис был почти единственным среди политической элиты, кто верил, что эмансипация была желательным, действительно необходимым элементом плана по набору чернокожих войск. Используя свои исполнительные полномочия, он оперативно предпринял шаги по административному закреплению эмансипации в законодательстве. Дэвис приказал Военному министерству издать Общий приказ № 14, в котором указывалось, что “ни один раб не будет принят в качестве рекрута без его собственного согласия и одобрения его хозяина письменным документом, предоставляющим, насколько это возможно, права вольноотпущенника”. В качестве следующего шага он удвоил свои усилия по работе с сочувствующими губернаторами, чтобы добиться принятия законов штата, которые содержали бы “либеральные положения” о вознаграждении чернокожих добровольцев. Губернатор Вирджинии Смит был ближайшим союзником Дэвиса в этих усилиях, и Вирджиния, естественно, была тем штатом, где набор чернокожих солдат мог иметь наибольший эффект. Газеты Ричмонда сообщили, что афроамериканские новобранцы проходили учения в городе ближе к концу марта. Но война подошла к концу прежде, чем эта радикальная и противоречивая инициатива в жизни Юга смогла оказать какую-либо поддержку генералу Ли.⁴⁹

В чем же тогда заключалось значение усилий по превращению 300 000 рабов-южан в солдат Конфедерации? Очевидно, что это неожиданное развитие событий показало, насколько кардинально война изменила жизнь южан, но оно также показало, как упорно политические лидеры держались за рабство и как повсеместно белые южане защищали превосходство белых. Только действительно отчаянная ситуация могла заставить некоторых южных лидеров и рабовладельцев задуматься о перспективе вооружения и освобождения своих рабов. Как признавали южане, вооружение любого значительного числа рабов, по словам одного из оппонентов, “неизбежно привело бы к разрушению института рабства”. Администрация Дэвиса полностью намеревалась создать правовую структуру после эмансипации, которая сохранила бы экономическую сущность рабства и сохранила превосходство белых. Ее планы предвещали создание сегрегации Джима Кроу. Но для большинства белых южан демонтаж этого своеобразного института немедленно породил призрак “совершенного равенства с белым человеком в социальном и политическом плане”.⁵⁰

Таким образом, Джефферсон Дэвис бросил вызов фундаментальным ценностям своего рабовладельческого общества, когда предпринял свою последнюю отчаянную попытку пополнить армию и обрести независимость. Его инициатива показала, что некоторые южане ценят независимость выше, чем рабство, и были готовы подумать о других способах увековечить расовое подчинение и экономическое рабство. Этих людей было больше в рядах армии, чем в Конгрессе, и, согласно одному недавнему исследованию, они были более распространены среди граждан, чем среди политического руководства.⁵¹

Однако их было недостаточно, чтобы одержать верх, поскольку подавляющее большинство политической элиты ценило рабство выше независимости. Ни Конгресс Конфедерации, ни законодательное собрание Вирджинии не придавали никакого значения формулировкам в резолюциях или законах, которые предоставляли бы свободу рабам.⁵² Эмансипация была отвергнута; превосходство белых не подвергалось сомнению. Запоздалое и неохотное законодательное одобрение, которое Джефферсон Дэвис в конечном итоге получил, было разрешением только на призыв рабов в армию. За их службу не будет никакой награды, потому что большинство политических лидеров считали свободу для рабов просто неприемлемой. И для всех членов политического руководства Конфедерации равенство чернокожих

американцев, очевидно, было невообразимым. Даже гибкость Дэвиса и Бенджамина остановилась на этом, на соглашениях о “крепостном положении”, которые были бы очень похожи на рабство. Дебаты Конфедерации об эмансипации выявили ограниченность творческого воображения белых южан, искалеченных расизмом и желанием сохранить преимущества рабовладения.

Однако история этих дебатов Конфедерации об эмансипации не заканчивается в Ричмонде, поскольку странным и поучительным образом они стали частью более широкого общенационального обсуждения расово предвзятого вопроса: “Что нам делать с неграми?” По мере того, как законодатели Конфедерации рассматривали предложение Дэвиса о вооружении и освобождении рабов, они также узнавали новые подробности об отношении Линкольна к миротворчеству и будущему афроамериканцев. Разговоры южан и северян о будущем рабов начались в последние недели войны, когда уполномоченные южан встретились с Авраамом Линкольном и Уильямом Сьюардом на Хэмптон-Роудс, штат Вирджиния. Там Линкольн указал, как далеко он готов зайти — “без злобы ни к кому; с милосердием ко всем” — в примирении белых южан с поражением и воссоединении. Беседа между Линкольном, Сьюардом и тремя ведущими конфедератами показала пределы национального творческого воображения, поскольку оно также было подорвано расизмом и предположением, что господство белых сохранится в далеком будущем.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Слияние

СЕМЬ

КОНФЕРЕНЦИЯ На ХЭМПТОН - РОУДС

В первые недели 1865 года жажда мира охватила как Север, так и Юг. По разным причинам жители обеих частей с готовностью ухватились за любой шанс положить конец кровавой войне. Многие южане достигли точки отчаяния. Встревоженные потерями, которые они уже понесли, стонущие под бременем, которое они несли, и пессимистично оценивающие свои перспективы, конфедераты, естественно, стремились к прекращению боевых действий. Дух северян, с другой стороны, воспарил. Победа была уже близка, но ее появление на горизонте только усилило стремление людей достичь этой цели и положить конец убийствам.

С точки зрения двух лидеров регионов, казалось, не было точек соприкосновения, которые позволили бы достичь урегулирования. Авраам Линкольн решил, что не будет никакого перемирия или мирного договора до тех пор, пока Юг не согласится вернуться в Союз, а Джефферсон Дэвис категорически выступал против любого мира без независимости. Но Линкольн и Дэвис оба были избранными лидерами, и они не могли быть безразличны к воле общества или к народным чувствам, которые теперь приравнялись к страстному желанию. Каждый прислушался к общественному мнению и решил изучить свои возможности или попытаться обратить стремление к миру себе на пользу.

Недостатка в честолюбивых миротворцах не было. Летом 1864 года Джеймс Гилмор, автор и редактор *Континентального ежемесячника*, и полковник Джеймс Ф. Джекекс взяли на себя смелость поехать в Ричмонд и взять интервью у Джефферсона Дэвиса. Хотя им не удалось добиться какого-либо хорошего результата, теперь у Гилмора появилась другая идея. Он предложил отправиться в Северную Каролину и попытаться убедить губернатора Зебулона Вэнса вывести свой крайне недовольный штат из состава Конфедерации. Линкольн не одобрил план Гилмора, но он был более восприимчив к Джеймсу У. Синглтону из Иллинойса. Синглтон, сторонник мира, пользовавшийся поддержкой друга Линкольна Орвилла Браунинга, хотел поехать в Ричмонд и выяснить мнение Конфедерации о мире.¹

И Синглтон, и Браунинг узнали, что президент готов проявить некоторую гибкость, чтобы положить конец сопротивлению южан. Линкольн сказал Синглтону, что его противоречивое заявление комиссарам Конфедерации в Канаде “поставило его в ложное положение — что он не хотел делать отмену рабства условием” мира и что “он был бы готов даровать мир с амнистией и восстановлением союза, оставив рабство подчиняться решениям судебных трибуналов”. 24 декабря 1864 года Линкольн сказал Орвиллу Браунингу, что “у него никогда не было цели сделать отмену рабства условием, предшествующим прекращению войны и восстановлению Союза”. Воодушевленный таким образом, Синглтон провел две недели в столице Конфедерации и сумел поговорить с Джефферсоном Дэвисом, Робертом Э. Ли и другими лидерами. По возвращении в Вашингтон Синглтон сказал Линкольну, что конфедераты хотят мира, но на щедрых условиях, и не откажутся от рабства, за исключением “справедливой компенсации в сочетании с другими либеральными условиями восстановления, закрепленными конституционными поправками”.²

Следующая и наиболее важная инициатива исходила от Фрэнсиса Престона Блэра, патриарха могущественной семьи Блэров и человека, который поддерживал тесные отношения с Линкольном. В 1864 году Линкольн отвергал предложения Блэра посетить Ричмонд, говоря, что это было слишком рано. Теперь президент поощрял Блэра, но на расстоянии. Отказавшись давать своему другу какие-либо инструкции или быть вовлеченным в его планы, Линкольн просто договорился о том, чтобы Блэру разрешили пересечь военную линию и импровизировать самостоятельно. Прибыв в Ричмонд 11 января, Блэр подробно поговорил с Джефферсоном Дэвисом, который также был другом семьи с первых дней работы в Конгрессе. Президенту Конфедерации Блэр предложил идею перемирия в сочетании с экспедицией против Максимилиана, австрийского эрцгерцога, которого Франция назначила правителем Мексики. Эта идея была популярна среди некоторых лидеров Юга, включая Александра Х. Стивенса, вице-президента Конфедерации. Стивенс считал, что любое перемирие неизбежно приведет к независимости Конфедерации. Блэру показалось, что Джефферсон Дэвис отреагировал с интересом; Блэр вернулся в Вашингтон с письмом от Дэвиса, в котором предлагалось назначить комиссию, которая будет вести переговоры “с целью обеспечения мира в двух странах”.³

Эти несколько слов почти уничтожили всякую перспективу конференции. Линкольн не собирался признавать Конфедерацию или заключать с ней мир как с отдельной страной. Чтобы подчеркнуть этот момент, он отправил Блэра обратно в Ричмонд с заявлением о его готовности принять комиссаров, которые обсудят “обеспечение мира для народа нашей единой страны”.⁴ В этот момент Джефферсон Дэвис мог бы отказаться, но по своим собственным причинам лидер Конфедерации решил настаивать на проведении конференции.

Полный решимости обрести независимость, Дэвис увидел возможность как удовлетворить своих критиков, утверждавших, что ему безразличны страдания своих соотечественников, так и побудить южан идти на дальнейшие жертвы и сражаться дальше. Учитывая позицию Линкольна, любые мирные усилия наверняка провалились бы. Но, назначив комиссию, Дэвис мог казаться открытым для мира, а затем представить общественности Конфедерации доказательства того, что альтернативы продолжению войны нет. Он проконсультировался с Александром Стивенсом, который посоветовал Дэвису лично встретиться с Линкольном и сохранить это дело в строжайшем секрете. К неудовольствию Стивенса, его совету “как обычно в Ричмонде последовали — полностью проигнорировали”, поскольку Дэвис обнародовал новость о том, что планируется конференция. Два дня спустя Стивенс снова был раздражен, узнав, что он был назначен комиссаром вместе с помощником военного министра Джоном А. Кэмпбеллом и сенатором Р. М. Т. Хантером от Вирджинии. Стивенс понимал, что он должен служить или быть осужден как препятствие на пути к миру, но он чувствовал, что Дэвис использует его, и ему и Кэмпбеллу “это не нравилось”. Кэмпбелл записал, что президент Дэвис говорил с ним о большом недовольстве на Севере присутствием Максимилиана в Мексике и идее объединения сил против французской марионетки. Дэвис уполномочил комиссаров заключать любые договоры, кроме того, который предполагал бы воссоединение с Соединенными Штатами.⁵

Поскольку эти несколько неохотные южане направлялись к северным рубежам, оставалось неясным, смогут ли они с кем-нибудь встретиться. В городе Вашингтоне было много недовольных мирной миссией Блэра и противников как ее, так и идеи какой-либо конференции. Радикальные республиканцы не доверяли Блэрам из-за их консервативных взглядов и их постоянного влияния на Линкольна. Они также достаточно обоснованно полагали, что война вскоре подойдет к успешному завершению и что переговоры рискуют привести к утрате ключевых элементов победы. В кабинете министров также царили смятение и озабоченность по поводу того факта, что Линкольн был склонен действовать самостоятельно, не консультируясь с членами своего кабинета. Военный министр Стэнтон осудил решение Линкольна отправить Блэра обратно в Ричмонд без консультаций с кабинетом министров, и министр военно-морского флота Гидеон Уэллс также был обеспокоен. Хотя Уэллс считал, что Линкольн обладал “большой проницательностью и большим здравым смыслом”, военно-морской министр был обеспокоен тем, что президент часто следовал “странным и непонятным прихотям; иногда проявлял странные и необъяснимые причуды”. Меня бы вряд ли удивило, если бы он взялся договариваться об условиях мира, ни с кем не советуясь”.⁶ Очевидно, что Линкольн столкнулся бы с некоторой политической оппозицией, если бы пошел вперед.

Когда три представителя Конфедерации достигли границ Союза в Вирджинии, генерал Грант передал информацию об их миссии в Вашингтон. Первоначальной реакцией Линкольна и государственного секретаря Сьюарда был отказ от встречи с ними. Формулировка в их инструкциях о “двух странах” сначала показалась неприемлемой. Но Грант, поговорив с южанами, убедился, что их стремление к миру было искренним, и он использовал свое влияние, чтобы поддержать их миссию. Он призвал президента Линкольна встретиться с ними и утверждал, что отослать их без каких-либо контактов произведет плохое впечатление на общественность. Откликаясь на мольбы Гранта, Линкольн решил, “под влиянием момента”, присутствовать на конференции. Его отъезд из Вашингтона вместе с госсекретарем Сьюардом “поразил республиканцев”, некоторые из которых сочли это одной из “непостижимых причуд”, в то время как другие “не скрывали своего гнева и опасений”.⁷ Тем не менее, конференция

теперь должна была продолжаться, и эти пятеро мужчин встретились на борту корабля в Хэмптон-Роудсе 3 февраля 1865 года.

С тех пор историки спорят о том, что именно было сказано на конференции. Никаких записей о ходе обсуждения не сохранилось, и поэтому ученым пришлось полагаться на отчеты, написанные позже, в основном на воспоминания двух комиссаров Конфедерации, Джона А. Кэмпбелла и Александра Х. Стивенса. По словам Кэмпбелла, все трое южан “признали уместным записать свои воспоминания о том, что произошло, по отдельности”, и Кэмпбелл “вскоре после моего возвращения домой” записал свой отчет о встрече, который “был представлен моим коллегам” и принят “без возражений”. Кэмпбелл опубликовал свой меморандум вместе с другими воспоминаниями в 1887 году. Годы ранее, в 1870 году, Александр Стивенс опубликовал *Конституционный взгляд на последнюю войну между Штатами*, в котором он посвятил двадцать страниц встрече на Хэмптон-Роудс. По словам Кэмпбелла, меморандум Кэмпбелла был у Стивенса, когда он писал свою книгу. Третий комиссар, Р. М. Т. Хантер, опубликовал статью о конференции в 1877 году, но его отчет краток и довольно неинформативен; в его эссе преобладает недовольство правительством Союза, и большинство деталей, которые были бы полезны историкам, отсутствуют.⁸ По-видимому, других записей не существует.

Отчеты Кэмпбелла и Стивенса, однако, очень полезны. Они довольно подробны и очень похожи во многих отношениях. Отчеты сходятся в описании последовательности событий и в уточнении многих деталей обсуждения. Они также согласны в изображении Линкольна, который настаивал на воссоединении, но, казалось, стремился быть примирительным и уступчивым по другим вопросам, включая рабство. Тем не менее, большая часть значения того, что они сообщили, была проигнорирована в последние десятилетия. Один момент в описании конференции Стивенсом вызвал серьезные возражения со стороны некоторых историков, хотя не менее важные факты, согласующиеся с рассказом Стивенса, были упущены из виду.

Встреча началась приятно: Линкольн пошутил, что его старый друг Стивенс был довольно “маленьким комочком”, чтобы вылезти из тяжелого пальто и нескольких шалей. Согласно рассказу Стивенса, далее следовали упоминания о прежних, более счастливых днях, когда политики вместе служили в Конгрессе. Затем Стивенс спросил, есть ли способ восстановить эти прежние добрые чувства, и Линкольн тут же настоял, что есть только один способ: “для тех, кто сопротивлялся законам Союза, прекратить это сопротивление”. Затем Стивенс представил свою идею совместной интервенции против иностранных держав в Мексике, идею, которую он и Фрэнсис П. Блэр поддерживали. Хотя Стивенс упорствовал в попытках изучить эту идею (и получил некоторую помощь и поощрение от Сьюарда), Линкольн в конце концов прекратил обсуждение этой темы, настаивая на том, что восстановление национальной власти было “единственной основой”, на которой он рассматривал бы урегулирование.⁹

В этот момент Джон Кэмпбелл сменил тему и спросил, “как должна была проходить реставрация”. Линкольн и Сьюард процитировали ежегодное обращение президента к Конгрессу в декабре 1864 года, в котором он назвал “отказ от вооруженного сопротивления” “единственным необходимым условием прекращения войны”, но также пообещал придерживаться своих предыдущих действий в отношении рабства. Продолжая настаивать, Кэмпбелл попытался разобраться в двусмысленности этого заявления и изучить некоторые неизбежные юридические проблемы. Сьюард заявил, что вопросы собственности будут

решаться судами, но он ожидает, что Конгресс “проявит либерализм” в восстановлении конфискованного имущества или возмещении убытков “после того, как волнения того времени пройдут”. Когда Стивенс потребовал от Линкольна дальнейших комментариев по поводу статуса рабов-южан, президент назвал свое Провозглашение эмансипации “военной мерой”, которая станет “неработоспособной” при наступлении мира. Линкольн сказал, что судам придется решать, какие рабы стали свободными, а какие нет. Сьюард и Линкольн ошибочно согласились с тем, что “только около двухсот тысяч рабов” действительно начали пользоваться своей свободой в тот момент в результате Провозглашения эмансипации и событий войны.¹⁰

Тогдашний государственный секретарь Сьюард поднял важный вопрос. Он отметил, что Конгресс только что одобрил предложенную Тринадцатую поправку, запрещающую рабство, и представил ее штатам на ратификацию. Пока это обсуждалось, Сьюард высказал свое мнение, что поправка “вероятно, не будет принята”, поскольку только десяти штатам необходимо было зарегистрировать свое несогласие. Стивенс объяснил, что целью Сьюарда, по-видимому, было “произвести впечатление на ... членов комиссии, что, если война не прекратится, это, как военная мера, будет принято достаточным количеством штатов, чтобы стать частью Конституции . . . [но] если Конфедеративные Штаты затем откажутся от войны, они сами могли бы отменить эту поправку, проголосовав против нее как члены Союза”. Когда Стивенс спросил, будут ли Конфедеративные штаты вновь приняты Конгрессом, если они прекратят воевать, Линкольн “незамедлительно” высказал свое мнение, что они “должны быть” и будут, хотя он отказался заключать какие-либо соглашения “с партиями, выступающими с оружием в руках против правительства”. “Собственное мнение Линкольна”, как записал Стивенс, состояло в том, что “когда сопротивление прекратится и Национальная власть будет признана, Штаты будут немедленно восстановлены к своим практическим отношениям с Союзом”.¹¹

Р. М. Т. Хантер и Стивенс, добиваясь гарантий, затем попытались убедить Линкольна в том, что глава исполнительной власти может заключить соглашение с воюющей стороной до окончания военных действий, но они мало продвинулись вперед. Вместо этого Линкольн рассказал о своей политике в отношении рабства, подчеркнув свою озабоченность правами южан. Он отметил, что был вынужден пойти на эмансипацию, чтобы спасти Союз, и он всегда выступал против немедленной эмансипации из-за “многих зол, сопутствующих” ей. Затем, по словам Стивенса, Линкольн сделал паузу, “как бы в глубоком раздумье”, прежде чем “произнести эти слова, [или слова] почти, если не совсем идентичные: Стивенс, ... если бы я был на вашем месте, я бы поехал домой и попросил губернатора штата созвать Законодательный орган и заставить его отозвать все войска штата с войны; избрать сенаторов и членов Конгресса *иперспективно ратифицировать эту конституционную поправку*, чтобы она вступила в силу, скажем, через пять лет”. Такая ратификация, на мой взгляд, была бы действительной”. Линкольн посоветовал, что “общественным деятелям” Юга было бы мудро “принять такую политику, которая позволит избежать, насколько это возможно, зла немедленной эмансипации”.¹²

Прежде чем встреча подошла к концу, Линкольн сделал ряд дополнительных комментариев, которые раскрывали его отношение и политические планы. Когда южане жаловались на эмансипацию и утверждали, что это будет означать страдания для рабов, Линкольн рассказал историю о фермере из Иллинойса, который избегал ухода за своими свиньями, сажая картофель, которым животные могли бы прокормиться, если бы выкопали его. На вопрос, что бедные свиньи будут делать зимой, когда земля промерзнет, фермер ответил: “Ну и пусть

пускают корни!” Этот бессердечный комментарий, очевидно, был призван показать южным комиссарам, что эмансипация может продвигаться вперед и что Линкольн не будет чрезмерно сочувствовать вольноотпущенникам — им придется самим заботиться о себе. Сьюард и Линкольн также пытались обезоружить раздраженные протесты Хантера о том, что Союз требует безоговорочной капитуляции, и Линкольн пообещал, что будет либерально относиться к побежденным южанам. Затронув тему “возмещения убытков владельцам”, Линкольн добровольно заявил, что готов заплатить налог, чтобы выплатить такое возмещение, и заверил своих слушателей, что многие другие разделяют его взгляды. Примерно через четыре часа, по словам Стивенса, конференция закончилась.¹³

В отчете Кэмпбелла также сообщается, что Линкольн начал с того, что настаивал на том, что никакое соглашение невозможно без признания национальной власти; что Линкольн отверг идею объединения для действий против иностранной интервенции в Мексике, несмотря на некоторый интерес, проявленный Сьюардом; и что декабрьское послание президента Конгрессу цитировалось как руководство на будущее. Точно так же Кэмпбелл отмечает, что Линкольн выразил свое мнение о том, что судам придется решать, какие рабы получили свободу в результате Провозглашения Эмансипации, а какие нет. По очень важному вопросу о Тринадцатой поправке и взглядах секретаря Сьюарда отчет Кэмпбелла по существу совпадает со Стивенсом. По словам Кэмпбелла, после информирования южан о том, что новая поправка была отправлена в штаты для ратификации, Сьюард охарактеризовал действия Конгресса как “военную меру” и сказал, что “вероятно”, что от этой меры “откажутся”, если война подойдет к концу. Пока разговор продолжался, Линкольн рассказал свою историю о фермере, который ожидал, что свиньи будут болеть сами за себя или умрут с голоду. Затем они со Сьюардом пошли на многое, пытаясь убедить Хантера в том, что Союз не настаивал на безоговорочной капитуляции и не требовал унижения и подчинения от южан. Напротив, Линкольн пообещал осуществлять свои полномочия “очень либерально” и поддержать выплату компенсации. Он добавил, что законы, касающиеся “конфискации, боли и наказаний, оставили этот вопрос в его руках”, хотя Конгресс контролировал допуск своих собственных членов.¹⁴

В описании Стивенса есть только один конкретный пункт, которого нет в отчете Кэмпбелла: предложение Линкольна о том, чтобы Джорджия ратифицировала Тринадцатую поправку “в перспективе”. Этот единственный момент привлек чрезмерное внимание со стороны недавних историков. В американской культуре существует понятное сопротивление вере в то, что Авраам Линкольн, Великий Освободитель, мог пойти на компромисс в вопросе прекращения рабства, поскольку освобождение оправдывало ужасающие издержки войны и сделало Линкольна вдохновляющей и героической культурной иконой. Чтобы опровергнуть это утверждение, много говорилось о том факте, что Александр Стивенс опубликовал свою книгу через пять лет после окончания войны. Некоторые рассматривали ход времени или возможный южный уклон в воспоминаниях Стивенса как причину не просто сомневаться, но и отвергать точность его рассказа. Например, Джеймс Макферсон назвал идею о том, что Линкольн предложил отложить ратификацию Тринадцатой поправки, “абсурдной”.¹⁵ Уильям К. Харрис утверждал, что Линкольн “вряд ли мог посоветовать” предполагаемую ратификацию, которая “подорвала бы его недавние и энергичные усилия по обеспечению принятия конгрессом антирабовладельческой поправки”, которую он назвал “королевским лекарством”. Харрис также утверждает, что упущение Кэмпбеллом этого пункта “является дополнительным доказательством того, что Линкольн не вносил предложения по поправке, которое приписывал ему Стивенс”. Другие авторы просто опустили этот конкретный вопрос.¹⁶

Узкий акцент на словах Линкольна игнорирует роль Сьюарда и, таким образом, исключает другие ценные и показательные доказательства. Но прежде чем перейти к участию Сьюарда, следует признать, что есть дополнительные доказательства того, что Линкольн действительно выдвинул идею отложенной или предполагаемой ратификации. По крайней мере, это дополнительное свидетельство доказывает, что Александр Стивенс специально понимал, что он делает, и не выдумывал свою историю пять лет спустя. Такие доказательства взяты из газеты в Огае, штат Джорджия, и, по-видимому, ранее не рассматривались.

“Сразу после своего возвращения” с Хэмптон-Роудс Стивенс поговорил с редактором *Augusta Chronicle u Sentinel*. Он предоставил этому редактору подробный отчет о конференции, и газета полагалась на Стивенса в то время, в феврале 1865 года, чтобы доказать общественности Конфедерации, что условия, предложенные Севером, “не были бесчестными”. Некоторые реакции на позицию *Chronicle u Sentinel* были резкими. Напомнив, что он был “осмеян и оскорблен прессой администрации Юга” за подобное утверждение, редактор 7 июня 1865 года опубликовал подробный отчет о своем разговоре со Стивенсом. Появившийся всего через четыре месяца после встречи на Хэмптон-Роудс, этот отчет не мог пострадать из-за провала в памяти, который якобы повлиял на книгу Стивенса 1870 года.¹⁷

Согласно *Chronicle u Sentinel*, Стивенс сообщил, что в какой-то момент слушаний на Хэмптон-Роудс государственный секретарь Сьюард предложил Линкольну, что было бы неплохо “проинформировать этих джентльменов, что вчера Конгресс принял поправку к конституции, отменяющую рабство”. Линкольн согласился, а затем перешел к комментариям по ключевым вопросам, связанным с такой предлагаемой поправкой. Он объяснял, почти “аргументированным тоном”, что Югу “было бы гораздо лучше немедленно вернуться в Союз”, а не рисковать “растущей горечью чувств в Конгрессе”. Затем Линкольн добавил, “что возник вопрос о праве восставших штатов немедленно вернуться и потребовать права голоса по поправке, на которую требовалось согласие двух третей Штатов. Он заявил, что было бы желательно, чтобы институт рабства был отменен с согласия народа как можно скорее — он надеется, в течение шести лет”.¹⁸ Из этого газетного сообщения ясно, что Стивенс вернулся с Хэмптон-Роудс с четким воспоминанием о том, что Линкольн предлагал отсроченную или предполагаемую ратификацию. *Статья "Кроникл энд Сентинел"* подтверждает отчет, приведенный в книге Стивенса 1870 года, и показывает, что он не был изобретен через пять лет после войны.

Поскольку стенограммы разговоров на Хэмптон-роудс не существует, невозможно окончательно доказать, произносил Линкольн эти слова или нет. Одна из проверок этого вопроса зависит от правдивости Александра Стивенса. Вице-президент Южной Америки был известным политическим ветераном, пользовавшимся хорошей личной репутацией. Очевидно, он пользовался уважением Линкольна, своего бывшего коллеги по Конгрессу, который выбрал Стивенса получателем важного письма во время кризиса отделения.¹⁹ Если критики Стивенса не смогут продемонстрировать, что он был лжецом и его словам 1865 года нельзя доверять, чаша весов склонится в сторону принятия версии Стивенса. Кроме того, можно оценить позиции, приписываемые Линкольну, по степени их согласия с его заявленной политикой.

Был ли отказ Юга от Тринадцатой поправки мыслим или допустим в соответствии с установленной политикой Линкольна? Запись показывает, что это было так. В своем ежегодном обращении к Конгрессу в декабре 1864 года Линкольн заявил, что повстанцы могут добиться

мира “в любой момент ... просто сложив оружие и подчинившись национальным властям в соответствии с Конституцией”. Война немедленно прекратилась бы, и любые оставшиеся вопросы были бы урегулированы “законодательством, конференцией, судами и голосованием, действующими только по конституционным и законным каналам”. Конституция не содержала формулировок, предусматривающих наказание отделившихся штатов. В рамках конституционных каналов южные штаты, предположительно, будут иметь свои права и смогут проголосовать по поправке.²⁰

Более того, политика Линкольна в отношении реадмиссии штатов была ясной. С декабря 1863 года он пытался быстро “оживить” правительства южных штатов с помощью своего Десятипроцентного плана. Этот план не требовал изменений в конституциях или характере правительств южных штатов и поощрял конфедератов принимать “временные меры” для освобожденного народа. Он просто призывал к скорейшему “восстановлению” правительств штатов после того, как 10 процентов довоенных избирателей принесли присягу на верность в будущем и пообещали соблюдать законы Конгресса о рабстве и Прокламацию об освобождении в интерпретации судов. Все это наводило на мысль, что Южные штаты действительно могут быстро вернуться в Союз. После восстановления в составе нации они смогут проголосовать по предложенной поправке. Расстояние между этой политикой и воспоминаниями Стивенса о том, что штаты будут “немедленно восстановлены”, было невелико.²¹

Линкольн придерживался этого плана и еще более четко обозначил свою позицию по ратификации после конференции на Хэмптон-Роудс. 11 апреля 1865 года в своем последнем публичном выступлении он продолжал защищать свое оклеветанное и непопулярное десятипроцентное правительство в Луизиане и утверждал, что ему следует разрешить голосовать по Тринадцатой поправке. Некоторые члены Конгресса утверждали, что только лояльные штаты должны голосовать за ратификацию. Хотя Линкольн не зашел так далеко, чтобы окончательно отказаться от этой идеи, он пренебрежительно отозвался о ней, заявив, что “такая ратификация была бы сомнительной и, несомненно, подвергалась бы постоянному сомнению”. С другой стороны, утверждал он, “ратификация тремя четвертями всех штатов была бы неоспоримой”.²² Разрешение восстановленным мятежным штатам голосовать по Тринадцатой поправке было его предпочтительной, последовательной и публичной позицией.

На Хэмптон-Роудс Линкольн последовал своему собственному призыву к нации строить мир “без злобы ни к кому, с милосердием ко всем”. Несмотря на то, что победа была близка и конец войны практически не за горами, Линкольн хотел примириться с мятежными конфедератами. Он предложил лидерам Юга существенные стимулы для воссоединения с Союзом, поскольку хотел, чтобы они участвовали в работе по воссоединению; он хотел, чтобы они принимали участие и вносили свой вклад в воссоединение, а не противодействовали ему на каждом шагу. Его позиция была бы неожиданной и нежелательной для многих северян, а подход Линкольна отодвигал интересы чернокожих южан на второстепенное место. Но факт остается фактом: действия президента соответствовали его политике и его позиции на протяжении всей войны — позиции, согласно которой воссоединение имело первостепенное значение, а эмансипация была средством достижения этой цели.

Кроме того, комментарии Сьюарда о Тринадцатой поправке не только соответствовали сообщениям о Линкольне, но и были очень поразительными, и историки поразительным

образом пренебрегли ими. И Кэмпбелл, и Стивенс приписывали Сьюарду веру в то, что рабство не будет запрещено в Соединенных Штатах конституционной поправкой. Кэмпбелл вспомнил слова Сьюарда о “вероятности” того, что поправка, как “военная мера”, будет “отменена” с наступлением мира, а Стивенс вспомнил попытку Сьюарда склонить конфедератов к капитуляции, указав, что они могут проголосовать по поправке и, таким образом, заблокировать ее, если они быстро сложат оружие. Ни в одном из отчетов не упоминается о каких-либо возражениях Линкольна против замечаний Сьюарда, и ни в одном из них не зафиксировано какого-либо выраженного несогласия со стороны президента. Линкольн позволил комментариям Сьюарда оставаться неоспоримыми.

Отклонение Тринадцатой поправки имело бы гораздо большее значение, чем предполагаемая ратификация или задержка на пять или шесть лет. Однако историкам было мало что сказать по этому важному вопросу. Мог ли Сьюард сделать такое заявление? Существующие записи конференции на Хэмптон-Роудс указывают на то, что он это сделал. Биографы Сьюарда согласились с тем, что он это сделал, и не подвергли сомнению рассказы Кэмпбелла и Стивенса. Например, в раннем исследовании Фредерик Бэнкрофт пришел к выводу, что Сьюард “по крайней мере предположил”, что мятежные штаты могут “помешать принятию поправки” путем скорейшего возвращения в Союз. В “Лучшей современной биографии” Глиндона Г. Ван Дейзена утверждается, что Сьюард назвал предложенную поправку “военной мерой” и сказал, что “если война сейчас подойдет к концу, она не будет принята достаточным количеством штатов, чтобы стать частью Конституции. Он произвел впечатление, что вновь принятые южные штаты сами могут победить это”. Ван Дейзен добавил пронизательный комментарий о том, что, хотя Линкольн и Сьюард “стремились” к отмене рабства, они хотели, чтобы это было достигнуто “при активном сотрудничестве южных штатов”.²³

Дополнительные свидетельства, датируемые февралем 1865 года, а не 1870 или 1877 годом, указывают на то, что Сьюард сделал такое заявление и что южные комиссары были сильно заинтригованы им. Эти свидетельства взяты из писем, написанных на Юге сразу после конференции. Это показывает, что слух о предложении Сьюарда распространился не только среди трех комиссаров. Законодатели Конфедерации также узнали о возможности того, что они могут вернуться в Союз и отменить Тринадцатую поправку, и были очень заинтересованы в ней.

Когда Стивенс, Кэмпбелл и Хантер вернулись в Ричмонд, Джефферсон Дэвис контролировал презентацию их доклада — как и опасался Стивенс, — чтобы убедить общественность в том, что Юг должен продолжать борьбу. Члены комиссии отказались заявить, что были предложены только оскорбительные условия, но затем Дэвис сопроводил их очень краткое изложение своей собственной интерпретацией того, что требовалось “безоговорочное подчинение”. Это вызвало раздражение эmissаров Конфедерации. Кэмпбелл был “очень недоволен всем этим”, потому что его привлекли примирительные замечания Линкольна. “Этоне должно было быть отброшено, когда это было сделано”, - считал Кэмпбелл. Скорее, “условия должны были быть четко предложены” Югом для продолжения переговоров. У всех трех комиссаров были хорошие связи в Ричмонде, и они общались в частном порядке с другими лидерами Юга, особенно с членами Конгресса. Сенатор Хантер, который яростно выступал против эмансипации, очевидно, сообщил о конференции некоторым своим коллегам, а Джон Кэмпбелл определенно обсуждал Хэмптон-Роудс с рядом людей, включая сенатора от Северной Каролины Уильяма А. Грэма.²⁴

Кэмпбелл предоставил сенатору Грэму “подробный рассказ обо всей миссии от начала до конца”. Грэм, как и Хантер, был законодателем Конфедерации, который был полон решимости сохранить рабство любым возможным способом, и он немедленно отреагировал на информацию, предоставленную ему Кэмпбеллом. В письме Дэвиду Л. Суэйну, бывшему губернатору Северной Каролины и президенту государственного университета, Грэм объяснил, что Тринадцатая поправка была предложена, “но при несогласии десяти штатов она все равно может быть отклонена”. Его воодушевил тот факт, что Линкольн “явно стремился к урегулированию” и пытался различными способами продемонстрировать “свою либеральность по отношению к Югу”. В письме губернатору Зебулону Вэнсу Грэм высказал следующие комментарии: “Никто не советует принимать условия, предложенные Линкольном, но вопрос рассматривается ... не предпочтительнее ли воссоединение, посредством которого десять штатов могут отменить предложенную поправку к Конституции и сохранить рабство, триумфу его оружия и подчинению всего его власти”. В письме к своей жене сенатор Грэм сказал, что согласен с Кэмпбеллом в том, что “в Вашингтон следует направить миссию для переговоров об условиях”. Сенатор Джеймс Л. Орр от Южной Каролины также “стремился” в это время начать переговоры “с врагом, чтобы выяснить, на каких условиях война может быть прекращена”. Он осудил Дэвиса за то, что тот был “слишком упрям и высокомерен, чтобы принять это предложение”.²⁵ Заявление Сьюарда и примирительная позиция Линкольна возымели эффект в Ричмонде, если не на Джефферсона Дэвиса.

Взятые вместе, свидетельства с Хэмптон-Роудс свидетельствуют о готовности Линкольна примирить белых конфедератов, даже за счет чернокожих южан. Заявления членов комиссии и других лиц представляют непротиворечивую картину. Уполномоченным Конфедерации Линкольн продемонстрировал твердость в отношении воссоединения, но также желание привлечь к активному участию белых южан и отсутствие заинтересованности в каких-либо быстрых улучшениях статуса чернокожих американцев после освобождения. Все это имеет большое значение для нашего понимания Линкольна, воссоединения и будущего афроамериканцев.

КАКОВЫ БЫЛИ МОТИВЫ и цели Линкольна на конференции в Хэмптон-Роудс? Как он планировал ответить на некорректный вопрос, который задавало так много северян: “Что нам делать с неграми?” Что эта встреча открыла об американском обществе и национальной культуре? И как дискуссии с Линкольном и Сьюардом повлияли на дебаты Конфедерации о рабстве, чернокожих солдатах и ее расовом будущем?

На последний вопрос проще всего ответить. Расовые цели Севера и Юга пересеклись на Хэмптон-Роудс, и дискуссии там нашли отражение в политических советах Ричмонда. Предлагая вооружить и освободить рабов, Джефферсон Дэвис бросил вызов фундаментальному социальному и экономическому институту Юга. Как политический лидер, он пошел на огромный риск, который мог быть оправдан только отчаянным положением Конфедерации, и даже тогда ему пришлось вести тяжелую борьбу за одобрение конгресса. Оппозиция любому виду эмансипации Конфедерации, несомненно, была упорной и ожесточенной. В исторической перспективе удивительно, сколько белых конфедератов были готовы поддержать план Дэвиса; такая поддержка была свидетельством как их стремления к независимости, так и их уверенности в том, что они смогут продолжать контролировать и эксплуатировать освобожденное чернокожее население. Но любой намек на то, что Север может допустить продолжение рабства, несомненно, подрывал поддержку освобождения Конфедерации.

Среди законодателей Ричмонда новость о заявлениях Сьюарда оказала значительное влияние. Реагируя на предложения администрации Дэвиса, члены Конгресса уже переосмысливали вопрос о целях Конфедерации. Отделился ли Юг, чтобы сохранить рабство или получить независимость? Должна ли Конфедерация продолжать борьбу за получение отдельного гражданства без рабства, или жертва рабством оставит дело Конфедератов без цели и сделает все их жертвы тщетными? Мнение госсекретаря Сьюарда внесло в расчеты еще одну возможность. Возможно, в конце концов, было бы возможно сохранить рабство, вернувшись в Союз. Возможно, принесение в жертву независимости позволило бы сохранить рабство, по крайней мере, на несколько лет или для какой-то части рабовладельческого населения, которая еще не была затронута Прокламацией об освобождении.

Внутри Конфедерации всегда была часть класса рабовладельцев, которые считали, что наибольшая защита рабства находится внутри Союза, под юридическим щитом Конституции США. Даже вице-президент Стивенс заявил в 1860 году: “Я считаю рабство гораздо более безопасным в Союзе, чем вне его, если бы наш народ был только мудр”.²⁶ Возможность продления рабства путем возвращения в Союз укрепила спины негибких консерваторов, таких как Р. М. Т. Хантер и Уильям А. Грэм. Идея покончить с рабством уже была для них анафемой, а жертвы войны уже давно стали сокрушительными. Зачем предавать свои основные убеждения, если в предательстве не было необходимости? Зачем уступать Джефферсону Дэвису то, что они могли бы продлить при Аврааме Линкольне? Такие мысли были очевидны в письме Грэма губернатору Вэнсу, и в письме указывалось, что другие законодатели рассматривают те же идеи.

Конечно, приманка, которую Сьюард бросил перед комиссарами Конфедерации, была привлекательна не только для них, но и для других лидеров и законодателей Юга. Учитывая ранее существовавшую оппозицию освобождению Конфедерации, новости с Хэмптон-Роудс ужесточили позиции против идей Дэвиса и Ли и, вероятно, добавили оппозиции несколько голосов. Сперевесом в один голос администрация Ричмонда в конечном итоге, после долгих проволочек, добилась принятия законопроекта о призыве рабов в армию, но ей совершенно не удалось добиться каких-либо действий конгресса в пользу эмансипации.²⁷ Надежда на то, что Линкольн может разрешить некоторое сохранение рабства, сыграла определенную роль в таком исходе внутри Конфедерации.

Что же тогда было на уме у Линкольна, когда война подходила к концу и он смотрел в будущее Союза? По этому вопросу сам президент предоставил некоторую дополнительную информацию и детали. Сразу же по возвращении в Вашингтон он подготовил проект совместной резолюции, которую надеялся представить Конгрессу. Эта резолюция должна была стать частью более масштабных усилий, как выразился Линкольн, “направленных на мир и воссоединение”, усилий, основанных на стимулах, направленных на то, чтобы заручиться сотрудничеством белых южан в восстановлении Союза. Как отметил Гидеон Уэллс несколько недель спустя, Линкольн надеялся, что “видные” южане, “пользующиеся доверием народа”, “объединятся и превратят себя и своих соседей в хороших членов Профсоюза”. По этой причине в его проекте резолюции предлагалось, что, если его условия будут приняты и соблюдены, Линкольн как президент незамедлительно прекратит войну, сократит армии до уровня мирного времени и простит “все политические преступления”. Кроме того, он пообещал, что вся собственность, “кроме рабов”, подлежащих конфискации, будет освобождена от этой угрозы и что “конгрессу будет

рекомендована либерализация по всем вопросам, не находящимся под контролем исполнительной власти”.²⁸

Проект резолюции предусматривал прекращение сопротивления власти Союза и послужил стимулом для принятия Тринадцатой поправки. Согласно условиям резолюции, все рабовладельческие штаты — входящие в Конфедерацию, плюс Кентукки, Мэриленд и Делавэр — получают право на долю в государственных облигациях на сумму 400 миллионов долларов, причем доля каждого штата будет пропорциональна численности его рабовладельческого населения. Четыреста миллионов долларов были точной суммой компенсации, о которой Линкольн упоминал на Хэмптон-Роудз.²⁹ Однако существуют требования, которые необходимо выполнить, прежде чем государства смогут получить эти средства. Во-первых, к 1 апреля 1865 года “всякое сопротивление национальным властям” должно было быть “прекращено”. Если бы это условие было выполнено, была бы выплачена половина от общей суммы, то есть 200 миллионов долларов. Во-вторых, оставшиеся средства будут переданы штатам “только после внесения поправки в национальную конституцию, недавно предложенной конгрессом, которая станет действующим законом” к 1 июля 1865 года. Таким образом, после прекращения боевых действий быстрая ратификация Тринадцатой поправки привела бы к выплате дополнительных 200 миллионов долларов. Рабовладельческим штатам не нужно было бы голосовать за прекращение рабства или за прекращение его действия к 1 июля, но они могли бы извлечь из этого финансовую выгоду.³⁰

Линкольн хотел прекратить боевые действия и убедить Юг вернуться в Союз. Он также хотел положить конец рабству; поэтому он предложил финансовый стимул рабовладельческим штатам ратифицировать Тринадцатую поправку. Примечательно, что его план, уважающий государственный суверенитет, не предполагал принуждения какого-либо государства к ратификации, и, как показано выше, таким оставался его подход вплоть до момента его смерти. Но в соответствии с его часто высказываемым мнением о том, что рабство является национальной проблемой, он предлагал использовать национальную казну для ее решения.

Однако этот план так и не увидел свет. Когда Линкольн представил свое письменное предложение членам своего кабинета, как он отметил в проекте документа, “эти документы ... были ... ими неожиданно [sic] не одобрены”. Весь кабинет воспротивился такой щедрости. Министр военно-морского флота Уэллс был готов отдать должное главе исполнительной власти за достойное стремление “содействовать миру” и не возражал против того, чтобы потратить те двести дней войны, которые стоили Союзу. Но он заметил, что, несмотря на “искреннее желание Линкольна ... примирить и установить мир ... может произойти такое явление, как переусердствование, которое вызовет недоверие или враждебные чувства. При нынешнем настроении Конгресса предложенная мера, даже если она была мудрой, не могла быть успешно реализована”.³¹ Объединенная оппозиция кабинета министров положила конец планам Линкольна о выплате компенсации. Возможно, это подсказало ему, как практичному политику, что в какой-то момент в будущем, если конфедераты не смягутся, его политика должна будет стать более требовательной.

Чтобы более полно изучить, как Линкольн, возможно, думал о будущем, историки предложили несколько радикальных теорий, наряду с более ограниченными и скромными прогнозами. Ладвелл Джонсон, который признавал, что речи Линкольна, хотя и были “внешне откровенными и прямодушными”, часто были сложными и “пронизаны двусмысленностью и скрытым

смыслом”, рассмотрел возможные причины, по которым президент проявил такую решимость примирить мятежных южан. Даже после того, как его план выплаты компенсации провалился от рук кабинета министров, Линкольн уполномочил генерала Шермана сообщить обнадеживающие новости губернатору Северной Каролины Вэнсу. Шерман должен был передать, что, когда сопротивление прекратится, Линкольн признает правительства штатов “*де-факто* до тех пор, пока Конгресс не сможет предоставить другие”, чтобы южанам “сразу были гарантированы все их права как граждан общей страны”. Джонсон пришел к выводу, что этот примирительный подход к миру основан на “политических реалиях” не только того момента, но и будущего.³²

Столкнувшись с устойчивым идеологическим сопротивлением со стороны радикальных республиканцев, которые вряд ли последовали бы его примеру, Линкольн решил проверить то, что, по мнению Джонсона, было “его единственным другим курсом действий: создать новую консервативную коалицию, в которую вошли бы южане”. “Консервативная и примирительная политика амнистии, возмещения убытков и скорейшего возвращения южных штатов” имела преимущества, которые были очевидны реалистичным сторонникам Конфедерации. Это также могло привлечь по крайней мере часть северных демократов, и Линкольн, возможно, надеялся, что с учетом умеренных республиканцев и южан “результатом станет новая республиканская партия, которая будет сильно напоминать старую партию вигов”. Интерпретация Джонсона, хотя и гипотетическая, могла бы объяснить проведение президентом столь щедрой политики накануне полной победы и “перед лицом растущего экстремизма в его собственной партии”.³³

Джонсон - не единственный ученый, который серьезно относится к возможности того, что Линкольн рассматривал возможность создания новой политической коалиции или выравнивания. Выдающийся политический историк Майкл Холт проанализировал политические аспекты политики Линкольна и отметил, что президент и конгрессмены от его партии “шли разными путями” к победе в войне и укреплению своей партии на будущее. Республиканцы в Конгрессе придерживались анти-южной стратегии, которая подразумевала осуждение Юга, угрозу рабовладельческой власти северянам и северных демократических союзников Конфедерации. Однако подход Линкольна был “кардинально иным”. Он неоднократно защищал генералов-демократов, сдерживал таких командиров, выступавших против рабства, как Фремонт и Хантер, работал над созданием названия и организации партии “Союз” и призывал военных губернаторов быстро провести выборы, чтобы ускорить возвращение мятежных штатов. Издание его Предварительного прокламации об освобождении фактически задержало Второй закон о конфискации, который должен был вступить в силу в сентябре 1862 года. Его мягкая десятипроцентная политика и его упорное следование ей привели к замечательному зрелищу в 1864 году, когда республиканцы в Конгрессе “публично отвергли план своего кандидата в президенты, чтобы подтвердить свои антисюжетные симпатии к северному электорату”.³⁴

Эти республиканцы в Конгрессе видели и возмущались влиянием, которое консерваторы, такие как Фрэнсис П. Блэр, генеральный почтмейстер Монтгомери Блэр и государственный секретарь Сьюард, оказывали на Линкольна. Они бы осудили совет, данный другим ближайшим советником, Генри Реймондом, который сказал президенту, что “профсоюзные деятели Юга должны принадлежать к нашей партии - и мне кажется важным, чтобы мы открыли перед ними дверь настолько широко, насколько позволяют петли”. Но на самом деле, заключает Холт, Линкольн работал над “созданием новой коалиции”, в которую вошли бы

сторонники рабства консерваторы из пограничных штатов, северные демократы и бывшие повстанцы из Конфедерации. Это было не просто вопросом расширения базы Республиканской партии, как утверждают некоторые историки. Скорее, это была попытка заменить Республиканскую партию новой двухсекционной организацией, которая будет называться Профсоюзной партией.

Чтобы сформулировать аргумент наиболее смело, Линкольн почти с момента своего избрания намеревался уничтожить республиканскую партию в том виде, в каком она существовала в 1860 году, то есть как исключительно северную партию, единственной основой сплоченности которой была враждебность по отношению к Югу и Демократической партии.³⁵

Как и многие вопросы о Линкольне, каковы могли быть его тайные намерения в отношении Республиканской партии, никогда не будет известно, но очевидно, что он двигался в общем направлении, описанном Холтом. В 1850-х годах, когда динамика секционализма приводила к конфликтам и расколу, Линкольн сделал столько же, сколько и кто-либо другой, для создания новой Республиканской партии. Подчеркивая власть рабов и опасность, которую она представляла для северных избирателей, он направил свою партию на путь к успеху среди северного электората. Однако после того, как он вступил в должность лидера разделенной нации, его главная ответственность изменилась, и он унаследовал трудную задачу по повторному объединению страны. Линкольн был опытным и проницательным политическим деятелем, и он применил свой огромный политический интеллект к изменившемуся политическому ландшафту. Во время своего президентства он помнил о республиканской идеологии, но демонстрировал неизменную решимость протянуть повстанцам оливковую ветвь. Даже когда он принимал решительные меры, чтобы победить их, он неоднократно подтверждал свое уважение к роли и привилегиям штатов и работал над тем, чтобы убедить южан, что он не будет игнорировать их права в рамках Союза.

Главным фактом курса Линкольна на посту главы исполнительной власти было то, что его политика всегда тяготела к центру политики Севера и охватывала различные альтернативы. Они значительно отставали от взглядов аболиционистов и его партии в Конгрессе, но продвигались слишком быстро для отъявленных расистов и большинства демократов Севера. Они предоставляли южанам стимулы, но также постепенно влекли за собой издержки для повстанцев, когда те не реагировали или когда весомость мнения северян требовала действий. Южанам и консервативным северянам он мог справедливо заявить, что пытался избежать жестких мер и действовал только по необходимости. И все же, когда конфедераты проигнорировали его призывы и вынудили действовать, он смог доказать более продвинутым республиканцам, что прислушивался к их идеям. Эта черта лидерства Линкольна была отмечена, и она одновременно отражала и развивала другую черту, которая была для него фундаментальной.

Линкольн, политический лидер, был человеком, который любил держать свои возможности открытыми. Мы не можем *знать*, надеялся ли он вовлечь южан в новую коалицию, но ясно, что его метод заключался в том, чтобы сохранять доступными различные пути, исследуя различные возможности до тех пор, пока они больше не станут политически нежизнеспособными. Снова и снова он отказывался безвозвратно придерживаться какого-либо одного направления в политике. Эта решимость сохранить гибкость была очевидна, когда он формировал свои прокламации об освобождении, или призывал южан отреагировать на его Объявление

амнистии и восстановления, или наложил вето на законопроект Уэйда-Дэвиса, или вел переговоры на Хэмптон-Роудс. Линкольн всегда старался сохранить свою способность реагировать на будущие события и двигаться в различных направлениях в зависимости от меняющихся обстоятельств. В результате его программные документы, хотя и были представлены изящной и прозрачной прозой, на самом деле были сложными и содержали нюансы. Они учитывали множество непредвиденных обстоятельств. Линкольн прекрасно осознавал, что возглавляет разделенную нацию и правит в сложных и быстро меняющихся условиях. Обладая врожденным консерватизмом в отношении тактических альтернатив, он избегал заходить слишком далеко или слишком быстро, чтобы позволить сменить направление, и в то же время продолжал постоянный поиск решений, обозревая меняющийся политический ландшафт. Желание последующих поколений видеть Линкольна в героических чертах упростило его и его реальность и заменило ясностью то, что на самом деле было тонкостью, двусмысленностью и случайностью.

Это не означает, что Линкольн был без компаса. За поверхностными навыками талантливого политического деятеля скрывались более глубокие влияния, которые придавали определенное общее направление его действиям. Как президент, он находился под влиянием своего понимания своей роли в соответствии с Конституцией, своей личной веры в то, что было желательным или правильным, и своего суждения о том, что было социально и политически возможным.

В отличие от некоторых экспертов-юристов и многих членов его партии, Линкольн придерживался мнения, что Конституция США запрещает вмешательство федерального правительства в проблему рабства в штатах. В результате этот человек, провозгласивший эмансипацию исключительно своим авторитетом главнокомандующего, был также гораздо большим сторонником соблюдения прав штата, чем многие склонны помнить. Сразу после приведения к присяге в качестве президента он объявил о своей готовности поддержать конституционную поправку, которая навсегда гарантировала бы защиту рабства от федеральных действий в штатах, где оно существовало. Поскольку такой запрет уже был “подразумеваемым конституционным законом”, Линкольн “не видел возражений” против того, чтобы сделать его “явным и бесповоротным”. Исходя из своего взгляда на Конституцию, он одобрял и неоднократно предлагал метод эмансипации, который полностью зависел бы от инициативы и выбора штата, даже если федеральное правительство могло бы помочь. По той же причине он рассматривал свою Декларацию об освобождении как военную меру, шаг, который может быть выбран только главнокомандующим, который может быть оправдан только “фактическим вооруженным восстанием” и который перестанет действовать, как только закончится сама война.³⁶ Аналогичным образом, он сказал комиссарам Конфедерации, что по решению судов эта военная мера может применяться только к 200 000 чернокожим американцам, которые действительно испытали ее преимущества. И опять же, исходя из своих представлений о Конституции, он хотел, чтобы мятежные штаты были восстановлены в своих правах быстро, если не сразу, и чтобы они могли проголосовать по Тринадцатой поправке.

Линкольн мог придерживаться всех этих взглядов, даже несмотря на то, что он был противником рабства и считал, что для одного человека порабощение другого было морально неправильным. В 1837 году, когда деятельность аболиционистов вызвала всеобщее осуждение, а Линкольн был всего лишь начинающим законодателем штата, у него хватило смелости публично охарактеризовать рабство как “основанное как на несправедливости, так и на плохой

политике”. В 1854 году, когда, будучи успешным юристом, он вернулся в политику в противовес Закону Канзаса-Небраски, он спросил, является ли афроамериканец мужчиной; предположил, что, если это так, следовательно, рабство было бы “деспотизмом”; и выдвинул идею, что “не может быть морального права в связи с тем, что один человек делает рабом другого”. К 1858 году он называл рабство “моральным, социальным и политическим злом” и описывал Республиканскую партию как партию, члены которой “считают это неправильным” и “предлагают рассматривать это как неправильное”. “Во время войны он, как известно, написал профсоюзному деятелю из Кентукки и подтвердил, что “Я от природы против рабства. Если рабство не является чем-то неправильным, то в этом нет ничего плохого. Я не могу вспомнить, когда я так не думал и не чувствовал”.³⁷ В одной речи конца 1850-х годов, речи, которая для него была нетипичной и неосторожной, Линкольн даже призвал свою аудиторию более решительно отстаивать идею равенства людей, воплощенную в Декларации независимости. “Давайте отбросим все эти придирки по поводу того, что ... эта раса, та раса и другая раса являются низшими, - сказал он, - и ... еще раз встанем и объявим, что все люди созданы равными”.³⁸

Но Линкольн никогда не был активистом или защитником расового равенства. Когда он вернулся к политике в своей знаменитой речи в Пеории, он спросил, должна ли нация освободить рабов и “сделать их политически и социально равными нам”. Ответ Линкольна был ясен: “Мои собственные чувства не допускают этого; а если бы и допускали, мы хорошо знаем, что подавляющая масса белых людей этого не допустит. Согласуется ли это чувство со справедливостью и здравым суждением - не единственный вопрос, если, конечно, оно является его частью. Всеобщее чувство, обоснованное или нет, нельзя безопасно игнорировать. Значит, мы не можем сделать их равными”. Четыре года спустя, в своих дебатах со Стивеном Дугласом, Линкольн заявил: “Я не выступаю и никогда не выступал за то, чтобы каким-либо образом добиться социального и политического равенства белой и черной рас”. Выступая перед резко настроенной против чернокожих аудиторией в южном Иллинойсе, он продолжал отрицать, что одобряет смешанные браки или должность чернокожих в качестве присяжных заседателей. Он также сказал, что, по его мнению, “физическое различие между белой и черной расами” “навсегда запретит” им “жить вместе на условиях социального и политического равенства”. Учитывая, что дело обстояло именно так, Линкольн сказал: “Я, как и любой другой человек, выступаю за то, чтобы белой расе было отведено более высокое положение”.³⁹

Этим чувствам Линкольна президент не бросил никакого решительного вызова. Хотя он не верил, что “негру следует отказывать во всем”, как он сказал в южном Иллинойсе, он избегал роли борца за расовую справедливость и не прилагал особых усилий, чтобы привить общественному мнению более благородный взгляд на афроамериканцев. Президент Линкольн упорно боролся за Профсоюз, а не за расовое равенство. На протяжении всего своего президентства он объяснял и оправдывал любые действия против рабства как необходимое средство сохранения Профсоюза. Когда он писал прокламации за освобождение, он не призывал к своему красноречию и замечательному таланту владения английским языком, чтобы расшевелить сердца людей или привести их к принятию равенства. В этих документах, язык которых некоторые сравнивают с коносаментом, единственная ссылка на моральные принципы была сделана, ненадолго, в конце, когда он снова оправдывал эмансипацию как военную меру, призывая Божью милость к “этому акту, искренне считающемуся актом справедливости, гарантированным Конституцией, исходя из военной необходимости”. Линкольн в значительной степени избегал говорить об улучшении положения чернокожих американцев. Вместо того, чтобы использовать свой высокий пост в качестве “кафедры для хулиганов”, он отказался от

подавляющего большинства возможностей высказаться по расовым вопросам. “Все, что я говорю, вы знаете, попадает в печать”, - сказал он, объяснив, что боится допустить ошибки, если не подготовится тщательно.⁴⁰

Хотя Линкольн высоко оценил вклад чернокожих солдат, ему почти нечего было сказать об улучшении их статуса после окончания войны, когда им нужно будет жить как свободным людям среди враждебных белых южан. Только в трех случаях, один из которых был в частном общении, Линкольн высказывал какую-либо идею о продвижении вольноотпущенников к равенству. Первое заявление прозвучало в его ежегодном обращении к Конгрессу в декабре 1862 года, и этот отрывок не был ни смелым, ни эффективным. Подтвердив свою поддержку колонизации, Линкольн предположил, что страна достаточно велика, чтобы принять освобожденных чернокожих, и отметил, что Северные штаты всегда могут решить, “принимать их или нет”. Это была та же речь, в которой он привел слабый аргумент, немедленно высмеянный редакторами-демократами, о том, что белым рабочим не нужно бояться конкуренции за свои рабочие места, потому что, если вольноотпущенники покинут Юг, общее количество рабочих мест в стране останется неизменным. Его второе заявление появилось более чем через год, в марте 1864 года. Затем Линкольн отправил губернатору Луизианы Майклу Хану письмо с пометкой “Личное”, в котором он сказал: “Я едва ли предлагаю на ваше личное рассмотрение, могут ли некоторые цветные люди не быть допущены [к избирательному праву] — как, например, очень умные, и особенно те, кто доблестно сражался в наших рядах”. Когда Хан и новое правительство штата проигнорировали это тихое предложение, Линкольн ничего не предпринял. Он больше ничего не сказал до своего третьего и последнего заявления, за три дня до смерти. 11 апреля 1865 года он высказал в качестве личного предпочтения идею, которую он высказал Ханну. Даже тогда из его слов было ясно, что он “предпочел бы”, а не требовал бы некоторого ограниченного избирательного права.⁴¹

По сравнению с этими немногочисленными комментариями об улучшении статуса чернокожих американцев после освобождения, замечаний Линкольна, призванных успокоить белых южан по поводу послевоенных расовых отношений, было множество. Он неоднократно говорил о своем желании ограничить “неразбериху и нищету” на послевоенном Юге, которые возникнут в результате эмансипации и внезапной и “тотальной революции труда”. До частных дискуссий на Хэмптон-Роудс о блокировании или отсрочке принятия Тринадцатой поправки Линкольн уже публично и неоднократно предлагал повстанцам привлекательную перспективу “временных мер” или “ученичества” для освобожденных людей. Эти публичные заявления об ученичестве явно относились к мерам, которые оглядывались назад и сводили к минимуму переход от рабства к свободе. Линкольн сам сказал генералу Макклернанду, что с такими “системами ученичества” южные штаты “могут жить почти так же благополучно ... как если бы нынешней проблемы не произошло”.⁴²

Многие историки предположили, что интерес Линкольна к колонизации закончился или “испарился” с его Провозглашением Эмансипации и что его заключительная речь показывает, что он смотрел в будущее равенства. Но активная поддержка Линкольном колонизации не прекратилась, когда 1 января 1863 года он издал Прокламацию об освобождении. После провала первоначального проекта “Чирики” и других возможностей в Центральной Америке администрация Линкольна подписала контракт с Бернардом Коком. Этот довольно сомнительный промоутер обещал расселить чернокожих на Иль-а-Ваш, маленьком острове недалеко от Гаити. Когда в январе 1863 года государственный секретарь Сьюард обнаружил

доказательства того, что Кок был мошенником, Линкольн был вынужден расторгнуть этот контракт. Но в апреле 1863 года президент снова выступил вперед. Он одобрил новый контракт с двумя нью-йоркскими финансистами, которые были связаны с Коком, и они быстро перевезли на остров пятьсот колонистов — первую волну из запланированных пяти тысяч. Таким образом, через четыре месяца после провозглашения Эмансипации Линкольн действовал в соответствии со взглядами, которые он высказал чернокожим лидерам в Белом доме: “Вы и мы — разные расы. Между нами существует более широкая разница, чем почти между любыми другими двумя расами. Правильно это или нет, мне не нужно обсуждать, но это физическое различие является большим недостатком для нас обоих . . . Поэтому для нас обоих лучше быть разделенными”.⁴³ Попытка продвинуть разделение на острове Ваш оказалась неудачной, поскольку дела там шли плохо. Это было в 1864 году, когда Министерство внутренних дел отозвало выживших участников провалившегося проекта.

Эта неудача, несомненно, убедила Линкольна в том, что в ближайшее время маловероятно значительное перемещение афроамериканцев из Соединенных Штатов. Но “скоро” не означало “никогда”. Линкольн не стремился к переменам, поскольку всегда верил, что расовая принадлежность является неразрешимой социальной и политической проблемой и что решение будет приниматься поколениями. Тот факт, что освобожденные рабы будут жить на послевоенном Юге, не означал, что перемещение бывших рабов за пределы Соединенных Штатов со временем не произойдет или будет невозможно навсегда. Многие американцы, писавшие о расах в этот период, считали, что афроамериканцам суждено покинуть Соединенные Штаты, но медленно. Со временем они постепенно мигрировали в более южные, тропические регионы. Сам Линкольн неоднократно говорил о колонизации как о процессе, которого невозможно достичь быстро, но который может набирать обороты с течением времени и сообщениями о первоначальном успехе.⁴⁴

Ряд выдающихся историков, включая Германа Белца и Джорджа Фредриксона, серьезно относятся к сообщению о разговоре, который Линкольн якобы имел с генералом Бенджамином Батлером в апреле 1865 года. По словам Батлера, Линкольн сам задал тревожный вопрос, который находится в центре внимания этой книги. “Но что мы будем делать с неграми после того, как они будут освобождены?” президент спросил генерала. По словам Батлера, Линкольн продолжал комментировать: “Я с трудом могу поверить, что Юг и Север могут жить в мире, если мы не сможем избавиться от негров. . . Я считаю, что было бы лучше вывезти их всех в какую-нибудь плодородную страну с хорошим климатом, которую они могли бы предоставить в полное свое распоряжение”. По воспоминаниям Батлера, Линкольн опасался, что чернокожим солдатам, вернувшимся на Юг, “будет немногим лучше со своими хозяевами, чем раньше”, и что “расовая война” или, “по крайней мере, партизанская война” на Юге возможна.⁴⁵ Этот разговор мог иметь место, а мог и не иметь, и мы никогда не можем быть уверены, поскольку отдельного подтверждения этому не существует.

Но нет необходимости верить, что Линкольн продолжал поддерживать колонизацию в тот вечер, когда он пошел в театр Форда, чтобы признать, что у него были очень ограниченные ожидания относительно улучшения межрасовых отношений в Америке. Эти ограниченные ожидания являются ключом к пониманию подхода Линкольна к расовому вопросу. Как и каждый человек, Линкольн был человеком своего времени. Он находился под влиянием глубины и широты расизма в своем обществе и был ограничен во многом общепринятыми взглядами на расовую проблему. Как амбициозный политик, который никогда не был

ревностным аболиционистом, он питал очень скромные мысли о позитивных изменениях в расовых отношениях. Его поведение на посту президента не соответствует достоинствам, приписываемым мифической, культовой фигуре праздничной национальной культуры, потому что он принял непреходящую реальность уродливого расизма, который последующие поколения предпочли замалчивать. Когда в 1861 и 1862 годах Линкольн предлагал схемы постепенной эмансипации, он представлял себе процесс, который продлится до 1890-х годов или дольше, когда некоторые чернокожие люди будут обязаны служить хозяевам своих родителей до конца двадцатого века. Когда он думал о мире после Гражданской войны, он представлял себе общество, в котором реалии расовых отношений будут меняться лишь скромно и медленно, с трудностями и конфликтами.

Линкольн хотел, чтобы рабству в Соединенных Штатах пришел конец, но он не ожидал, что на смену ему придут свобода и равенство — по крайней мере, до тех пор, пока не сменятся поколения. Как практичный политик, он не был заинтересован в крестовом походе за столь непопулярное дело, как расовое равенство. Когда он встретился с комиссарами Конфедерации на Хэмптон-Роудс, он, возможно, был готов рассмотреть отсроченную эмансипацию, потому что считал, что институт рабства в целом умирает в результате его военных мер и того, что он в другом месте назвал “трением и истиранием” событий военного времени.⁴⁶ Несомненно, рабству был нанесен серьезный ущерб в результате его действий и по инициативе самих рабов. Но Линкольн не ожидал, что реалии жизни бывших рабов на Юге резко и быстро изменятся. Поэтому для него мало имело значения, станут ли все рабы свободными немедленно или некоторым придется подождать немного дольше. Все неизбежно испытают это и будут вынуждены смириться с ограниченными горизонтами на долгие годы вперед.

К его чести, Линкольн понял, что рабство и расизм развратили сердце нации, “зародившейся в Свободе и приверженной идее, что все люди созданы равными”. Но эта коррупция означала, что любое решение фундаментальной расовой проблемы было бы мучительным и медленным. Хотя Линкольн был против рабства и заявлял о “часто выражаемом личном желании, чтобы все люди повсюду были свободны”, он неоднократно признавал, что неравенство очень устойчиво к изменениям, если не сказать неискоренимо.⁴⁷ Хотя он, несомненно, получал удовольствие от осторожного продвижения расистской страны к всеобщей эмансипации, его ожидания расового прогресса после этого были очень незначительными. Он не боролся за равенство и не включал улучшение расовых отношений в свою политическую повестку дня, потому что предполагал, что мало что возможно изменить. Прогресс или разделение может произойти только в течение длительного периода времени.

Эти реалии объясняют президента, который на Хэмптон-Роудс был готов отказаться от многого, что было важно для чернокожих, чтобы примирить белых южан. Они рассказывают о военном лидере, который считал воссоединение своей главной целью и рассматривал эмансипацию как средство достижения этой цели. Они объясняют готовность Линкольна отложить эмансипацию и его нежелание вести крестовый поход за расовое равенство или за гражданские права чернокожих. В этих реалиях кроются непривлекательные аспекты национального характера, которые более приятно игнорировать или включать в повествование о непрерывном прогрессе. Белый расизм был центральным фактом нации, которую Линкольн пытался возглавить и воссоединить, и это была реальность, которая доминировала и ограничивала его подход к эмансипации и послевоенной свободе. Масштабы и глубина этого расизма стали очевидны на победоносном Севере всего через несколько месяцев после смерти Линкольна.

ВОСЕМЬ

1865 ГОД И ДАЛЕЕ

С убийством президента Линкольна и капитуляцией армий Конфедерации Соединенные Штаты оказались перед новым и неопределенным будущим. Четырехлетняя череда убийств закончилась. Чрезвычайно разрушительная война проявила некоторые вещи и оставила без ответа другие важные вопросы. Союз будет сохранен, поскольку Юг потерпел поражение и потерял свою заявку на независимость. Как на Севере, так и на Юге большинство людей также смирились с тем фактом, что рабству приходит конец. Авраам Линкольн принял эмансипацию как инструмент завоевания, и, несмотря на многочисленные разногласия и различные примирительные предложения, сделанные летом 1864 года на конференции на Хэмптон-Роудс, выделялись два факта: война нанесла огромный ущерб институту, и победивший Север ожидал увидеть далеко идущие изменения в “интересах”, которые “каким-то образом были причиной войны”. В течение многих месяцев республиканцы и их сторонники настаивали, более решительно, чем Линкольн, что будущее Союза не может быть безопасным, если не будет устранено вызывающее беспокойство присутствие рабства. Во время дебатов по Тринадцатой поправке даже убежденные демократы заигрывали с идеей оставить рабство позади себя и своей партии и принять всеобщую свободу.¹

Однако список вопросов, оставшихся без ответа, возглавляли два важнейших.: Как восстановить разрушенный и поврежденный войной Союз? И каков был бы статус и роль недавно освобожденных рабов? Объединяющейся нации теперь предстояло решить этот последний вопрос, который стоял перед Севером с самого начала войны и возник перед Югом в ее последние месяцы. Обе секции неверно истолковали этот вопрос в терминах, предполагающих контроль белых, как “Что нам делать с неграми?”

Ни Конституция, ни предыдущая история не давали никаких указаний по восстановлению Союза. Точно так же существовало мало официальных указаний, которые подсказывали бы ответ на вопрос, что делать с вольноотпущенниками. Администрация Линкольна мало что сделала для решения этого вопроса, избегая его молчаливо, последовательно и почти решительно. Сама Эмансипация всегда объяснялась и оправдывалась как военная необходимость, средство сохранения Союза. Идея о том, что несколько чернокожих мужчин могут получить право голоса, не озвучивалась Линкольном до 11 апреля 1865 года, да и то только как личное предпочтение, нечто, подлежащее обсуждению, а не политике. Многие республиканцы были гораздо более убеждены, чем Линкольн, в том, что избирательное право для всех освобожденных рабов было либо желательным, либо абсолютно необходимым средством защиты бывших рабов, которым приходилось жить среди несчастных бывших хозяев. Лидеры Демократической партии и белые южане, однако, были категорически против. Из-за отсутствия президентского руководства и пропаганды многие северяне, вероятно, не восприняли эту идею всерьез. Эти два вопроса должны были быть решены, и послевоенные события неизбежно привели к тому, что они стали влиять друг на друга.

События лета и осени 1865 года показали, насколько проблематичным будет поиск ответов на эти вопросы. Когда Эндрю Джонсон взял в свои руки бразды правления и инициировал процесс Восстановления, три северных штата рассмотрели вопрос о правовом и политическом статусе

афроамериканцев. В то время как Джонсон имел дело с побежденными конфедератами и требовал от них ратификации Тринадцатой поправки, избиратели в Коннектикуте, Висконсине и Миннесоте решали, должны ли несколько чернокожих мужчин, живущих среди них, иметь право голоса. Исход этих событий продемонстрировал, что расистская нация еще не столкнулась всерьез с вопросом “Что нам делать с неграми?”. Причина войны и ее окончательное решение в американском обществе оставались разделенными укоренившейся и всепроникающей культурой превосходства белых.

Колоссальная война привела к эмансипации. Через несколько лет отказ победителей потерять мир приведет к появлению избирательного права для чернокожих — на какое-то время. Но корнем проблемы оставались взгляды и предположения о расовом превосходстве, которые характеризовали большинство белых северян и еще большую долю бывших конфедератов. Линкольн достиг своей главной цели: сохранения Союза. Эмансипация явилась долгожданным, но и политически проблематичным побочным продуктом. Равенство не стояло на повестке дня, и осенью 1865 года оно было отвергнуто победившими северными штатами, что показало, насколько серьезной оставалась проблема. Вопрос, поставленный войной, не будет решен победой или Восстановлением, но останется проблемой для американского общества на протяжении последующих поколений.

НА ПРОТЯЖЕНИИ ВСЕЙ ВОЙНЫ многие лидеры республиканцев намного опережали Авраама Линкольна в вопросах, касающихся будущего афроамериканцев. В Конгрессе некоторые с самого начала утверждали, что необходимо освободить рабов, привести их в армию Союза и отдать им избирательные бюллетени после победы. Сообщения с Юга, такие как отчеты армейских офицеров и выводы Комиссии по расследованию деятельности американских вольноотпущенников, только укрепили эти взгляды. На государственном уровне многие республиканцы также были убеждены, что свобода предполагает равные права, если не в социальной жизни, то в политических и гражданских вопросах. Если все афроамериканцы хотят быть свободными, рассуждали эти республиканцы, они также должны пользоваться правом голоса, основанным на американских принципах представительного правления и равенства людей. Сработала логика равных прав, и это побудило республиканцев добиваться избирательного права в своих штатах-партиях.

Республиканцам в трех северных штатах удалось поставить вопрос о избирательном праве чернокожих перед избирателями в течение 1865 года. Во всех этих штатах — Коннектикуте, Висконсине и Миннесоте — проживало очень небольшое количество чернокожих жителей. Коннектикут, один из первоначальных тринадцати штатов, был единственным штатом в регионе Новой Англии, который в то время не распространял избирательное право на чернокожих граждан. В 1860 году здесь насчитывалось 9000 чернокожих жителей при населении в 460 000 человек, или менее 2 процентов от общего числа. В том же году в Висконсине, который вступил в Союз в 1848 году, было зарегистрировано примерно 1000 афроамериканцев из 776 000 человек населения, а в Миннесоте, которая вступила в Союз десятилетие спустя, проживало менее 500 чернокожих жителей из 172 000 человек населения. Таким образом, эти два западных штата были почти полностью белыми, их афроамериканское население составляло гораздо менее 1 процента от общего числа.²

В Коннектикуте перспективы благоприятного голосования казались хорошими, по крайней мере поначалу. В июле генеральная ассамблея штата ратифицировала Тринадцатую поправку без

единого голоса "против", и предложение о избирательном праве, которое будет вынесено на рассмотрение народа, не было неограниченным и, следовательно, не могло быть названо радикальным. Действующий закон Коннектикута требовал, чтобы избиратели умели читать и писать; "вычеркнув слово "белый" в отношении избирательного права, избиратели могли бы распространить избирательный бюллетень на чернокожих мужчин, но эти новые избиратели должны были бы быть одинаково квалифицированными и грамотными, прежде чем они смогли бы воспользоваться избирательным правом. Сторонники изменения также могли бы привести аргумент о том, что Коннектикут должен идти в ногу со своими соседями: принятие этой поправки к конституции штата устранило бы "необоснованную и несправедливую дискриминацию, которая не существует ни в одном другом штате Новой Англии".³

Республиканцы также казались хорошо организованными, чтобы работать во имя перемен. Голоса Коннектикута за беспристрастное избирательное право опубликовали обширную брошюру, в которой кратко излагались аргументы в поддержку, выдвинутые различными выборными должностными лицами, а республиканские газеты штата освещали проблему избирательного права в своих ежедневных репортажах и призывали к принятию поправки. Равное и беспристрастное избирательное право, утверждали республиканцы, соответствует принципам Декларации независимости и развитой демократии. Газета "Хартфорд Дейли Курант" призвала избирателей "отдать свои голоса справедливо и разумно на нашей стороне" и отдать предпочтение "этому простому акту справедливости", который свидетельствует о том, что "все люди рождаются свободными и равными". Неамериканская альтернатива признания "превосходства рождения или расы", как заявила газета *Norwich Weekly Courier*, означала, что "вы не можете построить никакой надстройки, кроме аристократии". Республиканские газеты также с удовольствием отмечали, что в более раннюю эпоху чернокожие помогли принять первоначальную Конституцию США, что демократы в штате Мэн выступили за избирательное право чернокожих и что сообщения с Юга показывают, что вольноотпущенники хорошо работают и добиваются прогресса, несмотря на жестокое обращение.⁴

Мужество и самопожертвование чернокожих солдат, сражавшихся за сохранение Союза, также получили заслуженное признание. *Norwich Morning Bulletin* перепечатал речь генерала Массачусетса Бенджамина Батлера, который заявил: "Тот, кто достоин принять пулю при защите страны, должен иметь избирательный бюллетень в правительстве страны". Военная служба по праву была "его свидетельством о натурализации, его избирательными правами, его гражданством, его правом голоса повсюду". Республиканец из Коннектикута по имени Джон М. Дуглас также выступал за права чернокожего солдата, утверждая, что "Изгиб Милликена свидетельствует о его доблести. Оласти говорит о его неизменной похвале. Форт Вагнер рассказывает скорбную историю двухсот соболиных воинов, которые пали, неся честь Новой Англии и флаг нашей страны . . . Будьте благодарны черному человеку, который нанес удар, защищая вашу страдающую, истекающую кровью страну."⁵ Такие солдаты, как указывали республиканские газеты, также были респектабельными жителями штата. Чернокожий житель Коннектикута был "мужчиной среди мужчин", гражданином, который обеспечивал себя сам, платил налоги, ходил в школу и посещал церковь, утверждала газета "Хартфорд дейли Курант".⁶

Афроамериканские граждане штата также выступили в защиту своих прав и интересов. В Нью-Лондоне "цветные мужчины" встретились и выступили с обращением "к народу штата". Отметив, что до 1818 года чернокожие мужчины, владевшие достаточным количеством

собственности, могли голосовать в Коннектикуте и голосовали раньше, эти собравшиеся афроамериканцы просили своих сограждан “вашей помощи в восстановлении нами давно утраченного права”. Они утверждали, что если цветные мужчины “компетентны обращаться спулей, защищая страну, они также компетентны обращаться с бюллетенями для голосования”, и они указали, что чернокожие мужчины из Коннектикута участвовали в Революции, войне 1812 года и Гражданской войне. Не критикуя иммигрантов, которые прибывали в штат, эти чернокожие мужчины отметили, что они были коренными жителями, а затем добавили: “Цветные мужчины штата Коннектикут, в целом, являются законопослушным, трудолюбивым и интеллигентным классом людей; их материальное положение довольно среднее; и мы требуем тщательного изучения нашей пригодности для осуществления избирательного права Все, чего мы просим, - это те же тесты, которые проводятся с другими гражданами”. Обращаясь к белым избирателям, они просили помощи в восстановлении “тех данных Богом прав, которые мы все считаем такими священными и имеющими такую бесценную ценность”.⁷

Однако по мере того, как лето подходило к концу и приближались осенние выборы, тон республиканских журналов начал меняться с идеалистического и воинствующего на осторожный и оборонительный. Белый расизм давал о себе знать, поскольку знакомые идеи о том, что “Это правительство белого человека” и “негры - низшая раса”, стали звучать все чаще. Человек, написавший в “Хартфорд таймс” и подписавшийся “Предубеждение”, с гордостью заявил: “Я ‘предубежден’ против голосования негров. Я предубежден против смешанных браков между неграми и белыми. Я с предубеждением отношусь к смешиванию крови двух рас и к тому, чтобы сделать их или попытаться сделать их *равными*. Нации смешанных рас приходят в упадок и умирают. Я не хочу здесь южноамериканской смеси”.⁸

Неопределенность относительно хода Реконструкции также сработала против республиканцев в Коннектикуте. Потрясенные убийством Линкольна и внезапной сменой президентов, избиратели штата хотели чувствовать себя в безопасности под руководством Эндрю Джонсона и были склонны поддерживать его политику. Даже республиканские газеты, такие как “Хартфорд Дейли Курант”, сочли своим долгом заявить, что они “безоговорочно” поддерживали президента Джонсона, “и мы будем продолжать это делать”. “Дейли Курант” ясно дала понять, что не состоит в союзе с какой-либо “радикальной фракцией”, которая намеревалась нанести поражение политике президента в отношении Юга. На неизведанной послевоенной территории люди хотели верить утверждениям Джонсона о том, что он строил лояльные правительства на Юге, по крайней мере, до тех пор, пока не было неопровержимых доказательств того, что он потерпел неудачу. Белые северяне не были убеждены, что чернокожие южане должны голосовать так скоро после рабства. “Норвич Уикли Курьер”, например, опубликовал речь Джорджа С. Бутвелл, конгрессмен-республиканец из Массачусетса и бывший губернатор этого штата, который советовал проявлять терпение при оценке меняющейся политики президента на Юге. По мере того как демократы все чаще оказывали поддержку президенту, республиканцы маневрировали с осторожностью, чтобы не показаться несдержанными и непатриотичными. Утверждая, что видные на национальном уровне республиканцы поддержали бы поправку о избирательном праве Коннектикута, если бы они жили в штате, газеты сочли своим долгом утверждать, что нет ничего плохого в поддержании “политики президента [на Юге], которая заключается в том, чтобы оставить за каждым штатом вопрос о том, кто должен голосовать”.⁹

Защищаясь, республиканским газетам пришлось раскритиковать “чушь о ”смешанном происхождении” и подобную расистскую тактику, направленную на эксплуатацию социальных страхов. *”Хартфорд Таймс”* заявила, что если редактор республиканской газеты *”Курант”* действительно верит в его аргументы о избирательном праве, он должен приветствовать чернокожих людей в “своей гостиной и за своим обеденным столом”. В ответ *Daily Courant* спокойно заметила: “Если мы дадим негру право голоса, мы никого не заставим его обниматься”, добавив, что “естественное отвращение между коренными американцами и низшим классом иностранцев” было доказательством того, что “социальным различиям” не будет угрожать опасность. Когда *Бриджпортский фермер* заявил, что Коннектикут создан для белых мужчин и что национальное правительство предназначено только для белых, *Norwich Weekly Courier* признал, что люди имеют право на предвзятое отношение, но утверждал, что имущественные тесты или тесты на грамотность для получения избирательного права должны быть одинаковыми для всех.¹⁰

Республиканская газета *Norwich Morning Bulletin* первоначально выдвинула несколько сильных и вызывающих аргументов против своих оппонентов. В нем утверждалось, что взгляды *New Haven Register* сводятся ни к чему иному, как к “Черному ниггеру, во всяком случае”, а редактор *Morning Bulletin* выразил сожаление по поводу того факта, что “любой белый бродяга, которому нельзя доверить и десятицентовую монету, или к которому порядочный человек не прикоснулся бы десятифутовым шестом”, был “приглашен к урне для голосования”, в то время как “интеллигентному и респектабельному” негру “запрещено голосовать”. *Утренний бюллетень* также скопировал умный аргумент из *New York Post*, который указал на множество противоречий в расовых аргументах демократов. Среди них были противоречивые утверждения о том, что чернокожие ленивы и не будут работать, но будут красть работу у белых; что афроамериканцы трусливы, но являются опасными дикарями; и что африканцы могут жить только в теплом климате, но вот-вот хлынут на холодный Север. Однако логика не обладала такой эмоциональной силой, как страх и предубеждение. В течение пары недель *Утренний бюллетень*, теперь занявший оборонительную позицию, отрицал, что республиканцы испытывали “какую-либо сентиментальную симпатию” к чернокожим людям или какую-либо потребность “взять на себя миссию по возвышению чернокожего человека”. Защищая законность “социальных различий”, к концу кампании эта республиканская газета писала, что “У республиканцев Коннектикута впредь будет достаточно здравого смысла, как и прежде, регулировать все свои социальные отношения с черными мужчинами в соответствии с приличиями и хорошим порядком. Они сами будут судить о том, что правильно, и не будут чувствовать себя обязанными ... предлагать своих сыновей в жены дочерям цветных”.¹¹

Оборонительная позиция этих газет предвещала неутешительный результат. Когда избиратели Коннектикута пришли на выборы в начале октября, они с большим отрывом отвергли поправку о избирательных правах. Только 45 процентов бюллетеней отдали за избирательное право чернокожих мужчин, а кандидаты от республиканской партии значительно опередили сторонников поправки. В честной оценке *Norwich Morning Bulletin* признал: “Это, конечно, указывает на то, что республиканцы в значительном количестве проголосовали против поправки или пренебрегли голосованием за нее”. Чтобы объяснить поражение, некоторые республиканские газеты утверждали, что “многие хорошие республиканцы” были ложно убеждены, что “такие действия противоречат политике президента Джонсона”, или что “голосование Коннектикута будет использовано [радикалами] для решения вопроса о реорганизации” разделенного Союза. Но другие журналы не могли отрицать, что уродливая

сила расизма сделала свое дело. Результат показал, “что многие, кто не мог поддержать кандидатов от копперхеда, все еще не избавились от того предрассудка, который по праву принадлежит менее просвещенному веку”. В штате Новая Англия, где проживает лишь небольшое количество чернокожих жителей, расизм одержал “триумф ... предрассудков над справедливостью”.¹²

Отсутствие значительного числа чернокожих среди населения оказалось в равной степени неуместным для расовых страхов и расовой враждебности в Висконсине. Этот западный штат уже однажды рассматривал возможность предоставления избирательного права чернокожим, вскоре после своего вступления в Союз. В 1849 году идея получила большинство голосов, поданных по этому вопросу, который был одним из нескольких в бюллетене для голосования, но голосов “за” не хватило большинству всех участвующих избирателей, и поэтому предложение провалилось.¹³ Выборы 1865 года показали, что настроения в пользу избирательного права мужчин, независимо от расы, фактически ослабли, несмотря на события Гражданской войны.

Демократы в Висконсине провели кампанию против поправки, в которой звучали традиционные партийные темы. Отождествляя поддержку избирательного права чернокожих с оппозицией президенту Джонсону, они утверждали, что сторонники хотели “отказаться” от политики президента и посягнуть как на права штата, так и на “форму правления, установленную конституцией”. Демократы верили, пишет *Daily Milwaukee News*, в “право отдельных штатов на самоуправление”, и газета утверждала, что “каждый человек, избранный в конгресс” на Юге в соответствии с программой восстановления президента Джонсона, “имеет право на место” в капитолии страны. Таким образом, критика республиканцев была равносильна попытке “разрушить государственный суверенитет [так в оригинале]”. “Централизованное” федеральное правительство, к которому якобы стремились республиканцы, могло “легко скатиться к диктатуре”, а радикальные республиканцы стремились к “Радикальному господству на севере и господству негров на юге”.¹⁴

Демократические газеты предупреждали, что республиканцы были “фанатиками” и “сумасшедшими”, чьи идеи приведут трезвых граждан к диким нелогичным выводам, таким как “вывод о том, что женщины должны быть вооружены избирательными бюллетенями для своей защиты”. Газета Милуоки расширила это рассуждение, заявив, что если чернокожие получили право голоса, то и индейцы меномони штата тоже должны это сделать. Но такие “абсурдные измы” представляли опасность для жителей Висконсина, предупреждали демократы. *Lansing Journal* осудил попытки “создать низший класс [так в оригинале], на челе которого Бог в своей мудрости начертал ‘неполноценность’, равную “белым”. Республиканцы пытались “бросить вызов законам природы, чтобы удовлетворить безумную теорию”.¹⁵

Демократы утверждали, что, по мнению вольноотпущенников, “все, что может быть сделано севером для отмены рабства, сделано”. Кроме того, они убедительно доказывали, что чернокожие американцы не заслуживают какого-либо дальнейшего внимания или привилегий. Ссылаясь на выступления членов консервативной семьи Блэр, они поддержали отказ южан от избирательного права чернокожих и согласились с Монтгомери Блэром, бывшим генеральным почтмейстером Линкольна, в том, что избирательное право чернокожих создаст “смешанный, деградирующий состав рабочих” и снизит заработную плату белых. Блэр настаивал на том, что расы должны быть разделены, и Мексика стала бы желанным “местом убежища” для афроамериканцев. Демократические газеты также предположили, что все афроамериканцы

этого не заслуживают, печатая отчеты о “необузданной наглости” вашингтонских негров, о нападении на молодых леди в Чикаго “негра, вооруженного охотничьим ножом”, или о предполагаемом безделье и преступности в других местах. Вольноотпущенники, утверждала *Daily Milwaukee News*, были противоположностью “моральным, честным, умным, бережливым, трудолюбивым и способным гражданам”.¹⁶

Республиканцы в Висконсине не были едины в вопросе избирательного права чернокожих, и этот факт, несомненно, повредил их делу. Сенатор США Джеймс Дулиттл был против избирательного права чернокожих мужчин и предупреждал, что его требование на Юге приведет к войне рас. Кандидат от партии на пост губернатора Люциус Фэйрчайлд был бывшим демократом, ставшим юнионистом, и уровень его поддержки избирательного права чернокожих также был под вопросом. Сенатору Дулиттлу удалось сформулировать платформу государства-участника таким образом, чтобы избежать этого вопроса. Другие республиканцы, однако, расходились с Дулиттлом во взглядах как на Реконструкцию, так и на избирательное право, и второй “Массовый съезд профсоюзов” был организован радикальными и убежденными профсоюзными деятелями штата”. На этом втором съезде была занята более решительная и воинственная позиция. Он выступил за равное и беспристрастное избирательное право в Висконсине, потребовал, чтобы Южные штаты приняли Тринадцатую поправку, и призвал внести еще одну конституционную поправку, “чтобы представительство каждого штата в Палате представителей было пропорционально числу квалифицированных совершеннолетних избирателей-мужчин в таком штате”.¹⁷ Но из-за того, что республиканские газеты также разделились, партия была не в лучшем положении, чтобы вести убедительную кампанию за избирательное право чернокожих.

Тем не менее республиканцы утверждали, что четыре миллиона человек не должны “быть отстранены от всякого участия в выборе своих собственных правителей”, что чернокожие солдаты сражались за Союз и заслужили право голоса, и что вольноотпущенники столкнулись с большой враждебностью на Юге и нуждались в постоянной защите. Республиканцы заявили, что афроамериканские граждане штата “трудолюбивы и аккуратны” и “столь же умны, как в среднем по населению”. Они призвали избирателей Висконсина поддержать “правосудие над государственной изменой” и поддержать людей, “которые помогли победить государственную измену”, а не демократов, которые были связаны с “позорной платформой мира” 1864 года. Чернокожие мужчины также организовались, чтобы донести свои взгляды до общественности. В Милуоки состоялась встреча, на которой чернокожие граждане подтвердили свою лояльность нации, задокументировали свою жертву ради Профсоюза и призвали к признанию их права голоса.¹⁸ Республиканцев также возмутило то, что избирательное право не превратит чернокожих в должностных лиц и не даст им “каких-либо особых супружеских привилегий”. Республиканцы указали, что при наличии в штате не более двухсот потенциальных чернокожих избирателей крайне маловероятно, что какой-либо афроамериканец займет государственную должность.¹⁹

Но эти возражения имели лишь скромный эффект по сравнению с натиском демократической расистской пропаганды. Демократические газеты публиковали истории о праздных, никчемных вольноотпущенниках или высокомерных чернокожих солдатах, которые издевались над белыми мужчинами на Юге. Демократы перепечатали сатирическую статью из газеты штата Кентукки, в которой через десять лет “просвещенный цветной государственный деятель мистер Дж. Цезарь Кроу” будет настаивать на том, что белым мужчинам следует предоставить некоторые права,

включая “право жениться на цветных дамах”. Вольноотпущенники были “невежественными и дегенерировавшими”, гремели демократы, а “негр ниже индейца”. Более того, они обвинили республиканцев в том, что они “стимулируют эмиграцию негров, слияние и смешанное происхождение”, и отметили, что демократы в соседнем штате Миннесота предупреждали о притоке “отбросов южного рабства”. После того, как белая полиция Мемфиса устроила беспорядки против чернокожих граждан, газета а La Crosse, штат Висконсин, обвинила в “возмутительных беспорядках” афроамериканцев, которые якобы заявили, что они будут “править Мемфисом, или они убьют каждого белого человека в этом месте”. В нем предсказывалось, что поправка о избирательных правах приведет к тому, что “эти мемфисские ниггеры хлынут в наши города”. Цитируя эссеиста из Иллинойса, газета La Crosse также утверждала, что национальное величие возникло “потому, что белый человек занял свое истинное положение на шкале бытия”, и обвиняла республиканцев из Индианы в том, что они танцевали с черными “девицами ... пока нежный аромат не стал достаточно густым, чтобы его можно было разрезать совковой лопатой и превратить в попоны для лошадей”.²⁰

Примечательно, что республиканцы Висконсина, столкнувшись с такой подстрекательской, непристойной оппозицией и которым мешала разобщенность внутри их собственной партии, избежали поражения по всем направлениям. На осенних выборах их кандидат на пост губернатора набрал почти девять тысяч голосов. Однако результаты по избирательному праву чернокожих были аналогичны результатам в Коннектикуте. Многие республиканцы либо проголосовали против предложенной поправки, либо отказались от своей поддержки. В штате, где почти нет афроамериканцев, предполагаемые опасности голосования чернокожих и иммиграции помогли получить большинство против избирательного права чернокожих - более шести тысяч голосов.²¹

Ситуация в Миннесоте, которая была более малонаселенной, чем Висконсин, и имела лишь незначительное чернокожее население, была схожей во многих отношениях. Там демократы также обнародовали взгляды и советы семьи Блэр, а газета Сент-Пола поддержала сетования Фрэнка Блэра о том, что Юг подвергается преследованиям и что никто не должен вмешиваться в право суверенного государства определять свои избирательные законы. Описывая политику Эндрю Джонсона как “мягкую, разумную, государственную и патриотическую”, демократы стремились выставить своих оппонентов непатриотичными. Республиканцы, по их словам, были “фанатиками”. Республиканцы якобы угрожали свободе личности своей верой в “подавляющую, деспотическую ... деспотическую бюрократию” и своим стремлением к “вездесущей, всемогущей власти федерального правительства”.²²

Демократические газеты постоянно публиковали враждебные и предвзятые репортажи о вольноотпущенниках. “Бесчинства негритянских солдат” якобы беспокоили жителей Шривпорта, штат Луизиана; вольноотпущенники Юга показали себя “никчемными” и “вороватыми”; в Чарльстоне, Южная Каролина, они были “наглы до невыносимости”; “опасный негр” угрожал детям в Чикаго. Согласно демократическим газетам, такие события были неизбежны, потому что афроамериканцы были “ослабленной и невежественной расой”, “неквалифицированной в образовании”, “значительно уступающей белым” и пребывавшей в иллюзии, что свобода означает “много есть и ничего не делать”.²³

Платформа Демократической партии Миннесоты осудила оппозицию президенту Джонсону и раскритиковала республиканцев в Конгрессе за “революционную” идею исключения

представителей Юга, “если они не будут избраны на основе избирательного права негров”. В нем критиковались ограничения свободы белых южан и звучала традиционная демократическая нота о том, что партия защищает свободу личности от властолюбивого правительства. Добавляя некоторые экономические проблемы, демократы призывали к реоформлению государственного долга по более низким процентным ставкам и утверждали, что богатые инвесторы, владеющие облигациями США, должны платить проценты с этого дохода. Они также выступили категорически против “предоставления избирательных прав неграм этого штата”. Утверждая, что чернокожие являются низшими и привнесут “элемент недовольства, опасности и коррупции” в политическую систему, платформа демократов включала некоторую подстрекательскую расовую риторику. “Социальная организация” Миннесоты находилась в опасности, потому что разрешение чернокожим мужчинам голосовать сделало бы штат “местом прибежища для отбросов южного рабства”.²⁴

Республиканцы Миннесоты выступили с платформой, обвиняющей демократов в том, что они собираются “сохранить причины восстания”, удерживая вольноотпущенников Юга “в условиях рабства”. Такой исход был бы не только “поношением человечности и цивилизации всей нации”, но и нарушил бы “дух наших институтов”, который требовал, чтобы “мерой политических прав человека не были ни его религия, ни место его рождения, ни раса, ни цвет кожи, ни какие-либо просто физические характеристики”. Редакторы-республиканцы также утверждали, что афроамериканцы не являются гражданами США. Он сражался и погиб за Союз и что “совершенное равенство всех людей перед законами” было неотъемлемо от принципов Декларации независимости и было “фундаментальным принципом истинной демократии”. Отказ вольноотпущенникам в праве голоса означал бы, что “южные штаты получают пятнадцать представителей в Конгрессе ... без увеличения числа избирателей”. Республиканцы называли демократов “Медноголовыми” и заявили, что их предубеждение против чернокожих вскоре может привести их к борьбе против “свободного избирательного права иностранца”.²⁵

Однако республиканцы Миннесоты не были сильно едины в вопросе равного избирательного права для чернокожих американцев. По крайней мере, одна республиканская газета предсказывала, что поправка о избирательном праве провалится, потому что, в дополнение к влиянию демократической оппозиции, вернувшиеся солдаты видели рабство “вего наихудшей форме и цветных мужчин в их наиболее деградированном состоянии”, а также потому, что некоторые республиканцы поддерживали требования к образованию как для иммигрантов, так и для чернокожих. Генерал Уильям Р. Маршалл, кандидат от партии на пост губернатора, высказался за поправку о избирательном праве. Но он также публично признал, что “родился в рабовладельческом государстве и имел предубеждение против негров”. Маршалл утверждал, что “высшая раса должна возвышать низших”, и заявил, что он “готов максимально использовать способности и возможности чернокожего человека”. Он объяснил, что смог занять эту должность, потому что “не боялся за свое самоуважение и свое превосходство”, и заверил слушателей, что не будет “социально общаться с неграми”.²⁶ Такая прохладная расистская поддержка, вероятно, была менее чем убедительной для колеблющихся избирателей. Республиканская газета аналогичным образом защитила позицию партии, заявив: “Мы не знаем ни одного республиканца, который желал бы отправить негра в Конгресс, или сделать его народным судьей, или боялся бы их соперничества в социальном кругу”.²⁷

Обвинения в расизме заставили республиканцев Миннесоты перейти к обороне, и по мере приближения выборов демократические журналы усилили свои угрожающие прогнозы. “Если

голосование негров будет разрешено”, - предупредила *gazeta St. Paul Pioneer*, “следующий шаг республиканцев будет в пользу ”смешанного происхождения“ ”. Газета также опубликовала письмо читателя, обвиняющего республиканцев в том, что они были готовы “унизить и деградировать” свою собственную расу, поставив их “ниже собственных негров”, чтобы удержаться у власти. Избиратели Миннесоты должны сохранить “правительство, основанное белыми мужчинами для использования белыми мужчинами”, в то время как администрация Маршалла превратила бы штат в “рай для черных”. Республиканцы “привлекли бы негров для работы на наших железных дорогах, для управления нашими телегами, фургонами и подводами, чтобы оттеснить белых мужчин с дороги, особенно ирландцев и немцев”. “Деградация белой рабочей силы” означала бы, что Миннесота превратилась бы в “Либерию свободных негров”. Завершая кампанию, *Пионер* кричал: “Если вы хотите, чтобы ниггеры были в ваших школах, ниггеры на избирательных участках, ниггеры в ложе присяжных, ниггеры на ваших полях, ниггеры на ваших общественных работах, ниггеры, ухаживающие за вашими белыми девушками, ниггеры, развращенные демагогами, ниггеры, голосующие, ниггеры, занимающие должности, ниггеры, допускающие смешанное происхождение, и НИГГЕРЫ, ПОКА ВЫ НЕ СМОЖЕТЕ УСПОКОИТЬСЯ— голосуйте за Уэнделла Филлипса [республиканца] за смешанное происхождение”.²⁸

Когда наступил день выборов, республиканцам удалось избрать своего кандидата на пост губернатора, но поправка о избирательном праве потерпела явное поражение. Генерал Маршалл победил со значительным отрывом, что свидетельствует об общем большинстве республиканцев в Миннесоте. Но многие из его сторонников-республиканцев, например, республиканцы в Висконсине и Коннектикуте, отказались голосовать за избирательное право чернокожих. Общее количество голосов по поправке было значительно меньше, чем общая явка, и только 45 процентов проголосовавших высказались за нее. В Республиканской партии было много активистов, которые верили в равные права, но предрассудки и страх перед социальными переменами держали в своей власти большее число людей, как в партии, так и в обществе в целом. Вскоре после голосования в Миннесоте жители территории Колорадо приняли конституцию, и своими голосами они также отказались распространять избирательное право на кого бы то ни было, кроме белых. В Колорадо перевес в пользу расовой изоляции был подавляющим.²⁹ Таким образом, в первые несколько месяцев после победы Профсоюза каждый Северный штат или территория, которые рассматривали избирательное право чернокожих, проголосовали против равенства.

ЧЕМУ ЖЕ ТОГДА МЫ ДОЛЖНЫ НАУЧИТЬСЯ из событий и политики военных лет и из этих выборов в ближайший послевоенный период? Честный, не праздничный отчет наводит на несколько выводов.

В эпоху Гражданской войны американский народ творил свою историю не столько в связи с изменениями расового статус-кво, сколько благодаря им. На Севере ощущение того, что рабство было первопричиной Гражданской войны, сильно усилилось во время конфликта; как сказал Линкольн в своей Второй инаугурационной речи, “цветные рабы” представляли собой “мощный интерес”, который “каким-то образом стал причиной войны”. Но именно военные события, а не какой-либо народный консенсус, побудили и Север, и Юг взяться за эмансипацию. Авраам Линкольн обратился к эмансипации, чтобы выиграть войну и сохранить Союз; Джефферсон Дэвис предложил освободить рабов, чтобы получить больше солдат для борьбы за независимость Конфедерации. Перемены произошли в результате непреодолимых

событий, а не мудрых, творческих и дальновидных намерений политических лидеров. Действительно, эти лидеры могли бы претендовать на меньшую заслугу в достижении перемен, чем им часто приписывают. Согласно политике Линкольна, немедленная эмансипация для всех оставалась неопределенной на Севере даже 11 апреля 1865 года, когда ход войны делал ее все более неизбежной. На Юге продвижение Дэвисом эмансипации провалилось, поскольку Конгресс Конфедерации отказался освободить ни одного раба, а административных действий было слишком мало и они были предприняты слишком поздно, чтобы изменить результат.³⁰

Рабство и расовая принадлежность были основными проблемами, от которых страдал Профсоюз, а расизм был глубоко укоренившейся раковой опухолью в американском обществе. Неохотно и под давлением принуждения нация решила проблему рабства, но раса - это совсем другое дело. Некоторые — непопулярное меньшинство аболиционистов, некоторые члены Конгресса-республиканцы, Комиссия по расследованию дел американских вольноотпущенников и другие, такие как ряд военных командиров, имевших дело с вольноотпущенниками на Юге, — высказывались за желательность и необходимость расовых изменений, но их голоса часто оставались не услышанными среди шума сражений и смертей.

Избранные должностные лица страны практически не оказывали позитивного руководства по центральному вопросу расы и расового будущего страны. Вопросу “Что нам делать с неграми?” уделялось гораздо меньше внимания, чем вопросам о том, как выиграть войну или что делать с рабством. Когда Джефферсон Дэвис обратился к этому вопросу в последние месяцы существования Конфедерации, ответ его администрации выявил явное стремление к долговременной неполноценности и подчинению. Когда всего за четыре дня до своей смерти Авраам Линкольн наконец высказался по этому вопросу, он лишь кратко упомянул о предпочтении избирательных прав для немногих. Хотя война вынудила нацию иметь дело с рабством, неизбежный следующий вопрос — расовое будущее общества после рабства — был тем, чего лидеры надеялись избежать, а большинство граждан хотели игнорировать.

Со времен Гражданской войны большинство американцев также избегали объективно смотреть на ту эпоху. Несмотря на различные исторические свидетельства, популярная культура предпочла мифическую версию событий, тем самым лишив коллективное историческое сознание полного признания американских проблем. Обработка фактов началась рано. Когда Линкольн был убит, видные республиканцы быстро превратили его в мученика, чтобы продвигать электоральные интересы партии. С тех пор, но аналогичным образом, американская культура превратила Линкольна в икону, чтобы вдохновлять на прогресс, изгонять неуверенность или смягчать разочарование по поводу национальных проблем. При поддержке слишком многих историков ему приписываются почти все человеческие добродетели, так что его образ служит символом присущей нации добродетели и безграничных перспектив. Линкольн “стал божеством американской гражданской религии”, по словам Джеймса Макферсона, который сам очень позитивно относился к позиции Линкольна в отношении расы. Другой недавний эссеист отметил, что “полубожественный статус Линкольна в американской истории” является культурным фактом. Писатели обсуждают его слова с “экзегетической точностью”, которую другие “придают тонким спорам о словах и рассказах об Иисусе и его апостолах”.³¹ В десятках опросов имя Линкольна обычно возглавляет список величайших президентов.

Когда историки перешли от высокопоставленных президентов к интерпретации Гражданской войны, их взгляды на Линкольна соответствовали насущным проблемам их времени. Каждое историческое произведение является продуктом определенного времени и места, но поражает то, как мифическая фигура Линкольна принимала различные формы по мере изменения расовых отношений в Соединенных Штатах. К началу 1900-х годов некогда побежденный Юг одержал верх в борьбе той эпохи за расовые мнения, и северяне пришли к выводу, что попытки Реконструкции сделать чернокожих равными перед законом были большой ошибкой. Ведущие историки «открыто предполагали безнадежную неполноценность негров» и осуждали Реконструкцию. Эта интерпретация, писал Дон Э. Ференбахер, «была в совершенной гармонии с апофеозом Авраама Линкольна, который спас союз и освободил рабов, но который, предположительно, выступил бы против Радикальной реконструкции». Таким образом, Линкольн считался мудрым и добродетельным человеком, способным примирить белых южан. К его расовым взглядам относились либо как к менее важным, потому что чернокожие считались недостойными, либо хвалили за то, что он реалистичен и не эгалитарен. Позже, с подъемом движения за гражданские права и возросшей озабоченностью расовой несправедливостью, доминирующим образом Линкольна стал образ мягкосердечного «Великого освободителя». Затем его антирабовладельческие взгляды, его роль в освобождении рабов и его милосердие к таким людям, как Фредерик Дуглас, стали гораздо важнее, чем его заигрывания с мятежными конфедератами. Икона Линкольна появилась, чтобы подчеркнуть непредвзятость лидера и стремление к справедливости. Таким образом, образ Линкольна изменился вместе с изменениями в общественном мнении. Американцы использовали его как талисман для решения насущных проблем разных периодов.³²

В последние годы потребность видеть в Линкольне сторонника расового равноправия продолжала преобладать в общественном сознании и в бестселлерах, в которых он рассматривается как мудрый, гуманный и практически безупречный.³³ Некоторые авторы признали двусмысленность, сложность или предвзятость некоторых заявлений Линкольна только для того, чтобы утверждать, что Линкольн намеренно скрывал свою веру в расовое равенство в стратегических целях, чтобы запутать своих оппонентов. В этой формулировке он на самом деле был «моральным провидцем» и «пламенным идеалистом», который прикрывал свои замыслы «некоторыми очень хитрыми методами» как «художник макиавеллистского использования власти».³⁴ С такими аргументами любая двусмысленность, даже противоречия, могут быть истолкованы благоприятно в поддержку культового образа. Приписывая Линкольту мудрость, смелость или современные расовые взгляды, другие авторы расточали экстравагантные похвалы малейшим его действиям, приуменьшая или игнорируя важную и последовательно проводимую политику. Это явление вырывает Линкольна из его исторического контекста, унижает его человеческую природу и ухудшает наше понимание истории нации. Это отбрасывает в сторону фактические ограничения в его политических позициях, и для разумного понимания расовой роли в истории США доказательство кроется в политике, а не в предполагаемых, но тайных благородных намерениях.

Эту закономерность можно увидеть в недавнем заявлении Джеймса Макферсона о том, что «после издания Прокламации об освобождении 1 января 1863 года Линкольн больше никогда не упоминал о колонизации». Это утверждение может быть правдой, поскольку более поздних публичных заявлений о колонизации не зафиксировано, а разговор Линкольна с Беном Батлером, о котором сообщается, некоторыми учеными ставится под сомнение. Тем не менее, предполагая, что после 1 января 1863 года Линкольн принял двухрасовое будущее нации, это

утверждение игнорирует тот факт, что в апреле 1863 года он отправил сотни афроамериканцев в Карибский бассейн в рамках усилий по колонизации, которые закончились катастрофически, и правительство вернуло выживших обратно в 1864 году. Точно так же, утверждая, что Линкольн был “великим освободителем как в истории, так и в мифах”, и противопоставляя аргументы о том, что эмансипация наступила в результате войны или действий самих рабов, Макферсон хвалит “энергичные” усилия Линкольна убедить Конгресс предложить Тринадцатую поправку. Эти усилия были очень важны, но они не устранили проблемных аспектов его подхода к ратификации. В отношении Хэмптон-Роудс, которую некоторые авторы просто игнорируют, Макферсон критикует весьма уважаемого ученого за то, что он отдает должное “абсурдному заявлению Александра Стивенса, сделанному через пять лет после смерти Линкольна, о том, что президент Союза призвал его в 1865 году ратифицировать Тринадцатую поправку ”в перспективе ”. Тем не менее, мы видели, что это утверждение не абсурдно, а согласуется с политическими заявлениями Линкольна и неоспоримыми замечаниями госсекретаря Сьюарда.³⁵

Другим примером культового подхода к Линкольну является трактовка в недавней и получившей высокую оценку книге Ричарда Каруардина его ежегодного обращения к Конгрессу в декабре 1862 года. Линкольн фактически почти ничего не говорил в своих публичных заявлениях о будущем месте афроамериканцев в национальном обществе. Эта речь 1862 года была одним из всего лишь двух случаев, когда он рассматривал проблему по существу, и некоторые центральные, но некорректные аргументы в речи быстро натолкнулись на резкую критику со стороны демократических газет. Тем не менее, книга Каруардина наилучшим образом приукрашивает слова Линкольна, утверждая, что он “положил начало обучению белых терпимо относиться к свободному черному населению в своей среде” и что он бросил вызов расистским взглядам, “как никогда раньше”. Эти слова тоже верны, но они вводят в заблуждение, предполагая, что Линкольн стремился обучать белых и был полон решимости бороться с расизмом. На самом деле, его “старт” был слабым, вызов - незначительным, а его комментарии были заметны только по сравнению с тем немногим, что было сделано до этого. Точно так же, другие историки изображали Линкольна преданным делу расового равенства, “намеревающимся подготовить общественность к избирательному праву чернокожих” или работающим над тем, “чтобы подготовить общественное мнение к еще одному шагу” к равенству, поскольку он верил, что “общественное мнение - это все” и “тот, кто формирует общественное мнение, идет глубже, чем тот, кто принимает законы и выносит решения”. Один автор заявляет, что “Линкольн понимал, что величайшей задачей для лидера в демократическом обществе является воспитание общественного мнения”. Тем не менее, из записей ясно, что Линкольн часто говорил о примирении повстанцев или колонизации афроамериканцев и лишь изредка о правах вольноотпущенников. Его усилия по формированию общественного мнения в пользу расового равенства были немногочисленны.³⁶

Эти факты не должны ни удивлять нас, ни заставлять осуждать Линкольна, чьи расовые взгляды были относительно просвещенными для его времени. Вместо этого, реалии его времени - характер Соединенных Штатов в 1860-65 годах — должны привлечь наше внимание. Американцам необходимо понимать свою историю, особенно в том, что касается постоянных проблем и расового разделения. Для этого необходимо отбросить дымку идеализма и некритичного патриотизма, которая его окружает. Разумное отношение к настоящему и будущему требует честного понимания Гражданской войны и того, как люди той эпохи отвечали на вопрос (сам по себе обремененный предположениями о расовом превосходстве): “Что нам

делать с неграми?” Такое понимание привело бы к большему знанию и проницательности, поскольку эта история может быть как отрезвляющей, так и обнадеживающей.

Любому наблюдателю в начале двадцать первого века глубина и размах белого расизма в охваченной гражданской войной Америке требует вдумчивого признания. На стороне Конфедерации большинство лидеров были полны решимости сохранить рабство, и даже после того, как военные события вынудили Джефферсона Дэвиса и других задуматься об эмансипации, пределы их представлений о мире после эмансипации не простирались дальше установления системы крепостничества или пеонажа. На Севере большинство республиканцев и других юнионистов были далеки от расовых прогрессистов. В рядах северян, правда, было несколько аболиционистов и защитников равных прав, но их было мало, а их влияние было слабым, пока военные события не вынудили поддержать их необычные и непопулярные рецепты победы. Республиканская партия отрицала какие-либо намерения нападать на рабство, и когда наступила эмансипация, ее лидеры извинились за это как за военную необходимость, неизбежный инцидент войны. Президент партии опасался ее внезапного воздействия и социально дезорганизующих последствий. Демократы, тем временем, неоднократно обвиняли своих соперников в попытке африканизации Севера. Обвинение не соответствовало действительности, поскольку Линкольн постоянно проявлял больше заботы о возвращении мятежных белых южан в Союз, чем об улучшении статуса лояльных афроамериканцев. После 1 января 1863 года ни республиканцы, ни общественность на удивление мало внимания уделяли вопросу о будущем статусе вольноотпущенников. Затем, когда война подошла к концу, избиратели-северяне в трех республиканских штатах отвергли идею избирательного права чернокожих, даже для хорошо образованных или высококвалифицированных людей. Медленный, неохотный и односторонний характер шагов северян к прогрессу свидетельствовал о силе рабства и расизма в национальной культуре.

Сила расизма была вопиюще очевидна также в преобладающем желании большинства северян не иметь ничего общего с афроамериканцами. Вполне возможно, что, особенно после падения Атланты, большинство смирилось с мыслью, что освобождение рабов было необходимым средством для разгрома восстания и сохранения Союза. Но большинство профсоюзных активистов по-прежнему разделяли мнение *New York Times* о том, что чернокожие люди крайне неполноценны, и не хотели, чтобы афроамериканцы жили среди них. Они выступали против въезда свободных чернокожих в свои штаты и опасались возможности того, что большое количество вольноотпущенников с Юга мигрирует на Север. Большинство, несомненно, верило, как выразился Линкольн, что “для нас обоих будет лучше ... разойтись”.³⁷ Многие, вероятно, надеялись, как многие писатели и семья Блэр, что со временем черное население покинет континентальную часть Соединенных Штатов, неуклонно продвигаясь на юг, в более теплые и тропические регионы. В сознании северян неустроенный Запад был страной возможностей для белых мигрантов, как всегда утверждали республиканцы, а не для чернокожих, а Соединенные Штаты были страной белых людей.

Преобладание расистских настроений во время Гражданской войны предвещало критически важные и негативные послевоенные события: установление сегрегации и расового угнетения по всему Югу. Предсказания о крепостном праве или пеонаже, исходившие из таких разных источников, как официальные лица Конфедерации, генералы Союза и редакторы *New York Times*, оказались пророческими. В течение десятилетия превосходство белых — экономическое, политическое и социальное — было восстановлено на большей части Юга, а

вскоре последовали сегрегация и лишение гражданских прав. Долгое время после того, как рабство закончилось, белый расизм оставался центральной проблемой в повестке дня страны. Последующим поколениям американцев пришлось бы бороться с расовыми проблемами, оставшимися нерешенными в результате эмансипации.

В эпоху Гражданской войны и позже большинство белых граждан думали о чернокожих — независимо от того, как долго их предки жили в Соединенных Штатах и как бы храбро они ни сражались за Союз, — как о не настоящих американцах. Они считались африканцами и отличались от других, которым природой было предназначено жить отдельно от белого человека. Их присутствие в стране было “проблемой”. Автор *New York Times* описал африканца как “экзотику— существо, почва и климат которого относятся к жарким регионам земли Какую полезную цель может выполнять негр на нынешней территории Соединенных Штатов, кроме роли слуги?”³⁸ Северяне верили, что, поскольку чернокожие люди другие, им не место в стране белого человека. Конфедераты верили, что их роль заключалась в эксплуатации в качестве рабов или крепостных.

Через одно поколение после Гражданской войны южанин, получивший некоторое представление, задумался о социальных выводах, вытекающих из такого отношения. Джордж Вашингтон Кейбл писал, что суть расовой проблемы страны заключалась в “идее о том, что [чернокожий человек] по необходимости является инопланетянином. Он был привезен на наши берега голым, жестоким, нечистым, пленником, дикарем-язычником, чтобы быть и оставаться своего рода связующим звеном между человеком и выючными животными ... Как социальный фактор он должен был быть таким же нулевым, как скотина на другом конце его лемеха. Случайное смешение его крови с кровью белого человека не изменило настроения Поколения уроженцев Америки не имели значения Он принял нашу одежду, язык, религию, все основы нашей цивилизации и стал навсегда изгнанником со своей земли; тем не менее, он оставался для нас чужаком ”.³⁹ Кейбл мог бы добавить, что храбрость и самопожертвование афроамериканцев в качестве федеральных солдат также не имели значения, поскольку в эпоху Гражданской войны на них быстро обратили внимание.

До тех пор, пока белые будут считать чернокожих каким-то образом нелегитимными американцами, их притязания на равные права и равное обращение не будут соблюдаться. Более того, потребовалось бы несколько поколений, чтобы разрушить это культурное допущение. Медленные темпы, с которыми происходили изменения, свидетельствовали о глубине и стойкости расистских взглядов. Потребовались поколения, чтобы белые американцы признали даже выдающихся личностей — будь то У. Э. Б. Дюбуа, Поль Робсон, Ричард Райт, Ральф Эллисон, Мэриан Андерсон, Дюк Эллингтон, Джеки Робинсон или Мартин Лютер Кинг — младший - своими. Расовые установки времен Гражданской войны легко привели к появлению Черных кодексов, а готовность, с которой остальная нация позволила Югу лишить чернокожих гражданских прав и ввести сегрегацию де-юре, свидетельствовала о повсеместном распространении представлений о превосходстве белых. Медленный прогресс правовой и политической борьбы против дискриминации в двадцатом веке и количество потерянных жизней свидетельствуют о том, какой огромный путь пришлось преодолеть.

Популярная культура рассматривает Соединенные Штаты как уникально добродетельную и исключительную нацию, в то время как реалистичный взгляд допускает неизбежные человеческие неудачи в нашем обществе и ошибки в нашей истории. Точный подход к

историческим записям — в отличие от праздничного лоска - позволил бы гражданам лучше понимать проблемы и принимать решения более разумно. И неискаженный взгляд на то, как американцы в период Гражданской войны думали о будущем афроамериканцев, не только обескураживает. Это также дает основания для оптимизма. Ибо нельзя отрицать, что Соединенные Штаты сегодня - это другое общество, с иными культурными установками, чем Север и Юг 1860-х или 1950-х годов. Произошли изменения; был достигнут прогресс. Честное, реалистичное понимание истории может служить основой прогресса и патриотизма так же эффективно, как утешительные, искажающие мифы. Точное представление об эпохе Гражданской войны имеет важное значение для этого предприятия.

ПРИЛОЖЕНИЕ: КРАТКОЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРИМЕЧАНИЕ По ОБШИРНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА Линкольна следовала двум разным путям, описанным, что неудивительно, в зависимости от расы. В разное время оба пути включали элементы реализма и агиографии. В течение первых нескольких десятилетий после Гражданской войны чернокожие ученые и писатели были склонны восхвалять Линкольна и подчеркивать его роль в освобождении. По мере того как расовая дискриминация приобретала все большее распространение в американском обществе, эти авторы стремились напомнить общественности, что Линкольн был Великим Освободителем и что уничтожение рабства имело жизненно важное значение для национального прогресса. Такие люди, как Чарльз Х. Хантер, У. Э. Б. Дюбуа, Картер Г. Вудсон и Бенджамин Куорлз, внесли свой вклад в этот поток интерпретаций. Меррилл Петерсон отметил, что "Куорлз был внимательным историком, но все же он не смог избежать чар образа Эмансипации". Самой важной книгой Куорлза о Линкольне была *"Линкольн и негр"*, опубликованная в 1962 году.

Позже, когда движение за гражданские права набирало обороты, ряд чернокожих авторов начали напоминать читателям, что предыдущие победы были ошибочными и неполными и что многое еще предстоит сделать. Одним из первых и самых сильных таких голосов был Лерон Беннетт-младший, который в 1968 году опубликовал статью в журнале *"Ebony"* под названием "Был ли Линкольн сторонником превосходства белой расы?" В этой и других работах, включая *"Принужденные к славе: Белая мечта Авраама Линкольна"*, опубликованную в 2000 году, Беннетт утверждал, что Линкольн был частью расистской традиции Америки и бросил вольноотпущенников ради ярости Конфедерации. Винсент Хардинг также опубликовал важную и критическую работу *"Есть река"* (1981), в которой подчеркивался вклад рабов в их собственное освобождение. Другие чернокожие ученые, такие как Барбара Жанна Филдс, развили этот аргумент дальше, призывая переосмыслить вопрос "Кто освободил рабов?"

Белые историки и писатели более единодушно восхваляли Линкольна, но по другим причинам. После провала Реконструкции белые северяне пришли к согласию с точкой зрения белого Юга о том, что усилия по изменению Юга были ужасной ошибкой и что чернокожие люди не должны были получать равные права. При таком образе мышления забота Линкольна о белых южанах и их примирении получила высокую оценку как мудрая политика, присущая государственному деятелю. Его действия в отношении рабства и расы, как правило, одобрялись из-за их

ограниченного характера или недооценивались. Книги, появившиеся в 1920—х и 1930-х годах, такие как *"Трагическая эпоха"* Клода Бауэрс; *"Критический год"* Говарда К. Бил, или *Эпоха ненависти*, Джорджа Форта Милтона — пример этой тенденции. Они осудили ошибки в Реконструкции — якобы суровое наказание белых южан и предполагаемую глупость предоставления избирательных прав афроамериканцам — и выставили Линкольна образцом мудрости и милосердия из-за его заботы о белых южанах.

В середине двадцатого века научная литература добавила немного критики и реализма к преобладающим благоприятным взглядам на Линкольна. Джеймс Г. Рэндалл стал выдающимся интерпретатором Линкольна в академии. Широко известный своим ревизионистским тезисом о том, что "поколение ошибок" привело к Гражданской войне, Рэндалл отметил отсутствие контроля Линкольна над событиями, его большой интерес к колонизации и пределы эмансипации. Он считал "стандартный образ" Великого Освободителя мифом. Когда Ричард Керринг закончил последний том биографии покойного Рэндалла, он обратил внимание на призывы Линкольна к белым южанам и на то, что он не предпринял существенных усилий по установлению гражданских прав для вольноотпущенников. В однотомной биографии Линкольна Бенджамин П. Томаса, опубликованной в 1952 году, также отмечены некоторые противоречия между популярными представлениями о периоде Гражданской войны и историческими данными.

В последние десятилетия некоторые историки, такие как Дэвид Дональд, Герман Белц и Аллен Гельцо, обратили внимание на ограничения в политике Линкольна и на такие события, как конференция на Хэмптон-Роудс. (Их работа отмечена и процитирована в главе 7.) Но другие, такие как Джон Кокс и Лаванда Кокс, Ханс Трефусс и Стивен Оутс, изображали Линкольна как радикального республиканца-крестоносца или символ движения за гражданские права. Важная книга Джеймса Макферсона 1988 года *"Боевой клич свободы"* переосмыслила "Вторую американскую революцию" как революцию за свободу человека, возглавляемую Линкольном. Хотя Макферсон признал (в обзоре в *New York Times*, 27 августа 2000 г.), что "Линкольн действительно разделял расовые предрассудки своего времени и места", большая часть его работ вносит значительный вклад в создание культового образа Линкольна. Он настаивает на том, что Линкольн заслуживает похвалы за эмансипацию, и отвергает тех, кто утверждает, что рабы внесли свой вклад в этот результат.

Нагромождая одну дань уважения на другую, сочинения Макферсона укрепляют агиографический взгляд на Линкольна и подпитывают искаженное понимание массовой культурой прогресса и расизма в эпоху Гражданской войны. Например, в рецензии в *New York Review of Books* от 29 марта 2007 года профессор Макферсон произнес такие похвальные слова в адрес Линкольна:

Он [Фредерик Дуглас] не мог знать, что в тот самый момент, когда он осуждал президента как ничтожество, приверженца рабства Бьюкенена, Линкольн решил издать прокламацию об освобождении, которая выполнила бы большую часть того, чего требовал Дуглас . . . Разница между двумя людьми заключалась в позиции и тактике, а не в убеждениях. Дуглас и многие другие современники не смогли оценить или даже понять политическую уловку Линкольна. Многие историки также потерпели неудачу . . . После издания Прокламации об освобождении 1 января 1863 года Линкольн больше никогда не упоминал о колонизации. . . . Когда летом 1864 года Линкольн подвергся огромному давлению с требованием отказаться от своего

настойчивого требования о признании Южанами отмены рабства в качестве предварительного условия для мирных переговоров, он красноречиво отказался это сделать Дуглас также обнаружил, что лично у Линкольна не было ни капли той “расовой гордости”, в которой он ранее обвинял его.

Совокупный эффект таких заявлений в подавляющем большинстве случаев положительный. Тем не менее, как я показал, они не в состоянии рассказать всю историю, особенно в том, что касается политики Линкольна в отношении рабовладельцев, прав штата, колонизации, ратификации Тринадцатой поправки или политической стратегии, использованной летом 1864 года. Они опускают ровно столько, сколько включают в себя. Подчеркивая только положительное, профессор Макферсон своим научным вкладом и множеством обзорных статей в *New York Review of Books*, укрепил агиографический, культовый и упрощенный взгляд на Линкольна. (Для получения более подробной информации об историографии см. "*Линкольн и американская память*" Меррилла Петерсона, особенно 350, 357, 302, 309. Приведенный выше анализ несколько отличается от повествования Петерсона, но также опирается на него.)

Обсуждение действий Линкольна на посту президента неизбежно при любом изучении Гражданской войны. Однако эта книга в первую очередь не о Линкольне. Скорее, в ней предпринята попытка изучить то, как все американцы, северяне и южане, черные и белые, справились с проблемой расовых изменений во время Гражданской войны. По этой причине в нем рассматриваются книги, периодические издания, газеты, брошюры, проповеди, отчеты военных офицеров на местах и другие источники, в дополнение к действиям представителей правительства. Но как президент Авраам Линкольн, очевидно, сыграл важную роль. Анализируя его действия, эта книга настаивает на важности политики, поскольку политический выбор определял результаты; личные комментарии Линкольна (которые были разными), предполагаемые намерения и редкие указания на предпочтение - нет. Провозглашение Линкольном амнистии и восстановления, его действия во время политического кризиса летом 1864 года, конференция на Хэмптон-Роудс и его последняя речь (подтверждающая его позицию по ратификации Тринадцатой поправки) раскрывают жизненно важные политические позиции, которые слишком часто игнорируются, недооцениваются или анализируются лишь поверхностно. Внимание к этим вопросам подчеркивает важность ключевых исторических фактов и заставляет нас пересмотреть праздничные темы, которые доминируют в изображении Гражданской войны в популярной культуре.

В своей политике Линкольн неизменно придавал большее значение привлечению и примирению белых южан как элементу спасения Союза, чем обеспечению немедленной и полной эмансипации. Заигрывания с белыми южанами были неотъемлемой частью сохранения Союза; прекращение рабства стало одной из военных целей Линкольна, но *all the slaves immediately* не было существенной частью его политики. Еще ниже в списке его приоритетов стояли шаги по повышению статуса вольноотпущенников и обеспечению их юридического или социального равенства. Политика Линкольна в отношении воссоединения была удивительно щедрой по отношению к повстанцам и удивительно последовательной. Его политика по оказанию помощи афроамериканцам была ограниченной и условной. До конца своей жизни его позиция в отношении будущего афроамериканцев оставалась подчиненной цели достижения воссоединения с белыми южанами.

Эта политика отражает реальность Гражданской войны в Америке. Конечно, она кое-что говорит о Линкольне, но гораздо больше о стране, в которой он жил. Они раскрывают силу расизма в американском обществе. Мы никогда не узнаем наверняка, насколько ограниченными или экспансивными были личные взгляды Линкольна на афроамериканцев, но мы точно знаем, какую политику он был готов проводить. Даже самые ярые поклонники Линкольна признали бы, что эта политика отражает ограничения для практического политика, который действовал в глубоко расистском обществе.

К сожалению, влияние расизма на события военного времени было лишь предвкушением того, что должно было произойти. Армейские офицеры и наблюдатели, выступавшие с предупреждениями о враждебности южных плантаторов и их решимости вернуть власть, оказались проницательными. События вскоре показали, что их опасения за будущее были оправданы. Подавление свободы белым расизмом шло полным ходом еще до окончания Реконструкции, и после этого оно наберет силу, кульминацией которой станет введение жесткой системы сегрегации и лишения гражданских прав, которая продлится до 1960-х годов.

Примечания

Введение

1. Кеннан, *американская дипломатия*, 46, 99, 100.
2. Вудро Вильсон, *Новая свобода*, 161, 162, 169.
3. Недавним примером блестящего анализа Линкольна, в котором он всегда кажется мудрым и достойным восхищения, является (очень читаемый) том *"Команда соперников"* лауреата Пулитцеровской премии Дорис Кернс Гудвин.
4. Линкольн, *Собрание сочинений*, 8:332-33.
5. Подробнее об этом читайте в статье *"Поттер, Линкольн и его партия"*.
6. Об огромных переменах в Конфедерации читайте в книгах Эмори М. Томаса *"Конфедерация как революционный опыт"* и *"Нация Конфедерации"*. См. также Эскотт, *После отделения и военной необходимости*.
7. Два наиболее ценных отчета о дебатах Конфедерации об эмансипации - это Дерден, *Серый и черный*; и Левин, *Освобождение Конфедерации*.
8. Этот вопрос и его варианты неоднократно возникали в газетах и журналах, таких как *Cincinnati Gazette*, *Chicago Tribune*, *Harper's Weekly*, и *Continental Monthly*; в переписке армейских офицеров; и в выступлениях в Сенате США.

Пролог

1. Линкольн, *Собрание сочинений*, 8:332.
2. "Заявления о причинах отделения штатов: Гражданская война в Южной Каролине".
3. "Декларации о причинах отделения штатов: Гражданская война в Миссисипи".

4. “Заявления о причинах отделения штатов: Гражданская война в Грузии”.
5. “Декларации о причинах отделения штатов: Техас”.
6. “Речь Э. С. Даргана на Съезде об отделении штата Алабама, 11 января 1861 года”.
7. “Постановления об отделении 13 Конфедеративных штатов Америки: Алабама”.
8. Дью, *Апостолы разобщенности*, 97-99; полный текст речи Хейла см. там же, 90-103.
9. Там же, 57.
10. Там же, 78.
11. Там же, 66-67.
12. Там же, 78.
13. Там же, 80, 85.
14. Рорк, *Хозяева без рабов*, 3-8.
15. Уоррен, *гражданам округа Бофорт*. В рабовладельческих штатах Кентукки и Миссури мнения были слишком разделены для решительных действий. Конфедерация претендовала на эти два штата и предоставила им представительство в Конгрессе Конфедерации, но большую часть войны они находились в пределах границ Союза. Линкольн использовал как силу, так и убеждение, чтобы сохранить Мэриленд в составе Союза, и хотя в Делавэре существовало рабство, количество рабов там было настолько невелико, что лояльность Союзу никогда серьезно не подвергалась сомнению.
16. Эллис, *Речь от ... 9 марта 1860 г.*
17. Джон К. Кэлхун цитируется во Фрилинге, *Прелюдия к гражданской войне*, 257.
18. Процитированные фрагменты решения Дреда Скотта можно найти в Finkelman, *Dred Scott v. Sandford*, 61, 69, 73-75; Заявление Альберта Галлатина Брауна было сделано в Конгрессе 23 февраля 1859 года и может быть найдено в *Congressional Globe*, 35-й конгресс, 2-я сессия, 1859, 1243. См. также Рэнк, *Альберт Галлатин Браун*, глава 6.
19. Для изучения этой темы см. Уайатт-Браун, “Южная честь”; и Гринберг, “*Мастера и государственные деятели*”. Даже такая маленькая и болезненная фигура, как Александр Х. Стивенс, вступала в поножовщину с политическими оппонентами, и он был близок к тому, чтобы драться на нескольких дуэлях (см. Шотт, *Александр Х. Стивенс из Джорджии*).
20. “Декларации о причинах отделения штатов: Гражданская война в Миссисипи”; “Декларации о причинах отделения штатов: Гражданская война в Джорджии”; “Декларации о причинах отделения штатов: Техас”; Дью, *Апостолы разобщенности*, 86, 96, 41, 26, 46; Фрэнк И. Уилсон, *Выступление перед Ассоциацией рабочих округа Уэйк*. Адвокат, учитель, газетчик и писатель, Уилсон председательствовал на собрании Ассоциации рабочих округа Уэйк в 1859 году, которое, наряду с собранием 1860 года, было одним из “первых собраний трудящихся в штате” (Пауэлл, *Биографический словарь Северной Каролины*, 6:226).

21. “Постоянная конституция Конфедеративных штатов Америки”, статья 4; одним из многих источников, где можно найти этот документ, является *"Томас, Конфедеративная нация"*, приложение.
22. Александр Х. Стивенс цитируется в книге Дердена *"Серое и черное"*, 7-8.
23. Посмотрите на Эскотта, *Многих замечательных людей*; и Майкла П. Джонсона, *На пути к патриархальной республике*.
24. Элфренд, “Великая опасность Конфедерации”, 40.
25. Элфрид, “Южная республика и северная демократия”, 284, 289; Джеффри, “Европейская иммиграция и пуританство Новой Англии”, 471; Фицхью, “Революции 1776 и 1861 годов контрастировали”.
26. Элфренд, “Великая опасность Конфедерации”, 40; idem, “Южная республика и северная демократия”, 285, 289, 286; Джеффри, “Европейская иммиграция и пуританство Новой Англии”, 471.
27. “Истинная основа политического процветания”, 153-54, 155; “Стол редактора”, 181, 182.
28. Холл, *Историческое значение Южной революции*, 13, 38.
29. Джозеф Р. Уилсон, *Взаимоотношения господ и рабов*, 3, 7, 8, 9, 10, 21.
30. Эллиот, *Молодое вино нельзя разливать в старые бутылки*, 10-11, 14, 11, 12, 14.
31. Мур, *Бог - наше Прибежище и Сила*, 16, 24, 18.
32. Смит, “Война на Юге доказала обратное”, 481, 484, 495, 498.
33. Торнуэлл, *Состояние страны*, 15, 21, 23, 24, 30.
34. Дреер, *Проповедь, произнесенная ... 13 июня 1861 г.* 4, 15, 12, 5; Следд, *Проповедь, произнесенная ... 22 сентября 1861 г.*, 21; Пирс, “Слово Божье как жизнь нации”, 11, 9. В преамбуле к Конституции Конфедерации говорилось о “благогосклонности и руководстве Всемогущего Бога”.
35. Эллиот, *Наше дело в гармонии*, 9, 10, 14. Уильям Фрилинг определил эти идеи как “новую замаскированную ересь, частую в полемике на Верхнем Юге”, которая “основана на старой неприкрытой ортодоксии”, поддержке колонизации в восемнадцатом и начале девятнадцатого веков. Колонизация “всплыла как теологическая цель”, которая была “более расплывчатой” и “более евангелической” (см. Фрилинг, *Дорога к разобщению*, 2:52-53).
36. Эллиот, *Тщетна помощь человека*, 9; то же, *Наше дело в гармонии*, 7; то же, *Дилемма Эзры*, 9-10, 14; то же, *Похоронные службы*, 16-17; то же, *дилемма Эзры*, 5.
37. Историки ясно и точно объяснили позицию Республиканской партии. Этот комментарий относится только к неточному пониманию событий, которое часто преобладает в версии истории популярной культуры.
38. См. Джинапп, *Истоки Республиканской партии*.

39. Речь в Пеории, Иллинойс, 16 октября 1854 г., в Линкольне, *Собрание сочинений*, 2:268.
40. Платформа республиканской партии 1856 года, цитируемая в книге Дональда Брюса Джонсона, *Платформы национальной партии*, 1:27-28.
41. Коммаджер, *Документы американской истории*, 1: 363-65.
42. Там же.
43. Авраам Линкольн, седьмые дебаты со Стивеном Дугласом в Олтоне, Иллинойс, 15 октября 1858 г., в Линкольне, *Это пламенное испытание*, 63-65.
44. Иногда используемые в этом разделе гневные выражения — “вы ... называете нас рептилиями ... вы ... плюете на эту старую политику” (см. там же, 71) — указывают на то, что целью Линкольна было скорее улучшить имидж партии в глазах северян, чем добиться примирения с южанами.
45. Там же, 74, 80.
46. Там же, 80, 78, 76.
47. Линкольн, *Собрание сочинений*, 2:270.
48. Линкольн, *Это Огненное испытание*, 86.
49. Фонер, *Свободная почва, свободный труд, свободные люди*, 316. Книга Фонера - бесценная классика.
50. Посмотрите на Поттера, *Линкольна и Его компанию*.
51. Линкольн отказался дать свое благословение на компромиссные предложения в Сенате США, которые могли бы привести к распространению рабства на новые территории (см. Там же; и текущие, *Линкольна никто не знает*, особенно гл. 4).
52. Линкольн, *Собрание сочинений*, 4:262, 263, 266, 270. Документы, касающиеся секретной роли Линкольна в предложении поправки к Конституции, см. там же., 156-57 и примечание, 158-59.
53. *Ежемесячник Дугласа*, апрель 1861 г., 433.
54. Бенджамин П. Томас, *Авраам Линкольн*, 237.
55. Резолюции Криттендена-Джонсона в *Commager*, *Документы американской истории*, 1: 395-96.
56. Хофштадтер, *Американская политическая традиция*, глава 5.
57. Линкольн, *Этот огненный суд*, 35.
58. Линкольн, *Собрание сочинений*, 2: 264-65, 250, 265-66.
59. Там же, 2:266, 501.
60. Там же, 2:266, 256; Линкольн, *Это огненное испытание*, 57.

61. Линкольн, *Собрание сочинений*, 2:276, 255, 269, 268, 461-62, 467.

62. Там же, 2:514; Фонер, *Свободная почва, Свободный труд, Свободные люди*, 290.

63. Линкольн, *Собрание сочинений*, 2:405-6.

64. Там же, 2:255-56, 409.

65. Смит, *Фрэнсис Престон Блэр*, xii, 245-46, 251, 320-23. Фрэнсис Блэр и его сыновья верили, что сосуществование белых и черных в Соединенных Штатах невозможно, что смешение рас приведет к образованию гибридной расы, неспособной к самосохранению, и что чернокожие люди естественным образом адаптированы к тропическим регионам. Они верили, что миграция афроамериканцев в Центральную или Южную Америку при содействии правительства избавит Соединенные Штаты от пагубного влияния рабства и позволит чернокожим создать там доминирующие и дружественные правительства.

66. Нили, *Последняя надежда Земли*, 41.

1. Север сталкивается с этим вопросом

1. См. Поттер, *Линкольн и его партия*; и *Harper's Weekly*, 4 мая 1861 г., 274 и 6 июля 1861 г., 416. Данные о тиражах взяты из <http://www.spartacus.schoolnet.uk/USAharpers.htm> (дата обращения 4 октября 2006 г.).

2. Макферсон, *Испытание огнем*, 267. Обширную, информативную статью о термине *контрабанда* и предположениях северян о контрабанде см. Мазур, "Редкое явление филологической растительности".

3. *Harper's Weekly*, 6 июля 1861 г., 416; *Atlantic Monthly*, июль 1861 г., 93-94; Макферсон, *Гражданская война негров*, 37, 40-41.

4. Резолюции Криттендена-Джонсона в *Comtager*, *Документы американской истории*, 1: 395-96; раздел 4 "Закона о конфискации имущества, используемого в целях восстания", *Законы США в целом*, 12: 319; Макферсон, *Испытание огнем*.

5. Мэннинг, *Чем закончилась эта жестокая война*, глава 1.

6. "Нью-Йорк таймс", 31 августа 1861 г., 2.

7. *Harper's Weekly*, 14 сентября 1861 г., 578с.

8. Газеты цитируются в "Ежемесячнике Дугласа", октябрь 1861 г., 535-36.

9. *Нью-Йорк Таймс*, 1 сентября 1861 г., 4; 2 сентября 1861 г., 4; 3 сентября 1861 г., 4; 15 сентября 1861 г., 4; 10 сентября 1861 г., 4.

10. Там же, 28 ноября 1861 г.

11. Рипли, *Газеты черных аболиционистов*, 5:177. Процитированные отрывки взяты из речи Линкольна в Пеории в 1854 году и его Первой инаугурационной речи; см. Линкольн, *Это огненное испытание*, 29, 97.

12. Видишь Берри, *Дом Авраама*.

13. Каруордайн, *Линкольн*, 189; “Политика Мэдисона”, *Chicago Tribune*, 19 декабря 1861 г., 2.
14. Линкольн, *Собрание сочинений*, 5: 29-31. Делавер уже был близок по численности к тому, чтобы стать свободным государством. Согласно переписи населения США, в 1860 году с населением 112 216 человек насчитывалось 90 589 белых, 19 829 свободных негров и только 1798 рабов.
15. Там же, 5:48-49.
16. Там же.
17. Там же, 5:144-46. В первой цитате первоначальные “пороки” Линкольна были заменены на “неудобства” по предложению его кабинета.
18. *Почетное письмо . Монтгомери Блэр*, 5-8. Отношения Линкольна с Монтгомери Блэром, как и его отношения с Фрэнсисом Блэром, были отмечены взаимным доверием. В 1864 году Монтгомери Блэр дал Линкольну понять, что уйдет в отставку, когда это будет политически полезно президенту, и после того, как Блэр действительно покинул кабинет, он сразу же начал произносить речи, призывающие к переизбранию Линкольна (см. Смит, *Фрэнсис Престон Блэр*, 346-47).
19. *New York Times*, 4 декабря 1861 г., дополнение, 4; 11 мая 1862 г., 3.
20. *Harper's Weekly*, 7 декабря 1861 г., 770; 21 декабря 1861 г., 802; 8 февраля 1862 г., 82; 1 марта 1862 г., 180; 5 апреля 1862 г., 310.
21. Там же, 5 апреля 1862 г., 310; 14 июня 1862 г., 373; 28 июня 1862 г., 402.
22. *Cincinnati Daily Gazette*, 25 апреля 1862 г., 1; 26 апреля 1862 г., 2; 17 мая 1862 г., 2. *Chicago Tribune*, 22 августа 1862 г., 2; 12 августа 1862 г., 2.
23. *Continental Monthly*, проспект первого выпуска; февраль 1862 г., 136, 225, 226; Март 1862 г., 256.
24. *New Englander* 19, № 73 (январь 1861 г.): 148; № 76 (октябрь 1861 г.): 911; *New Englander* 21, № 78 (январь. 1862): 104, 105, 107, 111; № 81 (октябрь 1862 г.): 810, 813. О консервативном влиянии Йельского университета и его влиянии на аргументы сторонников рабства на юге см. Tise, *Proslavery*.
25. *Ежемесячник Дугласа*, январь 1862 г., 577; март 1862 г., 614-15; февраль 1862 г., 601; апрель 1862 г., 626; январь 1862 г., 579; март 1862 г., 614-15, 618. Рипли, *Газеты черных аболиционистов*, 5:138.
26. Томас и Хайман, *Стэнтон*, 232-37.
27. *Ежемесячник Дугласа*, август 1862 г., 692; июль 1862 г., 675; август 1862 г., 699; июль 1862 г., 686. Рипли, *Газеты черных аболиционистов*, 5:143, 145. *Континентальный ежемесячник*, июль 1862 г., 109. “*Нью-Йорк таймс*”, 20 мая 1862 г., 4; “*Ежемесячник Дугласа*”, июль 1862 г., 686.
28. Линкольн, *Собрание сочинений*, 5:222-24.

29. *Законы США в целом*, 12:589-92.
30. Макферсон, *Испытание огнем*, 397.
31. Уайтинг, *Военные полномочия президента*, главы 4-6, особенно 107, 109, 114; Макферсон, *Испытание огнем*, 397.
32. Рафузе, *Война Макклеллана*, 235.
33. Фишер, *Законы расы*, 11.
34. *Atlantic monthly*, февраль 1861 г., 252-54; *Североамериканское обозрение* 92, № 191 (апрель 1861 г.): 507-8.
35. *Североамериканское обозрение* 94, № 195 (апрель). 1861): 509, 503, 511-12, 513, 498-99, 503, 505, 506.
36. *New Englander* 19, № 76 (октябрь). 1861): 841, 843, 842, 845, 839, 910-12.
37. Патнэм, *Летопись неизвестного человека*, 96-102, 118-19, 167, 90; *Harper's Weekly*, 20 сентября 1862 г., 595; Кирк, *Среди сосен*, 93, 27, 73, 57, 82, 90, 19. *Continental Monthly* сообщила в своем январском выпуске за 1863 год (стр. 128), что продажи "*Среди сосен*" достигли 30 000.
38. Брейс, *Расы Старого Света*, iv, 225-313 passim, особенно 259-73 (цитаты из 272 и 260), 439, 451-53, 466-67, 483. Понимание Брейсом дарвинизма не было совершенным, поскольку он не всегда принимал во внимание длительные периоды времени или разницу между психологическими изменениями и тем, что мы сейчас понимаем как генетические изменения. Например, он утверждал, что свободнорожденные дети в Сьерра-Леоне "имеют более умные глаза, более свободную осанку и более приятную фигуру", чем их родители.
39. "*Нью-Йорк таймс*", 22 июня 1862 г., 2; Брейс, *Расы Старого Света*, 477-78.
40. Ван Эври, *Негры и негритянское "рабство"*, v, 134, 52, 37, 238, 101, 162, 256, 122, 119, 228, 128, 191, 199, 185-89, 201, 145-67 passim, 134, 20.
41. Сьюэлл, *Испытание свободным трудом*, 311, 314-15, 313, 232-37, 317, 324, 312.
42. *Cincinnati Daily Enquirer*, 4 апреля 1862 г., 1; 5 апреля 1862 г., 1; 6 апреля 1862 г., 1. *Cincinnati Daily Gazette*, 3 апреля 1862 г., 1. См. Также *Cincinnati Daily Gazette*, 25 ноября 1862 г., 2.
43. *New Englander* 21, № 81 (октябрь). 1862): 799, 786, 808-9, 794, 801.
44. *Континентальный ежемесячник*, февраль 1862 г., 226. Брошюра Аткинсона называлась "*Дешевый хлопок за счет свободного труда*".
45. Кочин, *Результаты эмансипации*, 17, 291-92, 163, 172, 98, 297, 303.
46. Кочин, *Результаты рабства*, 98-101, 112-13, 265.
47. *Новоанглийский* 22, № 83 (апрель 1863 г.): 355, 356.
48. *Североамериканское обозрение* 96, № 198 (январь 1863 г.): 277, 281-82.

49. *Harper's Weekly*, 28 сентября 1861 г., 610. "Прокламация президента", *Atlantic Monthly*, ноябрь 1862 г., 642. *Континентальный ежемесячник*, апрель 1862 г., 387; май 1862 г., 495. *Североамериканское обозрение* 95, № 197 (октябрь 1862 г.): 530-31. "*Нью-Йорк таймс*", 12 декабря 1862 г., 2.
50. "*Ежедневная газета Цинциннати*", 17 мая 1862 г., 2; 23 сентября 1862 г., 2.
51. Фрэнк П. Блэр, *Судьба рас*.
52. *Ежемесячник Дугласа*, октябрь 1862 г., 724.
53. *Континентальный ежемесячник*, апрель 1862 г., 471, 470; май 1862 г., 493; июнь 1862 г., 660, 662, 727; август 1862 г., 163-64. См. также *Континентальный ежемесячник*, июль 1862 г., 68.
54. Линкольн, *Собрание сочинений*, 5:317-19. Двадцать из этих законодателей опубликовали свое неприятие аргументов Линкольна, заявив, что его идея слишком дорогая, что она будет поощрять бунтарские взгляды и что это не уменьшит давление за "неконституционную" эмансипацию на остальной части Юга. Только восемь человек заявили о своей поддержке.
55. Там же, 5:370-75, 375 примечания. 12 сентября 1862 года основатель компании по благоустройству Чирики и министр внутренних дел "фактически подписали контракт, предусматривающий закупки угля и создание колонии, которую возглавит сенатор-радикал Сэмюэл Померой из Канзаса" (Смит, *Фрэнсис Престон Блэр*, 323). Проект Чирики в конечном итоге был свернут после того, как Гондурас, Никарагуа и Коста-Рика выступили против него и указали, что они могут применить силу, чтобы предотвратить урегулирование.
56. Линкольн, *Собрание сочинений*, 5: 370-74.
57. *Ежемесячник Дугласа*, сентябрь 1862 г., 707-8; Рипли, *Газеты черных аболиционистов*, 5:153, 155; *Cincinnati Daily Enquirer*, 7 октября 1862 г., 2.
58. Линкольн, *Собрание сочинений*, 5:342-43, 388-89.
59. Там же, 5:433-36.
60. *Chicago Tribune*, 24 сентября 1862 г., 1; 26 сентября 1862 г., 1, с цитатами из различных газет. *Cincinnati Daily Enquirer*, 23 сентября 1862 г., 2; 24 сентября 1862 г., 2; 25 сентября 1862 г., 2.
61. *Atlantic monthly*, ноябрь 1862 г., 629-32, 641. "*Ежедневная газета Цинциннати*", 23 сентября 1862 г., 2. "*Нью-Йорк таймс*", 23 сентября 1862 г., 1; 28 сентября 1862 г., 4; 21 ноября 1862 г., 4.
62. *Cincinnati Daily Enquirer*, 14 октября 1862 г., 2; 9 октября 1862 г., 2, 1; 15 ноября 1862 г., 2; 3 декабря 1862 г., 1.
63. *Cincinnati Daily Gazette*, 23 сентября 1862 г., 2; 22 октября 1862 г., 2. *Chicago Tribune*, 26 сентября 1862 г., 1. *New Englander* 21, № 81 (октябрь 1862 г.): 794. "*Нью-Йорк таймс*", 7 октября 1862 г., 4.
64. "*Нью-Йорк таймс*", 1 октября 1862 г., 4; 3 октября 1862 г., 4. *Ежемесячник Дугласа*, ноябрь 1862 г., 740. "*Нью-Йорк таймс*", 24 октября 1862 г., 4; 24 ноября 1862 г., 4.

65. *Ежемесячник Дугласа*, январь 1863 г., 774-75.
66. *Ежемесячный отчет по континенту*, ноябрь. 1862, 573, 574, 575, 578.
67. Там же, декабрь. 1862, 730, 731, 733, 734; Январь 1863 г., 36.
68. Линкольн, *Собрание сочинений*, 5:530.
69. Там же, 5:531-34.
70. Там же, 5:534-36.
71. *Harper's Weekly*, 6 сентября 1862 г., 562; 27 сентября 1862 г., 610; 1 ноября 1862 г., 690; 13 декабря 1862 г., 786.
72. *Ежемесячник Дугласа*, ноябрь 1862 г., 741; *New Englander* 21, № 81 (октябрь 1862 г.): 813, 817-19.
73. *Chicago Tribune*, 2 декабря 1862 г., 2; 4 декабря 1862 г., 2. *Cincinnati Daily Gazette*, 8 октября 1862 г., 2; 5 декабря 1862 г., 2; 25 ноября 1862 г., 2; 4 декабря 1862 г., 2. *Cincinnati Daily Enquirer*, 7 октября 1862 г., 1 (цитирую *Лондон Таймс*); 4 декабря 1862 г., 2.
74. Линкольн, *Собрание сочинений*, 6:28-31. Районами, явно освобожденными от провозглашения, были оккупированные части Луизианы и Вирджинии, округа, которые отделились, образовав Западную Вирджинию, и весь Теннесси.
75. Там же.; Рипли, *Газеты черных аболиционистов*, 5:184.
76. Линкольн, *Собрание сочинений*, 5:388.
77. *"Цинциннати Дейли Газетт"*, 3 января 1863 г., 2. *"Нью-Йорк Таймс"*, 15 декабря 1862 г., 4; 20 декабря 1862 г., 4; 28 декабря 1862 г., 4; 3 декабря 1862 г., 4; 12 декабря 1862 г., 2; 24 ноября 1862 г., 4; 3 января 1863 г., 4.
2. Испытательный полигон войны
1. Берлин, Миллер и др., *Генезис свободного труда в военное время: Верхний Юг*, 5, 481–82, 491.
2. Там же, 367–68ff.
3. Там же, 551-52.
4. Там же, 625-38.
5. Там же, 481-82, 491.
6. Берлин, Глимф и др., *Генезис свободного труда военного времени: Нижний Юг*, 78. Рипли в *газетах черных аболиционистов*, дает оценку в 147 000 чернокожих новобранцев с Юга в армию Союза (5: 273). Он также подсчитал, что 70 процентов всех чернокожих мужчин призывного возраста с Севера вступили в армию, что в три раза выше, чем у белых северян (5:179).
7. Роза, *Репетиция реконструкции*.

8. Берлин, Миллер и др., *Генезис свободного труда военного времени: Верхний Юг*, 133-34. Подробнее о предложении Дикса и реакции, которую оно вызвало, читайте в книге Возгели “Отвергнутая альтернатива”. Возгели также указывает, что количество контрабанды, отправленной в Иллинойс в 1862 году, неизвестно, но, вероятно, было невелико. Тем не менее, демократические газеты обвинили республиканцев в том, что они планировали вызвать “приток чернокожих”.
9. Интересно, что эти события 1862 года не положили полностью конец обсуждению вопроса об отправке вольноотпущенников на Север. В 1864 году Бенджамин Батлер написал в текстильную компанию в Лоуэлле, штат Массачусетс, предлагая поставлять чернокожих работниц для тамошних фабрик. Также в 1864 году тысяча семей из района Нью-Йорка подали заявки на наем негритянской прислуги с Юга (см. Берлин, Миллер и др., *Генезис свободного труда военного времени: Верхний Юг*, 190, 204-6; редакторы отмечают на странице 206, что “спрос на чернокожую домашнюю прислугу южного происхождения был высоким в северо-восточных городах на протяжении 1864 года”).
10. Берлин, Глимф и др., *Генезис свободного труда военного времени: Нижний Юг*, 655-765.
11. [Форман], *Западная санитарная комиссия*, 110, 112, 113; Берлин, Миллер и др., *Генезис свободного труда в военное время: Верхний Юг*, 142, 148, 161, 173; Берлин, Глимф и др., *Генезис свободного труда в военное время: Нижний Юг*, 183, 214, 279.
12. [Форман], *Западная санитарная комиссия*, 110; Берлин, Глимф и др., *Генезис свободного труда военного времени: Нижний Юг*, 280, 187. Перед окончанием войны чернокожие жители Морских островов пожаловались Линкольну на обещания, в нарушении которых они обвинили Филбрика. Они сказали, что Филбрик купил одиннадцать плантаций всего за 1 доллар за акр и пообещал продать их вольноотпущенникам. Но затем он отказался это сделать, заявив, что они стоят 10 долларов за акр. Филбрик не производил продаж до 1866 года, а затем он взимал 5 долларов за акр (см. Берлин, Глимф и др., *Генезис свободного труда военного времени: Нижний Юг*, 297-99, 747, 758, 760, 495).
13. Гертейс, *От контрабанды до вольноотпущенника*, 50, 76, 85, 104, 105, 76-77, 78. Вторую цитату из General Banks смотрите в Perman, *Освобождение и реконструкция*, 8.
14. Гертейс, *От контрабанды к вольноотпущеннику*, 121-29; Берлин, Глимф и др., *Генезис свободного труда военного времени: Нижний Юг*, 747, 729.
15. Берлин, Глимф и др., *Генезис свободного труда военного времени: Нижний Юг*, 758, 560, 495.
16. Гертейс, *От контрабанды до вольноотпущенника*, гл. 8, особенно 132-42, 147, 148 и 149, и в гл. 9, 155. О правилах Министерства финансов см. Берлин, Глимф и др., *Генезис свободного труда в военное время: Нижний Юг*, 539ff.
17. Берлин, Глимф и др., *Генезис свободного труда военного времени: Нижний Юг*, 739, 642-44.
18. Линкольн, *Собрание сочинений*, 6:30, 5:423. Афроамериканские лидеры также утверждали, что чернокожие северяне должны быть приняты в армию (см. Рипли, *Документы черных аболиционистов*, 5: 175-76).

19. *Chicago Tribune*, 4 июля 1863 г., 2; *Living Age Лумтелла*, 20 июня 1863 г., 556, перепечатка статьи из *New York Evening Post* от 29 мая 1863 г.; *Douglass 'Monthly*, июнь 1863 г., 842.
20. *Cincinnati Daily Enquirer*, 8 июля 1863 г., 2; Ежемесячник Дугласа, август 1863 г., 852; Рипли, *Газеты черных аболиционистов*, 5:175-76.
21. Хепворт, *Кнут, мотыга и меч*, 57, 193. "Нью-Йорк таймс", 11 июня 1863 г., 4; 6 июня 1863 г., 4; 29 марта 1863 г., 4.
22. Берлин, Глимф и др., *Генезис свободного труда военного времени: Нижний Юг*, 555.
23. Там же, 396.
24. Там же., 135, 201, 239, 246, 279, 324; см. также комментарии Эдварда Филбрика к 182-88.
25. *Факты, касающиеся вольноотпущенников*; Берлин, Глимф и др., *Генезис свободного труда в военное время: Нижний Юг*, 142, 146, 148, 149, 209, 217, 214, 297.
26. Берлин, Глимф и др., *Генезис свободного труда военного времени: Нижний Юг*, 417-18, 460, 518, 519, 492, 455, 576, 572-73.
27. Там же, 691, 693, 729.
28. Там же., 740, 746, 748, 759, 760, 871.
29. Берлин, Миллер и др., *Генезис свободного труда военного времени: Верхний Юг*, 124-45, 152, 181, 212, 217.
30. Берлин, Глимф и др., *Генезис свободного труда военного времени: Нижний Юг*, 137, 268, 329, 521.
31. Там же, 692-93.
32. Берлин, Миллер и др., *Генезис свободного труда в военное время: Верхний Юг*, 124-25, 149, 161, 290; Берлин, Глимф и др., *Генезис свободного труда в военное время: Нижний Юг*, 131, 141, 329, 498, 745.
33. Берлин, Миллер и др., *Происхождение свободного труда в военное время: Верхний Юг*, 291; М'Ким, *Вольноотпущенники Южной Каролины*, в прилагаемом письме Стивену Колвеллу, 27, 30; *Факты, касающиеся вольноотпущенников*, 6; Хепворт, *Кнут, мотыга и меч*, 163; Берлин, Глимф и др., *Происхождение свободного труда в военное время: Нижний Юг*, 695.
34. [Форман], *Западная санитарная комиссия*, 120; Берлин, Миллер и др., *Генезис свободного труда в военное время: Верхний Юг*, 153-54; Берлин, Глимф и др., *Генезис свободного труда в военное время: Нижний Юг*, 693; Уотербери, *Дружеские советы вольноотпущенникам*, 7, 12, 4; Берлин, Миллер и др., *Генезис свободного труда в военное время: Верхний Юг*, 181; Берлин, Глимф и др., *Генезис свободного труда военного времени: Нижний Юг*, 523, 695-96.
35. Берлин, Миллер и др., *Генезис свободного труда в военное время: Верхний Юг*, 290; Берлин, Глимф и др., *Генезис свободного труда в военное время: Нижний Юг*, 492, 498, 520, 553.

36. Берлин, Глимф и др., *Генезис свободного труда военного времени: Нижний Юг*, 441-42, 680, 696-97.
37. *New York Times*, 13 июня 1863 г., 1; 10 июня 1863 г., 1; 11 июня 1863 г., 4. *Chicago Tribune*, 10 июня 1863 г., 1; 12 июня 1863 г., 3. *Cincinnati Daily Gazette*, 9 июня 1863 г., 1. *Cincinnati Daily Enquirer*, 10 июня 1863 г., 1.
38. *Chicago Tribune*, 16 июня 1863 г., 2. *New York Times*, 27 июля 1864 г., 1; 13 июня 1863 г., 1.
39. *Cincinnati Daily Enquirer*, 14 июля 1863 г., 2; *Chicago Tribune*, 16 июня 1863 г., 2; *New York Times*, 31 июля 1863 г., 4.
40. "Нью-Йорк таймс", 31 июля 1863 г., 4.
41. Там же, 11 августа 1863 г., 4.
42. Там же, 17 октября 1863 г., 1; 12 ноября 1863 г., 4.
43. Берлин, Глимф и др., *Генезис свободного труда военного времени: Нижний Юг*, 130, 143, 145.
44. Там же, 280-81, 246.
45. Там же., 443, 495, 497, 499.
46. Там же., 227, 229, 745, 743.
47. Там же, 745; Хепворт, *Кнут, мотыга и меч*, 84.
48. *Континентальный ежемесячник*, апрель 1862 г., 387; июнь 1862 г., 659, 660; июль 1862 г., 68; август 1862 г., 163, 164; июль 1863 г., 13. *Нью-Йорк таймс*, 29 января 1864 г., 4.
49. Берлин, Глимф и др., *Генезис свободного труда военного времени: Нижний Юг*, 520, 553, 555, 576, 572-73.
50. Сэмюэл Гридди Хоу был третьим членом комиссии.
51. Комиссия по расследованию деятельности американских вольноотпущенников, *Предварительный отчет*, 8, 5, 8, 12, 3, 24, 12, 10.
52. Там же., 8, 33, 3, 8.
53. Там же., 13, 34, 17, 16, 24, 22, 33, 37.
54. Комиссия по расследованию деятельности американских вольноотпущенников, *Окончательный отчет*, 15 мая 1864 г., ч. 3, стр. 3, 5, 10, 12. Текст окончательного отчета см. в Военном министерстве США, *Война восстания*, сер. 3, том 4.
55. Военное министерство США, *Война восстания*, серия 3, том 4: 11-12.
56. Там же, 4:13, 14.
57. Там же, 4:2, 3. Цитату из англо-африканского еженедельника см. в Рипли, *Газеты черных аболиционистов*, 5:256.

58. Оуэн, *Несправедливость рабства*, 195, 199-200, 201, 228.

59. Маккей, *Мастерство и его плоды*, 20, 22, 34-37.

60. Хайман, "Джонсон, Стэнтон и Грант", 90; Берлин, Глимф и др., *Генезис свободного труда военного времени: Нижний Юг*, 576, 584.

3. Амнистия, ученичество и будущее вольноотпущенников

1. Фредерик Дуглас процитировал в Boritt: "Мечтал ли он о Лилейно-белой Америке?"

2. Линкольн, *Это огненное испытание*, 195.

3. Джеймс Г. Блейн цитируется в книге Гельцо "Защита эмансипации", 313.

4. Линкольн, *Этот огненный суд*, 153; это письмо датировано 8 января 1863 года. О предложениях Линкольна относительно ученичества и компенсации см. Линкольн, *Собрание сочинений*, 5:29-31. Заключительные абзацы этого письма служат хорошим примером того, что Линкольн предпочитал оставлять открытыми все свои возможности. Это предпочтение привело его к принятию противоречивых позиций в некоторых своих заявлениях о политике.

5. Линкольн, *Это Пламенное испытание*, 185, 186, 187. Соглашаясь с Линкольном по поводу общественного морального состояния, Джеймс Г. Блейн позже вспоминал, что "никогда во время войны депрессия среди жителей Севера не была такой сильной, как весной 1863 года" (Блейн цитируется в книге Гельцо "Защита эмансипации", 313).

6. Линкольн, *Это огненное испытание*, 164.

7. Там же, 175, 176.

8. Там же, 176-77, 178.

9. Там же, 169; Рипли, *Газеты черных аболиционистов*, 5: 265-66. Обращение с чернокожими военнослужащими действительно помешало обмену пленными между Севером и Югом.

10. "Соотечественники" - фраза, использованная в его Первой инаугурационной речи (см. Линкольн, *Этот огненный процесс*, 96).

11. Блэр, *Речь достопочтенного. Монтгомери Блэр*.

12. Линкольн, *Это огненное испытание*, 182-83.

13. Там же.

14. Линкольн, *Собрание сочинений*, 7:23. Среди многих восхищающих работ, посвященных Геттисбергскому обращению, - "Завещания", "Линкольн в Геттисберге"; и "Боритт", "Геттисбергское Евангелие".

15. Линкольн, *Собрание сочинений*, 7:51.

16. Там же, 7:54, 51.

17. Там же., 7:54, 55, 51; Харрис, *С благотворительностью для всех*, 140-41, 146-47, 149.

18. Линкольн, *Собрание сочинений*, 7:55, 56.
19. См. Рорабо, *Ученика ремесленника*; и Шульца, “Дьяволы печатников”.
20. См. Финкельман, “Уклонение от постановления”, цитата из 21; и там же, “Рабство и северо-западный указ”, цитата из 369.
21. Финкельман, “Уклонение от постановления”, 46-47; Бриджес, “Черные кодексы Иллинойса”, 2-3. Арвар Э. Стрикленд указал, что в дополнение к тем, кто был учеником или нанят по контракту, перепись населения США зарегистрировала 917 рабов в Иллинойсе в 1820 году, 747 в 1830 году и 331 в 1840 году (см. Стрикленд, “История отношения Линкольна в Иллинойсе”).
22. Записи о рабстве и эмансипации (1722-1863), в онлайн-базах данных архива штата Иллинойс, <http://www.cyberdriveillinois.com/departments/archives/servant.html>. Автор выражает признательность Карлу Муру из Государственного архива штата Иллинойс за помощь в выявлении и получении других полезных записей.
23. Там же. Записи об освобождении в этой онлайн-базе данных в основном свидетельствуют о том, что данный индивид на самом деле был свободным человеком. Некоторые отмечают, что первоначальная запись о свободном статусе находилась в архиве в другом округе, или что местные жители подтверждали, что человек был свободным, или что отдельный чернокожий человек был ребенком кого-то со свободным статусом. Закон штата Иллинойс требовал такого доказательства свободы, наряду с внесением крупного залога. Обсуждение ожидаемой продолжительности жизни рабов см. в “Стэмппе”, “Особом учреждении”, глава 7.
24. Записи о рабстве и эмансипации (1722-1863), в онлайн-базах данных архива штата Иллинойс, <http://www.cyberdriveillinois.com/departments/archives/servant.html>.
25. Там же.; Дональд, *Линкольн*, 84-85.
26. Договоры ученичества, округ Джексон, Иллинойс, и Договоры 1834-1881 годов, округ Перри, Иллинойс, оба на микрофильмах, приобретенных через Карла Мура.
27. Бриджес, “Черные коды Иллинойса”, 3-7.
28. Дональд, *Линкольн*, 486-87.
29. Там же.; Линкольн, *Это огненное испытание*, 193. Сведения о десятипроцентном правительстве Луизианы при Линкольне, которое восхищается Линкольном, см. в книге Кокса “*Линкольн и Свобода черных*”; и Маккрэри “*Авраам Линкольн и реконструкция*”.
30. Линкольн, *Это огненное испытание*, 194-95гг.
31. “*Нью-Йорк таймс*”, 11 августа 1863 г., 4.
32. Там же, 17 октября 1863 г., 1, 6.
33. Там же, 18 октября 1863 г., 4; 25 декабря 1863 г., 4; 28 декабря 1863 г., 4; 31 декабря 1863 г., 4.
34. Там же, 18 февраля 1864 г., 4.

35. Там же, 29 января 1864 г., 4 (две статьи), 22 марта 1864 г., 4. См. также Макферсон, *Гражданская война негров*, 98-99.
36. Дональд, *Линкольн*, 473.
37. *Глобус Конгресса*, 38-й Конгресс, 1-я сессия, 1864, 197, 521; Дональд, *Чарльз Самнер и права человека*, 152-61.
38. *Глобус Конгресса*, 38-й Конгресс, 1-я сессия, 1864, 481.
39. Там же, 817, 837.
40. Там же., 1438, 1705, 1745, 2242, 988.
41. Там же, 673.
42. Цитируется по Хесселтайну, *План реконструкции Линкольна*, 105.
43. Видишь www.Classbrain.com, в разделе “Определяющие документы”, где текст воспроизведен с рукописной копии законопроекта Уэйда-Дэвиса, первоначально представленного в 1864 году, которая была найдена в протоколах законодательных разбирательств, Отчетах Палаты представителей США, 1789-1946, RG 233, Национальный архив.
44. Линкольн, *Это огненное испытание*, 200.
45. Манифест Уэйда-Дэвиса появился как в длинной, так и в короткой версиях, причем часть текста последней появилась в первой. Эти цитаты взяты из расширенной версии, датированной 8 августа 1864 года, которую можно найти, например, у Генри Уинтера Дэвиса, *Речи и обращения*, 415-26; и Скотта, *Реконструкция во время гражданской войны*, 412-25. Сокращенная версия появилась во многих газетах.
46. Макферсон, *Борьба за равенство*, 221, 226, 242-43; Чивер, *Права цветной расы*, 16-17.
47. Дуглас, “Настоящее и будущее цветной расы”.
48. Филлипс, “Положение в стране”.
49. Уэнделл Филлипс цитируется в *“Нью-Йорк Таймс”*, 18 февраля 1864 г., 4.
50. Филлипс, *Срочный выпуск*.
51. Уэнделл Филлипс, цитируемый в книге Макферсона *“Борьба за равенство”*, 246, 246-47, 249, 252, 260. Замечания Джеймса Маккьюна Смита см. в Рипли, *The Black Abolitionist Papers*, 5:299.
52. *Конгрессменский глобус*, 38-й Конгресс, 1-я сессия., 1844, 2240, 2245, 1705, 2242.
4. Политика, Эмансипация и права чернокожих
1. Бенджамин Уэйд цитируется в книге Макферсона *“Боевой клич свободы”*, 714.
2. Макферсон, *Гражданская война негров*, 306-7; Рипли, *Документы черных аболиционистов*, 5:277; Макферсон, *Боевой клич свободы*, 716.

3. Макферсон, *Боевой клич свободы*, 716.
4. Линкольн цитируется в Current, *The Lincoln Nobody Knows*, 229.
5. Силби, *Респектабельное меньшинство*, глава 6.
6. Там же, 25-27.
7. Там же, 49-52.
8. *Старая гвардия*, цитаты из выпусков за январь 1863 г., 13-14, 15-19; февраль 1863 г., 69; июль 1863 г., 145; август 1863 г., 213; февраль 1864 г., 39.
9. Силби, *Респектабельное меньшинство*, 28.
10. Ван Эври, *Негры и негритянское "рабство"*, 134. Ван Эври был тесно связан с Чонси Берром из *Старой гвардии*. В октябрьско-декабрьском номере этого журнала за 1863 год было объявлено, что Van Evrie & Horton взяли на себя управление делами Burr's journal, чтобы он мог полностью посвятить себя редакционным делам.
11. Там же., 52, 54, 95, 116, 20, 145, 111, 239, 229, 191.
12. Там же., 9, 48, 14, 22, 78, 86, 249, 251, 255, 268-69.
13. Там же., 170, 176, 189, 201, 211, 277-78, 307, 309-10.
14. Каплан, "Проблема смешанного происхождения", 277.
15. Кроли и Уэйкман, *"Смешение поколений"*, 11; Каплан, "Проблема смешения поколений", 284-90.
16. Кроли и Уэйкман, *Смешение поколений*, i, 18, 63, 53, 34, 19, 30, 50.
17. Каплан, "Проблема смешанного происхождения", 295-321.
18. *Смешение поколений*, одобренное Республиканской партией, цитаты из 1, 5, 6, 7, 8.
19. Там же., 1, 6, 2, 6, 7, 8.
20. Улисс С. Грант, цитируемый в книге Макферсона *"Боевой клич свободы"*, 726, 732, 733, 734.
21. Линкольн, *Собрание сочинений*, 7:435; Нельсон, *Пули, бюллетени и риторика*.
22. Линкольн, *Собрание сочинений*, 7:435.
23. *"Нью-Йорк таймс"*, 31 декабря 1863 г., 4; 29 апреля 1864 г., 4. Дэвид Герберт Дональд отмечает, что требование Линкольна об "отказе от рабства" в качестве условия мирных переговоров было неожиданным. Это значительно выходило за рамки его собственной Декларации об освобождении или любого закона Конгресса" (Дональд, *Линкольн*, 523).
24. *"Нью-Йорк Геральд"*, 27 июля 1864 года.
25. Макферсон, *Боевой клич свободы*, 768-69. *Cincinnati Daily Enquirer*, 23 июля 1864 г., 2; 28 июля 1864 г., 2.

26. *Buffalo Commercial Advertiser*, цитируется в *Cincinnati Daily Enquirer*, 29 июля 1864 г., 2; Макферсон, *Боевой клич свободы*, 769; Генри Рэймонд, цитируется в *Lincoln, Собрание сочинений*, 7:517-18; *New London Chronicle*, цитируется в *Cincinnati Daily Enquirer*, 5 августа 1864 г., 1.
27. Линкольн, *Собрание сочинений*, 7: 499-501.
28. Сьюард, *Уоркс*, 491, 502, 503-4.
29. *"Нью-Йорк таймс"*, 18 августа 1864 г., 4.
30. "Материалы Национального съезда цветных мужчин ... 4, 5, 6 и 7 октября 1864 года", в Рипли, *The Black Abolitionist Papers*, 5:304.
31. Линкольн, *Собрание сочинений*, 7:514.
32. Чеснат, *Дневник из "Дикси"*, 425, 434; *"Нью-Йорк Геральд"*, 12 сентября 1864 г.; Джордж Темплтон Стронг цитируется в *"Макферсоне"*, *"Боевом кличе свободы"*, 773.
33. Уильям Б. Хесселтайн написал, что "без помощи вооруженных сил и подсчета голосов солдат, поданных на местах, Макклеллан имел бы большинство в коллегии выборщиков". Хесселтайн также отметил сообщения о сомнительных или мошеннических событиях. "Даже проректор-маршал армии Гранта жаловался, что "на пути честного голосования солдат были воздвигнуты все возможные препятствия ". " Согласно Хесселтайну, в Мэриленде, где рассматривалась возможность принятия новой конституции штата, солдаты, которым не разрешалось голосовать по старой конституции, обеспечили перевес, который "отменил гражданское большинство" (Хесселтайн, *План реконструкции Линкольна*, 130).
34. Линкольн, *Собрание сочинений*, 8:100-101, 107; Харрис, *С благотворительностью для всех*, 260; Линкольн, *Собрание сочинений*, 8:113.
35. Представитель Джон Кресвелл из Мэриленда, 5 января 1865 г., в журнале *Congressional Globe*, 38-й Конгресс, 2-я сессия, 1865, стр. 1:122.
36. Военное министерство США, *Война восстания*, серия 1, том 43, стр. 2:587-88.
37. *"Нью-Йорк Геральд"*, 26 июля 1864 года.
38. Линкольн, *Собрание сочинений*, 8:149.
39. Там же, 8:152.
40. Там же, 8:151.
41. Как показано в главе 7, Линкольн вскоре четко изложил эту позицию.
42. Линкольн, *Собрание сочинений*, 8:152.
43. Джеймс Макферсон обсуждает этот политический ландшафт в *"Боевом кличе свободы"*, 840.
44. Цитата из Конституции США, статья 4, раздел 3. О страхе перед манипуляциями исполнительной власти см. Формулировку Манифеста Уэйда-Дэвиса, в котором осуждались "эти простые тени правительств" как "простые создания его воли" (см. гл. 3, п. 45 выше).

45. Герман Белз показал, что зимой 1864-65 годов лидеры конгресса серьезно изучали возможный компромисс с Линкольном, который включал бы признание Луизианы, но компромисс провалился, и эта мера провалилась (см. Белз, *Реконструкция Союза*, гл. 9).
46. Смотрите Поттера, *Линкольна и его партию*; и Харриса, *С благотворительностью для всех*, 260-61.
47. "*Нью-Йорк таймс*", 24 ноября 1864 г.; см. также "*Нью-Йорк таймс*", 27 ноября 1864 г.
48. "*Нью-Йорк таймс*", 25 декабря 1864 г.; 6 января 1865 г., 4; 16 января 1865 г., 4.
49. Там же, 1 декабря 1864 г., 4; 15 января 1865 г., 4. Майкл Дж. Макманус напомнил нам, что в 1850-х годах некоторые республиканцы подчеркивали права штата как инструмент противодействия законам о беглых рабах (см. Макманус, "Свобода и вольность превыше всего").
50. "*Нью-Йорк таймс*", 15 января 1865 г. и многие предыдущие выпуски, такие как 14 июля 1863 г., 4 или 18 октября 1863 г., 4; 27 декабря 1864 г., 4; 9 февраля 1865 г., 4; 29 декабря 1864 г., 4. Передовица *Times* от 29 декабря отражает расистские настроения, которые заставили бы многих белых в период после реконструкции жаловаться на "проблему негров". Чернокожие лидеры точно, но неэффективно протестовали бы против того, что "проблема" заключалась в расистских фобиях белых.

5. Рабство, война и сознание рабовладельца

1. О аргументе против рабства см. Дженкинс, *Мысль в защиту рабства*; Стэнтон, *Пятна леопарда*; Фредриксон, *Черный образ в сознании белых*; и Тизе, *Порабощение*.
2. Самым преданным аналитиком и талантливым теоретиком патернализма является Юджин Дженовезе; особенно, см. его книгу *Ролл, Джордон, Ролл*.
3. *Daily Richmond Examiner*, 19 июля 1861 г., 2; Фримантл, *Три месяца в Южных Штатах*, 42.
4. Еженедельник *Richmond Enquirer*, 14 июля 1863 г., 1.
5. См. Джеффри Брук Аллен, "Были ли белые южане, критикующие рабство, расистами?" 171, 170, 190. Финни, "Движение против рабства на Верхнем Юге до 1840 года", подчеркивает, что движение против рабства на Верхнем Юге было небольшим и что многие из его последователей становились все более античерными и придерживались депортационистских взглядов. Дело здесь не в численности меньшинства, а в том факте, что таких взглядов придерживались и они не были незнакомыми. Одно из наиболее тщательных исследований сомнений и озабоченностей религиозных конфедератов военного времени содержится в книге Берингера и др., *Почему Юг проиграл*. Верно и то, что непропорционально большое число теоретиков и писателей прорабства были священнослужителями, часто министрами, которые приехали с Севера или получили образование на Севере (см. Tise, *Прорабство*).
6. Общество освобождения Северной Каролины, *Обращение к народу Северной Каролины*; "*Нью-Йорк Таймс*", 5 апреля 1860 г., 5; *Материалы собрания в Чарльстоне, Южная Каролина, 13-15 мая 1845 г.*, 6, 11, 9. Подробное изучение Хелпера см. в книге Брауна "*Изгой с Юга*".

7. Уильям К. Ривз цитируется в книге Селлерса “Муки рабства”; Хелпер, *Надвигающийся кризис Юга*, 193, 199, 200.

8. “Бенджамин Шервуд Хедрик”, 13.

9. Шотт, Александр Х. *Стивенс из Джорджии*, 61, 104; “Бенджамин Шервуд Хедрик”, 13. Стивенс изменил свою позицию и стал гораздо более оборонительным после того, как Дэвид Уилмот предложил свое Условие.

10. Макгуайр, *Дневник беженца с Юга*, 128; Элла Клэнтон Томас и Долли Бердж цитируются в “Рорке”, “Хозяева без рабов”, 89-90; Чеснат, “*Дневник из Дикси*”, 21, 163, 435; Роберт Э. Ли цитируется в “Нолане”, “*Ли считал*”, 11-12.

11. Лефлер и Ньюсом, *Северная Каролина*, 446; см. также Батлер и Уотсон, *Опыт Северной Каролины*, глава 9.

12. Чеснок, *Дневник из “Дикси”*, 163.

13. Ли цитируется в Nolan, *Lee Considered*, 13; *Congressional Globe*, 35-й Конгресс, 2-я сессия, 1859, 1243.

14. См. Дженовезе, “*Мир, созданный рабовладельцами*”; Стэнтон, “*Пятна леопарда*”; и Маккитрик, “*Защита рабства*”, 34-50, 126-47. Смотрите также Фрилинг, “*Дорога к разобщению*”, 2: 35-36, где приводится иной и глубокий анализ позиции Фицью.

15. Цитаты из *Библейских и статистических взглядов Торнтона Стрингфеллоу в пользу рабства* (1856), перепечатанные в McKittrick, *Защита рабства*, 88-89, 90, 91, 94, 95. О схожих взглядах читайте в книге Мура “*Бог - наше прибежище и сила*”, 18; и Джозефа Р. Уилсона “*Взаимоотношения господ и рабов*”, 11-12.

16. Хопкинс, *Библейский, церковный и исторический взгляд*, 8, 48, 31, 33.

17. Макгилл, *Рука Бога с Черной расой*, 7, 10, 16.

18. Кристи, *Политика с кафедры*, 615, 621-22, v, iii.

19. Майлз, *Бог в истории*, 26; Смит, “Подтвержденная война на Юге”, 495, 498.

20. Эллиот, *Наше дело в гармонии*, 7, 13, 9, 11, 10, 11.

21. *Защитник Стонтона*, 3 февраля 1860 г., 1; Смит, “Подтвержденная война на Юге”, 499n; Чеснат, *Дневник из Дикси*, 139, 144, 200, 433; Эдмондстон, *Дневник секешской леди*, 141, 418.

22. Стэмпп, “*Особое учреждение*”, глава 7; Савитт, “*Медицина и рабство*”; Уолтер Джонсон, “*Душа за душой*”; Дженовезе, “*Катись, Джордан, катись*”; Фауст, Джеймс Генри Хэммонд, особенно гл. 5; Эскотт, “*Память о рабстве*”, особенно гл. 2.

23. Уэлдон Н. Эдвардс Томасу Раффину, 15 января 1860 г., в “*Раффин*”, *Документы*, 3:40; Пол К. Камерон Раффину, 10 сентября 1860 г., там же, 3:90-91; Кэмерон цитируется у Андерсона: “Пол Кэррингтон Камерон в роли плантатора”. Эмоции Кэмерона, возможно, были реальными, но им суждено было испариться, как только его дети-рабы проявили признаки независимости (см. Эскотт, *Много превосходных людей*, 120-21).

24. Эдмондстон, *Дневник секешской леди*, 130; Чеснат, *Дневник из Дикси*, 163.
25. Рорк, *Хозяева без рабов*, 4, 15, 74; Эллиот, *Загадка Самсона*.
26. Рорк, *Хозяева без рабов*, 74-76; Итон, *Джефферсон Дэвис*, 144; *Staunton Spectator*, 7 октября 1862 г.
27. "Фауст", *Матери изобретения*, 57-59; Чеснат, *"Дневник из Дикси"*, 139, 151.
28. Семейные документы Эллиота и Гонсалеса, 2 марта 1863 г.
29. Рорк, *Хозяева без рабов*, 78-79; Джеймс Седдон Джефферсону Дэвису, 26 ноября 1863 г., в Конфедеративных штатах Америки, Письма, отправленные военным министром Конфедерации президенту, список 1, 120-35; *Джефферсон Дэвис, конституционалист*, 6:120.
30. Рорк, *Хозяева без рабов*, 79; Майерс, *Дети гордости*, 234, 301, 408. Ценный обзор использования рабского труда Конфедератами см. в книге Брюера *"Негр Конфедерации"*.
31. Фауст, *Матери изобретения*, 54-55, 62; Эдмондстон, *Дневник секешской леди*, 172, 142, 220, 463.
32. Тарлтон, "Сомерсет-Плейс и его реставрация", 42; Б. Б. Хинсли Джосайе Коллинзу III, 4 мая 1863 г., и Дж. У. Спруил Коллинзу, 16 мая 1863 г., документы Джосайи Коллинза.
33. Семья Кимберли: личная переписка, 1862-1864, 28 января 1863 г.; Макгуайр, *Дневник беженки с Юга*, 128, 171; Майерс, *Дети гордости*, 523; Фауст, *Матери изобретения*, 76-77.
34. Рорк, *"Хозяева без рабов"*, 83, 89, 84; Чеснат, *"Дневник из Дикси"*, 433.
35. Джеймс Хенли Торнуэлл цитируется во Фрилинге, *"Реинтеграция американской истории"*, 65.
36. Джонс, *Религиозное воспитание негров*.
37. Джозеф Р. Уилсон, *Взаимоотношения хозяев и рабов*, 7, 12, 19, 10.
38. Палмер, *Выступление перед Генеральной Ассамблеей Южной Каролины*, 17, 14-15.
39. Эллиот, *Наше дело в гармонии*, 11; там же, *Дилемма Эзры*, 12-13. Позже епископ Эллиот решит, что лучше не продвигать процесс реформ до тех пор, пока не будет достигнута независимость.
40. Белл Ирвин Уайли, "Движение за гуманизацию института рабства", 208-9; *Пастырское письмо епископов протестантской епископальной церкви*, 10-11.
41. Белл Ирвин Уайли, "Движение за гуманизацию института рабства", 209-10; Мор, *На пороге свободы*, особенно 248-55 (Пирс цитируется на 254). Отчет Мора очень подробный и ценный.
42. Белл Ирвин Уайли, "Движение за гуманизацию института рабства", 211-14.
43. "Закон о браке с рабами", особенно. 145, 146-47, 149, 154, 159, 160, 162.
44. Кальвин Х. Уайли, *Библейские взгляды на национальные испытания*, iv-v, 31, 159, 188, 48.

45. Там же, 177, 1-12 абзац, 13, 121, 152, 159, 161.

46. Там же., 187, 188, 189, 191.

47. Там же., 191, 192, 194, 195, 196, 197, 199, 200.

48. Белл Ирвин Уайли, "Движение за гуманизацию института рабства", 217-19.

6. Ересь, догма и дебаты Конфедерации

1. Рорк, *Хозяева без рабов*, 35. Наглядные примеры разнообразия рабовладельцев и терпимости общества ко всем типам смотрите в книге Нортупа "*Двенадцать лет рабства*".

2. Брюер, *Негр-конфедерат*, 3.

3. Там же, 7, 6.

4. Там же, 7-8.

5. Там же, 9-10.

6. Там же., 13, 29, 33, 36, 37, 40, 41, 44, 57, 80-81, 98, 134-35, 142, 144, 145, 147, 151. Кларенс Мор задокументировал тот факт, что и в Джорджии рабы были источником жизненной силы промышленных преобразований, работая на многих типах фабрик, а также на заводах по производству оружия и боеприпасов (см. Мор, *На пороге свободы*, глава 5).

7. Левин, "*Освобождение Конфедерации*", 17, 19. Трое заявителей из Миссисипи, очевидно, имели в виду население своего штата, когда отмечали, что чернокожих южан столько же, сколько белых. В Конфедерации в целом, конечно, белых было больше, чем черных.

8. Совместные резолюции Сената и Палаты представителей Штата Алабама, 29 августа 1863 г., в Военном министерстве США, *Война восстания*, серия 4, том 2:767.

9. Левин, "*Освобождение Конфедерации*", 25; Дерден, "*Серое и черное*", 30-31 (цитата из газеты Джексона).

10. Дерден, *Серое и черное*, 24-25, 33-34.

11. Там же, 36, 39, 43-44.

12. Левин, *Освобождение Конфедерации*, 19. Как указывает Левин, в нескольких городах, таких как Новый Орлеан и Мобил, свободным чернокожим людям разрешалось служить в местных подразделениях обороны.

13. Военное министерство США, *Война восстания*, серия 1, том 52, стр. 2: 586-92. Весь отчет Клеберна перепечатан в Durden, *The Gray and the Black*, 54-63; процитированные отрывки приведены на 54-55.

14. Дерден, *Серое и черное*, 55-56.

15. Там же.

16. Там же, 56-57.

17. Там же, 58.
18. Там же, 58-61.
19. Там же, 65-66.
20. Нельсон, Пули, бюллетени и риторика; Эскотт, *Военная необходимость*, 243.
21. Для описания методов работы на плантациях Дэвиса см. Германна, *Джозефа Э. Дэвиса*; Итона, *Джефферсона Дэвиса*; Фелисити Аллен, *Джефферсона Дэвиса*; и Макэлроя, *Джефферсона Дэвиса*.
22. Германн, *Джозеф Э. Дэвис*, 43, 53-58.
23. Итон, *Джефферсон Дэвис*, 39-41; Фелисити Аллен, *Джефферсон Дэвис*, 115-16. Уильям Дж. Купер-младший с осторожностью относится к наиболее позитивным описаниям отношений Дэвиса со своими рабами, поскольку подробности были даны спустя годы после войны. Но он также утверждает, что "семейная традиция ... в целом соответствует имеющимся свидетельствам". Кажется очевидным, что распорядок дня на плантациях братьев Дэвис отличался от обычного (см. Купер, *Джефферсон Дэвис*, 236).
24. Германн, *Джозеф Э. Дэвис*, 60 лет (цитирую Исаяю Монгомери); Фелисити Аллен, *Джефферсон Дэвис*, 103 года; Итон, *Джефферсон Дэвис*, 39-40.
25. Эскотт, *После отделения*, 218-19.
26. Левин, *Освобождение Конфедерации*, 30-32.
27. "Негритянские войска и иностранное правление", *Richmond Sentinel*, 28 декабря 1864 г. Текст обращения Дэвиса см. в "Дердене, *Сером и черном*", 102-5.
28. Военное министерство США, *Война восстания*, серия 4, том 3:959-60.
29. Левин, *Освобождение Конфедерации*, 159.
30. Чтобы обсудить широко распространенный интерес к смещению Дэвиса, см. Эскотт, *Военная необходимость*, глава 7.
31. Чемберс, "Речь distinguished Х. К. Чемберса из Миссисипи"; Левин, *Освобождение Конфедерации*, 42.
32. Левин, "Освобождение Конфедерации", 43-44; Чемберс, "Речь distinguished Х. К. Чемберса из Миссисипи"; Дерден, "Серое и черное", 116.
33. Левин, *Освобождение Конфедерации*, 46; Дерден, *Серое и черное*, 111, 119, 165-66.
34. Дерден, *Серое и черное*, 118, 112-13, 110, 108, 124, 184; Левин, *Освобождение Конфедерации*, 47, 54-55.
35. Левин, *Освобождение Конфедерации*, 48.
36. Там же, 57.
37. Дерден, *Серое и черное*, 147-49; Левин, *Освобождение Конфедерации*, 18.

38. См. Дерден, *"Серое и черное"*, 135-37.

39. Там же, 207-8.

40. Например, сенатор Конфедерации Г. А. Генри утверждал, что после службы в качестве солдат рабов следует отправлять "обратно на плантацию. ... Эффект дисциплины состоит в том, чтобы укротить и подчинить — уничтожить индивидуальность — научить опасности и тщетности восстания" (Генри, "Политика использования негритянских войск"). Точно так же представитель Х. К. Чемберса из Миссисипи утверждал, что если раба придется призвать в армию, "пусть его по-прежнему используют как раба, без обещания особого вознаграждения. Пусть его заставят сражаться так же, как его заставляли работать, в соответствии с обязанностью, возложенной на него властью его владельца" (Чемберс, "Речь distinguished Х. К. Чемберса из Миссисипи").

41. Дерден, *Серое и черное*, 208-9.

42. Там же, 206-7.

43. Стивенсон, "Вопрос о вооружении рабов", 302.

44. Дерден, *Серое и черное*, 205; Левин, *Освобождение Конфедерации*, 114.

45. Дерден, *Серое и черное*, 218; Эскотт, *После отделения*, 250; Эскотт, *Военная необходимость*, 135.

46. Дерден, *Серое и черное*, 217; Левин, *Освобождение Конфедерации*, 114-15.

47. Эскотт, *Военная необходимость*, 134-36.

48. Левин, *Освобождение Конфедерации*, 117-18. Подробнее о действиях Вирджинии читайте также "Дерден, *Серое и черное*", 249-50.

49. Дерден, *Серое и черное*, 268-83, особенно 269, 279, 274-75.

50. Лэнгдон, "Вопрос о найме негра в качестве солдата!" *Республиканец из Линчбурга* аналогичным образом сетовал на то, что солдаты-рабы "будут настаивать и будут иметь право настаивать на острие штыка на том, чтобы пользоваться всеми гражданскими, социальными и политическими правами, которыми пользовались их бывшие хозяева, на том основании, что они в равной степени перенесли все опасности и ответственность борьбы" (цитируется в *New York Times*, 10 ноября 1864 г.).

51. Диллард, "Независимость или рабство". Диллард изучал Вирджинию, Джорджию и Техас и приходит к выводу, что "независимость любой ценой была лозунгом в Вирджинии и Джорджии к весне 1865 года. Конфедерация, как ее поняли виргинцы и джорджианцы, означала гораздо больше, чем сохранение рабства. Консервативная революция 1861 года фактически стала настоящей революцией" (там же, 283). Диллард обнаружил меньшую готовность пожертвовать рабством ради независимости в Техасе, где непосредственная опасность войны была менее серьезной и где рабовладельцы все еще получали прибыль.

52. Левин, *"Освобождение Конфедерации"*, 117-18, справедливо подчеркивает этот момент.

7. Конференция на Хэмптон-Роудс

1. Дерден, *Серое и черное*, 68-71; Дональд, *Линкольн*, 523, 556.
2. Дональд, *линкольн*, 559, 556.
3. Там же, 556-57.
4. Там же, 557.
5. *"Хроника Огасты" и "Сентинел"*, 7 июня 1865 г.; Кэмпбелл, *Воспоминания и документы*, 4.
6. Харрис, "Конференция на хэмптон-роудз", 38-40.
7. Дональд, *Линкольн*, 557; Макферсон, *Боевой клич свободы*, 822; Харрис, "Конференция на Хэмптон-Роудс", 46.
8. Кэмпбелл, *Воспоминания и документы*, 5-6; Стивенс, *Конституционный взгляд*, 2:599-619. Через четыре дня после конференции государственный секретарь Сьюард описал эту встречу в краткой дипломатической депеше Чарльзу Фрэнсису Адамсу. Отчет Сьюарда был явно рассчитан на то, чтобы дать Адамсу полезные ответы на зарубежные запросы, которые ожидались после конференции. Предупредив, что миротворцам часто удавалось положить конец конфликту до того, как можно было получить преимущества успешной войны, Сьюард подчеркнул твердую позицию администрации, поскольку война сейчас продолжалась. Встреча была "спокойной и вежливой", сказал он, но Линкольн настоял на роспуске повстанческих армий и восстановлении национальной власти, прежде чем можно будет рассматривать вопрос о каком-либо прекращении военных действий. Сьюард сказал Адамсу, что Линкольн обещал либерализм в качестве главы исполнительной власти, но отметил, что Конгресс контролирует ассигнования и допуск представителей. Что касается Тринадцатой поправки, позиция Сьюарда, представленная для иностранного потребления, заключалась в том, что были "все основания ожидать", что она вскоре будет ратифицирована (см. Военное министерство США, *Война восстания*, сер. 1, т. 46, стр. 2: 471-73). В воспоминаниях Р. М. Т. Хантера снова и снова подчеркивалась его вера в то, что Соединенные Штаты относились к Югу презрительно и таким образом, который был бы немыслим ни для одной победоносной европейской нации. Таким образом, характер отчета Хантера, который казался личным и своеобразным, отличался от отчетов Стивенса и Кэмпбелла. Единственной новой информацией, которую предоставил отчет Хантера, была цифра в 400 миллионов долларов компенсации южанам, к которой благоволил Линкольн. Эта цифра, обсуждаемая ниже, получила подтверждение от самого Линкольна после того, как он вернулся в Вашингтон (см. Хантер, "Комиссия по установлению мира 1865 года"; обсуждение Хантером самой встречи начинается на странице 173).
9. Дональд, *Линкольн*, 557; Стивенс, *Конституционный взгляд*, 2:599-608.
10. Стивенс, *Конституционный взгляд*, 2:609-11. Цифра в 200 000 человек была сильно занижена, поскольку почти 500 000 рабов вступили на позиции Союза в оккупированных районах Юга (см. Главу 3).
11. Там же, 2:612.
12. Там же, 2:612-14.
13. Там же, 2:615-18.

14. Кэмпбелл, *Воспоминания и документы*, 11-17. В этих двух отчетах есть и другие точки соприкосновения, помимо наиболее важных, кратко изложенных здесь. Например, оба также включают обмен мнениями между Хантером и Линкольном, в котором Хантер утверждал, что прецеденты позволили Линкольну иметь дело с воюющей Конфедерацией, потому что английский король Карл I заключил соглашения с парламентом. Линкольн ответил, что, хотя он и не был специалистом по истории, он знал, что Карл I “потерял голову”.

15. Макферсон: “Мог ли Юг победить?”

16. Харрис, “Конференция на Хэмптон-Роудз”, 51. Примеры тех, кто проигнорировал проблему, см. Бенджамин П. Томас, *Авраам Линкольн*, 502-3; Кокс, *Линкольн и Свобода черных*; и Палудан, *Президентство Авраама Линкольна*. В книге Кокса также приводятся примеры интерпретаций, которые простираются очень далеко, чтобы быть максимально благоприятными для идеи о том, что Линкольн был сторонником расового равенства.

17. “Хроника Огасть” и “Сентинел”, 7 июня 1865 г., 2.

18. Там же. Редактор *Chronicle and Sentinel* начал свой отчет с напоминания читателям о том, что “Мы ранее заявляли, что мистер Дэвис [не сообщил] ... правду” в отношении конференции на Хэмптон-Роудс. “Теперь, когда вышеупомянутый Дэвис больше не имеет права арестовывать и заключать под стражу лиц без применения хабеас корпус ... Возможно, было бы неплохо сообщить людям правду”. Редактор также сказал, что он “счел своим долгом” перед Александром Стивенсом представить его “заявление общественности в качестве доказательства того, что, будучи хозяином своих поступков, он не скрывал ни части правды ни от кого, кто просил об этом”. Как отмечалось в главе 4, ратификация поправки к Конституции требует одобрения трех четвертей штатов.

19. 22 декабря 1860 года Линкольн написал Стивенсу в частном порядке, заверяя его, что “нет причин” для опасений, что “республиканская администрация будет, *прямо или косвенно*, вмешиваться в дела своих рабов [южан]”. Именно в этом личном письме Линкольн также сделал часто цитируемое заявление: “Вы считаете, что рабство *правильно* и его следует расширять; в то время как мы считаем, что это *неправильно* и его следует ограничить. Я полагаю, в этом-то и загвоздка”. Текст письма см. в Lincoln, *This Fiery Trial*, 86.

20. Там же, 215.

21. Там же., 187, 191-92.

22. Там же., 226-27.

23. Бэнкрофт, *Жизнь Уильяма Х. Сьюарда*, 414; Ван Дейзен, *Уильям Генри Сьюард*, 385-86.

24. См. Кин, *Внутри правительства Конфедерации*, 201-2; и Эскотт, *После отделения*, 223-24.

25. Уильям А. Грэм Дэвиду Л. Суэйну, 12 февраля 1865 г.; Грэм Зебулону Вэнсу, 12 февраля 1865 г.; Грэм Сьюзан Вашингтон Грэм, 5 и 18 февраля 1865 г.; и Джеймс Орр губернатору Фрэнсису Пикенсу, 29 апреля 1865 г., говоря о своих чувствах “прошлой зимой”, все в бумагах Белла И. Уайли. В письме сенатора Грэма своей жене от 5 февраля дается довольно полный отчет о конференции; в этом письме он заявил, что еще не разговаривал со Стивенсом или Кэмпбеллом, поэтому представляется весьма вероятным, что его источником был Хантер.

26. Александр Х. Стивенс цитируется в книге Рорка *"Хозяева без рабов"*, 3.
27. Более подробное обсуждение см. в главе 6.
28. Гидеон Уэллс цитируется в Белз, *Восстановление Союза*, 280; Линкольн, *Собрание сочинений*, 8: 261.
29. Смотрите главу 7, п. 8 выше.
30. Линкольн, *Собрание сочинений*, 8:260-61.
31. Там же, 8:261; Харрис, "Конференция на Хэмптон-Роудз", 56.
32. Ладвелл Х. Джонсон, "Решение Линкольна", 583.
33. Там же., 585-86.
34. Холт, *Политические партии и политическое развитие Америки*, 325, 330, 339-43, 350-51.
35. Там же, 339-43, 330.
36. Линкольн, *Это пламенное испытание*, 95, 119, 151-52. Что касается предложенной конституционной поправки, Сьюард писал, что роль Линкольна выходила за рамки принятия такого предложения. 26 декабря 1860 года Сьюард написал, что Линкольн предложил (через Турлоу Уида), чтобы Сьюард представил эту меру перед Сенатским комитетом тринадцати, который пытался найти компромисс для спасения Союза (см. Линкольн, *Собрание сочинений*, 4: 157 ком.).
37. Линкольн, *Это огненное испытание*, 8, 31-32, 58.
38. Линкольн, *Собрание сочинений*, 2:501.
39. Линкольн, *Это огненное испытание*, 30, 57.
40. Там же, 57, 152; Линкольн, *Собрание сочинений*, 8:394.
41. Линкольн, *Это огненное испытание*, 148, 193, 225.
42. Эти репрезентативные цитаты взяты из там же., 188, 153.
43. Примеры взглядов историков см. Лайтнер, "Авраам Линкольн и идеал равенства"; Боритт, "Мечтал ли он о Лилейно-белой Америке?" См. также Линкольн, *Этот огненный процесс*, 130-31; и Воренберг, "Авраам Линкольн и политика черной колонизации". Воренберг недооценивает интерес Линкольна к колонизации и интерпретирует действия Линкольна как мотивированные желанием сделать эмансипацию более приемлемой для общества.
44. Линкольн, *Это огненное испытание*, 29, 126.
45. Фредриксон, "Мужчина, но не брат", 56, 57.
46. Линкольн, *Это пламенное испытание*, 126. Это заявление было сделано представителям пограничных штатов в Конгрессе в июле 1862 года.

47. Там же, 184, 125. Первая цитата, конечно, из Геттисбергского обращения. Вторая - из ответа Линкольна на “Молитву двадцати миллионов” Горация Грили от 22 августа 1862 года.

8. 1865 год и последующие годы

1. Цитату из Второй инаугурационной речи Линкольна можно найти в *Lincoln, This Fiery Trial*, 220. См. также Воренберг, *Последняя свобода*, 111.

2. Бюро переписи населения США, *История статистики*, 25, 30, 37.

3. *Хартфорд Дейли Курант*, 24, 11 июля, 15 августа 1865 г.; *Норвич Уикли Курьер*, 14 сентября 1865 г.

4. *Голоса Коннектикута за беспристрастное избирательное право*; *Hartford Daily Courant*, 15 августа, 15 сентября 1865 г.; *Norwich Weekly Courier*, 20 июля 1865 г.; *Connecticut Courant* (еженедельный выпуск *Hartford Courant*), 7 октября 1865 г.; *Norwich Weekly Courier*, 24 августа 1865 г.; *Norwich Morning Bulletin*, 16 августа, 15 июля, 9 Августа 1865 г.; “*Хартфорд Дейли Курант*”, 16 августа, 6 сентября, 12 сентября 1865 г.

5. *Norwich Morning Bulletin*, 19 сентября 1865 г.; *Голоса Коннектикута за беспристрастное избирательное право*, пункт 17.

6. *Хартфорд Дейли Курант*, 15 августа 1865 г.

7. *Norwich Morning Bulletin*, 15 сентября 1865 г. (перепечатка статьи из *New London Star*).

8. “Предубеждение”, цитируемое в *Norwich Morning Bulletin*, 18 сентября, 4 сентября 1865 г.

9. *Hartford Daily Courant*, 20 сентября, 26 сентября 1865 г.; *Norwich Weekly Courier*, 3 августа, 24 августа 1865 г.; *Hartford Daily Courant*, 25 сентября 1865 г.

10. “*Хартфорд Дейли Курант*”, 19 августа 1865 г.; “*Норвич Уикли Курьер*”, 31 августа, 7 сентября 1865 г.

11. *Norwich Morning Bulletin*, 6 сентября, 9 сентября, 23 сентября, 27 сентября 1865 г.

12. Там же, 5 октября, 3 октября, 6 октября 1865 г.; “*Хартфорд Дейли Курант*”, 3 октября 1865 г.

13. *Ежедневные новости Милуоки*, 12 ноября 1865 г.

14. Там же, 6 июля, 23 июля, 11 августа, 16 августа, 24 октября, 26 октября 1865 г.

15. *Демократ Ла Кросс*, 19 сентября, 20 сентября, 11 октября 1865 г.; *Daily Milwaukee News*, 7 сентября 1865 г.; *Демократ Ла Кросс*, 6 октября 1865 г.

16. *Daily Milwaukee News*, 2 июля, 3 июля, 22 октября 1865 г.; *La Crosse Democrat*, 2 сентября, 13 сентября 1865 г.; *Daily Milwaukee News*, 4 августа, 1 октября, 19 октября 1865 г.

17. *Daily Milwaukee News*, 22 сентября, 4 октября 1865 г.; *La Crosse Democrat*, 7 сентября, 20 сентября 1865 г.; *Eau Clair Free Press*, 21 сентября, 5 октября 1865 г.

18. *Daily Milwaukee News*, 3 сентября 1865 г. (цитата из *Janesville Gazette*); *Eau Claire Free Press*, 14 сентября, 21 сентября, 2 ноября 1865 г.; *Daily Milwaukee News*, 7 сентября 1865 г.; *La Crosse Democrat*, 12 октября 1865 г.
19. *Eau Clair Free Press*, 28 сентября 1865 г.
20. *Daily Milwaukee News*, 1 октября 1865 г.; *La Crosse Democrat*, 13 сентября, 6 сентября 1865 г.; *Daily Milwaukee News*, 11 августа, 22 октября 1865 г.; *La Crosse Democrat*, 11 сентября, 26 сентября, 12 октября, 28 октября 1865 г.
21. *Ежедневные новости Милуоки*, 22 ноября 1865 г.
22. *Пионер Святого Павла*, 1 июля, 9 сентября, 7 сентября, 26 июля 1865 года.
23. *Еженедельный отчет Манкато*, 7 октября, 23 сентября 1865 г.; *Пионер Сент-Пола*, 26 июля 1865 г.; *еженедельный отчет Манкато*, 12 августа, 19 августа 1865 г.; *Пионер Сент-Пола*, 8 июля, 17 сентября 1865 г.
24. *Еженедельный отчет Манкато*, 19 августа 1865 г.
25. Там же, 9 сентября 1865 г.; *Центральная республиканская партия Фарибо*, 9, 16 августа, 20 сентября, 24 октября 1865 г.
26. *Пионер Святого Павла*, 21 сентября, 5 октября 1865 года.
27. *Центральная республиканская партия Фарибо*, 11 октября 1865 г.
28. *Пионер Святого Павла*, 13 сентября, 22 сентября, 8 октября, 10 октября, 22 октября, 7 ноября 1865 года.
29. *Еженедельный отчет Манкато*, 25 ноября, 18 ноября 1865 г. В Колорадо проголосовали 4102 человека против 476.
30. Линкольн, *Это огненное испытание*, 220. Как выразился один чернокожий солдат, он мог бы поблагодарить Линкольна “за то, что требования времени вынудили его сделать”, но этот человек также “порицал его за невыполнение настоящего блага, которое это проклятое восстание дало ему силу совершить” (Рипли, *Газеты черных аболиционистов*, 5: 278).
31. Макферсон, “Освобождение Линкольна”; Гопник, “Ангелы и века”, 32.
32. Ференбахер, “Разобщенность и воссоединение”, 107; см. также 114-15. Для ценного и более подробного обсуждения см. Прессли, *Американцы интерпретируют свою гражданскую войну*; и Петерсон, *Линкольн в памяти американцев*. Дополнительные комментарии приведены в приложении.
33. Обратите внимание, например, на совершенно восхищенное и некритичное отношение к Линкольну в фильме “Гудвин, Команда соперников”. Публикация сбалансированной и обстоятельной книги Уильяма К. Харриса “С благотворительностью для всех” может сигнализировать о некоторых изменениях в этой модели.
34. Стринер, *отец Авраам*, 1-2. Джеймс Оукс в “Радикале и республиканце” также утверждает, что Линкольн “выбрал” “стратегию” соглашения с демократами о превосходстве белых, чтобы

убрать “расу со стола переговоров” и продолжить эмансипацию. Точно так же Линкольн “в очередной раз стратегически использовал расизм”, чтобы “сделать эмансипацию более приемлемой для белых расистов”, когда он читал лекцию чернокожим лидерам об их долге покинуть Соединенные Штаты. Оукс признает, что этот поступок был “низкой точкой в его президентстве”. Рецензию на книгу Оукса смотрите в статье Макферсона “Что он на самом деле думал о расах?”.

35. Макферсон, “Что он на самом деле думал о расах?”; там же, “Освобождение Линкольна”, 8-9; там же, “Мог ли Юг победить?” Восхваляя Линкольна в этих статьях, Джеймс Макферсон решительно отверг доводы других ученых о том, что рабы многое сделали для своего освобождения или что события оказались решающими. Сравните его аргументы с оценкой Айры Берлин: “Сведение Прокламации об Эмансипации к нулю, а Линкольна к шифру отрицает человеческую свободу действий точно так же, как персонификация эмансипации в лице великого Освободителя отрицает свободу действий рабов и многих других и тривиализирует процесс, посредством которого рабы были освобождены . . . И Линкольн, и рабы сыграли свои роли в драме освобождения. Отрицание их взаимодополняющих ролей ограничивает понимание сложного взаимодействия человеческой деятельности и событий, которые привели к упадку рабства” (Берлин, “Кто освободил рабов?”, 119-20). Значительное число известных историков, от Джеймса Г. Рэндалла и Ричарда Керринга до Дэвида Дональда и Аллена Гельцо, либо согласились с заявлением Стивенса, либо признали, что оно заслуживает очень серьезного рассмотрения. Нападки на аккаунт Стивенса усилились в последние десятилетия в связи с акцентом на Линкольна как на Великом освободителе и образце морали. Примеры более реалистичного изложения бесед на Хэмптон-Роудс см. в Рэндалле и Керри, *Линкольн, президент*, 4:335; Керри, *Линкольн, которого никто не знает*, 237-65, 304; Дональд, *Линкольн*, 559-60; и Гельзо, *Авраам Линкольн*, 408-9. Важные исследования Лаванды Кокс и Филиппа Палудана, оба обсуждаемые в статье Макферсона 1994 года, не упоминают конференцию на Хэмптон-Роудс, тем самым обходя проблему стороной.

36. Каруардин, *Линкольн*, 216; Бервангер, “Конституционная дилемма Линкольна”, 37; Лайтнер, “Авраам Линкольн и идеал равенства”, особенно 305, 293; Гудвин, *Команда соперников*, 206.

37. Линкольн, *Это Огненное испытание*, 131.

38. “*Нью-Йорк таймс*”, 12 декабря 1862 г., 2.

39. Кейбл, *негритянский вопрос*, 60.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные источники

Договоры об ученичестве, округ Джексон, Иллинойс. Архив штата Иллинойс.

Коллинз, Джосайя, Документы. Отдел архивов и истории Северной Каролины, Роли.

Конфедеративные штаты Америки. Письма, отправленные военным министром Конфедерации президенту. RG 109, микрокопия M 523. Национальный архив, Вашингтон, округ Колумбия.

Договоры, 1834-1881, округ Перри, Иллинойс. Архив штата Иллинойс.

Записи о рабстве и эмансипации. Онлайн-базы данных архива штата Иллинойс.

<http://www.cyberdriveillinois.com/departments/archives/databases.html>.

Тарлтон, Уильям С. "Сомерсет-Плейс и его реставрация". Отчет подготовлен для Отдела парков штата, Департамент охраны и развития Северной Каролины, 1954 год. Отдел архивов и истории Северной Каролины, Роли.

Уайли, Белл И., Документы. Специальные коллекции. Библиотека Вудраффа, Университет Эмори.

Газеты и журналы

Atlantic monthly, 1860-65

Хроника и страж Огасты (Джорджия), 1865

Chicago Tribune, 1862-63

Cincinnati Daily Enquirer, 1862-64

"Ежедневная газета Цинциннати", 1862-63

Континентальный ежемесячник. 1862-64

Ежедневные новости Милуоки, 1865

Daily Richmond Examiner, 1860-65

О-Клер (WI), Свободная пресса, 1865

Фарибо (Миннесота) Центральный республиканец, 1865

Harper's Weekly, 1860-65

"Хартфорд Дейли Курант", 1865 г.

Демократ из Ла-Кросса (Висконсин), 1865

Возраст жизни Литтелла, 1861-65

Еженедельный отчет Манкато (Миннесота), 1865

Уроженец Новой Англии, 1861-65

"Нью-Йорк Геральд", 1864-65

"Нью-Йорк таймс", 1860-65

Североамериканское обозрение, 1860-65

Утренний бюллетень Норвича (Коннектикут), 1865 г.

Еженедельный курьер Норвича (Коннектикут), 1865

"Старая гвардия", ежемесячный журнал; Посвящен принципам 1776 и 1787 годов, 1863-65

Ричмондский страж, 1860-65

Еженедельник Richmond Enquirer, 1860-65

Спекулянт Стонтон (Вирджиния), 1860-64

Защитник Стонтона (Вирджиния), 1860-64

Пионер Сент-Пола (Миннесота), 1865

Южное пресвитерианское обозрение, 1863

Другие источники

Общество освобождения Северной Каролины. *Обращение к народу Северной Каролины о зле рабства. От Друзей свободы и равенства*. Гринсборо: У. Суэйн, 1830. Документирование американского Юга, Университетская библиотека Университета Северной Каролины в Чапел-Хилл, 2001. <http://docsouth.unc.edu/nc/manumiss/menu.html>.

Элфренд, Фрэнк. "Великая опасность Конфедерации". *Южный литературный вестник* 37 (январь 1863 г.): 39-43. Создание цифровой библиотеки Америки. <http://quod.lib.umich.edu/m/moajrnl/browse.journals/sout.html>.

———. "Южная Республика и Северная Демократия". *Южный литературный вестник* 37 (май 1863 г.): 283-90. Создание цифровой библиотеки Америки. <http://quod.lib.umich.edu/m/moajrnl/browse.journals/sout.html>.

Аллен, Фелисити. *Джефферсон Дэвис: Непобедимое сердце*. Колумбия: Издательство Университета Миссури, 1999.

Аллен, Джеффри Брук. "Были ли белые южане, критикующие рабство, расистами? Кентукки и Верхний Юг, 1791-1824". *Журнал истории Юга* 44 (май 1978): 169-90.

Комиссия по расследованию деятельности американских вольноотпущенников. *Предварительный отчет о положении эмансипированных беженцев и управлении ими; представлен Военному министру Комиссией по расследованию дел американских вольноотпущенников 30 июня 1863 г.* Публикация разрешена военным министром. Нью-Йорк: Дж. Ф. Троу, 1863.

Андерсон, Джин Брэдли. "Пол Кэррингтон Камерон в роли плантатора". *Комментарии Каролины* 27 (сентябрь 1979): 114-20.

Аткинсон, Эдвард. *Дешевый хлопок за счет бесплатной рабочей силы*. Бостон: А. Уильямс и компания, 1861.

Бэнкрофт, Фредерик. *Жизнь Уильяма Х. Сьюарда*. 2 тома. 1899. Глостер, Массачусетс: Питер Смит, 1967.

Белз, Герман. *Восстановление Союза: теория и политика во время Гражданской войны*. Итака, Нью-Йорк: Издательство Корнельского университета Американской исторической ассоциации, 1969.

“Бенджамин Шервуд Хедрик”. Том 10, № 1 из *исторических публикаций Джеймса Спранта*, опубликовано Историческим обществом Северной Каролины в 1910 году. Доступно по адресу <http://www.archive.org/stream/jamesspruntstudi10nortuoft>.

Беннетт, Лероне. *По принуждению к славе: белая мечта Авраама Линкольна*. Чикаго: Джонстон, 2000.

Берингер, Ричард Э., Герман Хаттауэй, Арчер Джонс и Уильям Стилл. *Почему Юг проиграл гражданскую войну*. Афины: Издательство Университета Джорджии, 1986.

Berlin, Ira. “Кто освободил рабов? Эмансипация и ее значение”. В *“Союз и эмансипация: Очерки политики и расы в эпоху гражданской войны”*, под редакцией Дэвида У. Блайт и Брукс Д. Симпсон, 105-22. Кент, Огайо: Издательство Кентского государственного университета, 1997.

Берлин, Ира, Барбара Дж. Филдс, Таволия Глимф и Джозеф П. Рейди, ред. *Уничтожение рабства*. Свобода: документальная история эмансипации, 1861-1867, серия 1, том 1, под редакцией Айры Берлин. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 1985.

Берлин, Ира, Таволия Глимф, Стивен Ф. Миллер и Джозеф П. Рейди, ред. *Генезис свободного труда военного времени: Нижний Юг*. Свобода: документальная история эмансипации, 1861-1867, серия 1, том 3, под редакцией Айры Берлин. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 1990.

Берлин, Ира, Таволия Глимф, Стивен Ф. Миллер и Джозеф П. Рейди, ред. *Генезис свободного труда военного времени: Нижний Юг*. Свобода: документальная история эмансипации, 1861-1867, серия 1, том 3, под редакцией Айры Берлин. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 1990.

Берлин, Ира, Стивен Ф. Миллер, Джозеф П. Рейди и Лесли С. Роулэнд, ред. *Генезис свободного труда военного времени: Верхний Юг*. Свобода: документальная история эмансипации, 1861-1867, серия 1, том 2, под редакцией Айры Берлин. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 1993.

Берри, Стивен. *Дом Авраама: Линкольны и Тодды, семья, разделенная войной*. Бостон: Хоутон Миффин, 2007.

Бервангер, Юджин Х. “Конституционная дилемма Линкольна: Эмансипация и избирательное право чернокожих”. *Журнал Ассоциации авраама Линкольна* 5 (1983): 25-38.

Блэр, Фрэнк П. *Судьба рас этого континента: обращение, произнесенное перед Ассоциацией коммерческих библиотек Бостона, Массачусетс; 26 января 1859 г.* Вашингтон, округ Колумбия: Бьюэлл и Бланшар, 1859.

Блэр, Монтгомери. *Почетное письмо. Монтгомери Блэр, генеральный почтмейстер, на собрании, состоявшемся в Институте Купера, Нью-Йорк, 6 марта 1862 года*. Вашингтон, округ Колумбия: Напечатано в офисе Конгресса "Глобус", 1862. Библиотека Конгресса, Отдел

редких книг и специальных коллекций, коллекция афроамериканских брошюр.

<http://memory.loc.gov/ammem/aaphtml/rbaapcbibTitles02.html>.

———. *Речь достопочтенного . Монтгомери Блэр (генеральный почтмейстер), о революционных планах ультрааболиционистов и в защиту политики президента, выступил на собрании Безусловного профсоюза, состоявшемся в Роквилле, штат Монтгомери, штат Мэриленд, в субботу, 3 октября 1863 года.* Нью-Йорк: Д. У. Ли, 1863.

Боритт, Габор С. “Мечтал ли он о Лилейно-белой Америке?” В *“Загадке Линкольна: Меняющиеся лица американской иконы”*, 1-19. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 2001.

———. *Геттисбергское Евангелие.* New York: Simon & Schuster, 2007.

Брейс, Чарльз Лоринг. *Расы Старого Света: Руководство по этнологии.* Нью-Йорк: К. Скрибнер, 1863.

Брюер, Джеймс Х. *Негр-конфедерат: ремесленники и военные работники Вирджинии, 1861-1865.* Дарем, Северная Каролина: Издательство Университета Дьюка, 1969.

Бриджес, Роджер Д. “Черные коды Иллинойса”. *Учитель истории Иллинойса* 3, № 2 (1996): 2-12. <http://www.lib.niu.edu/ipo/1996/ih329602.html>.

Браун, Дэвид. *Изгой с Юга: помощник Хинтона Роуэна и надвигающийся кризис Юга.* Батон-Руж: Издательство Университета штата Луизиана, 2006.

Батлер, Линдли С. и Алан Д. Уотсон. *Опыт Северной Каролины: интерпретирующая и документальная история.* Чапел-Хилл: Издательство Университета Северной Каролины, 1984.

Кейбл, Джордж Вашингтон. *Негритянский вопрос: Подборка работ о гражданских правах на Юге.* Под редакцией Арлин Тернер. Нью-Йорк: Doubleday, 1958.

Кэмпбелл, Джон Арчибальд. *Воспоминания и документы, относящиеся к Гражданской войне 1865 года.* Балтимор: J. Murphy & Co., 1887.

Каруардайн, Ричард. *Линкольн: жизнь, полная цели и силы.* New York: Knopf, 2006.

Чемберс, Х.К. “Речь достопочтенного Х. К. Чемберса из Миссисипи в Палате представителей CSA, 10 ноября 1864 года”. В *“Отпечатках Конфедерации”, 1861-1865*, бобина 93.

Чивер, преподобный Джордж Б. *Права цветной расы на гражданство и представительство; и вина и последствия законодательства против них: речь, произнесенная в Зале представителей Соединенных Штатов в Вашингтоне, округ Колумбия, 29 мая 1864 г.* Нью-Йорк: Фрэнсис и Лутрель, типография ..., 1864. Библиотека Конгресса, Отдел редких книг и специальных коллекций, коллекция афроамериканских брошюр.
<http://memory.loc.gov/ammem/aaphtml/rbaapcbibTitles04.html>.

Чеснат, Мэри Бойкин. *Дневник из “Дикси”.* Под редакцией Бена Эймса Уильямса. Бостон: Хоутон Миффин, 1961.

Кристи, Дэвид. *Политика с кафедры; или Церковное законодательство о рабстве в его тревожном влиянии на Американский союз.* 1862. Нью-Йорк: Издательство Негритянских университетов, 1969.

Кочин, Огюстен. *Результаты Эмансипации*. Перевод Мэри Л. Бут. 2-е изд. Бостон: Walker, Wise, & Co., 1863.

———. *Результаты рабства*. Перевод Мэри Л. Бут. Бостон: Уокер, Уайз и Компания, 1863.

Коммаджер, Генри Стил, изд. *Документы американской истории*. 2 тома. в 1. Нью-Йорк: Эпплтон-Сенчури-Крофтс, 1963.

Отпечатки Конфедерации, 1861-1865 [микроформа]: По материалам Марджори Лайл Крэндалл, "Отпечатки Конфедерации", контрольный список, 1955 [и] Ричарда Б. Харвелла, "Другие отпечатки Конфедерации", 1957. 143 катушки. Нью-Хейвен, Коннектикут: Исследовательские публикации, 1974.

Купер, Уильям Дж. *Джефферсон Дэвис: американец*. New York: Knopf, 2000.

Кокс, Лаванда К. Ф. *Линкольн и свобода черных: исследование президентского лидерства*. Колумбия: Издательство Университета Южной Каролины, 1981.

Кроли, Дэвид Гудман и Джордж Уэйкман. *Смещение рас: Теория смещения рас, применяемая к американскому белому человеку и негру*. Нью-Йорк: Х. Декстер, Гамильтон и компания, 1964.

Текущий, Ричард Н. *"Линкольн, которого никто не знает"*. 1958 год. Вестпорт, Коннектикут: Гринвуд, 1980.

Дарган, Э. С. "Речь Э. С. Даргана на Съезде об отделении штата Алабама, 11 января 1861 года". AmericanCivilWar.com . http://www.americancivilwar.com/documents/dargan_speech.html.

Дэвис, Генри Уинтер. *Речи и обращения, произнесенные Генри Уинтером Дэвисом в Конгрессе Соединенных Штатов и на нескольких публичных мероприятиях*. Нью-Йорк: Harper & Brothers, 1867.

Дэвис, Джефферсон. *Джефферсон Дэвис, конституционалист: Его письма, статьи и речи*. Под редакцией Данбара Роуланда. 10 томов. Нью-Йорк: Дж.Дж. Литтл и Айвз для Департамента архивов и истории Миссисипи, 1923.

"Заявления о причинах отделения государств: Гражданская война в Грузии". AmericanCivilWar.com . http://www.americancivilwar.com/documents/causes_georgia.html.

"Заявления о причинах отделения штатов: Гражданская война в Миссисипи". AmericanCivilWar.com . http://www.americancivilwar.com/documents/causes_mississippi.html.

"Заявления о причинах отделения штатов: гражданская война в Южной Каролине". AmericanCivilWar.com . http://www.americancivilwar.com/documents/causes_south_carolina.html.

"Заявления о причинах отделения штатов: Техас". AmericanCivilWar.com . http://www.americancivilwar.com/documents/causes_texas.html.

Дью, Чарльз Б. *Апостолы разобщенности: уполномоченные по отделению Юга и причины гражданской войны*. Шарлоттсвилл: Издательство Университета Вирджинии, 2001.

Диллард, Филип Д. "Независимость или рабство: дебаты Конфедерации по поводу вооружения рабов". Докторская диссертация, Университет Райса, 1999.

Дональд, Дэвид Герберт. *Чарльз Самнер и начало гражданской войны*. New York: Knopf, 1960.

———. *Чарльз Самнер и права человека*. New York: Knopf, 1970.

———. *Линкольн*. New York: Simon & Schuster, 1995.

Дуглас, Фредерик. *Ежемесячник Дугласа [1859-1863]*. Нью-Йорк: Издательство Негритянских университетов, 1969.

———. “Настоящее и будущее цветной расы”. *Ежемесячник Дугласа*, июнь 1863г.

Дреер, Дэниел И. *Проповедь, произнесенная преподобным Дэниелом И. Дреером, пастором Церкви Святого Джеймса, Конкорд, Северная Каролина, 13 июня 1861 г.: День унижения и молитвы, согласно назначению президента Конфедеративных Штатов Америки*. Солсбери: Напечатано в офисе Watchman, 1861. Документирование американского Юга. 2000.

<http://docsouth.unc.edu/imls/dreher/menu.html>.

Дерден, Роберт Ф. *Серое и черное: дебаты Конфедерации об эмансипации*. Батон-Руж: Издательство Университета штата Луизиана, 1972.

Итон, Клемент. *Джефферсон Дэвис*. Нью-Йорк: Свободная пресса, 1977.

“Стол редактора”. *Южный литературный вестник* 37 (март 1863 г.): 180-91. Создание цифровой библиотеки Америки. <http://quod.lib.umich.edu/m/oaajrn/browse/journals/sout.html>.

Эдмондстон, Кэтрин Энн. *“Дневник секешской леди”: Дневник Кэтрин Энн Деверо Эдмондстон, 1860-1866*. Под редакцией Бет Г. Крэбтри и Джеймса В. Паттона. Роли, Северная Каролина: Отдел архивов и истории Департамента культурных ресурсов, 1979.

Эллиотт, Стивен. *Дилемма Эзры [так в оригинале]. Проповедь, произнесенная в Крайст-Черч, Саванна, в пятницу, 21 августа 1863 года, в День унижения, поста и молитвы, назначенный президентом Конфедеративных штатов*. Саванна: Издательство Power Press Джорджа М. Николса, 1863. Документирование американского Юга. 2000.

<http://docsouth.unc.edu/imls/elliotttezra/menu.html>.

———. *Заупокойные службы при погребении преподобного Леонидаса Полка, доктора философии, вместе с проповедью, произнесенной в церкви Святого Павла, Огаста, Джорджия, 29 июня 1864 года: в праздник святого апостола Петра*. Колумбия: Напечатано издательством Evans & Cogswell, 1864. Документирование американского Юга. 1999.

<http://docsouth.unc.edu/imls/elliotts2/menu.html>.

———. *Молодое вино нельзя наливать в Старые бутылки. Проповедь, произнесенная в Крайст-Черч, Саванна, в пятницу, 28 февраля 1862 года, в День унижения, поста и молитвы, назначенный президентом Конфедеративных штатов*. Саванна: Паровой пресс Джона М. Купера, 1862 год. Документирование американского Юга. 2000.

<http://docsouth.unc.edu/imls/elliott/menu.html>.

———. *Наше дело в гармонии с Целями Бога во Христе Иисусе. Проповедь, произнесенная в Церкви Христа, Саванна, в четверг, 18 сентября 1862 года, в День, установленный Президентом Конфедеративных Штатов, как День Молитвы и благодарения за наши Многочисленные Победы, и особенно за Поля Манассаса и Ричмонда, Кентукки*. Саванна:

Издательство Джона М. Купера, 1862. Документирование американского Юга. 2000.
<http://docsouth.unc.edu/imls/elliott5/menu.html>.

———. *“Загадка Самсона”. Проповедь, произнесенная в Крайст-Черч, Саванна, в пятницу, 27 марта 1863 года, в День унижения, поста и молитвы, назначенный президентом Конфедеративных штатов.* Мейкон: Берк, Бойкин, 1863. Документирование американского Юга. 2000. <http://docsouth.unc.edu/imls/samson/menu.html>.

———. *Тщетна Помощь Человека. Проповедь, произнесенная в Церкви Христа, Саванна, в четверг, 15 сентября 1864 года, в День Поста, унижения и молитвы, назначенный губернатором штата Джорджия.* Мейкон: Берк, Бойкин, 1864. Документирование американского Юга. 1999. <http://docsouth.unc.edu/imls/elliotts/menu.html>.

Семейные документы Эллиота и Гонсалеса: личная переписка, 1861-1865. Электронное издание. Документирование американского Юга. 2000.
<http://docsouth.unc.edu/imls/gonzales/gonzales.html>.

Эллис, Джон У. *Речь distinguished. Джон В. Эллис, произнесенное перед съездом Демократической партии штата в Роли, 9 марта 1860 года.* Роли: офисная печать “Standard”, 1860 год. Документируя американский Юг. 2002.
<http://docsouth.unc.edu/nc/ellis/menu.html>.

Эскотт, Пол Д. *После отделения: Джефферсон Дэвис и крах конфедеративного национализма.* Батон-Руж: Издательство Университета штата Луизиана, 1978.

———. *Много замечательных людей: власть и привилегии в Северной Каролине, 1850-1900гг.* Чапел-Хилл: Издательство Университета Северной Каролины, 1985.

———. *Военная необходимость: военно-гражданские отношения в Конфедерации.* Вестпорт, Коннектикут: Praeger Security International, 2006.

———. *Память о рабстве: Хроника рассказов о рабах двадцатого века.* Чапел-Хилл: Издательство Университета Северной Каролины, 1978.

Факты о вольноотпущенниках. Их способности и их судьба. Собраны и опубликованы Лигой освобождения. Бостон: Издательство коммерческой типографии, 1863. Библиотека Конгресса, Отдел редких книг и специальных коллекций, коллекция афроамериканских брошюр.
<http://memory.loc.gov/ammem/aaphtml/rbaapcbibTitles02.html>.

“Фауст”, Дрю Гилпин. Джеймс Генри Хэммонд и Старый Юг: путь к мастерству. Батон-Руж: Издательство Университета штата Луизиана, 1982.

———. *Матери изобретения: женщины рабовладельческого Юга в гражданской войне в Америке Civil War.* Чапел-Хилл: Издательство Университета Северной Каролины, 1996.

Ференбахер, Дон Э. *“Разобщенность и воссоединение”. В “Реконструкции американской истории”, под редакцией Джона Хайама, 98-118.* Лондон: Хатчинсон, 1962.

Финкельман, Пол, ред. *Дред Скотт против Сэндфорда: краткая история с документами.* Бостон: Бедфорд Букс, 1997.

———. “Уклонение от исполнения Указа: сохранение рабства в Индиане и Иллинойсе”. *Журнал Ранней Республики* 9 (Весна 1989 г.): 21-51.

———. “Рабство и Северо-Западный указ: исследование двусмысленности”. *Журнал Ранней Республики* 6 (Зима 1986 г.): 343-70.

Финни, Гордон Э. “Движение против рабства на Верхнем Юге до 1840 года”. *Журнал истории Юга* 35 (август 1969): 319-42.

Фишер, Сидни. *Расовые законы в связи с рабством*. Филадельфия: У. П. Хазард, 1860.

Фицхью, Джордж. “Революции 1776 и 1861 годов отличались друг от друга”. *Южный литературный вестник* 37 (декабрь 1863 г.): 718-26. Создание цифровой библиотеки Америки. <http://quod.lib.umich.edu/m/moajrnl/browse.journals/sout.html>.

Привет, Эрик. *Свободная земля, свободный труд, Свободные люди: идеология Республиканской партии перед Гражданской войной*. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 1970.

[Форман, Джейкоб Гилберт]. *Западная санитарная комиссия; очерк ее происхождения, истории, помощи больным и раненым западных армий и помощи, оказываемой вольноотпущенникам и беженцам из Союза, с эпизодами из больничной жизни*. Сент-Луис: R. P. Studley & Co. для санитарной ярмарки в долине Миссисипи, 1864 год.

Фредриксон, Джордж М. *Черный образ в сознании белых: дебаты об афроамериканском характере и судьбе, 1817-1914*. Нью-Йорк: Harper & Row, 1971.

———. “Мужчина, но не брат”. *Журнал Южной истории* 41 (февраль 1975 г.): 39-58.

Фрилинг, Уильям У. *Прелюдия к гражданской войне: спор о признании недействительным в Южной Каролине, 1816-1836гг.* Нью-Йорк: Harper & Row, 1966.

———. *Реинтеграция американской истории: рабство и гражданская война*. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 1994.

———. *Путь к разобщению*. В 2 т. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 1990-2007.

Фримантл, Артур Джеймс Лайон. *Три месяца в Южных Штатах: апрель, июнь 1863 года*. Моб.: С. Х. Гетцель, 1864. Документирование американского Юга. 2000. <http://docsouth.unc.edu/imls/fremantle/menu.html>.

Дженовезе, Юджин Д. *Ролл, Джордан, Ролл: мир, созданный рабами*. 1974. Нью-Йорк: Винтаж, 1976.

———. *Мир, созданный рабовладельцами: два эссе в интерпретации*. 1969. Нью-Йорк: Винтаж, 1971.

Гертейс, Луи С. *От контрабанды к вольноотпущеннику: федеральная политика в отношении чернокожих южан, 1861-1865*. Вестпорт, Коннектикут: Гринвуд, 1973.

Джинапп, Уильям Э. *Истоки Республиканской партии, 1852-1856*. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 1987.

Гудвин, Дорис Кернс. *Команда соперников: политический гений Авраама Линкольна*. New York: Simon & Schuster, 2005.

Гопник, Адам. “Ангелы и эпохи: язык Линкольна и его наследие”. *"Житель Нью-Йорка"*, 28 мая 2007 г., стр. 30-37.

Гринберг, Кеннет С. *Хозяева и государственные деятели: Политическая культура американского рабства*. Балтимор: Издательство Университета Джона Хопкинса, 1985.

Гельцо, Аллен. *Авраам Линкольн: президент-искупитель*. Гранд-Рапидс, Мичиган: В. Б. Эрдманс, 1999.

———. “Защищаю Эмансипацию”. *История гражданской войны* 48, № 4 (2002): 313-37.

Холл, преподобный Уильям А. *Историческое значение Южной революции. Лекция, прочитанная по приглашению в Питерсберге, Вирджиния, 14 марта и 29 апреля 1864 года. И в Ричмонде, Вирджиния, 7 и 21 апреля 1864 года*. Петербург: Напечатано А. Ф. Кратчфилдом, 1864. Документирование американского Юга. 2000. <http://docsouth.unc.edu/impls/hall/menu.html>.

Хардинг, Винсент. *Там есть река: Борьба черных за свободу в Америке*. Нью-Йорк: Харкорт, Брейс, Йованович, 1981.

Харрис, Уильям К. “Конференция на Хэмптон-роудс: последнее испытание президентского лидерства Линкольна”. *Журнал Ассоциации Авраама Линкольна* 21 (Зима 2000 г.): 31-61.

———. *С благотворительностью для всех: Линкольн и восстановление Союза*. Лексингтон: Издательство Университета Кентукки, 1997.

Помощник, Хинтон Роуэн. *Надвигающийся кризис на Юге: как с ним справиться*. 1857 год. Нью-Йорк: Collier Books, 1963.

Генри, Г. А. “Политика использования негритянских войск”, 4 января 1865 г. В *"отпечатках Конфедерации"*, бобина 93.

Хепворт, Джордж Х. *Кнут, мотыга и меч: или Департамент Персидского залива в 63-м году*. Бостон: Уокер, Уайз и Компания, 1864.

Германн, Джанет Шарп. *Джозеф Э. Дэвис: Патриарх-первопроходец*. Джексон: Издательство Университета Миссисипи, 1990.

Хесселтайн, Уильям Б. *План реконструкции Линкольна*. Таскалуса, Алабама: Конфедерация, 1960.

Hofstadter, Richard. *Американская политическая традиция и люди, которые ее создали*. New York: Knopf, 1948.

Холт, Майкл Ф. *Политические партии и политическое развитие Америки: от эпохи Джексона до эпохи Линкольна*. Батон-Руж: Издательство Университета штата Луизиана, 1992.

Хопкинс, Джон Генри. *Библейский, церковный и исторический взгляд на рабство со времен патриархата Авраама до девятнадцатого века*. Адресовано правому преп. Алонзо Поттер. Нью-Йорк: W. I. Pooley & Co., 1864.

Хантер, Р. М. Т. “Комиссия по установлению мира 1865 года”. *Документы Южного исторического общества* 3 (январь–июнь 1877 г.): 168-76.

Хайман, Гарольд М. “Джонсон, Стэнтон и Грант: пересмотр роли армии в событиях, приведших к импичменту”. *Американское историческое обозрение* 66 (октябрь 1960 г.): 85-100.

Периодические издания Иллинойса онлайн. <http://www.lib.niu.edu/perlist.html>.

Джеффри А. “Европейская иммиграция и пуританство Новой Англии”. *Южный литературный вестник* 37 (август 1863 г.): 463-72. Создание цифровой библиотеки Америки. <http://quod.lib.umich.edu/m/moajrnl/browse.journals/sout.html>.

Дженкинс, Уильям Самнер. *Мысль о рабстве на Старом Юге*. Чапел-Хилл: Издательство Университета Северной Каролины, 1935.

Джонсон, Дональд Брюс, сост. *Платформы национальных партий*. 2 тома. Урбана: Издательство Иллинойского университета, 1978.

Джонсон, Ладвелл Х. “Решение Линкольном проблемы условий мира, 1864-1865”. *Журнал Южной истории* 34 (ноябрь 1968): 576-86.

Джонсон, Майкл П. *На пути к патриархальной республике: Отделение Грузии*. Батон-Руж: Издательство Университета штата Луизиана, 1977.

Джонсон, Уолтер. *Душа за душой: Жизнь на довоенном рынке рабов*. Кембридж: Издательство Гарвардского университета, 1999.

Джонс, преподобный Чарльз Колкок. *Религиозное воспитание негров. Обращение, произнесенное перед Генеральной ассамблеей Пресвитерианской церкви в Огасте, Джорджия, 10 декабря 1861 года*. Опубликовано по распоряжению Генеральной Ассамблеи в 1862 году. Коллекция Сэмюэля Дж. Мэя против рабства, Библиотека Корнельского университета. 2006. http://dlxs.library.cornell.edu/m/mayantislavery/browse_J.html.

Каплан, Сидни. “Проблема смешанного происхождения на выборах 1864 года”. *Журнал негритянской истории* 34 (июль 1949): 274-343.

Кин, Роберт Чесночный Хилл. *Внутри правительства Конфедерации: Дневник Роберта Гарлика Хилла Кина, главы Военного бюро*. Отредактировано Эдвардом Янгером. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 1957.

Кеннан, Джордж Ф. *Американская дипломатия*. Опытное издание. Чикаго: Издательство Чикагского университета, 1984.

Семья Кимберли: личная переписка, 1862-1864. Электронное издание. Документирование американского Юга. 2000. <http://docsouth.unc.edu/impls/kimberly/menu.html>.

Кирк, Эдмунд [Дж. Р. Гилмор]. *Среди сосен: или на юг во времена Раскола*. Нью-Йорк: Дж. Р. Гилмор, 1862.

Лэнгдон, С. С. “Вопрос о найме негра в качестве солдата! Обсуждается нецелесообразность предлагаемой меры”. В *"отпечатках Конфедерации"*, бобина 93.

Лефлер, Хью Талмедж и Альберт Рэй Ньюсом. *Северная Каролина: История Южного штата*. 3-е изд. Чапел-Хилл: Издательство Университета Северной Каролины, 1973.

Левин, Брюс К. *Освобождение Конфедерации: планы Юга по освобождению рабов и вооружению их во время Гражданской войны*. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 2005.

Лайтнер, Дэвид. “Авраам Линкольн и идеал равенства”. *Журнал Исторического общества штата Иллинойс* 75 (Зима 1982 г.): 289-308.

Линкольн, Абрахам. *Собрание сочинений Авраама Линкольна*. Под редакцией Роя П. Баслера. 9 томов. Нью-Брансуик, Нью-Джерси: Издательство Ратгерского университета, 1953.

———. *Это огненное испытание: речи и труды Авраама Линкольна*. Под редакцией Уильяма Э. Джинаппа. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 2002.

Мэннинг, Чандра. *Чем закончилась эта жестокая война: солдаты, рабство и гражданская война*. 2007 год. Нью-Йорк: Винтаж, 2008.

Мазур, Кейт. “Редкий феномен филологической растительности”: слово “Контрабанда” и значение Эмансипации в Соединенных Штатах”. *Журнал американской истории* 93 (март 2007): 1050-84.

Маккрэри, Пейтон. *Авраам Линкольн и реконструкция: Луизианский эксперимент*. Принстон, Нью-Джерси: Издательство Принстонского университета, 1978.

Макэлрой, Роберт Макнатт. *Джефферсон Дэвис: Нереальное и реальное*. Нью-Йорк: Harper & Brothers, 1937.

Макгилл, Александр Т. *Рука Бога с черной расой: выступление перед Обществом колонизации Пенсильвании*. Филадельфия: У. Ф. Геддес, печатник, 1862. Библиотека Конгресса, Отдел редких книг и специальных коллекций, Коллекция афроамериканских брошюр.
<http://memory.loc.gov/ammem/aaphtml/rbaapcbibTitles02.html>.

Макгуайр, Джудит У. *Дневник беженки с Юга во время войны, написанный леди из Вирджинии*. 1867. Линкольн: Издательство Университета Небраски, 1995.

Маккей, Джеймс. *Господство и его плоды: Освобожденный раб лицом к лицу со своим Старым Хозяином; дополнительный отчет достопочтенному. Эдвин М. Стэнтон, военный министр*. Нью-Йорк: Wm. C. Bryant & Co., 1864.

Маккитрик, Эрик Л., изд. *Защита рабства: взгляды Старого Юга*. Энглвуд-Клиффс, Нью-Джерси: Прентис-Холл, 1963.

Макманус, Майкл Дж. “Сначала свобода, а потом союз”: права штата и Республиканская партия Висконсина, 1854-1861”. В *"Союз и эмансипация: Очерки политики и расы в эпоху гражданской войны"*, под редакцией Дэвида У. Блайт и Брукс Д. Симпсон, 29-56. Кент, Огайо: Издательство Кентского государственного университета, 1997.

Макферсон, Джеймс М. *Боевой клич свободы: эпоха Гражданской войны*. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 1988.

———. “Мог ли Юг Победить?” *“Нью-Йорк Ревью оф Букс”*, 13 июня 2002 г., 24.

---. “Освобождение линкольна”. *“Нью-Йорк Ревью оф Букс”*, 21 апреля 1994 г., 7.

———. *Гражданская война негров: Что чувствовали и действовали американские негры во время войны за Союз*. Нью-Йорк: Пантеон, 1965.

———. *Испытание огнем: Гражданская война и реконструкция*. New York: Knopf, 1982.

———. *Борьба за равенство: аболиционисты и негры в гражданской войне и восстановлении*. Принстон, Нью-Джерси: Издательство Принстонского университета, 1964.

———. “Что он на самом деле думал о расах?” Обзор книги *“Радикал и республиканец: Фредерик Дуглас, Авраам Линкольн и триумф политики борьбы с рабством”*, Джеймса Оукса. *“Нью-Йорк Ревью оф Букс”*, 29 марта 2007 г.

Майлз, Джеймс Уорли. *Бог в истории, Речь, произнесенная перед выпускным классом Чарльстонского колледжа воскресным вечером 29 марта 1863 года*. Чарльстон: Паровой пресс фирмы Evans & Cogswell, 1863. Документирование американского Юга. 1999. <http://docsouth.unc.edu/imls/miles/menu.html>.

Смешение поколений, одобренное Республиканской партией. Документ кампании, № 11. [Нью-Йорк?: Н.р., 1864?]. Библиотека Конгресса, Отдел редких книг и специальных коллекций, коллекция афроамериканских брошюр. <http://memory.loc.gov/ammem/aaphtml/rbaapcbibTitles03.html>.

Макким, Дж. Миллер. *Вольноотпущенники Южной Каролины. Произнесено обращение . . . 9 июля 1862 года . . .* Филадельфия: У. П. Хазард, 1862. Библиотека Конгресса, Отдел редких книг и специальных коллекций, Коллекция афроамериканских брошюр. <http://memory.loc.gov/ammem/aaphtml/rbaapcbibTitles02.html>.

Мор, Кларенс Л. *На пороге свободы: хозяева и рабы в гражданской войне в Грузии*. Батон-Руж: Издательство Университета штата Луизиана, 2001.

Мур, Т. В. *Бог - наше Прибежище и Сила в этой войне. Речь перед прихожанами Первой и Второй пресвитерианских церквей в День унижения, поста и молитвы, назначенный президентом Дэвисом на пятницу, 15 ноября 1861 г.* Ричмонд: У. Харгрейв Уайт, 1861. Документирование американского Юга. 1999. <http://docsouth.unc.edu/imls/mooretv/menu.html>.

Майерс, Роберт Мэнсон. *Дети прайда: правдивая история Джорджии и гражданской войны*. Нью-Хейвен, Коннектикут: Издательство Йельского университета, 1972.

Нили, Марк Э. *Последняя надежда Земли: Авраам Линкольн и Обещание Америки*. Кембридж: Издательство Гарвардского университета, 1993.

Нельсон, Ларри Э. *Пули, избирательные бюллетени и риторика: политика Конфедерации в отношении президентских выборов в Соединенных Штатах 1864 года*. Университет: Издательство Университета Алабамы, 1980.

Нолан, Алан Т. *Ли Рассмотрел: генерал Роберт Э. Ли и история гражданской войны*. Чапел-Хилл: Издательство Университета Северной Каролины, 1991.

Нортап, Соломон. *Двенадцать лет рабства*. Под редакцией Сью Икин и Джозефа Логсдона. Батон-Руж: Издательство Университета штата Луизиана, 1968.

Оукс, Джеймс. *Радикал и республиканец: Фредерик Дуглас, Авраам Линкольн и триумф политики борьбы с рабством*. Нью-Йорк: Нортон, 2007.

Оутс, Стивен. *Авраам Линкольн, Человек, стоящий за мифами*. Нью-Йорк: Harper & Row, 1984.

———. *Наше пламенное испытание: Авраам Линкольн, Джон Браун и эпоха Гражданской войны*. Амхерст: Издательство Массачусетского университета, 1979.

“Постановления об отделении: 13 Конфедеративных штатов Америки”. AmericanCivilWar.com . http://www.americancivilwar.com/documents/ordinance_secession.html.

Оуэн, Роберт Дейл. *Неправильность рабства, право на эмансипацию и будущее африканской расы в Соединенных Штатах*. Филадельфия: J. B. Lippincott & Co., 1864.

Палмер, Бенджамин Морган. *Выступление перед Генеральной Ассамблеей Южной Каролины 10 декабря 1863 года, Назначенное Законодательным собранием как День поста, унижения и молитвы*. Колумбия: Чарльз П. Пелхэм, государственный печатник, 1864. Документирование американского Юга. 2000. <http://docsouth.unc.edu/imls/palmdisc/menu.html>.

Палудан, Филипп С. *Президентство Авраама Линкольна*. Лоуренс: Издательство Канзасского университета, 1994.

Пастырское послание епископов протестантской епископальной церкви духовенству и мирянам Церкви в Конфедеративных Штатах Америки, произнесенное перед Генеральным советом в церкви Святого Павла, Огаста, суббота, 22 ноября 1862 г. Augusta: Steam Power Press Chronicle & Sentinel, 1862. Документирование американского Юга. 1999. <http://docsouth.unc.edu/imls/pastoral/menu.html>.

Перман, Майкл. *Эмансипация и реконструкция: 1862-1879*. Арлингтон-Хайтс, Иллинойс: Харлан Дэвидсон, 1987.

Петерсон, Меррилл. *Линкольн в памяти американцев*. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 1994.

Филлипс, Уэнделл. *Насущный вопрос: речь Уэнделла Филлипса на ежегодном собрании Массачусетского общества борьбы с рабством в Бостоне*. Библиотека Конгресса, Отдел редких книг и специальных коллекций, Коллекция афроамериканских брошюр. <http://memory.loc.gov/ammem/aaphtml/rbaapcbibTitles02.html>.

———. “Состояние страны”. В *речах, лекциях и письмах*. Бостон: Ли и Шепард, 1862. Создание цифровой библиотеки Америки. 2005. <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=moa;idno=ABT7101>.

Пирс, Джордж Ф. *Слово Божье - жизнь нации. Проповедь, произнесенная перед Библейским съездом Конфедеративных Штатов, Огаста, Джорджия, 19 марта 1862 года*. Augusta:

Напечатано в редакции the Constitutionalist, 1862. Документирование американского Юга. 1999.
<http://docsouth.unc.edu/imls/pierce/menu.html>.

Поттер, Дэвид М. *Линкольн и его партия в кризис отделения*. Нью-Хейвен, Коннектикут: Издательство Йельского университета, 1942.

Пауэлл, Уильям С., изд. *Биографический словарь Северной Каролины*. 6 томов. Чапел-Хилл: Издательство Университета Северной Каролины, 1979-96.

Прессли, Томас. *Американцы интерпретируют свою гражданскую войну*. Нью-Йорк: Свободная пресса, 1965.

Материалы собрания в Чарльстоне, Южная Каролина, 13-15 мая 1845 г., посвященного религиозному воспитанию негров . . . Чарльстон: Напечатано Б. Дженкинсом, 1845. Библиотека Конгресса, Отдел редких книг и специальных коллекций, Коллекция афроамериканских брошюр. <http://memory.loc.gov/ammem/aaphtml/rbaapcbibTitles03.html>.

Патнэм, Мэри Лоуэлл. *История безвестного человека*. Бостон: Тикнор и Филдс, 1861.

Куорлз, Бенджамин. *Линкольн и негр*. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 1962.

Рафузе, Итан Сепп. *Война Макклеллана: провал умеренности в борьбе за Союз*. Блумингтон: Издательство Университета Индианы, 2005.

Рэнк, Джеймс Бирн. *Альберт Галлатин Браун: радикальный южный националист*. 1937 год. Филадельфия: Дикобраз, 1974.

Рэндалл, Джеймс Г. и Ричард Н. Ток. *Линкольн, президент*. Том 4, *Последняя полная мера*. Нью-Йорк: Додд, Мид, 1955.

Рипли, К. Питер, изд. *Газеты черных аболиционистов*. 5 томов. Чапел-Хилл: Издательство Университета Северной Каролины, 1985-92.

Рорк, Джеймс Л. *Хозяева без рабов: южные плантаторы в гражданской войне и реконструкции*. Нью-Йорк: Нортон, 1977.

Рорабо, У. Дж. *Ученик ремесленника: от Франклина до машинного века в Америке*. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 1986.

Роуз, Вилли Ли. *Репетиция реконструкции: эксперимент в Порт-Рояле*. Индианаполис: Боббс-Меррилл, 1964.

Раффин, Томас. *Документы Томаса Раффина*. Под редакцией Дж. Г. де Рульяка Гамильтона. 4 тома. Роли: Эдвардс и Бротон, 1918-20.

Сэвитт, Тодд Ли. *Медицина и рабство: болезни и медицинское обслуживание чернокожих в Довоенной Вирджинии*. Урбана: Издательство Иллинойского университета, 1978.

Шотт, Томас Э. *Александр Х. Стивенс из Джорджии*. Батон-Руж: Издательство Университета штата Луизиана, 1988.

Schultz, Ronald. "Дьяволы печатников: упадок ученичества в Америке". Рецензия на книгу *"Ученик ремесленника от Франклина до века машин в Америке"*, У. Дж. Рорабо. *Обзоры американской истории* 15 (июнь 1987): 226-31.

Скотт, Эбен Гриноу. *Реконструкция во время Гражданской войны в Соединенных Штатах Америки*. Бостон: Houghton Mifflin & Co., 1895.

Селлерс, Чарльз Гриер, изд. *Южанин как американец*. Чапел-Хилл: Издательство Университета Северной Каролины, 1960.

———. "Муки рабства". В *"Южанин как американец"*, под редакцией Чарльза Грира Селларса. Чапел-Хилл: Издательство Университета Северной Каролины, 1960.

Сьюард, Уильям Х. *Работы Уильяма Х. Сьюарда*. Под редакцией Джорджа Э. Бейкера. Бостон: Хоутон Миффин, 1890.

Сьюэлл, Уильям Грант. *Испытание свободным трудом в Британской Вест-Индии*. Нью-Йорк: Harper & Brothers, 1861.

Силби, Джоэл Х. *Респектабельное меньшинство: Демократическая партия в эпоху Гражданской войны 1860-1868гг.* Нью-Йорк: Нортон, 1977.

"Закон о браке рабов". *Южное пресвитерианское обозрение* 16 (октябрь 1863 г.): 145-62.

Следд, Роберт Ньютон. *Проповедь, произнесенная на Маркет-стрит, церковь М.Э., Петербург, Вирджиния: Перед кадетами Конфедерации по случаю их отъезда на место боевых действий, воскресенье, 22 сентября 1861 г.* Петербург: A. F. Crutchfield & Co., 1861. Документирование американского Юга. 1999. <http://docsouth.unc.edu/imls/sledd/menu.html>.

Смит, Элберт Б. *Фрэнсис Престон Блэр*. Нью-Йорк: Свободная пресса, 1980.

Смит, преподобный Томас. "Подтвержденная война на Юге", *Южное пресвитерианское обозрение* 15 (апрель 1863 г.): 479-514.

Стэмпп, Кеннет М. *Своеобразный институт: рабство на довоенном Юге*. New York: Knopf, 1956.

Стэнтон, Уильям Раган. *Пятна леопарда: научное отношение к расе в Америке, 1815-59*. Чикаго: Издательство Чикагского университета, 1960.

Стивенс, Александр Х. *Конституционный взгляд на позднюю войну между Штатами: ее причины, характер, поведение и результаты: представлены в серии коллоквиумов в Либерти-Холле*. 2 тома. Чикаго: Зиглер, Маккарди и Компания, 1868 (том 1); Филадельфия: Нэшнл, 1870 (том 2).

Стивенсон, Н. У. "Вопрос о вооружении рабов". *Американское историческое обозрение* 18 (январь 1913): 295-308.

Стрикленд, Арварх Э. "Иллинойская подоплека отношения Линкольна к рабству и неграм". *Журнал Исторического общества штата Иллинойс* 56 (Осень 1963 г.): 474-94.

Стринер, Ричард. *Отец Авраам: неустанная борьба Линкольна за прекращение рабства*. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 2006.

Томас, Бенджамин П. *Авраам Линкольн: Биография*. New York: Knopf, 1952.

Томас, Бенджамин П. и Гарольд М. Хайман. *Стэнтон: жизнь и времена военного министра Линкольна*. New York: Knopf, 1962.

Томас, Эмори М. *Конфедерация как революционный опыт*. Энглвуд-Клиффс, Нью-Джерси: Прентис-Холл, 1970.

———. *Конфедеративная нация, 1861-1865*. Нью-Йорк: Harper & Row, 1979.

Торнуэлл, Джеймс Хенли. *Состояние страны: статья, переизданная из Southern Presbyterian Review*. Колумбия: Южный страж, издательство Steam-Power Press, 1861. Документирование американского Юга. <http://docsouth.unc.edu/imls/thornwel1/menu.html>.

Тайз, Ларри Э. *Прорабство: история защиты рабства в Америке, 1701-1840*. Афины: Издательство Университета Джорджии, 1987.

Трефусс, Ханс Луи. *Радикальные республиканцы: авангард Линкольна за расовую справедливость*. New York: Knopf, 1968.

“Истинная основа политического процветания”. *Южный литературный вестник* 37 (март 1863 г.): 152-55. Создание цифровой библиотеки Америки. <http://quod.lib.umich.edu/m/moajrnl/browse.journals/sout.html>.

США. *Общие законодательные акты, Международные договоры и прокламации Соединенных Штатов Америки*. Том 12. Бостон: Литтл, Браун, 1863.

———. Бюро переписи населения. *Статистическая история Соединенных Штатов с колониальных времен до настоящего времени*. Нью-Йорк: Основные книги, 1976.

———. Военное министерство. *Война восстания: сборник официальных отчетов армий Союза и Конфедерации*. 128 томов. Вашингтон, округ Колумбия: Генеральный директор, 1880-1901.

Ван Дейзен, Глиндон Г. *Уильям Генри Сьюард*. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 1967.

Ван Эври, Джон Х. *Негры и негритянское “рабство”: первое - низшая раса; Второе - ее нормальное состояние*. Нью-Йорк: Ван Эври, Хортон и Ко., 1861.

Воегели против Жака. “Отвергнутая альтернатива: политика профсоюзов и перемещение южных “контрабандистов” на заре Эмансипации”. *Журнал истории Юга* 69 (ноябрь 2003): 765-90.

Голоса из Коннектикута за беспристрастное избирательное право. [Коннектикут?: N.p., 1865?]. Библиотека Конгресса, Отдел редких книг и специальных коллекций, Коллекция афроамериканских брошюр. <http://memory.loc.gov/ammem/aaphtml/rbaapcbibTitles04.html>.

Vorenberg, Michael. "Авраам Линкольн и политика черной колонизации". *Журнал Ассоциации Авраама Линкольна* 14 (Лето 1993 г.): 23-45.

———. *Окончательная свобода: Гражданская война, отмена рабства и Тринадцатая поправка*. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 2001.

Уоррен, Эдвард Дженнер. *Гражданам округа Бофорт*. N.p.: N.p., между 1861 и 1865 годами. Электронное издание. Документируя американский Юг. 2000.
<http://docsouth.unc.edu/imls/warrenej/warrenej.html>.

Уотербери, преподобный Дж. Б. *Дружеские советы вольноотпущенникам*. Нью-Йорк: Американское общество трактатов, [1864]. Коллекция Сэмюэля Дж. Мэя против рабства, Библиотека Корнельского университета. 2006.
http://dlxs.library.cornell.edu/m/mayantislavery/browse_W.html.

Уайтинг, Уильям. *Военные полномочия президента и законодательные полномочия Конгресса в отношении восстания, государственной измены и рабства*. 6-е изд. Бостон: Джон Л. Шори от Лиги освобождения, 1863.

Уайли, Белл Ирвин. "Движение за гуманизацию института рабства во времена Конфедерации". *Ежеквартальный отчет Университета Эмори* 5 (декабрь 1949): 207-20.

Уайли, Кэлвин Х. *Библейские взгляды на национальные испытания, или Истинный путь к независимости и миру Конфедеративных штатов Америки*. Гринсборо, Северная Каролина: Стерлинг, Кэмпбелл и Олбрайт, 1863.

Уиллс, Гарри. *Линкольн при Геттисберге: слова, которые переделали Америку*. Нью-Йорк: Пробный камень, 1992.

Уилсон, Фрэнк И. *Выступление перед Ассоциацией рабочих округа Уэйк: в здании суда в Роли, 6 февраля 1860 г.* Роли: Стандартная офисная печать, 1860 год. Документирование американского Юга. 2002. <http://docsouth.unc.edu/nc/wilsonfi/menu.html>.

Уилсон, Джозеф Р. *Взаимоотношения хозяев и рабов, как учит Библия. Речь, прочитанная в Первой пресвитерианской церкви в Огасте, штат Джорджия, субботним утром, 6 января 1861 года*. Augusta: Паровая пресса Chronicle & Sentinel, 1861. Документирование американского Юга. 1999. <http://docsouth.unc.edu/imls/wilson/menu.html>.

Уилсон, Вудроу. *Новая свобода: призыв к высвобождению Щедрой энергии Народа. С введением и примечаниями Уильяма Э. Лейхтенбурга*. Энглвуд-Клиффс, Нью-Джерси: Прентис-Холл, 1961.

Уайетт-Браун, Бертрам. *Честь южан: этика и поведение на Старом Юге*. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 1982.